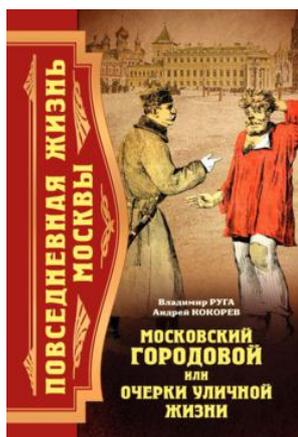

Московский городской, или Очерки уличной жизни

Введение

Российская полиция как специальное учреждение, предназначенное для поддержания общественного порядка, была создана Петром I. В мае 1718 г. царь утвердил в должности генерал-полицмейстера А.М. Девьера, снабдив его собственноручно написанной инструкцией, названной «Пунктами», а 7 июня Сенат объявил об этом жителям Санкт-Петербурга – «...дабы неведением никто не отговаривался».

В дальнейшем Петр I планировал организовать полицию и в других городах государства, поэтому свое представление о принципах ее деятельности и круге обязанностей изложил в регламенте Главному Магистрату: «...полиция особое свое состояние имеет, а именно: она споспешествует в правах и правосудии, рождает добрые порядки и нравоучения, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет, и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, чинить добрых досмотрителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно починаят, препятствует дороговизне, и приносит довольство во всем потребном к жизни человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах и все явные погрешения, призывает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных по заповедям Божиим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках; вкратце ж над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков, и фундаментальной подпор человеческой безопасности и удобства» [1 - Государство ставило высокие цели перед полицией на всем протяжении ее существования. В книге «Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России», изданной в 1913 г., было сказано: «Полицейская деятельность государства, как известно, имеет своей задачей, с одной стороны, предупреждение и пресечение действий, нарушающих существующее благосостояние, а с другой – содействие к дальнейшему развитию народного блага».]

В Москве создание полиции началось в 1722 г. с учреждения должности обер-полицмейстера, непосредственно подчинявшегося генерал-полицмейстеру. Вскоре было сформировано около десятка полицейских «команд», располагавшихся на «съезжих дворах». Руководили командами обер-офицеры, имевшие в подчинении солдат, унтер-офицеров и канцеляристов-подьячих.

В правление Екатерины II российская полиция получила сравнительно четкую структуру и законодательную основу своей деятельности. В ходе губернской реформы (1775 г.) была сделана первая попытка ясно и точно разграничить сферы деятельности местных органов власти на судебную, административную и собственно полицейскую. Следующим этапом стало принятие в 1782 г. двух важнейших документов, написанных самой императрицей, – Устава благочиния и Наказа управе благочиния. Согласно Уставу, в каждом городе должна была быть учреждена управа благочиния. В нее входили: городничий, два пристава (уголовных и гражданских дел), два ратмана и стряпчий. Городскую территорию при необходимости делили на полицейско-административные единицы-части, для управления которыми в каждую из них назначали частного пристава. Части разделялись на два или более кварталов, и в каждом был квартальный надзиратель, а помощником при нем – квартальный поручик, избираемый на три года горожанами.

В Санкт-Петербурге и Москве управы благочиния возглавляли обер-полицмейстеры, а их помощниками были полицмейстеры, надзиравшие за порядком в подчиненных им частях. Других отличий в структуре

полицейские столичных городов не было: приставы руководили частями, квартальные – кварталами. Охрану порядка на улицах осуществляла полицейская стража, в которую входили будочники, городские унтер-офицеры и невооруженные служители («мушкетеры» и «хожалые»).

За два века существования полиции Российской империи в ее устройстве произошло немало изменений. Со временем вместо одной-единственной «команды» Девиера на всей территории огромной державы стали действовать «полицейские» (так во множественном числе писали в официальных документах): городская, сельская (земская), сыскная, речная, портовая, торговая и т. д. Ключевым моментом в истории российской полиции была реформа, проведенная в 60—80-е гг. XIX в. вслед за отменой крепостного права. Сформированная в тот период система правоохранительных органов практически без изменений просуществовала до весны 1917 г., когда она была ликвидирована вместе с самодержавием.

Не пытаясь объять необъятное, авторы этой книги ограничились своим интересом полицией Москвы, определив себе хронологические рамки XIX – началом XX вв. Сразу оговоримся, что предлагаемые читателям очерки не являются скрупулезным научным исследованием. Желающие ознакомиться с подробным анализом законов и других официальных документов, регламентирующих деятельность полицейских, найдут это в специальной литературе по истории российской полиции. Нас же в первую очередь интересовала «бытовая» сторона полиции, ее роль и участие в повседневной жизни города. Для воссоздания картин прошлого мы попробовали собрать воедино свидетельства современников – мемуаристов, корреспондентов газет и журналов, авторов художественных произведений, а также использовали некоторые архивные документы.

Признаемся, нам пришлось обойти вниманием некоторые категории служащих полиции: пожарных, фонарщиков, трубочистов, повивальных бабок, полицейских врачей, смотрителей полицейских домов. Если будет возможность, со временем мы постараемся ликвидировать этот пробел.

//-- * * * --//

Авторы выражают огромную благодарность кандидату исторических наук Надежде Ивановне Воскобойник за ее помощь в работе над этой книгой.

Обер-полицмейстеры

полицейский дом

Хамовнический

Полицмейстер (1884 г.)

И ей бросает оклик свой —
Такой простой, – Танеев-мейстер;
Биноклит в ложе боковой
Красавец обер-полицмейстер.

А. Белый

Большинство законов, написанных Петром I, имели вводную часть. В ней царь-реформатор подробно растолковывал подданным суть и пользу нововведений. Однако в именном указе от 19 января 1722 г. самодержец, обойдясь без преамбулы, коротко повелел: «Учинить в Москве Обер-Полицмейстера, который должен деппенденцию иметь от Генерал-Полицмейстера; а о скором решении требовать резолюцию от Члена Сенатского в Москве» [2 - Указом Екатерины II от 4 января 1780 г. московский обер-полицмейстер был переведен в прямое подчинение генерал-губернатору – «независимо от главной полиции»]. Так, наряду с Санкт-Петербургом, в Первопрестольной появился единоличный глава городской полиции.

Спустя примерно полгода первый московский обер-полицмейстер М.Т. Греков получил от царя подробную инструкцию. Этим документом, содержащим около пяти десятков пунктов, начальнику полиции предписывалось руководить всей жизнью большого города. Соблюдение норм строительства зданий, пожарная безопасность, санитария, дороги, мосты, поддержание общественного порядка – всем должен был весть обер-полицмейстер.

Такой же принцип лег в основу всех последующих законов, которыми определялись служебные обязанности московского обер-полицмейстера. Например, в «Уставе столичного города Москвы» от 1799 г. было записано:

«Обер-полицмейстер имеет в ведомстве своем всю городскую полицию и принадлежащих к оной чиновников, и за всякую неисправность отвечает Военному Губернатору. [...] Обер-полицмейстер по всему городу, Полицмейстеры по отделениям оного им вверенным, Инспекторы в частях, а унтер-инспекторы и комиссары в кварталах, на основании изданных узаконений, наблюдают все, что до благочиния, устройства, чистоты, тишины и безопасности города относится, и о всяком происшествии доносят по команде... [...]

Полиция, надзирая за всем тем, что на улицах, площадях и водах происходит, всякое случившееся неустройство приводит в порядок кротким и тихим образом».

Среди московских обер-полицмейстеров встречались разные люди. Одни промелькнули настолько незаметно, что только путем тщательных изысканий можно получить хоть какое-то представление об их деяниях. Другие были яркими личностями и талантливыми администраторами, оставившими заметный

след не только в истории Москвы, но и всей России. Например, А.Д. Балашов возглавлял Министерство полиции, а закончил карьеру в должности генерал-губернатора. Министром внутренних дел был Д.Ф. Трепов. Губернаторские посты занимали П.Н. Каверин, И.Д. Лужин, Е.О. Янковский.

Чуть больше года прослужил в Москве А.Л. Потапов (впоследствии начальник III отделения и шеф жандармов), но успел сделать много полезных нововведений. При нем для разбора мелких правонарушений в ускоренном порядке был учрежден в полиции словесный суд, полицейским чиновникам увеличили жалованье. Заметно улучшилось состояние мостовых: для их ремонта были привлечены «праздные» (по словам Герцена) солдаты московского гарнизона, которым даже платили за работу, и вполне прилично – по 40 коп. серебром в день. Полицейским будкам взамен повторяющихся названий была присвоена сплошная нумерация.

Трепов Д.Ф.

По-своему прославился в Москве Н.П. Архаров, занимавший пост обер-полицмейстера с 1772 по 1781 г. Ему горожане были искренне благодарны за отлично налаженный розыск воров. При этом москвичи не забыли и буйного поведения подчиненных обер-полицмейстера, призванных поддерживать общественный порядок. В результате русский язык обогатился словом «архаровец».

На рубеже XVIII и XIX вв. московской полицией командовал П.Н. Каверин. «Он был ума бойкого и сметливого, – писал хорошо знавший его П.А. Вяземский. – Настоящий русский ум, там, где он есть, свежий, простосердечно-хитрый и несколько лукавый...» Своей служебной деятельностью в Москве Каверин сумел угодить императору Павлу I, который отмечал его «прямо феноменальную расторопность, распорядительность и находчивость». Доволен был обер-полицмейстером и Александр I. Близкий к царскому двору граф В.А. Зубов писал Каверину из Петербурга: «Учтивым твоим поведением с публикой здесь довольны». Смысл этих слов раскрывается в свидетельствах многих современников: москвичи уважали начальника полиции за то, что он никогда не злоупотреблял служебным положением.

Совсем другую память оставил о себе А.Д. Балашов, служивший московским обер-полицмейстером в 1804–1807 гг. Сослуживец Балашова по Министерству полиции Я.И. де Санглен характеризовал его так: «...несмотря на то, что был взращен в военном мундире, имеет в себе многое из самого низкого подьяческого типа. Постыдное его лихоимство знает вся Россия. Он брал и берет немилосердно, где только можно; брал и как обер-полицмейстер, и как петербургский военный губернатор, и даже как министр полиции».

По многочисленным отзывам современников, в первой четверти XIX в. такой же популярностью, как и Н.П. Архаров, пользовался обер-полицмейстер А.С. Шульгин. Москович А.Я. Булгаков писал о нем: «...проворен, деятелен, устроил удивительно тюремный замок и пожарную команду, но деспот страшный, баламут; привязывает, а там отпирается от своих слов».

Шульгин А.С.

Высоко оценивал своего бывшего начальника чиновник полиции Л.И. Халютин: «Он оставил после себя хорошую память очень во многом. Он сделал по своему ведомству множество полезных преобразований и учредил такие порядки по управлению, из которых многие остаются без изменения до сего времени, по доказанному долготелными опытами их удобству. [...] Александр Сергеевич пользовался почти всеобщую любовью среднего и низшего сословия столицы и особенно купечества, не из раскольников; но все очень его боялись, потому что могучая рука его, сжатая в кулак и распростертая, была для многих грозна и тяжела».

Благодаря своей репутации строгого начальника, А.С. Шульгин умело поддерживал порядок в местах большого скопления народа. После открытия памятника Минину и Пожарскому сам он с гордостью констатировал: «Каково же – 100 тысяч было народу, и никто ниже пикнул». Впрочем, участник церемонии В.Я. Булгаков оценил народное безмолвие по-другому: «Парад был хорош, народу бездна. Все стены, башни, кровли, колокольни, были ими усыпаны, но все обошлось холодно и без энтузиазма, коему противился полицейский распорядок».

Однако в некоторых случаях умение, с которым А.С. Шульгин повелевал толпой, было просто незаменимо. Типичным примером может служить история, произошедшая в 1819 г., во время подъема огромного колокола на колокольню Ивана Великого.

В тот день по случаю важного события Соборная площадь Кремля была запружена москвичами. Подъем осуществлялся по обычной для того времени технологии: рядом с колокольней возвели деревянную каланчу, с помощью канатов, которые наматывали на ворота, колокол поднимали на нужную высоту, а затем втягивали на площадку звонницы. После прибытия митрополита Серафима и данного им благословения операция началась. Колокол благополучно достиг половины высоты, когда в разных концах площади внезапно раздались крики: «Иван Великий шатается, каланча падает!» Людская масса заколебалась, послышались вопли внезапно стиснутых толпой женщин и детей. Еще немного, и началась бы давка, которая имела бы самые печальные последствия.

Положение спас обер-полицмейстер Шульгин, ни на мгновение не потерявший присутствия духа. Он кинулся сквозь толпу к каланче и громогласно объявил, что это неправда, что не надо верить выдумкам мошенников. Народ, услышав знакомый командный голос, быстро пришел в себя. Убедившись воочию, что «Иван Великий» и каланча стоят непоколебимо, люди успокоились.

Открытие памятника

Минину и Пожарскому.

Неуемность натуры и личная храбрость [3 - А.С. Шульгин участвовал в Наполеоновских войнах и в 1807 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. «...в воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражении 1 июня при Фридланде против французских войск, где с командуемым батальоном, подкрепляя посланных в атаку, очистил и выгнал из города засевшего неприятеля, потом врубившись в оный, опрокинул и преследовал неприятеля, нанося ему жестокое поражение, а равно и на другой день, быв во всех атаках и действиях, явил особую неустрашимость и присутствие духа». Портрет генерал-майора А.С. Шульгина работы Дж. Доу помещен в Военной галерее Зимнего дворца.] А.С. Шульгина особенно ярко проявлялась в его стремлении лично руководить тушениями пожаров. В любое время дня и ночи у него в каретном сарае стояла, заложенная в дрожки, пара очень резвых лошадей. Едва гонец, прискакавший с известием, успевал перевести дух, как Шульгин уже оказывался одетым и садился в поданные дрожки. Затем следовала бешеная скачка по московским улицам, и не было случая, чтобы обер-полицмейстер не оказался на месте происшествия раньше других начальников – брандмайора и полицмейстеров с их свитами.

«Прибыв на место пожара, – описывал Л.И. Халютин привычную для современников А.С. Шульгина картину, – он зорко осматривал место и, несмотря на свою порядочную дородность, с изумительной ловкостью и неустрашимостью взбирался на крыши многоэтажных горящих зданий и оттуда, окружаемый пламенем и удушливым дымом, он звонким голосом отдавал приказания пожарным командам; с нагайкою в руках для побуждения неповоротливых и ленивых, он был сам первым деятелем и примером самоотвержения для всех, в борьбе с разрушительной стихией, и всегда с успехом останавливал ее губительное действие. Часто измученный, с перепачканным сажею лицом, с обгорелым белым султаном на шляпе, в измоченном платье и обуви, он спускался с горящего здания, садился на стул или скамейку, поставленные на мостовой, и ординарец по его приказанию подавал ему калач и полштофа простого вина, взятые из ближайших заведений; он выпивал стакан, а иногда другой, и закусывал; но между тем зорко следил за действием пожарных команд и делал нужные распоряжения со свойственною ему энергией. Пестрая толпа зрителей, стоявшая в должном порядке, смотрела и восхищалась его личностью, молодецкою неустрашимостью и мастерскими распоряжениями; а простой народ приходил от того в восторг, от оказываемой им публично чести нашему винцу и калачу. Из толпы слышались частые восклицания: вот отец, вот русский человек, вот так молодец!»

Находясь на пике своей карьеры, А.С. Шульгин выстроил роскошный особняк на углу Тверской и Козицкого переулка. Дом стоил огромных денег. В нем, по свидетельству современника, все «...отличалось изящным вкусом и удобством, [...]...причем употреблялись самые лучшие и дорогие материалы, и, наконец, он был отделан и меблирован самым великолепным и изящным образом, так что едва ли можно было тогда отыскать в Москве другой ему подобный дом». В безукоризненном порядке, сияя «щегольской» чистотой столов, посуды, одежды поваров и прочего, содержалась кухня. Ее Шульгин лично инспектировал каждое утро, осматривая приготовленные на день припасы, которые были разложены на столах под хрустальными колпаками.

«Эта чистота и блеск, – отмечал Л.И. Халютин, – проявлялись во всем житейском быту Александра Сергеевича и на всем, что хоть несколько подлежало непосредственному его влиянию. Не знаю, имел ли он собственное свое состояние, но за женою он получил в приданое значительный капитал».

Для Халютина, долгое время прослужившего под началом Шульгина, не было секрета в том, как обер-полицмейстеру, имевшему невысокий оклад содержания, удавалось жить в роскоши. Например, начальник полиции брал на себя заботы по обмундированию подчиненных, снабжению их провиантом и дровами для отопления служебных помещений и квартир. Имея дело непосредственно с Шульгиным, московские купцы шли на значительные уступки в ценах. Большая экономия достигалась и при заготовках фуража. На сенокосе работали рядовые полицейские служители, а возили сено на пожарных лошадях. Кстати, для пополнения конского состава («ремонта», как тогда говорили) обер-полицмейстер использовал лошадей, отобранных у нарушителей правил езды по городу. Это было незаконно, но таков уж был московский обычай, также приносивший определенный доход.

Кроме такой «гласной» экономии, которая, по мнению москвичей, в то время была делом обычным, доход Шульгину приносила «негласная экономия» от покровительства купцам, занимавшимся винными откупками.

Справедливости ради стоит отметить, что не только привычка жить в роскоши заставляла А.С. Шульгина искать дополнительные источники доходов. На протяжении XVIII – первой половины XIX вв. финансирование органов государственного управления в России составляло лишь малую часть от действительной потребности. Достаточно сказать, что штаты канцелярий большинства ведомств не соответствовали все возрастающему объему циркулировавших бумаг. Чтобы не утонуть в потоке «входящих» и «исходящих», обер-полицмейстеру приходилось нанимать за свой счет помощников для обработки документов. Не надо забывать и о том, что по служебной необходимости начальнику полиции требовалось содержать штат сыщиков и тайных агентов, хотя из казны на это не отпускалось ни копейки.

Материальное благополучие, достигнутое А.С. Шульгиным, наглядно проявилось при его переезде в Санкт-Петербург, куда он в 1824 г. был назначен обер-полицмейстером [4 - В архиве П.А. Вяземского сохранилась такая заметка: «При переводе К.Я. Булгакова из московских почтдиректоров в петербургские, обер-полицмейстер Шульгин говорил брату его Александру: “Вот мы и братца вашего лишились. Все это комплот против Москвы. Того гляди и меня вызовут. Ну, уж если не нравится Москва, так скажи прямо: я берусь выжечь ее не по-французски и не по-растопчински, а по-своему, так после меня не отстроят ее во сто лет”»]. Согласно анекдоту, ходившему в то время, возле Новгорода обоз с домашним скарбом Шульгина встретился на пути графа Аракчеева. Внимание вельможи не могли не привлечь длинная вереница великолепных экипажей и тяжело нагруженных походных фур, множество превосходных ценных лошадей, щегольски одетая в форменное платье прислуга. Проявившему естественное любопытство графу один из служителей сказал, что все принадлежит петербургскому обер-полицмейстеру. В ответ всесильный временщик якобы попросил передать Шульгину: «Всего этого никогда не было и нет у самого Аракчеева».

К несчастью для Александра Сергеевича, его служба в столице продолжалась недолго. После восстания декабристов новый император, Николай I, отправил Шульгина в отставку «с пенсионом тогдашнего оклада». В одночасье все доходы бывшего обер-полицмейстера свелись к пенсии (пусть даже генеральской), которой в любом случае не хватало для поддержания привычного уровня жизни. Возвращение в Москву не принесло ему облегчения. Хроническая нехватка денег вынудила Шульгина продавать, зачастую без всякой выгоды, ценные вещи. К тому же он, как выяснилось, при строительстве своего роскошного дома широко прибегал к займам. Настал момент, когда у кредиторов иссякло терпение, и они подали долговые расписки к взысканию. Все имущество Александра Сергеевича было продано с публичных торгов, причем вырученных денег не хватило на покрытие всех долгов. Недостающее стали вычитать из пенсии.

Бывший обер-полицмейстер из богатейшего человека превратился в почти нищего. Какое-то время некоторые московские купцы по старой памяти ссужали Шульгина деньгами, но настал момент, когда и они отвернулись. Главной причиной послужило то, что отставной генерал начал топить горе в вине. Встречавший его в тот печальный период Л.И. Халютин писал в мемуарах:

«Из бывшего своего великолепного дома он переселился на Арбатскую улицу в деревянный домик, имевший только три окна на улицу, и нанял в нем три комнатки; но и за наем их не имел возможности заплатить, когда наступил срок. По просьбе владельца дома прежде бывшая под его начальством полиция требовала или платежа за квартиру денег, или выезда из дома. Но куда? В это горестное для него время я однажды осенью, проходя по Арбату, видел сквозь отворенную калитку, что он в ветхом и замасленном халате рубит на дворе в корыте капусту. Я сравнил былую жизнь его с тогдашнюю, сердце мое облилось

кровью. [...]

Тем ужаснее положение такого человека, если он имеет еще семейство, ознакомленное им со всеми удобствами и прелестями роскошной жизни и потом лишенное даже дневного пропитания».

Вести о бедственном положении семьи отставного генерала дошли до Николая I. По всей видимости, здесь не обошлось без интриг начальника III отделения. По приказу графа А.Х. Бенкендорфа, недолголюбивавшего генерал-губернатора князя Д.В. Голицына, агенты тайной полиции исправно докладывали в Петербург обо всех упущениях в работе московской администрации. В январе 1835 г. князь Д.В. Голицын получил от шефа жандармов письмо следующего содержания:

«Князь Дмитрий Владимирович!

Дошло до сведения Государя Императора, что бывший Московский и потом Санкт-Петербургский обер-полицмейстер Шульгин ведет весьма нетрезвую жизнь, и, привязавшись к некоей Страховой, передал уже ей почти все имение.

В таком положении Шульгина, дети его, с которыми он обращается весьма грубо, и, в особенности, дочери, достигшие уже совершенного возраста, претерпевают недостаток как в воспитании, так и содержании их.

Его Величество Высочайше повелел мне о вышеизложенном сообщить Вашему Сиятельству с тем, чтобы Вы, Милостивый Государь, обратили особенное Ваше внимание на несчастное положение детей генерал-майора Шульгина, сделавшихся от развратной жизни отца предметом всеобщего сожаления московской публики» [5 - «Дело о бывшем обер-полицмейстере Шульгине, ведущем развратную жизнь». Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 16. Оп. 31. Д. 814. Л. 1.].

В архиве не сохранилось официальных распоряжений, отданных князем Д.В. Голицыным, но, зная его отзывчивый, добрый характер, можно смело предположить, что дети Шульгина не остались без заботы. Известно лишь, что три дочери Александра Сергеевича были воспитанницами Екатерининского института благородных девиц. Четверо сыновей Шульгина получили образование в кадетском корпусе. Сам же отставной генерал продолжал «развратный» образ жизни.

В январе 1840 г. секретной канцелярией московского генерал-губернатора было заведено еще одно дело – «О назначении пособия бывшему московскому обер-полицмейстеру генерал-майору Шульгину». Первым подшитым в нем документом стало новое письмо шефа жандармов:

«Секретно.

Милостивый государь, князь Дмитрий Владимирович!

Государь Император, получив сведение о бедственном положении, в котором проживает в Москве бывший там обер-полицмейстером отставной генерал-майор Шульгин, дошедший до нищеты и отчаяния, поручить мне изволил снести о нем с Вашим Сиятельством, с тем, что не представится ли возможность пристроить каким-либо образом Шульгина, дабы помочь ему, и избавить жителей Москвы от неприятного впечатления, который должно производит вид человека в его чине, занимавшего значительное место в столице и впавшего в столь унижительное положение.

Исполняя сим Высочайшую Волю, имею честь присовокупить, что Ваше Сиятельство, как местный начальник, может судить с большою положительностью, какие к исполнению оной представляются удобнейшие средства; я же с моей стороны полагаю бы удалить генерал-майора Шульгина из Москвы в уездный город Московской губернии по Вашему, Милостивый Государь, усмотрению, назначив ему от казны денежное пособие в сто рублей в месяц, которые отпускать не ему, а местному городничему, с тем чтобы он деньги сии употреблял на необходимые для содержания Шульгина издержки, как то, на наем квартиры, на прислугу и на стол, и остальные уже выдавал ему на прочие расходы. Если таковая милость Монаршая не подействует на поведение Шульгина и он за сим будет предаваться нетрезвой жизни, то, по крайней мере, существование его будет обеспечено и Москва избавится от неприятного зрелища его разврата и нищеты» [6 - ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 31. Д. 1292. Л. 1.].

Ответ князя Голицына был написан в присутствии ему стиле. В очередной раз он давал понять, что на месте ему виднее, как надо поступить в этом сложном случае:

«По ближайшему рассмотрению положения дела сего, я с моей стороны нахожу, что высылка Шульгина из Москвы в уездный город не только не удержит его от слабостей, но усилит чувство самоунижения и доведет до большего отчаяния, что в небольшом городе будет еще заметнее; это поставит в чрезвычайно затруднительное положение городничего того города, ибо ему очень трудно будет удержать Шульгина в границах приличия, согласуя права свои с уважением, которым он все-таки ежели не личности, то чину и прежнему его званию; тогда как Шульгин, проживая в Москве в отдаленной местности города, при некотором воздержании может совершенно укрыться из виду обывателей, большею частью его не

знающих; это тем удобнее, что он при слабостях своих или остается в квартире, или выезжает постоянно в одни места.

Сие мое предположение может быть приведено в исполнение тогда только, когда я буду уполномочен действовать по своему усмотрению к достижению цели, назначаемой Государем Императором.

В таком случае, я бы поручил Шульгина надзору и попечениям полицейского офицера или другого благонадежного чиновника и предписал бы медику его посещать, дабы зависящими от них средствами постоянно удалять его от склонностей к крепким напиткам и удержать в границах скромной жизни и приличий; в таком уже случае назначение ему на содержание по 100 р. в месяц по предложению Вашего Сиятельства было бы совершенным благодеянием при неимущем его положении» [7 - Там же. 5 об. – 6.].

По всей видимости, новое напоминание из Петербурга о Шульгине не застало князя Голицына врасплох. В том же деле подшита докладная записка полицмейстера Миллера, представленная в октябре 1839 г. в ответ на устное распоряжение генерал-губернатора:

«...при Его Превосходительстве находятся, как мною дознано, крепостные: дворовый человек Павел Иванов и две девки Анна Федорова и Пелагея Кирилова; но на них положиться в домашней экономии по молодости их невозможно, а можно в сим случае доверить владельцу дома, где живет генерал Шульгин, отставному майору Гессель, который человек немолодых лет, честных правил и хороший хозяин. За квартиру же Александр Сергеевич платит 1200 руб. в год и с него следует получить по 27 сего октября 110 рублей» [8 - ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 31. Д. 1292. Л. 7.].

Секретным письмом, датированным 27 марта 1840 г., граф Бенкендорф передал повеление императора: московскому генерал-губернатору взять на себя заботу о Шульгине.

Современному читателю может показаться странным, но факт остается фактом – исполнение личного распоряжения российского самодержца завязло в бюрократическом болоте. В конце августа 1840 г. генерал-губернатор отправил в Казенную палату предписание выплатить Шульгину причитающееся содержание. Однако в ответ ему сообщили, что соответствующее ассигнование не выделено Министерством финансов и пообещали дать деньги сразу, как получат. Еще месяц ушел на переписку с Министерством финансов, которое заверило: деньги обязательно будут. Но только 31 октября Казенная палата смогла отрапортовать князю Голицыну о том, что пособие отставному генералу «за 5 месяцев и 4 дня пятьсот тридцать руб. 32 к. ассигнациями], а на серебро 146 р. 66 2/7 к. сер. отпущены» [9 - Там же. 1292. Л. 19.].

Скорее всего, вся эта сумма сразу же ушла на погашение накопившихся у Шульгина долгов, поскольку спустя три недели он обращается к князю Д.В. Голицыну с таким посланием:

«Ваше Сиятельство! Милостивый Государь!

Умоляю Ваше Сиятельство живым Богом, взглянуть хотя малейшим оком милосердия на несчастнейшего из генералов, который, лишась всего, лишен даже и последнего куска хлеба.

Окажите елико возможное пособие по случаю остановленного у меня пансиона, вычитаемого по накопившейся недоимке за дворовых людей моих, чем до гроба жизни обязать изволите, того который был и пребудет с глубочайшим почтением и преданностью Вашего Сиятельства Милостивейшего Государя Всепокорнейший слуга А. Шульгин» [10 - ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 31. Д. 1292. Л. 22.].

При знакомстве с этим документом сразу бросается в глаза, что подпись выполнена характерными для алкоголика «пляшущими» буквами. Неизвестно, обратил ли на это внимание князь Голицын, но, судя по другому архивному документу, просьба бывшего обер-полицмейстера осталась без ответа. В марте 1841 г. Шульгин подал генерал-губернатору еще одно прошение, в котором жаловался, что вместо полной пенсии по-прежнему получает в месяц всего 70 рублей. Заканчивая послание, он слезно просил выделить ему хоть сколько-нибудь денег к предстоящему празднику.

Вполне возможно, что в тот раз Александр Сергеевич получил какую-то сумму – в Москве стойко придерживались традиции проявлять милосердие в преддверии Светлого Христова Воскресенья. Вот только встретить праздник ему не довелось. В самый канун Пасхи, 29 апреля 1841 г., А.С. Шульгин скончался.

Остаток царского пособия был разделен между детьми Шульгина поровну – каждому досталось по 36 рублей ассигнациями. Пытаясь хоть как-то помочь дочерям-бесприданницам, князь Д.В. Голицын обратился к графу Бенкендорфу с просьбой назначить им пособие «в виде исключения из законов». Шеф жандармов отказался даже докладывать об этом царю, мотивируя тем, что дочери бывшего обер-полицмейстера ничем не отличаются от других бедных дворянок. Ходатайство генерал-губернатора о выплате отцовского пособия сыну Шульгина – Константину – также не имело успеха. Сердце графа Бенкендорфа не тронули слова о том, что молодой чиновник 3-го разряда с жалованьем 8 рублей серебром в месяц «...лишен способов не только иметь приличную званию своему обмундировку, но даже имеет

недостаток в содержании» [11 - Там же. Л. 49. Дальнейшая судьба К.А. Шульгина неизвестна. Его брат Сергей стал монахом Оптиной пустыни, где умер и был похоронен. Младший из братьев – Валериан – служил управляющим Екатеринбургской и Уфимской контрольных палат.].

После перевода А.С. Шульгина на службу в Санкт-Петербург московским обер-полицмейстером был назначен тоже Шульгин, но на этот раз – Дмитрий Иванович. Генерал-майор Шульгин—2-й (так его именовали в официальных документах) был не столь яркой личностью, как его предшественник. В истории Москвы его имя в большей мере сохранилось благодаря выдающимся современникам, с которыми Д.И. Шульгину пришлось пересекаться в силу служебного положения.

Например, А.С. Пушкину пришлось дважды посетить контору обер-полицмейстера в Столешниковом переулке. В Петербурге шло следствие по поводу распространения в списках отрывков из запрещенной цензурой элегии «Андрей Шенье». Из столицы Шульгину повелели «...отобрать суду показания от прикосновенного к оному делу А. Пушкина: им ли сочинены известные стихи, с какой целью они сочинены, почему известно ему сделалось намерение злоумышленников, в стихах изъявленное, и кому от него сии стихи переданы».

По соображениям секретности самих стихов поэту не показали, поэтому на первом допросе Пушкин ответил, что не знает, о каком из его сочинений идет речь. Оказавшись перед Шульгиным во второй раз и прочитав предъявленную ему копию, Александр Сергеевич привычно поправил ошибки в тексте, после чего собственноручно написал: «Сии стихи действительно сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде последних мятежей и помещены в элегии «Андрей Шенье», написанной с пропусками в собрании моих Стихотворений. Они явно относятся к Французской революции, коей А. Шенье погиб жертвою».

Другая история, участником которой был Д.И. Шульгин, наглядно характеризует нравы того времени. Полина Гельб, добившаяся разрешения ехать в Сибирь в качестве жены декабриста Анненкова, получила от Николая I на дорогу три тысячи рублей ассигнациями. Передавая деньги, обер-полицмейстер попросил француженку расписаться на листе бумаги, исписанном столбцами цифр. «Государь не доверяет своим чиновникам в получении всей суммы, – пояснил Шульгин, – и потому в бумаге проставлены номера тех ассигнаций, которые он передал вам в дорогу».

По-своему был связан с декабристами и служивший в Москве с ноября 1833 г. по февраль 1845 г. обер-полицмейстер Л.М. Цынский. Во время восстания он уговорил командира конной гвардии А.Ф. Орлова (будущего начальника III отделения) вывести полк на поддержку Николая I. По утверждению П.В. Долгорукова, Орлов, попав в фавор к императору, отблагодарил бывшего адъютанта: «...впоследствии доставил место обер-полицмейстера в Москве и поддерживал его там против воли князя Дмитрия Владимировича Голицына, который справедливо жаловался, что Цынский страшным образом ворует».

Генерал Цынский также вошел в историю русской литературы. Одна из проведенных им ночных проверок постов, в результате которой в его санях оказалась дюжина оставленных без присмотра алебард, послужила толчком к созданию поэмы «Двенадцать спящих будочников». А известный автор водевилей Д.Т. Ленский отметил эпиграммой переход под покровительство обер-полицмейстера балерины Е.А. Санковской:

Брандмайор Тарновский
Тем себя прославил,
Что... Санковской
Цынскому представил.
Так ли? При рапорте ль?
Слухи не доходят,
Но чрез этот фортель
Многие выходят.

Однако самым известным произведением, где Цынский и возглавляемая им полиция были описаны с натуры, следует признать «Былое и думы» А.И. Герцена. Вот как писателю запомнился первый допрос, который проводила специальная комиссия во главе с обер-полицмейстером:

«В большой, довольно красивой зале сидели за столом человек пять, все в военных мундирах, за исключением одного чахлого старика. Они курили сигары, весело разговаривали между собой, расстегнувши мундиры и развалившись на креслах. Обер-полицмейстер председательствовал.

Когда я взошел, он обратился к какой-то фигуре, смиренно сидевшей в углу, и сказал:

– Батюшка, не угодно ли?

Тут только я разглядел, что в углу сидел старый священник с седой бородой и красно-синим лицом.

Священник дремал, хотел домой, думал о чем-то другом и зевал, прикрывая рукою рот. Протяжным голосом и несколько нараспев начал он меня увещевать; толковал о грехе утаивать истину пред лицами, назначенными царем, и о бесполезности такой неоткровенности, взяв во внимание всеслышащее ухо Божие; он не забыл даже сослаться на вечные тексты, что «нет власти, аще не от Бога» и «цесарю – кесарево». В заключение он сказал, чтоб я приложился к святому евангелию и честному кресту в удостоверение обета, – которого я, впрочем, не давал, да он и не требовал, – искренно и откровенно раскрыть всю истину.

Санковская Е.А.

Окончивши, он поспешно начал завертывать евангелие и крест. Цынский, едва приподнявшись, сказал ему, что он может идти. После этого он обратился ко мне и перевел духовную речь на гражданский язык.

– Я прибавлю к словам священника одно: запираться вам нельзя, если б вы и хотели.

Он указал на кипы бумаг, писем, портретов, с намерением разбросанных по столу:

– Одно откровенное сознание может смягчить вашу участь; быть на воле или в Бобруйску на Кавказе – это зависит от вас.

Вопросы предлагались письменно; наивность некоторых была поразительна. «Не знаете ли вы о существовании какого-либо тайного общества? Не принадлежите ли вы к какому-нибудь обществу – литературному или иному? Кто его члены? Где они собираются?»

На все это было чрезвычайно легко отвечать одним «нет».

– Вы, я вижу, ничего не знаете, – сказал, перечитывая ответы, Цынский. – Я вас предупредил, – вы усложните ваше положение.

Тем и кончился первый допрос».

Оказавшись «на том берегу», А.И. Герцен не упускал случая поместить в «Колоколе» письма из Москвы, содержавшие разоблачения полицейского произвола и нелицеприятную критику стражей порядка. «Ради красного словца» писатель-революционер не жалел и своего доброго знакомого – обер-полицмейстера И.Д. Лужина, впоследствии харьковского губернатора, которого наградил эпитетом «доносчик». А ведь именно он, когда в Петербурге Герцену отказали в заграничном паспорте, выправил Александру Ивановичу необходимые документы и помог выехать из России.

Лужин И.Д.

Интересно, что критику обер-полицмейстера Лужина можно найти не только в произведениях, вышедших из-под пера Герцена и его корреспондентов. Вот мнение тайного агента III отделения, высказанное в донесении заместителю шефа жандармов Л.В. Дубельту:

«Простите мне мою неограниченную искренность, батюшка Леонтий Васильевич, все единогласно отдают цену Москве, что при бестолковости Щербатова [12 - Князь А.А. Щербатов был в то время московским генерал-губернатором. Среди подавляющего большинства горожан пользовался уважением и любовью за неуклонные заботы о нуждах города и добросердечие.] и неспособности Лужина быть обер-полицмейстером все держится внутренней привязанностью к царю и личною привязанностью к великому духу Государя.

Батюшка, уладьте, чтоб Лужина хоть егермейстером сделали, но дайте на это место человека достойного, ведь Лужина просто презирают, просто говорят: чего и ждать от него, когда его баба была по роже, офицеры говорили ему грубости и даже купец, поставщик полиции дров Иван Васильевич Волков, ему в доме Щербатова и при Щербатове в глаза дерзко правду высказал, выражаясь именно: “Ошибаешься, молодой генерал”. [...]

Но ни в каком случае не делайте на место Лужина здешних полицмейстеров, ей-богу, ни один не способен, но попробуйте переместить Вашего санкт-петербургского в Москву, а здешнего к вам, тогда ближе рассмотрите».

Характерна реакция верховной власти: 6 мая 1848 г. вместо добрейшего князя А.А. Щербатова московским генерал-губернатором был назначен бывший министр внутренних дел граф А.А. Закревский. Для москвичей контраст был настолько разителен, что очень скоро нового властителя Первопрестольной иначе как «Чурбан-пашой» не называли. Обер-полицмейстером остался И.Д. Лужин и возглавлял полицию еще шесть лет. А его преемником стал прославившийся безграничной грубостью полицмейстер А.А. Тимашев-Беринг.

Жителям Москвы оставалось только утешаться тем, что граф Закревский, органически не переносивший мздоимства, поставил обер-полицмейстера и его подчиненных в трудное положение. «Сам не беря взятки, – вспоминал один из современников, – Закревский решительно боролся со взяточниками в своем генерал-губернаторстве. Насколько успешно, сказать трудно, однако это была столь заметная черта, что она вдохновила безымянного поэта на стих, точнее, на песню, популярную в свое время в Москве. Пелась она на мотив известного романа “По небу полуночи ангел летел...”:

Когда граф Закревский в Москву прилетел,
Он грозную песню запел,
И Лужин, и Беринг, и частных всех рой
Внимали той песне с тоской.
Он пел о поборах с купцов и мещан, с трактиров...

Дальше, к сожалению, шло какое-то неприличие, которого в те времена бумага не выдерживала».

По другому свидетельству, генерал-губернатор бранил И.Д. Лужина за мягкость характера и даже называл его «бабой», хотя вряд ли такую характеристику можно назвать до конца справедливой. «Из этого не следует, однако, – писал “Колокол”, – чтобы Лужин был каким-то идеальным существом среди полицейских чиновников Москвы, – он, напротив того, безукоризненно исполнял свою должность, умел при случае хорошо дать в зубы и хорошо высечь, но не того требовалось на столь высоком месте...» В те годы, когда ему пришлось возглавлять полицию (1845–1854), в Москве как никогда рьяно преследовали раскольников и скопцов. По распоряжению И.Д. Лужина был составлен подробный план Москвы.

Стоит добавить, что подобно многим из московских обер-полицмейстеров, генерал-майор Лужин имел славное боевое прошлое. За храбрость, проявленную в сражениях с польскими повстанцами в 1831 г., он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом и медалью «За взятие Варшавы».

С необычной стороны обер-полицмейстера характеризует тот факт, что в его доме (!) на Тверском бульваре [13 - Снесен при строительстве нового здания МХАТа.] существовал литературный салон. В том самом крыле особняка, где во времена Цынского следственная комиссия допрашивала А.И. Герцена и его товарищей, жила сестра Лужина – Марья Дмитриевна Ховрина. Она устраивала литературные вечера, которые посещали В.Г. Белинский, Н.В. Станкевич, Аксаковы, А.С. Хомяков. В этом доме читал свои новые произведения Н.В. Гоголь. Неизменным участником собраний был сам обер-полицмейстер. Судя по тому, что присутствие Лужина не мешало западникам и славянофилам сходиться в откровенных спорах, литераторы не воспринимали его в качестве надзирателя.

И конечно же нельзя не упомянуть о роли И.Д. Лужина в судьбах величайших русских поэтов – А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова.

Еще служа в кавалерии, Иван Дмитриевич способствовал женитьбе Пушкина. По просьбе поэта он танцевал на балу с Натальей Гончаровой и между делом завел разговор об отношении к Александру Сергеевичу. Узнав, что Гончаровы настроены благосклонно, Лужин поспешил обрадовать своего доверителя. После этого Пушкин начал сватовство, и вскоре состоялась свадьба.

В «Лермонтовской энциклопедии» Лужин упомянут как друг поэта. Волей случая Иван Дмитриевич оказался в Зимнем дворце, когда Николаю I доложили о гибели Лермонтова, и сохранил для истории слова, произнесенные императором: «Собаке собачья смерть».

Дом обер-

полицмейстера на Тверском бульваре.

Возможно, на совести И.Д. Лужина были грехи, но какую-то их часть он несомненно искупил лишь одним благодеянием – помог состояться великому русскому художнику А. К. Саврасову. Отец начинающего живописца не одобрял выбранного сыном занятия, поэтому у Алексея Саврасова не было денег, чтобы оплатить учебу в Училище живописи, ваяния и зодчества. После знакомства с картинами юного таланта обер-полицмейстер Лужин, член Московского художественного общества, поддержал Саврасова. В результате юноша переехал из отцовского дома на квартиру и получил возможность без помех посещать занятия в училище. В летнее время молодой художник жил в имении Лужина, и первый гонорар за свои живописные работы Саврасов получил от Ивана Дмитриевича.

Под нажимом графа Закревского Лужин был вынужден освободить должность обер-полицмейстера. Его преемником стал А.А. Тимашев-Беринг. Один из современников, выразив общее мнение москвичей, дал ему краткую, но точную характеристику: «Грубый, неотесанный, нахальный и дерзкий до того, что имя его стало поговоркою не только в Москве, но и во всей России».

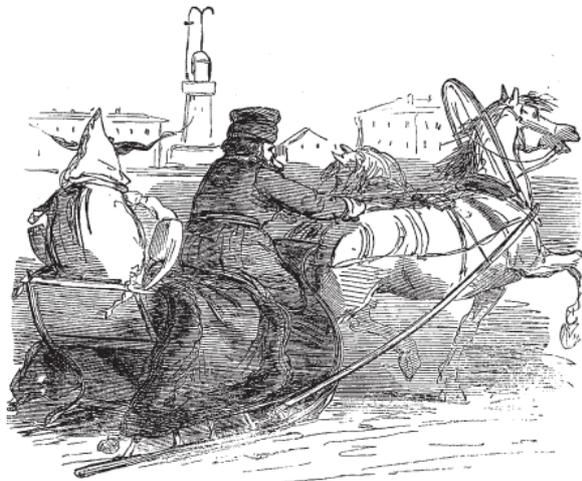
Всероссийская известность Тимашева-Беринга нашла отражение в рассказе Н.И. Лескова «Умершее сословие»:

«У князя Петра Ивановича в Орле был знаменитый кучер. Он разве малым чем-нибудь уступал оставившему по себе в Москве историческую память кучеру обер-полицеймейстера Беринга. Орловский наездник был так же утробист, так же горласт и краснорож, имел такие же выпяченные рачьи глаза и так же неистово хрипло орал и очертя голову несся на всех встречных и поперечных, ни за что не ожидая, пока те успеют очистить ему дорогу. На душе этого христианина, говорят, считалось уже несколько смертных грехов, и, во всяком случае, он по справедливости мог почитаться в свое время очень опасным человеком в городе.

Лихая езда как на пожар тогда была, впрочем, в моде у многих больших лиц, и это почиталось даже необходимым признаком «твердой власти». Особенно шибко ездил губернаторы и полицеймейстеры: они всюду скакали, и кучера их всегда особенно кричали. Это придавало городам оживление».

Необузданный самодур Тимашев-Беринг сам по себе являлся олицетворением «николаевской» эпохи, когда малейшая тень сомнения в правильности действий начальства являлась тягчайшим преступлением. Главным же средством пресечения любого «непослушания» была грубая сила. Однако один из случаев проявления обер-полицмейстером беспредельной жестокости всколыхнул всю Москву.

По свидетельству современника, началось все с разноса, учиненного обер-полицмейстером брандмейстеру Воробьеву: на тушение пожара не прибыл обоз из Главного депо. По регламенту, его должен был привести сам Воробьев, но, загуляв в гостях, он не явился по тревоге, а пожарные не имели права тронуться с места без командира. Чтобы избежать начальственного гнева, брандмейстер обвинил в нерадении дежурившего на вышке служителя – он, мол, не вывесил сигнал о пожаре. Тогда Тимашев-Беринг приказал выпороть солдата, но тот не дал себя подвергнуть экзекуции. Во-первых, он не считал себя виноватым – все видели, что сигнал был поднят вовремя; во-вторых – за непорочную службу был награжден знаком ордена Св. Анны (медалью), что по закону освобождало его от телесных наказаний.

Обер-полицмейстер мчится по городу. Вместо мигалки и «крякалки» крик кучера: – Эй! Гей! Пади! Берегись! Пади! Держи правей! Сторонись!

(кар. из журн. «Развлечение». 1864 г.).

Как следует из письма, опубликованного в «Колоколе», «обер-полицмейстер, разъяренный самим фактом неповиновения со стороны нижнего чина, «...велел его посадить в одной рубашке под арест, на хлеб и на воду и обещал заехать сам допросить его. Действительно, через несколько недель он прибыл в частный дом, в котором содержался солдат, потребовал его к себе и начал его осыпать всякими ругательствами, на которые так богат русский язык вообще и генеральский язык в особенности. Солдат защищался, пробовал рассказать дело в настоящем виде; но можно себе представить, как эта дерзость, эта решимость несчастного, который «осмелился рассказывать», подействовала на генерала. Беринг, вне себя, бросился на свою жертву и дал полную волю кулакам. Чувство собственной правоты, инстинктивное чувство собственного достоинства, сознание грубого беззакония, которое тяготело над ним, – заговорили вдруг в душе солдата. Он отшатнулся и сказал резким голосом: «Ваше превосходительство, если я виноват, судите меня, – вы не можете истязать меня без суда». Слова эти лишили последнего сознания Беринга: он в остервенении продолжал колотить несчастного, – наконец, обратясь к Воробьеву, закричал: «Дать ему

пятьсот палок, сейчас же». Но лишь только он произнес эти слова, как почувствовал, что эполеты его сорваны: он обернулся, громкий удар раздался на его щеке. Солдат в испуге стоял перед ним, сжимая с такою силою в руках своих эполеты, что потребны были все бескорыстные усилия Воробьева и десятка полицейских, чтобы вырвать их у него.

Весть об этом происшествии разнеслась в тот же день по Москве. Беринг, впрочем, поспешил вечером явиться в театр, чтобы своим наружным спокойствием рассеять неблагоприятные слухи, – однако неудачно. Во всем обществе только и говорили, что об этом происшествии, даже извозчики толковали об нем на улицах с своими седоками. Между прочим, наши правительственные власти переполошились; понятно, что Закревский должен был употребить всевозможные усилия, чтобы замаять эту историю: он ссадил с места Лужина, нарочно для того, чтобы оставить это место Берингу, представил его государю как человека благородного и надежного во всех отношениях; Беринг был избранником его сердца, вернейшею опорой его власти, и вдруг теперь публично признаться, что этот избранник – негодяй! Во что бы то ни стало нужно было извратить дело. Сначала обратились к самому солдату – стали убеждать его, чтобы он показал, что не бил Беринга и не срывал с него эполет, а только «схватился» за них и был принужден их тотчас же оставить. Обещали солдату значительное уменьшение наказания, и несчастный, опомнившись от своего лихорадочного пыла, согласился под этим условием показать именно так, как хотелось чиновникам аудиториа. Дело было представлено в таком виде государю. Между прочим, все родственники Беринга – Норов, графиня Разумовская, княжна Вяземская и т. д. [14 - В силу родственных связей А.А. Тимашев-Беринг унаследовал в собственность дворец Разумовских на Тверской, где размещался Английский клуб.] – пустили в Петербурге в ход все пружины, чтобы поддержать этого благородного сановника. С одной стороны – сам Закревский, целая толпа петербургских вельмож, толпа людей, близких к государю и готовых уверить его во всем, чего им хотелось, с другой – бедный солдат, голос которого никуда не мог достигнуть из его душной тюрьмы, не имевший никого, кто решился бы сказать слово в его защиту! Можно ли было сомневаться в результате? Несчастный был приговорен к 3000 ударам сквозь строй. Наказание было исполнено в Москве, в Крутицких казармах; он прошел только 2000 и упал замертво. Его отвезли в больницу, – но, к счастью, он не вылезился; на третий день после своей пытки он умер, а Беринг считает за ним 1000 палок на том свете.

Вот вам рассказ, который может повернуть душу каждого честного человека. Клянусь, что в нем нет ни слова преувеличенного и каждый житель Москвы подтвердит его вам до последней подробности. Происшествие случилось так гласно, в присутствии стольких людей, что, повторяю, невозможно было скрыть его».

Профессор Московского университета О.М. Бодянский отметил в дневнике хождение по рукам сатирических виршей, сочиненных чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Горстким:

«Бывши всегда не в ладах с обер-полицеймейстером Тимашевым-Берингом, Горсткий написал на него стихи, после известного с ним случая, т. е. когда жид пожарной команды (депо) сорвал с него эполеты, и пустил их по Москве из-под руки:

Не дивитесь днем, квартальные,
По ночам фонарные,
Что не видать обирачей,
Им все чудится еврей.
Не дивитесь, частные,
Что дворники несчастные
У ворот храпят сильней:
Руки нам связал еврей.
Не дивитесь, Депо и Дума,
Что дела текут без шума,
Без обычных «гей!» да «бей!»,
Много спеси сбил еврей.
Не дивись, простолюдин,
<...> [15 - Здесь в списке прочерк (прим. публ.).] неважный чин,
Что вас чтут уж за людей:
Все еврей, еврей, еврей!»

Слово «обирач» следует понимать как «вымогатель», а смысл этого стихотворения в целом –

констатация факта: отчаянный поступок солдата привел к сбою в работе всей московской полиции. Обер-полицмейстер, прячась от позора, перестал разъезжать по городу и наводит трепет на подчиненных. Приставы и квартальные также притихли, ожидая смены начальства, а в результате упала дисциплина среди рядовых служителей. Возможно, вид «притихшей» полиции настолько был непривычен, что в среде обывателей возникло некое брожение умов.

Полицейский: – Послушайте, милостивый государь! Вы мне кажетесь очень подозрительным.
(кар. из журн. «Развлечение». 1862 г.).

Довольно скоро весть о «подвиге» Тимашева-Беринга достигла Петербурга. Житель столицы А.А. Пеликан писал в воспоминаниях: «Случай этот [...] возмутил общество, но для главных виновников прошел бесследно, и даже не воспрепятствовал дарованию им высоких монарших милостей к ближайшему наградному дню». Не исключено, что обер-полицмейстер действительно получил какую-то очередную награду, но относительно того, что для него эта история не имела других последствий, мемуарист ошибся. Тимашеву-Берингу пришлось отправиться в отставку «по болезни».

Пока подбирали ему преемника, временное командование городской полицией с 19 октября 1857 г. принял на себя полицмейстер полковник Замятин, а 12 января 1858 г. «на основании Высочайшего приказа по Военному ведомству» вступил в «исправление должности московского обер-полицмейстера» полковник князь А.И. Кропоткин [16 - В то время его фамилия писалась «Крапоткин». Высочайший приказ датирован 01.01.1858 г., а приказ обер-полицмейстера по московской полиции о вступлении в должность – 12.01.1858 г. Этим объясняется расхождение в датах в различных источниках.].

По всей видимости, новый обер-полицмейстер проявлял не меньшее, чем его предшественник, рвение в выполнении любых приказов «Чурбана-паши». Вот только предвидеть он не мог, что однажды за нарушение закона ему придется ответить. Спустя двадцать с лишним лет после оставления Кропоткиным командования московской полицией, в 1881 г., газета «Современные известия» сообщила о том, что прежними деяниями князя заинтересовалась судебная власть:

«Дело по обвинению бывшего московского обер-полицмейстера князя А.И. Кропоткина, преданного суду Правительствующим сенатом за противозаконные поступки при арестовании и лишении свободы севастопольского купца Николая Савина Шелапутина, которого неоднократно подвергали заключению под стражу по приказанию, бывшего московским военным генерал-губернатором, графа А.А. Закревского, значительно усложняется; следствие ведется судебным следователем по особо важным делам при московском окружном суде г. Барабиным, которым и открыто много любопытного из дел доброго старого времени. Так, арестантские книги за 1858 год в графе, где вписана фамилия Шелапутина, внизу, где пишется время освобождения, цифры подчищены, самых подлинных производств не находится, так как в арестантских книгах значится, что Шелапутин посажен за неплатеж долга по требованию управы благочиния, но кому неизвестно, по неимению подлинных производств, которые уничтожены последующими обер-полицмейстерами, так что следствию предстоит много работы».

В середине 60-х гг. XIX в. московским генерал-губернатором был назначен князь В.А. Долгоруков. Четверть века его правления отличались, по словам В.А. Гиляровского, «патриархальным порядком».

Более всего князь Долгоруков не любил, чтобы спокойное течение жизни Первопрестольной нарушалось какими-либо происшествиями. Под свой характер он подбирал и начальников полиции. О них историк М.М. Богословский оставил в мемуарах такое свидетельство:

«Должность обер-полицмейстера занимали генерал-майоры «свиты его величества», обыкновенно из средних дворянских фамилий. В 70-х годах сидел обер-полицмейстером Н.У. Арапов, затем Е.К. Юрковский, А.А. Козлов. Все это были самые обыкновенные, бесцветные, с монотонным однообразием один другого повторяющие начальники. Они ездили по Москве, обращая на себя внимание особой запряжкой своих экипажей: летом в небольшой пролетке без верха, зимой в одиночных санях «на паре с пристяжной», как тогда говорилось: одна лошадь впрягалась в оглобли, а другая пристегивалась к ней с правой стороны на свободных постромках, и бежали хорошей рысью, изящным изгибом извивая шею, что особенно и ценилось в таких пристяжных. Вечера эти обер-полицмейстеры проводили в гостиных среднего московского дворянского круга, с которым были связаны нитями родства и знакомства, или в Английском клубе».

Обер-полицмейстеру Н.У. Арапову, в частности, схожую характеристику дал его современник Н.П. Розанов: «...это был генерал в общем довольно добродушный и не слишком натягивавший вожжи».

Тишь да гладь, столь ценимые генерал-губернатором, для москвичей далеко не всегда оборачивались приятной стороной. «Перечисленные обер-полицмейстеры, – отмечал М.М. Богословский, – вели спокойный образ жизни и не увлекались никакими реформами, хотя, конечно, не могли не видеть многочисленных недочетов и в полицейском благосостоянии города, и в нравах подведомственной им полиции. Город был пылен и грязен, мостовые были из рук вон плохи, тротуары невозможны, улицы не убирались и не подметались и т. д.»

Н.П. Розанов упоминал в мемуарах, как полной неудачей окончились его попытки прекратить распространение страшного зловония на Пименовской улице, где он жил. Благодаря попустительству полиции, владелец соседнего дома продолжал спускать нечистоты прямо на улицу. Конечно, можно сделать скидку на то, что это происходило в отдаленной части города, но, оказывается, и в центре Москвы порядок был не лучше. Вот как в описании В.А. Гиляровского выглядела Лубянская площадь: «...заменила собой и извозчий двор: между домом Мосолова и фонтаном – биржа извозчицких карет, между фонтаном и домом Шилова – биржа ломовых, а вдоль всего тротуара от Мясницкой до Большой Лубянки – сплошная вереница легковых извозчиков, толкущихся около лошадей. В те времена не требовалось, чтобы извозчики обязательно сидели на козлах. Лошади стоят с надетыми торбами, разнузданные, и кормятся.

На мостовой вдоль линии тротуара – объедки сена и потоки нечистот.

Лошади кормятся без призора, стаи голубей и воробьев мечутся под ногами, а извозчики в трактире чай пьют. Извозчик, выйдя из трактира, черпает прямо из бассейна грязным ведром воду и поит лошадь, а вокруг бассейна – вереница водовозов с бочками.

Подъезжают по восемь бочек сразу, становятся вокруг бассейна и ведерными черпаками на длинных ручках черпают из бассейна воду и наливают бочки, и вся площадь гудит ругательствами с раннего утра до поздней ночи...»

Громкая ругань, беспардонное хамство извозчиков, полное пренебрежение ими существовавшими тогда правилами движения доставляли москвичам не меньше страданий, чем царившая в городе антисанитария.

«Ничего нельзя было себе представить что-либо более разнузданное и безобразное, нежели поведение московских извозчиков на улице, – писал о «диком племени» работников извозного промысла М.М. Богословский. – Экипажи стояли обыкновенно на углах улиц, а сами они толпились около экипажей на тротуарах, иногда в не совсем опрятных и рваных синих халатах, мешая движению и отпуская иногда замечания по адресу проходивших. Когда обыватель желал нанять извозчика и раздавался крик: «Извозчик», они быстро вскакивали на козлы и с дикими криками, стоя, погоняя лошадей, неслись необузданной ордой к нанимателю, крикнувшему извозчика. Стон стоял в воздухе от этого дикого крика и ругани, которую ненятые извозчики посылали вслед счастливцу, которому удалось посадить седока, своему же земляку и приятелю, с которым только что вели самый дружественный разговор. Извозчицья ругань славилась в Москве, и существовало даже выражение: «ругаться по-извозчицки». При найме извозчика на углу, где они ожидали толпою, они обступали нанимателя и неистово орали, торгуясь и сбивая цены друг у друга. Еще шумнее были эти орды у вокзалов при приходе поездов и у театров при разъездах после спектакля. Еще неукротимее были ломовые извозчики, которых было особенно много в Москве в узле железных дорог, подвозивших и увозивших товары, которые с вокзалов и до вокзалов доставлялись гужевым путем. С грузами ломовые извозчики ехали длинным обозом, не держа интервалов между возами и задерживая движение экипажей и пешеходов, пустые – они неудержимо мчались, грозя немилосердно раздавить и сокрушить все на своем пути».

Хозяйский кучер. Лихач. «Ванька». Ямщик.
(кар. из журн. «Зритель общественной жизни, литературы и спорта». 1863 г.).

Роль Геркулеса, которому пришлось вычищать «авгиевы конюшни» многолетнего бездействия московских стражей порядка, досталась обер-полицмейстеру А.А. Власовскому.

Современники по-разному объясняли появление в Первопрестольной бывшего рижского и варшавского полицмейстера, даже не имевшего генеральского чина. Одни считали его креатурой великого князя Сергея Александровича, назначенного в 1891 г. генерал-губернатором вместо В.А. Долгорукова. Другие полагали, что способного администратора приметил и перетащил в Москву городской голова Н.А. Алексеев.

В пользу последнего утверждения говорит то обстоятельство, что Власовский и Алексеев были схожи по характеру и рука об руку энергично трудились на благо города. Кроме того, молва им приписывала тесную дружбу – вплоть до совместных кутежей и романтических приключений. «Говорили, – передавал один из слухов М.М. Богословский, – ... что их поведение вызвало неудовольствие в Петербурге и что Александр III на докладе наложил резолюцию: «Унять жеребцов».

Впрочем, имеются свидетельства того, что требования обер-полицмейстера не всегда находили поддержки в органах городского самоуправления. Например, Власовскому нравилось, чтобы откосы тротуаров были посыпаны песком. Но его смывало дождем, отчего забивались водосточные канавы, а это, в свою очередь, являлось нарушением правил, установленных городской Думой. В результате домовладельцы оказывались между двух огней: посыпать откосы песком значило угодить под штраф от городской управы, не посыпать – быть оштрафованными полицией.

О другом случае писал в газете «Новое время» известный журналист Влас Дорошевич:

«В Москве ходит легенда, будто в числе массы приказов, изданных деятельным полицмейстером, было одно отношение к местному самоуправлению, с просьбой убрать снег с бульваров и кладбищ. Однако городской голова отклонил эту просьбу по следующим резонам:

- 1) Снег на бульварах лежит или, вернее, лежал чистый.
- 2) Таяние снега играет важную роль на орошении городских древесных посадок. Если свезти снег с бульваров, потребуется усиленная поливка их сверх положенной.
- 3) На такую усиленную поливку свободных сумм в городском бюджете не имеется.

Одни находят ответ нашего лорда-мэра вполне резонным и удовлетворительным; другие всецело становятся на сторону полицейского требования. Признаюсь, я принадлежу к последним. Москва – город большой и богатый. Прибавка восьми тысяч к пятидесяти двум, которые она издерживает на летнюю поливку улиц, скверов и бульваров, ее не разорила бы. А жители были бы избавлены от невылазной грязи, буквально потопившей некоторые из бульваров. Что делалось в ночь под Светлое Воскресенье на Тайницком бульваре, и вообразить невозможно. Это был не бульвар, а болото, принявшее в себя ручьи со всего Кремля».

Против «великокняжеской» версии появления Власовского в Москве свидетельствует факт, что весь период командования полицией (28.11.1891—15.07.1896) он оставался в чине полковника. Из-за этого официально ему приходилось числиться «исполняющим должность обер-полицмейстера». Будь генерал-губернатор, брат императора, действительно расположен к Власовскому, вряд ли бы он допустил, чтобы ключевой сотрудник его администрации столь долго ходил без генеральских погон. Кстати, ближайшее окружение великого князя Сергея Александровича – А.Г. Булыгин, Д.Ф. Трепов, В.Ф. Джунковский, В.С. Гадон – все они достигли больших высот в карьере.

«Крутые и энергичные действия обер-полицмейстера, – вспоминал М.М. Богословский о первых шагах Власовского на новом поприще, – с первых же дней его появления заставили о нем много говорить в Москве. Он скоро стал анекдотическим человеком, предметом рассказов. Невысокий, невзрачный, с какого-то черного цвета гарнизонной физиономией, с усами без бороды, с пристальным злым взглядом, которым он, казалось, видел сквозь землю на три аршина и там следил, нет ли каких-нибудь беспорядков,

он целый день и всю ночь летал по городу на своей великолепной паре с пристяжной, зверски исподлобья высматривая этих нарушителей порядка и немилосердно поповшуюся жертву казнил. С ним рядом в его небольшой открытой пролетке, зимой в сани, почтительно сидел чиновник его канцелярии в гражданском форменном пальто; на обязанности этого чиновника было записывать виновных в нарушении правил извозчиков, дворников, городских, околоточных, а также вообще замеченные беспорядки на улицах в особую книжку, которую в полицейских кругах называли «паскудкой», для наложения штрафов. С молниеносной, прямо сказочной быстротой носился он из одного края города в другой. У него было несколько пар выездных лошадей, одна другой лучше, и каждой доставалась ежедневно большая работа. Его кучер, образец древнерусской красоты, высокий, плечистый, с широкою бородой, орал так, что было слышно с одного конца Тверского бульвара на другой, но, вероятно, и он один с этою работою не справлялся и имел помощника».

Запомнился новый обер-полицейстер и Н.П. Розанову: «Это был сухощавый, с длинными почти седыми усами полковник, которого ежедневно можно было видеть скакавшим по улицам Москвы на быстрой паре серых лошадей».

«Когда Власовский спал, совершенно неизвестно, – писал в мемуарах М.М. Богословский. – Говорили, что он, когда придется, не раздеваясь, садился в кресла и так дремал часа четыре в сутки, остальное время посвящая службе. Впрочем, к обеду, который ему приносили из ресторана «Эрмитаж», так как был холост и своего хозяйства не вел, приглашались его приближенные люди; с ними он напивался коньяком, но пьян никогда не бывал, так как поглощал алкоголь, как губка, и алкоголь на него не действовал. После обеда или ужина, освежаясь, ездил всю ночь по городу. В приказах его отмечались замеченные им при проездах нарушения полицейской службы в 2, в 3, в 4, словом, во все часы ночи в самых различных частях города».

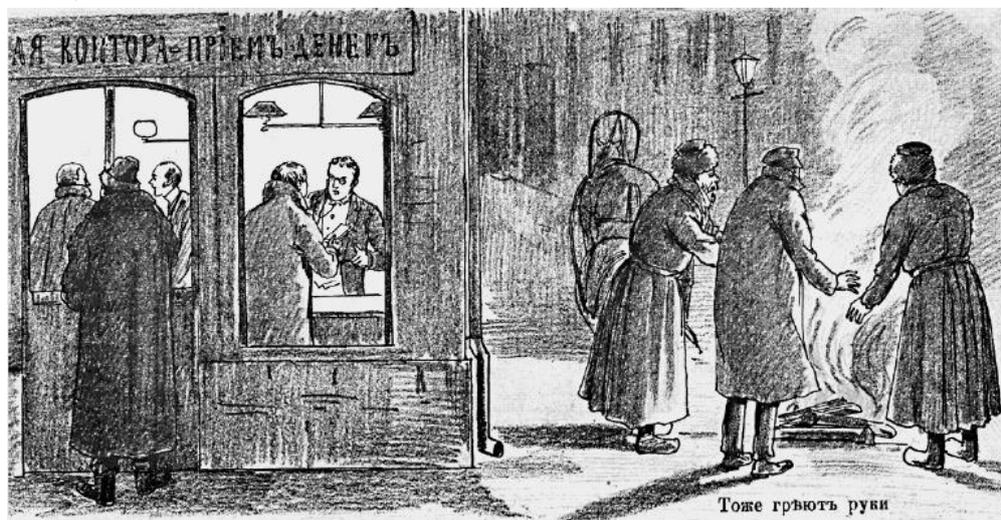
М.М. Богословский утверждал, что все московские безобразия прекратились «...на другой же почти день по приезде Власовского». Постоянные рыскания обер-полицейстера по городу и щедрая раздача им наказаний привели чуть ли к немедленному воцарению на улицах невиданного прежде порядка. Трудно оспаривать свидетельство очевидца, но, судя по официальным документам, мемуарист (как это часто бывает, когда увиденное описывают спустя многие годы) оказался не совсем точен.

Более верные сведения о начале деятельности Власовского в Москве дает газета «Ведомости московской городской полиции». На страницах этого издания новый обер-полицейстер, в отличие от предшественников, с первого же дня стал публиковать свои приказы по полиции. И первый из них был посвящен не разносу нарушителей, а... заботе о городской бедноте:

«Во время сильных морозов многие бедные люди, оставаясь по своим надобностям более или менее продолжительное время на улицах, часто нуждаются в таких помещениях, где бы они могли обогреться.

Ввиду этого предписываю гг. смотрителям полицейских домов отделать из имеющихся в оных помещений по одной теплой комнате для обогрева лиц, учредив там за порядком необходимый надзор из служителей полицейской команды. Об исполнении же мне немедленно донести».

Рядом был опубликован призыв обер-полицейстера к жителям Москвы жертвовать дрова для устройства общественных костров: «...принимая во внимание, что при наступлении сильных морозов кучера, извозчики и другие лица, подвергаясь на открытом воздухе стуже, не имеют мест, где могли бы согреться, покорнейше просит жителей столицы не оставить зажигать в ночное время, при сильных морозах для обогрева нуждающихся в том лиц, костры на городских площадях, на местах по указанию полиции».

Костер на

московской улице
(журн. «Будильник». 1892 г.).

Спустя неделю распоряжение об обогреве бедняков Власовский дополнил новым предписанием: приставам «немедленно озаботиться» установкой возле участков фонарей, которые должны гореть всю ночь; в обогревательных комнатах стелить солому; городские должны знать, где находятся пункты обогрева, и «указывать таковые лицам, желающим обогреться».

Первые нарушители были отмечены в приказе на 13 января 1892 г. Одним оказался архитектор Илиодор Хворинов. Он был оштрафован на 100 рублей за то, что в его доме полиция выявила жильцов без прописки. Другими были извозчики. Крестьянин Федор Малышев, как сообщалось в приказе, «...быв в нетрезвом виде, оказал слушание на требование полиции «сесть на козлы и отъехать» от Малого театра», за что был наказан тремя сутками ареста. Такой же срок пришлось отсидеть извозчику Герасиму Крысанову, который, изрядно согревшись водочкой, «...в карьер гнал лошадь, на требование же городского «ехать тише», оказал слушание, учинив сопротивление при задержании».

Через десять дней, видимо, составив о московских работниках гужевого транспорта окончательное мнение, Власовский посвятил им специальный раздел суточного приказа: «Замечено мною, что как легковые, так и ломовые извозчики грубо обращаются с публикой, ругаются между собой, дозволяя сквернословие, и вообще держат себя на улице крайне неприлично». И следом еще один: «...легковые извозчики и кучера собственных экипажей, становясь по 2 и по 3 в ряд, загораживают проезды во дворы и стесняют движение по улицам».

Для искоренения выявленных безобразий участковым приставам предписывалось отобрать у всех извозчиков специальные «подписки» с обязательством строго выполнять установленные правила и в дальнейшем «иметь неослабное наблюдение». За каждое нарушение виновных следовало привлекать к законной ответственности.

Со временем «черные» списки, в которых могли фигурировать сразу по несколько десятков человек, стали неотъемлемой частью суточных приказов Власовского. Ober-полицмейстер обходился минимумом слов: извозчик № такой-то застигнут за таким-то безобразием («спал», «слез с козел и толпился на тротуаре», «оказал слушание полиции» и т. д.) и выносил вердикт – штраф или арест при полиции. «Неудивительно, – отмечал М.М. Богословский, – что извозчики, сторожа и полиция терпеть его не могли и трепетали перед ним, извозчики с ненавистью говорили о нем с седоками».

Извозчики: – Приказано сидеть на

козлах и вежливо говорить!..

(кар. из журн. «Будильник». 1892 г.).

И что примечательно, требования Власовского не носили, говоря современным языком, характера кампанейщины. На протяжении всего срока, пока он занимал пост ober-полицмейстера, на улицах соблюдался порядок. В 1899 г. газета «Новое время», отдавая должное начальнику московской полиции, писала: «Извозчики, словно по щучьему веленью, стали почтительно обращаться с седоками, ездить осторожно и правильно, перестали предаваться пьянству».

В той же статье была отмечена несомненная заслуга Власовского в благоустройстве города: «...в самый короткий срок достиг удивительных результатов: исчезли «египетские пирамиды» куч грязного снега, весной уносимые потоками в Москву-реку». Но первым из журналистов, кто обратил внимание на

небывалые новшества в жизни Первопрестольной, был Влас Дорошевич. В апреле 1892 г. он сообщал в очередном репортаже:

«Москва до полицмейстера Власовского была городом, где ходить было вообще довольно скверно, а по весне – в особенности. Полковник Власовский весьма быстро привел Белокаменную в вид, если не вовсе приличный, то все-таки более или менее благоустроенный. Вполне упорядочить город, где антигигиенические, антикомфортные безобразия накопились десятками лет – дело, требующее большого труда и многого времени. Власовский положил этому труду начало. И за то уже большое ему спасибо».

Первый приказ обер-полицейстера по поводу состояния московских улиц выглядел так:

«При проезде по улицам г. Москвы 13 сего января, замечены мною следующие беспорядки: на Большой Дмитровке лежат огромные кучи снега, на Садовой образовались в ширину всей улицы поперечные выбоины, в Троицком переулке, ведущем к Троицкому подворью, допущены ухабы, в переулках: Грохольском, Хохловском и Большом Ивановском тротуары не очищены от льда и не посыпаны песком, а на площадях у Страстного монастыря и у вокзала Николаевской железной дороги не горели костры.

Опытный мастер за чисткой полицейского механизма в Москве (на бутылочке со смазкой надпись «Порядок и дисциплина»). Москва: – Очень даже буду вам благодарна, господин хороший, ежели машину эту мне исправите, а то она у меня, чай, все время неправильно действовала...

Опытный мастер: – Исправить-то исправлю, только вы, матушка, должны слушаться и умело с машиной обращаться, иначе никакая починка не поможет...

(кар. из журн. «Будильник». 1892 г.).

Поэтому предписываю по полиции распорядиться о немедленной уборке с улиц куч снега, а сгребаемый с рельсов конно-железной дороги отнюдь не допускать оставлять на день, а таковой должен быть свозим непременно в течение ночи. Образовавшиеся же на улицах ухабы и выбоины немедленно сколоть и тротуары безотлагательно очистить и посыпать песком; костры же зажигать во все время сильных морозов.

На будущее время отнюдь не допускать подобных беспорядков и не вынуждать меня прибегать к повторениям по этим предметам».

Тем не менее на первых порах обер-полицейстеру приходилось неоднократно напоминать подчиненным о выполнении обязанностей. Например, на беспорядок на Басманной улице – ухабы, покрытые льдом тротуары, неопрятное содержание – Власовский указывал местному приставу четыре раза подряд в течение двух недель. При этом ни словом не упомянул о взысканиях.

Видимо, начальник полиции предоставлял подчиненным шанс приспособиться к его требованиям, очнуться от привычной спячки, заработать в полную силу. На первом этапе своей деятельности Власовский, обращаясь к приставам, их помощникам, полицмейстерам, предлагал чаще обходить подведомственные участки. Недели через три пребывания в должности в его приказах зазвучал новый мотив: при проезде по городу «никого из полицейских чиновников не встретил на улице». Затем Власовский дал понять, что не стоит имитировать бурную деятельность путем присылки ему ненужных

бумаг. Ему неинтересно было знать, сколько протоколов составил пристав 1-го участка Рогожской части, – главное, чтобы домовладельцы выполнили требования полиции по очистке тротуаров ото льда и вывезли за город грязный снег.

Со временем Власовский стал применять наказания. По свидетельству М.М. Богословского, обер-полицмейстер поддерживал строгую дисциплину, невзирая на чины: «Не только околоточных надзирателей, но и участковых приставов, – иные из последних бывали в чине полковника, – он ставил в качестве дисциплинарного взыскания также на перекрестках улиц часов на 5 или 6 на дежурство, с которого нельзя было сойти». В газете «Новое время» было отмечено, что для упорядочения полиции и поднятия ее престижа Власовским были применены такие методы, как «искоренение дурных в ней элементов и приглашение на места приставов и их помощников людей обеспеченных, образованных и даже титулованных».

Политику «кнута и пряника» применял обер-полицмейстер и по отношению к рядовым служащим полиции. Награждение городских за примерное выполнение служебного долга он всегда отмечал в суточных приказах первым пунктом. Начало такой практике было положено 20 января 1892 г., когда в «Ведомостях московской городской полиции» для всеобщего обозрения было опубликовано:

«Городовой 1-го участка Пресненской части Калинин, находясь на посту у Пресненской заставы, заметил проходившего по улице еврея, не имеющего права на проживание в Москве, и когда задержал его для представления в участок, то еврей тот дал городовому один рубль, прося об освобождении, но городской представил еврея вместе с данными деньгами в участковое управление.

Назначая городовому Калинкину, в награду за такое внимательное и добросовестное исполнение служебных обязанностей, пять рублей из состоявших в моем распоряжении сумм, предписываю приставу выслать его за получением денег к казначею моей канцелярии».

Пристальное внимание Власовский обратил на условия жизни и службы рядовых полицейских. В начале февраля 1892 г. после осмотра будок он отметил в приказе, что городовые живут с семьями «несоразмерно с кубическим содержанием воздуха». Из-за этого в жилищах стоит духота, что вредно отражается на здоровье. Приставы получили указание проверить все будки и по помещениям, не отвечающим санитарным нормам, представить специальную ведомость. Тем же приказом предписывалось так «употреблять» городских на службу, чтобы у них оставалось время для отдыха.

Как настоящий командир, Власовский прекрасно понимал, что нельзя обойтись без строгости. Для начала он дал это понять всем рядовым стражам порядка:

«Получены мною сведения, что городовые во время отправления постовой службы грубо обращаются как с публикой, так в особенности при задержании по каким-либо случаям разных лиц, вынуждая их этим на оскорбительные действия. Кроме того, нередко отказывают в их законном содействии, под разными неосновательными предлогами лицам, обращающимся непосредственно к ним с просьбами о помощи.

Почему предписываю по полиции постоянно внушать городовым, чтобы они во время отправления служебных обязанностей были вежливы в обращении, отнюдь не позволяли никакого самоуправства, а тем более насилия, и чтобы они оказывали законное содействие всем обращающимся к ним с просьбой о том».

В конце января несколько городских были лично отмечены обер-полицмейстером. Один во время дежурства стоял не по середине улицы, как положено, а на тротуаре, другой допустил, чтобы на Пятницкой улице в нарушение запрета стоял легковой извозчик. Третий вообще «сидел на крыльце трактирного заведения, курил папиросу и разговаривал с частными лицами». Но всех переплюнул городской Денисов – он ушел с поста в винную лавку и там пил водку.

Его-то обер-полицмейстер наказал строже всех: назначил семь раз на дежурство к вокзалу Курской железной дороги. Остальным Власовский приказал заступать по три раза через смену «в наружный наряд для наблюдения за порядком на те улицы, где усиленное движение».

Усилиями Власовского городовые были превращены в настоящих стражей порядка. Об этой удивительной метаморфозе М.М. Богословский писал: «Незаметные прежде постовые городовые, нередко стоявшие у чьих-нибудь ворот и проводившие время в добродушных беседах с кухарками и прочей прислугой, поставлены были теперь на перекрестках улиц и должны были на больших улицах руководить и управлять уличным движением. Всякие «праздные разговоры», как выражался Власовский, были им запрещены. На место невзрачных прежних людей в городовые Власовский набирал молодых высоких солдат, вышедших по окончании срока службы в гвардейских полках. Это были силачи и великаны, стоявшие на перекрестках улиц как бы живыми колоннами или столбами. Заведена была строгая дисциплина».

Новые украшения Москвы. Уличные «живые фигуры» как свидетели возрождения Белокаменной в эпоху полицейского порядка и городского благоустройства. (кар. из журн. «Будильник». 1892 г.).

Современник мемуариста упомянул и о такой характерной детали: «Городовые при Власовском стали вежливы, бдительны и исполнительны».

Служба Власовского, приносившая Москве столь явную пользу, была прервана Ходынской катастрофой, омрачившей коронацию Николая II. Многие из современников тех событий считали, что главным виновником трагедии был великий князь Сергей Александрович. Говорили, что самолюбие генерал-губернатора было смертельно уязвлено распоряжениями Министерства императорского двора, согласно которым в организации коронационных торжеств московским властям отводились вторые роли. В результате обер-полицмейстеру было приказано занять позицию пассивного наблюдателя – пусть дворцовое ведомство само все устраивает.

Как позже выяснилось, Ходынское поле оказалось непригодным для размещения почти полумиллионной толпы, собравшейся в ожидании царских подарков. Из-за возникшей давки, по официальным данным, погибло 1300 человек и 1389 было изувечено. Специальная комиссия, расследовавшая причины «Ходынки», недолго искала главного виновника. Для нее вполне достаточным оказалось заявление Власовского, что он узнал о предстоящей раздаче подарков из газет.

Отправленный в отставку, А.А. Власовский переехал в Санкт-Петербург, где скончался 3 февраля 1899 г. Гроб с его телом был перевезен в Москву и захоронен на кладбище Алексеевского монастыря. Накануне похорон в церкви Николая Чудотворца в Гнездниках, находившейся неподалеку от дома обер-полицмейстера, была совершена заупокойная служба. На ней присутствовали великий князь Сергей Александрович и преемник Власовского – обер-полицмейстер Д.Ф. Трепов.

В некрологе, опубликованном в «Ведомостях московской городской полиции», о Власовском говорилось: «Почивший много потрудился для Москвы, вводя улучшения, касающиеся как внешнего порядка, так и санитарного состояния столицы. Предметом его забот была московская пожарная команда, которая при нем усилена составом служащих и приобретением паровых машин». Но, пожалуй, главной эпитафией прозвучали слова корреспондента «Нового времени»: «Теперь Москва уже не может вернуться к состоянию абсолютной грязи, из которой ее вытащил Власовский».

Журналист и литератор А.В. Амфитеатов, лично знавший А.А. Власовского, на его смерть откликнулся очерком мемуарного характера: «...он мне показался человеком добрым и мягким в обращении, хотя каждая черточка его благородного лица выдавала его непомерную нервность. Он любил искусство, дружное общество, умел пожить весело, в свое удовольствие, отдавая делу время, а потехе час.

Это был энергичный, смелый, честный деятель, который вошел в Москву, опираясь на руку Н.А. Алексеева, хозяйничавшего в то время в Белокаменной, «никому не спросясь», со свойственными ему быстротою, стремительностью, натиском. Алексеев приглядел Власовского в Риге и Варшаве, заметил в

нем те же административные свойства, что в себе самом, и возопил:

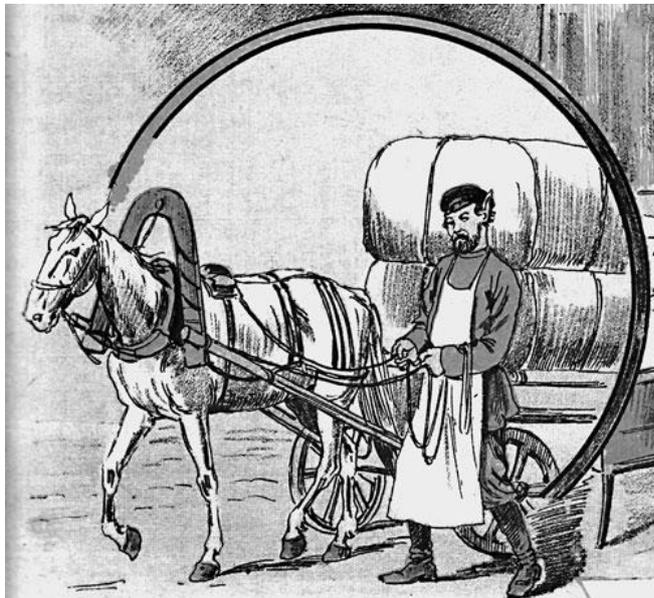
– Да ведь этакое-то нам и надо!

Стараниями и хлопотами всемогущего «головы-диктатора» пред высшею администрацией Власовский был назначен на важный пост московского обер-полицмейстера. Алексеев редко ошибался в людях, не ошибся и на этот раз. Говорят, что новая метла чисто метет. Но такой чистки, как увидела Москва от Власовского, кажется, еще ни от одной метлы не видывали. В моих бумагах сохранилась рукописная «гражданская баллада» того времени; первые шаги Власовского в Москве воспеты ею довольно характерно...

В те дни, когда народ московский,
Упитан водкою «поповской»,
Неукоснительно храпел
От Краснохолмья до Арбата
И ничего знать не хотел
Опричь лежанки и халата;
Когда по скверной мостовой,
Бывало, жулик так и рыщет,
А сонный страж городской
Ему вдогонку тщетно свищет,
Когда сугробы на сугроб,
Из года в год, великой кучей
Валил на улице пахучей
Домовладелец-остолоп;
Когда извозчик – в грудь ли, в лоб ли
Проходим – не жалел оглобли;
Когда все дворники-скоты
Вдруг стали с жителем на «ты»;
В те дни, как грозное виденье,
На Алексеевский призыв
Вдруг произвел землетрясение
Власовский, мрачен и ретив.
Он вопиял: проснитесь, сони!
Довольно копоты и вони!
Прошу на блеск и чистоту
Всех раскошелиться обильно, —
Не то умою вас насильно
И наведу вам красоту!
Я окажу вам благостыню:
Не слышать больше вам от них,
Арестом усмиранных вашим,
Хулы на родственниц своих,
Притом в колене восходящем!
Домовладельца бросит в жар,
Домовладелец будет плакать,
Но из асфальта тротуар
Заменит вековую слякоть!
И днем, и ночью буду я
Летать по стогнам, злой и зоркий...
И – ни единая свинья
Не смей пастись под Швивой Горкой!
Завой хоть волком вся Москва,
Ничто усердья не умалит:
[Великий князь] меня похвалит
И расцелует голова!
Все москвичи, как будто графы,
С комфортом новым заживут...

А нерадивым – штрафы, штрафы!
А непокорным – грозный суд!!!

Со смертью Алексея Власовский потерял как бы большую половину самого себя. Энергия осталась прежняя, но она начала спотыкаться, не встречая для себя вдохновляющего сочувствия, каким поддерживал Власовского покойный голова, и напротив, то и дело нарываясь на холодное равнодушие, вражду и открытое противодействие разных мелких и корыстных ненавистей, распложенных прямым, резким и порывистым образом действий обер-полицеймейстера. Он борется, но как-то чувствуется уже, что это – лишь судороги человека, задыхающегося в неравной борьбе. Болото одолевает, тина душит... Тут подоспела Ходынская катастрофа. Власовский исчезает с горизонта, карьера его кончена».

Ломовик: – Приказано «ухо держать востро», не то «скрутят»!.. Выходит, теперича никому в затылок даже не попадешь!.. (кар. из журн. «Будильник». 1892 г.).

В 1922 г., находясь в эмиграции, Амфитеатров добавил к портрету Власовского такие штрихи: «Два этих порока, алкоголизм и морфиномания, обыкновенно исключают один другой, но, когда они сочетаются, получается жуткое самоуничтожение организма, истлевающего, как свеча, зажженная с двух концов. В такой опасной мере (...) я наблюдал это страшное сочетание лишь у одного, тоже очень странного человека: у пресловутого своей непопулярностью московского обер-полицеймейстера Власовского... (...) Этот алкоголик, морфинман, садист, самодур, фантаст, одержимый галлюцинациями и манией преследования, был человек уже безусловно психически аномальный».

Последним московским обер-полицеймейстером был генерал-майор Д.Ф. Трепов [17 - Дмитрий Федорович Трепов – сын петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, в которого стреляла террористка Вера Засулич. Окончил Пажеский корпус, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. воевал в отряде генерала Гурко, был ранен. Московский обер-полицеймейстер с 1896 по 1905 г. В октябре 1905 г., будучи петербургским генерал-губернатором, в приказе войскам на подавление революционных выступлений употребил выражение, ставшее хрестоматийным: «Холостых залпов не давать! Патронов не жалеть!»]. Кроме успешного подавления первой русской революции, он прославился еще тем, что вместе с начальником охранного отделения С.В. Зубатовым насаждал так называемый «полицейский социализм». Об этом он рассказывал так:

«Мы шли к нашей цели тремя путями: 1) мы поощряли устройство рабочими профессиональных союзов для самозащиты и отстаивания их экономических интересов; 2) мы устроили серию лекций по экономическим вопросам с привлечением знающих лекторов; 3) мы организовали широкое распространение дешевой и здоровой литературы, старались поощрять самодеятельность и способствовать умственному развитию и побуждать к бережливости. Результаты были самые лучшие. До введения системы Зубатова Москва клокотала от недовольства; при моем режиме рабочий увидел, что симпатии правительства на его стороне и что он может рассчитывать на нашу помощь против притеснений предпринимателя. Раньше Москва была рассадником недовольства, теперь там – мир, благоденствие и довольство».

На самом деле Трепова подвело плохое знание диалектики. Поначалу ему удалось в какой-то мере

снизить накал рабочего движения, но в конечном итоге большевикам удалось воспользоваться уже готовыми организациями, созданными с помощью властей, и направить энергию пролетариата непосредственно на борьбу с правительством. Впрочем, об этом в свое время достаточно подробно писали советские историки.

Так же противоречивы заслуги Трепова в деле управления полицией. Он неуклонно требовал от подчиненных поддерживать порядок на улицах Москвы и, в частности, правильное дорожное движение. Как и его предшественник, Трепов добивался от городских, чтобы они заставляли извозчиков ездить по правой стороне и не создавать заторы. Однако после его перевода в Петербург выяснилось, что состояние московской полиции далеко не образцовое. Многие из городских, например, не были обеспечены револьверами и фактически заступали на посты вооруженные только шашками. Привычным для Трепова было и вольное обращение с казенными деньгами.

1 января 1905 г. должность обер-полицмейстера была упразднена. Чиновник, исполнявший функции начальника полиции, получил наименование градоначальник.

Квартальные

полицейский дом на Селезневской улице

Суцеский

Федотов П.А. Квартальный

(рисунок 1840 г.)

Я помню, как квартальный надзиратель,
Порядка русского блюститель и создатель,
Допрашивал о чем-то бедняка,
И кровь лилась под силой кулака,
И человек, весь в жалком беспорядке,
Испуганный, дрожал, как в лихорадке.

Н.П. Огарев

«Квартального надзирателя должность требует беспорочности в поведении, доброхотства к людям, прилежания к должности и бескорыстия» – так в «Уставе благочиния» определила императрица Екатерина II качества полицейского офицера, по своему служебному положению ближе всех стоявшего к обывателям.

До преобразования московской полиции в 1881 г. квартальный надзиратель представлял первую полицейскую инстанцию в городах. У него в подчинении находился квартал — часть городской территории, населенная определенным количеством жителей. Для них именно квартальный был тем самым «оком государевым», под пристальным взглядом которого проходила вся жизнь российского горожанина.

«Устав благочиния» предписывал квартальному следить за тем, «чтобы все и всякий в его квартале оставался в законно-предписанном порядке», «чтобы молодые и младшие почитали старых и старших», чтобы слуги беспрекословно слушались хозяев. Кроме того, в его обязанности входил разбор мелких ссор и споров, а также «бдение, дабы всяк пропитался честно и сходно узаконению». Для этого квартальный был должен «ведать о всех в квартале его ведомства живущих людях».

Последнее бывало особенно необходимым, когда возникала потребность отыскать человека, проживавшего в Москве. Например, загулявшего офицера, который не спешил вернуться из отпуска к месту службы, или должника, скрывавшегося от судебных исполнителей. Несмотря на учреждение в 1807 г. Адресного стола – специального отдела московской полиции, куда стекались сведения обо всех, кто поселился в городе, – основная тяжесть розыска приходилась на кварталных.

О малой эффективности такой системы свидетельствует эпизод из романа Ф.В. Булгарина «Иван Выжигин»: «...я поехал в полицию и нашел чиновника, который взялся отыскать жилище тетушки».

Разосланы были приказания ко всем Частным Приставам, чтоб они немедленно дали знать в Управу, где проживает г-жа Баритоно. От всех съезжих дворов получены рапорты: «Что в такой-то части упомянутой Баритоно на жительстве не имеется». На другой день, после получения рапортов, трактирный лакей, которому я также поручил отыскивать тетюшку, уведомил меня, что она живет в двадцати шагах от трактира, в доме, принадлежащем жене Частного Пристава, рядом с тем самым Квартальным Надзирателем, который сочинял от своей части рапорт, что г-жи Баритоно на жительстве не имеется».

Другой квартальный, не обладавший должным служебным рвением и чутьем, упомянут М.М. Максимовым в «Записках сыщика». Описывая похождения вора, совершавшего в Москве дерзкие кражи, сыщик отметил, что для проживания без соответствующей регистрации преступник избрал дом некой барыни:

«В это время бывало у нее много гостей, которым она выдавала К-ва за своего родного брата, приехавшего к ней погостить из Казани. Он, поддерживая родство, распоряжался в ее доме, как брат, позволяя себе нередко быть в халате. Барыню по праздникам приходят поздравлять унтер-офицеры из полиции, которым К-в всегда дает по полтиннику. Они остаются очень благодарными и верят тому, что он ей родной брат, приехавший погостить.

У квартального

(литография 1857 г.).

Один раз К-в, лежа на диване, рассматривал какую-то книжку, а барыня, сидя у окна, вязала чулок. Откуда ни возьмись – квартальный. Вошел прямо в зал и, раскланявшись с К-м и барыней, начал вести сначала разговор о том, что он давно не заходил из-за множества дел. Барыня, тотчас обласкав надзирателя, высказала ему, что она по случаю приезда брата и сама мало бывает дома, а потому, если бы он и вздумал прийти, то ее бы не застал. Не думаете ли вы, что К-в в это время сконфузился? Нет, нисколько. Напротив, он, спросив у надзирателя – давно ли тот служит и какого города уроженец, пустился с ним в разговор о торговых делах в Москве, расспрашивая о здешних фабрикантах. И так покалякавши часа два, они с надзирателем расстались как хорошие знакомые».

Впрочем, иногда нерадивость квартальных была москвичам только на пользу. Так, в 1837 г. в Управу благочиния поступило распоряжение о взыскании с П.В. Нащокина более сорока тысяч рублей. В ответ истца уведомили, что должника «...по розыску полиции жительства в городе не оказалось» [18 - Цит. по: Ольга Сарнова. «Вертит меня точно на колесе...»//Родина. 2005. № 7. С. 80.]. Резолюция более чем странная, если учесть, что отставной поручик Нащокин пользовался в Москве большой известностью. «С утра до вечера, – описывал Пушкин обстановку в доме своего близкого друга, жившего в то время у Пречистенских ворот, – у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы. Всем вольный вход; всем до него нужда; всякий кричит, курит трубку, обедает, поет, пляшет; угла свободного нет...»

Однако были среди квартальных и такие, кто досконально знал подведомственную ему территорию, поскольку нес там службу не один десяток лет. Пример такого старого служаки приводит в воспоминаниях

Н.А. Найденов:

«Продолжительность состояния на одном месте и в одной должности была присуща в прежнее время не только лицам, составлявшим церковный причт, для которых занятие места имело до некоторой степени наследственный характер, но до конца 1840-х годов она встречала большое применение и к службе в местной полиции; ближайшие к населению полицейские чины, начиная с квартальных надзирателей и кончая будочниками, оставались несменяемыми, – исключая случаев личного стремления к переходу, что встречалось, однако, редко, или каких-либо казусных обстоятельств, – в течение долгого времени на одном месте и таким путем приобретали оседлость, делаясь для местности непременно принадлежностью. Таким был и у нас квартальный надзиратель тит[улярный] сов[етник] Егор Филип[пович] Долгов, который заслуживает воспоминания; это был по внешнему виду гоголевский городничий (каким последний изображается), но лишь иного свойства по его действиям; он был человек неприятельный, близкий к жизни местных обывателей, оберегавший их при всяких встречающихся случайностях и потому пользовавшийся общим с их стороны расположением».

Сам факт реального существования в жизни таких полицейских позволял опровергать утверждение, что обыватели не видели со стороны блюстителей порядка ничего, кроме произвола. Когда некий князь, описывая в «Современной летописи» разбор полицией его конфликта с кухаркой, обвинил квартального надзирателя в запугивании свидетелей, в ответ получил отповедь:

«Где опять видел автор народ, смотрящий на квартального надзирателя, как на инквизитора? Полицейские чиновники имеют слишком частые сношения с народом; народ привык к ним, освоился с ними и не может бояться их как инквизиторов. Эти инквизиторы очень часто отстаивают права простых людей, и в полицейском чиновнике народ видит скорее своего защитника, чем утеснителя».

Квартальный-старожил со временем поневоле узнавал все подноготную подвластных ему жителей, поскольку ни одно мало-мальски важное событие в жизни обывателей не обходилось без его ведома. Эту сторону жизни москвичей поэт Б.Н. Алмазов отразил в стихотворении «Неизбежный»:

Что б ни послали боги нам —
Счастливый случай иль печальный —
Во всем, друзья, как соль ко щам,
Необходим для нас квартальный.
Повестку ль с почты принесут
На малый куш иль капитальный,
Нам денег с почты не дадут,
Коль не подпишется квартальный.
Хотим ли видеть Божий свет
И в путь собираемся мы дальний,
Кто даст на выезд нам билет?
Все он опять, опять квартальный!
И в скорбный час, когда зажгут
Над нами факел погребальный,
Как нас в заставу провезут;
Кто нам поверит, коль и тут
Не даст свидетельства квартальный?

Современный читатель может посчитать художественной гиперболой утверждение поэта, что без «благословения» квартального московский обыватель не мог сделать ни единого шага. Тем не менее все перечисленное в стихотворении – черты реального быта. Например, дилижансное сообщение между Москвой и Петербургом, открытое зимой 1820 г., подчинялось строгим правилам. При покупке билета, кроме паспорта, в контору следовало представить подписанное квартальным разрешение на выезд из Москвы. Одно время даже существовала практика лишения должников, не расплатившихся с кредиторами, возможности сменить место жительства – у них квартальные просто отбирали паспорта.

Обыватели: – Вот, батюшка Иван Осипович, мы вам замочек принесли: запирайтесь им покрепче, а то мы боимся, чтобы и вас у нас не украли.

(кар. из журн. «Развлечение». 1864 г.)

На абсолютный характер власти квартальных намекал автор сатирического «Путеводителя по Москве», опубликованного в журнале «Современная летопись»: «...в столице имеется около ста квартальных надзирателей. Оные надзиратели распределены по столице сообразно с тем, какие местности и водворения какого порядка требуют; права их в точности, правда, не определены, но зато определены их обязанности: они должны споспешествовать, наблюдать, “просить честию” и в случае надобности подвергать изъятию».

И все же у власти квартального имелись пределы. Характерным примером служит обнародованная «Русскими ведомостями» история со строительством на Рождественском бульваре дома миллионерши Н.Ф. фон Мекк. Вопреки правилам, стройка не была огорожена, что создавало опасность для прохожих, но на многочисленные жалобы квартальный, махнув рукой, отвечал: «Сам только что видел это безобразие и не сказал ни слова, так как же нам, маленьким людям, осмелиться беспокоить?»

Но уж если обстоятельства не создавали непреодолимых препятствий, полицейский офицер обязательно проявлял служебное рвение. Ни одно нарушение порядка не могло укрыться от бдительного взора квартального, в каком бы состоянии он ни был. Пример такой верности долгу стихотворец, знавший не понаслышке жизнь полиции, описал в поэме «12 спящих будочников»:

Квартальный пьяный там идет,
Качаясь как тростина,
Его лакеишка ведет,
Достойный господина.
И взвидел полицейский глаз,
Что в луже шевелится
Какой-то пьяница – тотчас
Мой крюк остановился.
«Меня к забору, – рек, – приставь,
А этого скотину
Скорей на съезжую оправь!
Ступай!.. Родному сыну
Я пьянства не прощу во век!
Какого развращенья
Достигнул ныне человек!
И все от просвещенья!»

Увы, бывало и так, что строгие исполнители закона сами становились жертвами зеленого змия. Одну такую историю, участником которой как раз был квартальный, вспоминал литератор Ю.А. Бунин.

Началась она с того, что на спектакле в Малом театре студент Извеков слишком усердно и громогласно вызывал актрису А.И. Колосову. В конце концов сидевшему неподалеку московскому обер-полицейстеру надоело слушать восторженные вопли вошедшего в раж театрала, и он приказал удалить студента из зала. Частный пристав вывел Извекова на улицу и передал квартальному. Тот подозвал извозчика и вместе с задержанным студентом сел в пролетку [19 - По законам Российской империи студентов, задержанных

полицией за нарушение порядка, передавали университетским властям, а те уже сами накладывали взыскания. Поскольку студенты пользовались правами государственных служащих, полиция не имела права вести их по тротуарам на глазах у публики, а должна была везти на извозчике в пролетке с поднятым верхом.]. Проезжая по Охотному Ряду, Извеков упросил конвоира зайти в гостиницу «Париж» якобы предупредить мать и сестру о предстоящей разлуке.

В тот вечер везение оказалось на стороне студента – он попал в номер, где его товарищи играли в карты. Они не только клятвенно пообещали сообщить родным арестанта о постигшем его несчастье, но и уговорили квартального как следует «закусить» на дорожку. Напоив полицейского до бесчувствия, молодые люди переодели его в студенческий мундир и отвезли в университет, где сдали сторожам. Похмельные муки квартального, проснувшегося на следующее утро в карцере, усугубил субинспектор Шпейер. Взбешенный тем, что дебошир вместо слов раскаяния твердил одно: «Я не студент, а квартальный», он продержал того под замком еще три дня. Только когда в полиции поднялся переполох из-за пропажи квартального, о бедолаге вспомнили и выпустили из узилища.

Впрочем, к большинству офицеров московской полиции смело можно было отнести русскую поговорку «Кто пьян, да умен – два угодя в нем». Опытный квартальный не только знал мельчайшие подробности жизни подвластных ему жителей, но и умел получать от них весьма ценную информацию. Скажем, воришка, попавшийся с поличным, получал свободу и возможность продолжать неблаговидную деятельность («Но не дай бог в моем квартале!»). Однако взамен, если квартальному требовалось обязательно раскрыть преступление, «добровольный» агент должен был тут же указать вора, кем бы тот ни был.

«Иногда на этой почве происходили самые неожиданные инциденты, – рассказывала Е.И. Козлинина о реальном случае из истории московской полиции. – Так, однажды на Кузнецком Мосту ночью был разграблен меховой магазин Мичинера. Грабители унесли самые дорогие меха почти на сто тысяч рублей, причем каждый мех имел на себе клеймо владельца магазина.

Одному из московских квартальных надзирателей было поручено произвести следствие по этой краже. Призывает он своего агента и спрашивает: «Знаешь ли ты, Карпушка, где меха Мичинера?» Карпушка прыскает со смеха, но, видимо, стесняется сказать. Это интригует следователя, и он настаивает: «Ну, чего хохочешь, если знаешь, говори!» – «Знаю, ваше благородие, да не смею сказать», – уже давясь от смеха, произносит агент. Следователь убеждает, и, наконец, агент сообщает, что меха Мичинера, все до одного, находятся у пристава такой-то части X. Следователь не верит своим ушам, но он знает, что зря Карпушка врать ему не станет, и, как ни щекотливо его положение, докладывает об этом полицмейстеру Огареву. X, хотя свой брат, полицейский пристав, но за ним уже давно числятся кое-какие темные делишки, и потому полковник Огарев идет с докладом к обер-полицейстеру. Последний предписывает произвести у пристава X. обыск, и результат этого обыска превосходит всякие ожидания».

– Вот я к вам вора привел; при свидетелях поймал его,

как он вытащил у меня эти часы.

– Ах ты мошенник! Третий раз мне эдак попадаешься!

(кар. из журн. «Развлечение». 1862 г.)

Кроме мехов из обворованного магазина, у пристава нашли фигурку бычка, отлитую из чистого золота, и с бриллиантами вместо глаз. По самым скромным прикидкам, она стоила баснословную по тем времена сумму – несколько сот тысяч рублей.

Эта неожиданная находка позволила полицмейстеру успешно расследовать еще одно дело: о таинственном исчезновении владетельного дагомейского князя. Высокопоставленный африканец путешествовал по России в сопровождении секретаря, но в Москве его следы неожиданно затерялись. Целый год московскому обер-полицмейстеру приходилось отписываться в Министерство внутренних дел, что все его подчиненные, забыв о сне и отдыхе, ищут пропавшего иностранца. И конечно же помнят об особой примете – золотом бычке, с которым князь не расстается, поскольку поклоняется ему, как божеству.

Драгоценный бычок, найденный у полицейского-«оборотня», наконец-то позволил установить все обстоятельства дела. Оказалось, что князь, прибыв в Москву, отправился гулять, а его секретарь тем временем сбежал, прихватив все вещи. Когда африканец вернулся в гостиницу и поднял шум по поводу пропажи вещей, прислуга вызвала полицию. Поскольку «арап» не предъявил документы, а на все вопросы отвечал криками на непонятном языке, пристав объявил его беспаспортным бродягой. Вместе с «Иванами, не помнящими родства» [20 - Так называли задержанных воров и бродяг, которые скрывали свои имена, чтобы не быть высланными этапом по месту прописки.] князь был посажен «до выяснения» в острог, да так бы в нем и сгинул, если бы не счастливый случай. Видимо, бог-бычок все-таки хранил своего хозяина.

Поклонение чиновников московской полиции золотому тельцу, как типичное явление, получило отражение в русской литературе. Вот какой рассказ пришлось выслушать Ивану Выжигину, герою одноименного романа Ф.В. Булгарина:

«Архипыч, – сказал мой начальник, – я удостоверился, что ты честный человек. Смотри, наблюдай, открывай мне все беспорядки, а за Богом молитва, за Царем служба не пропадают. Помни, что звание полицейского чиновника, хранителя спокойствия и безопасности граждан, есть звание почтенное, и если только чиновник действует по закону и по совести. Не бойся никого – я твоя защита!

Я вскоре ознакомился со всеми полицейскими делами и стал действовать. Я открыл, что секретарь Сергея Семеновича берет податъ с чиновников, с откупщиков, с торговцев, будто бы для своего начальника. К секретарю мы приехали ночью, обыскали его комоды, нашли деньги, билеты сохранной казны и переписку с разными лицами. Допросили, и как он не мог показать и доказать, откуда набрал в короткое время столько денег, то их отдали в Приказ Общественного Призрения, а секретаря выгнали из службы. Я открыл, что один чиновник умышленно делает проволочки при взыскании долгов и при описи имений по решению судебных мест, что он бьет дворников тех домов, которых хозяева не хотят дарить его, берет деньги с лавочников, винопродавцев и мясников за позволение торговать испортившимися товарами и припасами. Чиновника отставили. Я открыл, что в одном месте позволяют жить ворами, и тогда только отдают на жертву некоторых из них, когда дело слишком гласное и когда надобно отличиться в скором отыскании вещей, покраденных у знатных господ. Чиновника предали суду, воров переловили и сослали в Сибирь. Я донес, что в питейные дома впускают солдат, и только тех продавцов берут в Полицию, на которых доносят сами досмотрщики откупщиков, по личным неудовольствиям. Злоупотребление прекращено, и виновные наказаны. Я открыл пристанодержателей, торговцев краденными вещами, переделывателей краденых вещей; открыл сношения свободных воров с заключенными в тюрьме, и этим пресек источник богатых доходов для многих лиц. Наконец, я решился на отчаянное дело. Добрый Сергей Семенович, как человек, имел свои слабости. Он был влюблен в одну женщину, недостойную благородного его сердца. Она брала деньги с просителей и в минуту слабости выманивала у почтенного моего начальника согласие на решение дел по ее желанию, разумеется, всегда представляя дела в самом лучшем виде. Я собрал несомненные доказательства лживости и корыстолюбия этой хитрой женщины и представил Сергею Семеновичу. Беденький! Он даже заплакал – но победил страсть свою и бросил гнусную торговщицу его доброй славы. В три года он произвел меня в титулярные советники, дал мне вот этот крест и определил частным приставом в самой лучшей части города.

Вы можете догадаться, что на меня все смотрели как на пугало и рады были бы сжить с этого света. Пробовали разными средствами погубить меня, но, пока был жив Сергей Семенович, все усилия злобы были напрасны. Я вел себя честно, ничем не пользовался, и как жалованья было недостаточно для моего содержания, потому что надлежало иметь лошадей для разъездов и быть всегда чисто одетым, то Сергей Семенович позволял мне брать добровольные приношения от благодарных людей, когда я отыскивал покражу, взыскивал долг или открывал утаенное имение должника, и, кроме того, отдавал в мою пользу

конфискованную контрабанду, штрафы за нерадение и тому подобное. Сергей Семенович, как я выше сказал, не мог долго выдержать борьбы с злоупотреблениями. Пылкость его характера, неусыпность, труды и беспокойства расстроили его здоровье. Он умер, и с ним схоронил я мое счастье.

– Что, батюшка ваше благородие, нашлись ваши часы?

– Нет.

– Да вы поищите их в конторе у Сергея Михайловича; не пожалейте только, батюшка. Там их со дна моря достанут. Им эти все промышленники известны.

(кар. из журн. «Развлечение». 1864 г.)

Преемник его был также человек благонамеренный; но он имел своих доверенных людей, которых польза состояла в том, чтоб погубить меня. Он не знал меня и поверил моим врагам. Подо мною стали подыскиваться. В мою Часть пустили целую стаю воров, стали подкидывать мертвые тела, найденные в других Частях; обременили ложными доносами, завели переписку и опутали меня крючками и привязками. Кончилось тем, что у меня отняли Часть и ради Христа дали место квартального надзирателя, с тем условием, чтоб я не видал далее своего носа, заткнул уши, и укоротив язык, держал его за зубами. Вот я пятнадцать лет живу день за день, питаюсь где попало и как попало у добрых людей и едва имею чем прикрыть свою наготу, тогда как вчерашнего еще числа жена моего частного пристава (которому три года пред сим не на что было купить табаку) имела на себе бриллиантов на 12 000 счетом да турецкую шаль в 2500 рублей».

В противоположность жене ловкого пристава, в описании Ф.В. Булгарина сам честный полицейский выглядел непрезентабельно: «Мундир его был вытерт, как мостовая, шляпа отзывалась прошлым столетием, и эфес шпаги казался вороненым».

Интересна реакция Ивана Выжигина на знакомство с честным сотрудником полиции, описанная в сцене их первой встречи:

«– Я маленький человек, квартальный надзиратель, безгласный исполнитель воли начальства, но, благодаря Бога, я не глух, не слеп, имею немного ума и чистую совесть. Что вы так изволили вытянуть шею? Что вы так странно на меня смотрите, Иван Иванович? Да, сударь, я имею чистую совесть, и от того... [...]

При сем квартальный надзиратель показал на свой изношенный мундир и рыжую шляпу...»

К сожалению, нам не удалось установить, существовал ли реальный прототип квартального Архипыча – полицейского офицера, жившего на одно жалованье. Зато не вызывает сомнений свидетельство современников о том, что материальное содержание офицеров полиции в первой половине XIX в. было просто мизерным. В воспоминаниях Е.И. Козлининой говорится, что оклад квартального составлял всего 50 руб. в месяц. Его помощник, квартальный поручик, получал и того меньше – 28 руб. При этом мемуаристка поясняла:

«А ведь весь этот служилый люд имел семьи, которые требовалось кормить, и каждому из них предстояла неразрешимая дилемма: или погибать с голоду, или к получаемому жалованью еще что-либо промыслить.

Знак отличия беспорочной гражданской службы

Это вполне сознавало и правительство, и поневоле должно было сквозь пальцы смотреть на взяточничество, преследуя его лишь в тех случаях, когда оно переходило в открытый грабеж».

Последнее замечание хорошо иллюстрирует архивный документ: в 1830 г. среди чиновников московской полиции насчитывалось 17 квартальных, удостоенных Знака отличия беспорочной службы (так называемой «пряжки») [21 - ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 8 (ч. 2). Д. 4218. Л. 9-10.]. Он представлял собой позолоченную прямоугольную рамку с лавровым венком. В середине нее помещалась римская цифра, обозначающая количество выслуженных лет. Чтобы получить Знак отличия, требовалось прослужить без взысканий не менее пятнадцати лет.

Тем не менее даже наглядное свидетельство «беспорочности» в виде пожалованной царем (!) награды не склоняло общественное мнение в пользу полицейской службы. Характерным примером может служить факт биографии И.И. Пущина. Выпускник Царскосельского лицея, офицер гвардии – под влиянием идей раннего декабризма он вдруг решил поступить в квартальные надзиратели, чтобы все могли убедиться, «каким уважением может и должна пользоваться та должность, к которой общество относилось в то время с крайним презрением» [22 - Цит. по: Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. С. 13.]. По меркам века нынешнего это было бы сродни попытке сына нефтяного магната определиться в участковые. Только отчаянные мольбы сестры заставили Пущина отказаться от намерения стать полицейским.

А если бы этот аристократ и радеть за народное счастье не послушался? Тогда бы ему, как и герою повести Ф.В. Булгарина «Мудреные приключения квартального надзирателя», наверняка пришлось бы не раз выслушивать от непосредственного начальства упреки такого рода:

«Что мне это за квартальный офицер, который не имеет духу наказать дворника, не умеет прикрикнуть порядком на кучера и которого не боится ни один лавочник, ни один целовальник в целом квартале? [...]

...Но в нашей службе нельзя быть белоручкой, неженкой... Надобно быть твердым, иногда даже непреклонным, как писанный закон, потому что мы не судим, а только исполняем предписанное, и всего чаще имеем дело с людьми, которые хотят проскользнуть между законом и состраданием. [...] Не надобно нежиться, надобно быть построже...»

И Пущину, мечтавшему исправить дикие российские нравы, пришлось бы оправдываться примерно так:

«Твердости во мне довольно... [...] Но сознаюсь откровенно, что не люблю быть при наказаниях, при допросах, при драках, не люблю бить кучеров, дворников... Это мне противно...»

Поэтому каждый раз расставались бы начальник и подчиненный во взаимном неудовольствии. И постепенно строптивого офицера, выбивавшегося из общего ряда, стали бы задвигать в буквальном смысле куда-нибудь подальше на окраины города. Если верить Е.И. Козлининой, то перевод из одного квартала в другой имел для полицейских офицеров жизненно важное значение:

«Таким образом, доходы считались принадлежностью той или другой должности, которая сообразно этому и оценивалась не по окладу жалованья, а по количеству доходов, какие на том или другом месте можно было извлечь.

Это особенно ярко отражалось на полицейских кварталах; в Москве их было около 70, и каждый квартальный надзиратель, назначенный в тот или другой квартал, заранее знал, на что он там может рассчитывать.

Это знало и начальство, назначавшее его туда, и таким образом и поощрение и кара по службе определялись переводом служащего из одного квартала в другой.

Доходность каждого из кварталов была в высшей степени неравномерна и колебалась для квартального надзирателя от 2 до 40 тысяч в год. И вот, за всякую провинность квартальный переводился в худший квартал, за особую выслугу – в лучший. Зависела эта доходность квартала главным образом от количества находившихся в нем торговых и промышленных заведений, но до известной степени увеличивалась и от лица, попавшего в квартал: попадал хищник – доходы если не возрастали вдвое, то, во всяком случае,

заметно увеличивались; попадал человек стыдливый, – хотя таковые в этой среде встречались редко, – доходы убавлялись, но средняя норма оставалась приблизительно той же».

Примерное представление о стоимости услуг квартального в начале 60-х гг. XIX в. можно найти в рассказах глубокого знатока московского быта А.И. Левитова. Один из его героев, купец, за дерзость «поучил» кухарку кулаками. Обиженная прислуга «...во все звонкое горло закричала караул» и побежала с жалобой в «фартал». Появившись на следующее утро в доме купца, квартальный получил «...про свои домашние обиходишки десять рублишков и посоветовал прогнать со двора кляузницу-кухарку». Тем дело и закончилось.

– Что же это, любезнейший: сколько времени живешь ты на этой улице под моим покровительством, а от тебя как от козла – ни шерсти, ни молока!
– Чем же мне послужить вашей милости? Я человек бедный. Вот если угодно товарцем – так это с нашим удовольствием.

(кар. из журн. «Развлечение». 1862 г.)

И это плата всего лишь за разбор домашнего конфликта. А ведь были еще фабричные и торговые заведения, которые должны были содержаться с соблюдением всех правил и законов. Они-то наверняка обходились владельцам в более солидные суммы.

В дополнение к групповому портрету квартальных надзирателей и их помощников, нарисованному Е.И. Козлининой, можно добавить несколько штрихов. В формулярных списках за 1841 г. у всех офицеров этой категории стояла одинаковая пометка: «недвижимого имущества не имеет» [23 - ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 8 (ч. 2). Д. 4362. Л. 3 об. – 96.]. Как и все российские чиновники, полицейские офицеры приводились «...на верность службе к присяге с обязательством о неприкосновенности к масонским ломам и другим тайным обществам подпиской» [24 - ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 8 (ч. 2). Д. 4218. Л. 5.].

Самым старшим по возрасту среди квартальных был офицер, носивший гоголевскую фамилию Нос. В армии Евдоким Андронович Нос отслужил 18 лет и был награжден серебряной медалью. В 1836 г. он перешел в полицию и, послужив квартальным поручиком, в сорок два года получил власть над кварталом.

На десять лет моложе был квартальный поручик Манцуоров – тоже из армейских офицеров. Участник Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и подавления польского восстания, он имел награды за храбрость. А вот его ровесники и сослуживцы А.П. Лазовский, И.Е. Антонов, Н.И. Судоплатов, А.П. Ларионов пороку не нюхали. Свое восхождение по служебной лестнице все они начинали с должностей канцеляристов. Тем же путем пришел в полицию квартальный поручик И.П. Павлов.

На фоне ветеранов особо выделяется «сын секунд-майора» Н.В. фон Менгден. Пятнадцатилетним юнцом «с утверждения Г-на московского военного генерал-губернатора» он стал квартальным поручиком. За три года службы молодой офицер был трижды отмечен «Высочайшим благоволением» (благодарностью императора) и в графе «К продолжению статской службы способен, и к повышению службы достоин или нет, и зачем» получил запись: «Хорош и достоин».

Стоит заметить, что для получения такой записи в формуляре полицейскому офицеру требовалось постоянно и энергично поддерживать в квартале порядок. А для этого следовало не гнушаться по настоящему черновой работой вроде ночных обходов и арестов преступников.

О том, что «полицейские будни» были далеки от романтики, прямо свидетельствует знаток московского «дна» А.И. Левитов. Вот как в его очерках «Московские норы и трущобы» описан арест преступника:

«– Где? – спросил начальственный голос.

– Вот тут, – указала хозяйка на конуру соседей.

– Я тебе покажу, каналья, как не давать знать полиции, когда тебя обязали подпиской! – шумел тот же голос.

– Да ведь, батюшка, отец мой!.. – слезливо оправдывалась хозяйка.

– Молчать! Эй, ты, отворяй! – крикнул начальник и стукнул в дверь.

Ответа не было.

– Отворяй, говорят тебе, или дверь велю ломать!

Опять молчание.

– Ломай дверь! – обратился начальник к кому-то.

Несколько человек, вероятно полицейских, дружно откашлялись и наперли: перегородка застонала и заколыхалась, так что грозила повалиться даже в моем стойле. Наконец раздался оглушительный треск, дверь соседей сорвалась с петель и упала, мать и дочь проснулись и завопили. Я заглянул в щелку и увидел такую картину:

Яков стоял посреди своей миниатюрной комнатки, высоко подняв над головою обломок стула; лицо его было совершенно бело; черные глаза горели, как два угля; гнев и страх, исказившие его физиономию, особенно резко выражались в широко открытом, перекосившемся рте и поднятых бровях. Красная, яркая полоса света, вырывавшегося из коридора сквозь выбитую дверь, освещала всю фигуру Якова. Остальные личности, притаившиеся в полутемном углу, сами собой отодвигались на второй план в этой страшной картине. Мать и дочь, наполнявшие бессознательным, диким криком всю квартиру, барахтались где-то под кроватью, едва ли объясняя себе причину собственного вопля, потому что обе были пьяны; собутыльники Якова жались один за другого, растерявшись и недоумевая, что им предпринять.

– Лучше сдавайся без драки, – уговаривал из коридора начальственный голос.

– Ни за что!.. – твердо крикнул Яков.

– Ой, сдайся!..

Молчание.

– Тихонов, – скромно позвал кого-то начальник.

– Чего изволите, ваше благородие.

– Что же – надо брать.

В голосе начальника было что-то нежащее, ласкающее и вместе ужасное, – он как будто говорил: «что же делать, Тихонов, я сам знаю, что в этой битве тебе, пожалуй, могут свернуть шею, – но как же поступить иначе?»

– Надо брать, – скромно подтвердил Тихонов.

– Все ли тут? – спросил начальник.

– Все, ваше благородие! – возопили человек пять-шесть подчиненных.

– Подите сюда.

Наступающие отодвинулись в глубину коридора и начали совещаться вполголоса. Больше всех, разумеется, говорил начальник, потому что он отдавал приказания; подчиненные только раздражались отрывочными «слушаю-с», «так точно-с» и проч. Наконец совещание кончилось.

– Яков, – заговорил у двери Тихонов, – брось ты это дело – сдавайся.

Яков молчал.

– Ведь хуже будет. Опять молчание.

– Эх, брат, не дело ты задумал, – с грустью изрек парламентар и подкрепленный двумя-тремя товарищами двинулся вперед; остальные стояли в дверях, потому что всем невозможно было войти в клетушку.

Яков начал махать палкой. Полицейские то подвигались, то отдвигались, смотря по тому, наступал ли на них или пятился враг. Наконец один из них стремительно бросился вперед, сильно нагнув голову, что ударился ею в живот Якова: но удар был слишком слаб, Яков оправился от него в одно мгновение и поразил своего противника палкой в голову. Раненый застонал и на четвереньках пополз к двери.

Наступающие озлобились и дружно пошли на неприятеля. Яков махал своим оружием направо и налево, нанося удары и поминутно заставляя своих врагов отскакивать; однако скоро дело приняло очень дурной оборот. Палка очутилась в руках полицейских и с помощью ее они успели очень скоро припереть своего противника к стене.

Тут началась ужаснейшая драка. Яков бил, как говорится, «не в свою голову»; его били тоже без

пощады. Наконец сила взяла верх: несчастного схватили за руки и бросили на пол. Яков взвизгнул, сразу напряг все свои оставшиеся силы и в последний раз взял перевес над врагами. Как тигр он бросался из стороны в сторону, действуя руками, ногами, зубами – словом, всем, чем только мог нанести вред неприятелю; последний было струсил и уже готов отступить, но, видя, что энергия в противнике слабеет с каждой секундой, полицейские отважно ринулись вперед – и через пятьдесят секунд окровавленный, загрязненный, оборванный Яков лежал на полу, издавая болезненные стоны: два полицейских, упершись коленами в грудь несчастного бойца, немилосердно скручивали ему руки и вязали ноги.

– А это что за люди? – грозно спросил начальник, указывая на товарищей Якова.

– У них в гостях были, – отвечала хозяйка.

– Вяжи и их!

Гости отделились беспрекословно.

– Ну, что, подлец, не говорил ли я тебе? – злобно обратился начальник к валявшемуся на полу Якову, тыкая сапогом в его лицо. – Не говорил ли я тебе, мерзавцу?..

Яков вместо ответа плюнул какой-то сукровицей в физиономию начальника».

Как видно из описанной сцены, полицейский офицер лишь руководил операцией. А бывало и так, что квартальным приходилось лично проводить аресты злоумышленников. Так, 7 апреля 1869 г. на Пречистенском бульваре была устроена засада в составе трех переодетых городских и двух квартальных надзирателей. Один из офицеров изображал дворника, сгребавшего лопатой снег, другой вырядился извозчиком.

Этот маскарад понадобился для того, чтобы взять с поличным вымогателей. Их жертвой оказался купец М.С. Зотов. Полученное им письмо содержало требование принести вечером и положить под бульварную скамейку завернутые в бумагу сто рублей мелкими купюрами. В случае отказа или обращения в полицию авторы послания грозили купцу смертью, также грозили убить его жену, всех сыновей и дочерей, а дом и лавку спалить дотла. Несколько раз в письме повторялось, что разбойников много и против них тщетны меры предосторожности: «...как ни ограждайте себя, хоть окружите себя большим конвоем, все-таки от нас тогда не скроетесь».

У насмерть перепуганного купца все-таки хватило духу обратиться в полицию. Взятки взятками, но о своем долге защищать обывателей от преступников там не забывали и не побоялись выйти против целой шайки злодеев. К счастью, сражения не произошло – автором письма, арестованным с пакетом в руках, оказался выпускник Практической академии Евсеев. Таким способом молодой человек хотел раздобыть к празднику денег на подарок своей даме сердца.

И хотя Евсеев во всем сознался, Зотов и Шевелкин (ему пришло аналогичное письмо с угрозами) на радостях, что их жизням ничего не угрожает, в суде окончили дело примирением. Героических квартальных купцы щедро отблагодарили.

А вот квартальному Замайскому большие деньги не принесли счастья. Он вместе с сыщиком Толстиковым отыскал украденные у одного московского богача 80 тыс. рублей, после чего из них самочинно выделил себе и коллеге 10 тыс. в качестве награды. Суд счел это должностным преступлением.

Должность квартального надзирателя была ликвидирована в мае 1881 г. при переходе московской полиции на новые штаты. Далеко не всем бывшим квартальным удалось продолжить службу. Одного из неудачников фельетонист газеты «Мирской толк» якобы встретил во время посещения сумасшедшего дома:

«...Нас уже нет, нас уже нет!

И мы за штатом —

послышалось какое-то дикое пение на мотив известного романса «Ее уж нет, ее уж нет». Мы обернулись.

– На чем он помешан? – тихонько спросил я зрителя, указывая на поющего больного.

– Это оставленный за штатом квартальный надзиратель. Пункт его помешательства еще не совсем исследован, но, как видно, отчисление от должности сильно-таки потрянуло его. Вы заговорите с ним – он весьма спокойно держит себя.

Предложением я, конечно, сейчас же воспользовался.

– Как ваше здоровье? – робко спросил я несчастного.

– Благодарю, благодарю! – ответил он, протягивая руку. – Я здоров, но несправедливости одолели меня; если хотите, я вам подробно напишу обо всем, хотите?

– Хочу, – с участием ответил я надзирателю.

– Потому этого я не могу переварить, – продолжал больной, – что я человек религиозный и, вследствие

этого, был именован десять раз в год: на Петра-апостола, на Петра-митрополита, на Петра-блаженного, на Петра-мученика, на Петра, папу римского, на Петра-бессребреника и т. д., а теперь, вдруг, я буду именован только раз в год. Протестую! Это невыносимо, я не переживу, потому терпеть не могу несправедливостей».

Какое-то время среди москвичей еще ходила поговорка: «Лучше пить водку, чем бояться квартального», но с годами ее забыли.

Будочки

полицейский дом

Лефортовский

Будочник

(литография 1830-х гг.)

От Бога не уйдешь, как от будочника.
Ф.П. Гааз

Великая русская литература подарила миру не только образы Онегина, Печорина или князя Андрея Болконского. Среди хрестоматийных литературных персонажей хорошо известен и герой Г.И. Успенского – будочник Мымрецов. Его служебное кредо, выразившееся в словах «тащить и пущать», навсегда стало символом тупого полицейского произвола. Но здесь дотошный читатель может возразить: «Мымрецов, как следует из текста рассказа «Будка», служил в провинции. Тогда при чем здесь славная московская полиция? Где Крым, а где Нарым?»

Что же, попробуем разобраться.

Для начала отметим, что во всех городах России, где имелись полицейские команды, стационарные посты размещались в специальных будках. Более того, в период правления Николая I их предписывалось строить по всей территории империи по единому, «высочайше утвержденному», образцу.

Что же касается Москвы, то в ней существование этих специфических строений отмечено еще в начале XIX в. Так, указом Александра I от 23 марта 1802 г. отставным солдатам предлагалось поступать в московскую полицию «для употребления сторожами при будках». В 1862 г., когда было составлено инвентарное описание городского имущества, в городе насчитывалось 389 полицейских будок.

«По наружному виду будки разделяются на большие и малые, – писал в газете «Наше время» С. Натальин, – при некоторых устроены конюшни и сараи, но число таких весьма ограничено; будки с конюшнями стоят на окраинах Москвы, как ширяевская, например, расположенная на Ширяевом поле. Внутри города находится только одна будка с конюшней. Из будок весьма ограниченное число каменных; большая часть строятся деревянные».

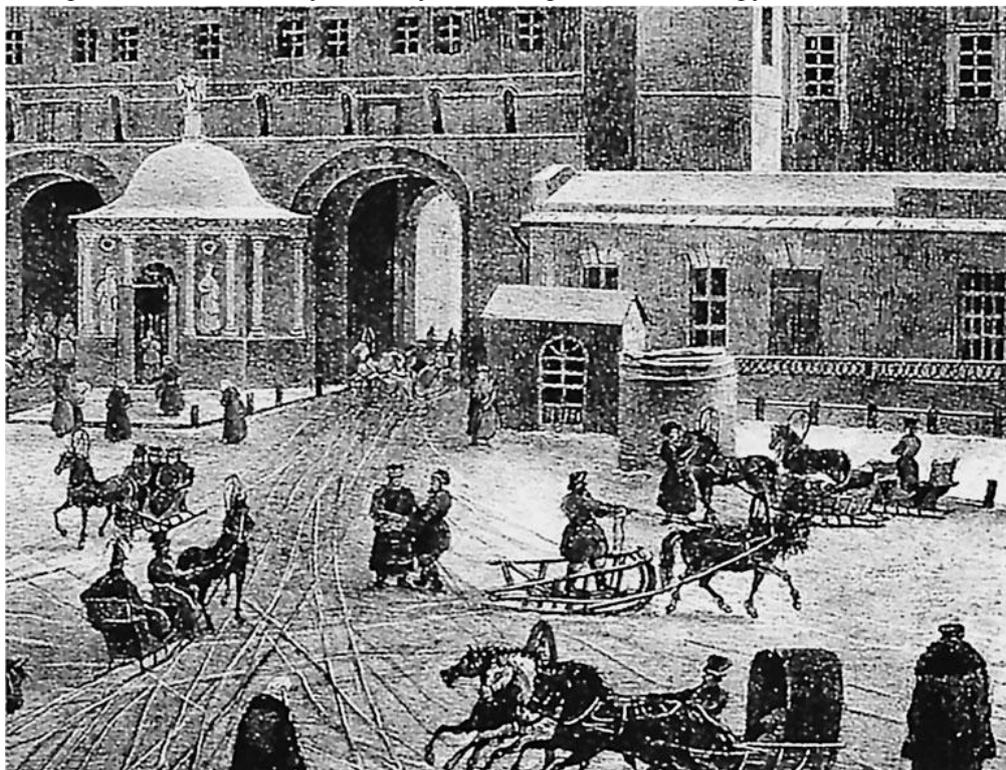
Полицейская будка №

1. Чертеж фасада и план.

Будки стояли на площадях или на перекрестках улиц и получали, как правило, названия либо по местности, где они располагались, либо по имени ближайшего храма. Из-за последнего обстоятельства в одной части города насчитывалось несколько «Спасских, Никольских и Знаменских» будок. Только при обер-полицмейстере А.Л. Потапове (1860–1861) полицейские будки были пронумерованы, однако

построенные позже номеров так и не получили, а носили лишь традиционные названия.

«Вид самих будочников был поразительный, – отмечал Н.В. Давыдов, описывая Москву середины XIX в., – одеты они были в серые, солдатского сукна казакины, с чем-то, кажется, красным на вороте, на голове носили каску с шишаком, кончавшимся не острием, как на настоящих военных касках, а круглым шаром. При поясе у них имелся тесак, а в руках будочник, если он был при исполнении обязанностей службы, держал алебарду, совершенно такую, какими снабжают изображающих в театральном представлении средневековое войско статистов. Орудие это, на первый взгляд и особенно издали казавшееся страшным, а в действительности очень тяжелое и неудобное для какого-либо употребления, стесняло, конечно, хожалых, не обладавших крепостью и выправкой средневековых ландскнехтов, и они часто пребывали без алебарды, оставив ее или у своей будки или прислонив к забору...»

Будка

(фрагмент литографии с картины О. Кадоля «Воскресенские ворота». Начало 1830-х гг.).

Привычка оставлять символ власти без присмотра однажды имела для будочников довольно печальные последствия. В начале 30-х гг. XIX в. обер-полицмейстер Цынский, как-то ночью объезжая полицейские посты, набрал в сани 12 алебард, стоявших прислоненными к будкам. Сами стражи порядка в тот момент преспокойно спали вместо того, чтобы неустанно бдить и окликать ночных прохожих: «Кто идет?» [25 - Горожане должны были откликнуться словом «обыватели»; военные отвечали: «Солдат!» В книге «Рассказы о старой Москве» писатель А.И. Вьюрков утверждал, что будочник «...ночью постукивал в чугунную доску и по временам кричал на всю улицу: «Посматривай!»].

Приказом начальника полиции нарушители устава были сурово наказаны, а сам случай послужил толчком к появлению сатирической поэмы «Двенадцать спящих будочников». Автор этого произведения, бывший полицейский чиновник Д. Языков изобразил своих коллег, не жалея сарказма: все они пьяницы, не чисты на руку, истину из задержанных привыкли выбивать кулаками. Зато богач, продавший душу дьяволу, под их защитой может и в ус не дуть – займодавцу близко не дадут подойти. Одна из гипербол поэмы: едва увидев караул будочников, чёрт Асмодей в страхе ретировался в преисподнюю, чтобы позвать на помощь самого Сатану:

Вот час полночный зазвенел!
Асмодька появился,
Но бутешников чуть узрел,
В ад тотчас провалился...

– Брось цыгарку! Экий ты!

Будочник бесцеремонно вырвал сигару у прохожего. В годы правления Николая I действовал запрет курения на улице, а следить за этим должна была полиция.

(кар. из журн. «Зритель общественной жизни, литературы и спорта». 1863 г.)

В дневное время «бутари» (или как их еще называли москвичи – «буфели» и «макарки») для дополнительного заработка пробавлялись разного рода ремеслами, но главным образом занимались приготовлением нюхательного табака. Однако в большинстве своем, будочники, стоя днем на часах, предпочитали дремать, вцепившись руками в древко алебарды. Обыватели настолько привыкли видеть их в таком положении, что считали неотъемлемой частью городского пейзажа, чем-то вроде статуй. Автор «Очерков о Москве» Д.А. Покровский упоминал о чуть ли не столетнем ветеране, который с незапамятных времен нес караул у Большого Каменного моста, да так и отошел в мир иной, не изменив привычной позы.

Что же касается других качеств будочников, то, судя по отзывам современников, они тоже не вызывали особых восторгов в обществе. Об этом, в частности, свидетельствует философское эссе, опубликованное на страницах журнала «Новый живописец общества и литературы» примерно в то же время, когда обер-полицмейстер Цынский уличил подчиненных в небрежном несении службы:

«Будочник! Сколько идей развивает это имя в уме путешественника – мечтателя, замечателя, сравнивающего наблюдателя! Не говоря уже о том, что философски рассматривая будочника, видели в нем доказательство удивительных действий просвещения и образованности. Целое народонаселение будочников осуждено стоять статуями подле маленьких хижин на перекрестках улиц, для того, чтобы все остальные жители города спокойно могли ходить и ездить. Злые люди, утверждая, что каждый замок есть сатира на честность человека, конечно, назовут будочника живой сатирой на Человечество. Нет! Заступимся за будочников и скажем, что статистическо-физическо-моральное рассмотрение будочников покажет торжество природы человеческой. Бессмертная душа человеческая, не находившая себе пределов на земле в теле Наполеона, Данте, Гете, в теле будочника довольствуется крошечной хижинкой, занимает себя дреманием на алебарде во время дня и хрипловатым окликом проходящих во время ночи. Здесь также должно удивляться бесконечности малого в человеке, как удивляемся мы, рассматривая бесконечно малые предметы природы.

Красное, одутловатое лицо, укромный быт, серая шинель будочника также не чужды ощущений человеческих. И здесь, и в этом мире кипят страсти. Честь, слава, любовь, дружба волнуют человека. Посмотрите: какое дружеское участие видно в этих двух лицах, которые чистят фонарь и метут площадку будки, и в этом торгаше табачной лавочки, который даром дает будочнику грошовую порцию табака. Вот и любовь в образе жены будочника, которую с торжеством ведет он поить чаем в ближней харчевне!..

Излишество губит и смиренный род будочников – да, оно! Не употребляй они с излишком вина, и они следовали бы за неперменным законом усовершенствования Человечества, верно доказанного новыми философами. Мечта прекрасная! Будочники грядущих поколений стали бы уже на высшую ступень перед нашими будочниками...

Будет, будет это время для вас, воины в броне сермяжной!»

Сейчас уже невозможно определить, какой срок для перехода на высшую ступень отводил рядовым

полицейским служителям философ из «Нового живописца». По крайней мере, современники свидетельствуют, что и в середине XIX в. будочники в общей своей массе по-прежнему оставались далекими от совершенства.

«Будочники были безусловно грязны, грубы, мрачны и несведущи, – писал в мемуарах Н.В. Давыдов, – да к ним никто и не думал обращаться за справками, совершенно сознавая, что они лишь живые «пугала» для злых и для добрых, специально приспособленные для того, чтобы на улицах чувствовалась публичкой и была воочию видна власть предержажая, проявлявшаяся в том, что учинивший какое-либо нарушение обыватель, впрочем, не всегда и не всякий, а именно глядя по обстоятельствам и лицам, «забирался» в полицию».

Будочник, которого товарищ зовет в кабак
(илл. к книге А. Голицынского «Уличные типы»).

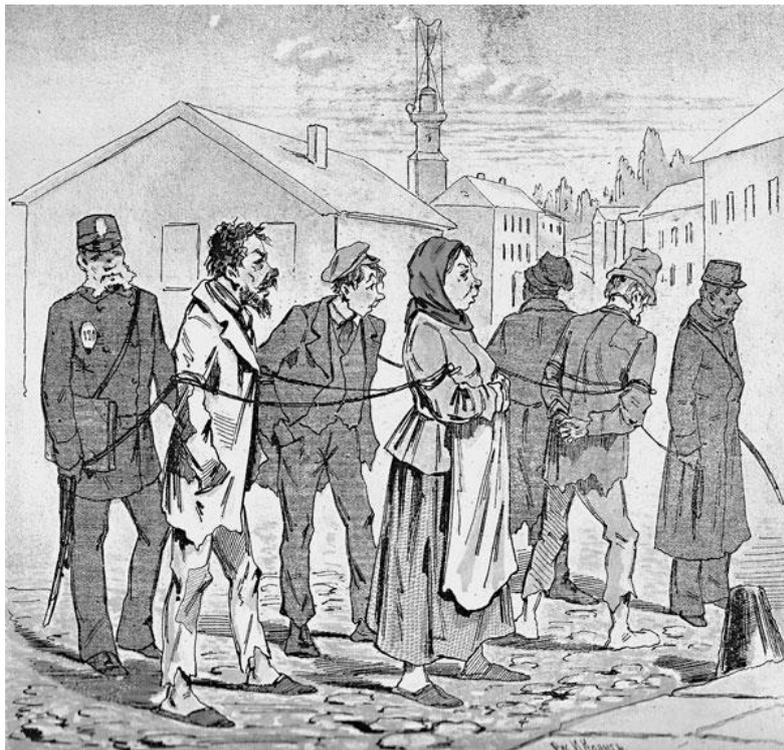
Как происходило задержание нарушителей общественного порядка, рассказала Е.И. Козлинина в воспоминаниях «За полвека. 1862–1912 (пятьдесят лет в стенах суда)». По ее свидетельству, у будочника всегда был наготове моток крепкой бечевки, хранившийся до случая за отворотом обшлага шинели. Полицейский страж связывал дебоширу руки и вел для разбора в квартал (канцелярию). Если буйство случалось в «неприсутственное» время, скажем, ночью, до урочного часа задержанного сажали в будку.

«На следующий день, – рассказывал Н.А. Найденов, – такие арестованные в награду за их деяния или были назначаемы на какие-либо внутренние при частном доме работы, как катать белье у частного пристава, набивать погреба льдом и т. п., или были выгоняемы с кругами на спине на чистку городских площадей, после чего им давался отпуск – коротко было и просто».

Попутно стоит отметить, что в связывании рук московские будочники проявляли особый стиль. Об этом писал А.П. Милюков, сравнивая полицейских двух столиц: «... в Петербурге возьмут только за рукав, тоненькой бечевкой привяжут – и идешь себе, словно гуляешь по прищепту, и будочник за тобой точно лакей за бариним идет. В пересыльную пошлют, в Демидов переулоч, – так коли хочешь, шапку тебе с таким наглазником наденут, словно вот маски, али у барынь вуали на шляпках, чтобы дескать тебе не зазорно перед публичкой было. А в Москве попался ты, друг сердечный – там уж тебе вуалем глаз не завесят, не станут хоронить от добрых людей; а руки-то обе возьмут тебе назад выворотят да вот здесь в этом самом месте, повыше локтей-то, веревкой здоровенной эдакой так скрутят, что ты и плечом не пошевелишь: жилы-то на руках все раздуются, да после этого дня три всю поясницу так ломит, что кажется кости-то все болят».

Использование труда нарушителей порядка приносило руководству полиции определенный доход. Вот что писал по этому поводу в 1864 г. гласный городской Думы Н.П. Щепкин: «Говоря о наружном устройстве города, нельзя пройти молчанием одной весьма характеристической черты этого устройства. До настоящего года очищение городских площадей, улиц и мостов лежало на ответственности полиции, которой отпускалось на это из городской казны ежегодно 8082 р. 13 к. И что же? Наши площади, особенно рыночные, т. е. почти все, находились всегда в самом ужасающем виде, представляя в некоторые времена года, особенно весной, непроходимые болота из навоза и прочего добра. Если улицы еще кое-как подчищались, хотя для видимости, то площади решительно отдавались на произвол судьбы. С нынешнего

года полиция, во избежание всяких упреков, отказалась от 8000 р., а очистка площадей и улиц будет лежать на ответственности самой Думы, которая, конечно, будет отдавать эту работу подрядчикам».

начальству

(кар. из журн. «Свет и тени». 1878 г.).

Видимые знаки привязанности к

Нарушители метут улицы под присмотром будочника
(кар. из журн. «Зритель общественной жизни, литературы и спорта». 1863 г.).

С преступниками, попавшимися на мелких кражах, будочники поступали проще. Их не тащили в квартал, а отдавали в руки «городового», который имел полномочия тут же нарисовать мелом круг на спине вора, а в круге сделать крест. После этого «меченой шельме» вручали в руки метлу из ближайшей будки и заставляли мести мостовую у места совершения преступления.

Здесь следует пояснить, что городовой, выносивший приговор на месте, в полном виде именовался «городовой унтер-офицер» и по своему служебному положению являлся непосредственным начальником подчиненных ему будочников. Его не следует путать с городскими – рядовыми полицейскими

служителями, появившимися на московских улицах в результате реформы 1881 г. (о них речь пойдет впереди). Городовых унтер-офицеров в народе называли «хожалыми» [26 - «Хожальми» еще называли полицейских служителей, выполнявших функции курьеров.]. В отличие от будочников, привязанных уставом к одному месту, «городовые» должны были постоянно совершать обходы вверенной им территории и пресекать замеченные безобразия.

По всей видимости, на улицах Москвы иногда царил настолько идеальный порядок, что городовые, оставшись без дела, впадали в своеобразный анабиоз. В 1878 г. такое явление наблюдал корреспондент журнала «Московское обозрение»: «...этих городовых, к слову сказать, было чуть ли не более, чем воронов. Что ни дом, то городской. Стоит он, обыкновенно прислонившись к стене, и, видимо, решает какой-нибудь сложный административный вопрос: по крайней мере, глаза его неприменимо закрыты. Правая рука его опущена в карман и почему-то обращает на себя особенное внимание. Не разберешь: кукиш он в кармане показывает прохожим или придерживает что-нибудь».

Вместе с официальными формами наказаний существовала еще одна – расправа на месте. Далеко не все будочники были столетними ветеранами, так что нарушитель порядка мог получить и увесистую плюху. Знакомый Дмитрия Каракозова (революционера, стрелявшего в Александра II) вспоминал такой случай: однажды будущий террорист, увидев, как городской стражник с ожесточением колотит извозчика, «...немедленно ухватил будочника за шиворот, поднял его на воздух, потряс несколько раз и бросил в сторону со словами: “всех бы вас перевешать!”»

бульваре не приказано.

Пьяный: – Оставь меня. Я живой мертвец.

Городовой: – Кондратьич! Слышь, живой мертвец... Сведем его в квартал – там разберут, мертвец он али нет.

(кар. из журн. «Свет и тени». 1880 г.)

Городовой: – Ваше бла-а-родье, вставай! Сидеть на

Полежаев А.И.

Другой борец с самодержавием, А.И. Полежаев в поэме «Сашка» описал целую битву с будочниками. Студенты, устроившие в борделе дебош, отбивались от полицейских, вызванных для наведения порядка:

Но вдруг огнями осветился
Пространный комитета двор,
И с кучерами появился
Свирепых буфелей дозор.
«Держи!» – повсюду крик раздался,
И быстро бросились на нас;
И бой ужасный завязался...
О грозный день, о лютый час!
Капоты, шляпы и фуражки
С героев буйственных летят,
И – что я зрю? – о небо! Сашке
Веревкой руки уж крутят!
«Моп шер!» – кричит он, задыхаясь.
«Сюда! Здесь всех не перебью!»
Народ же, больше собираясь,
На жертву кинулся свою.
Ах, Сашка! Что с тобою будет?
Тебя в рогатку закуют,
И рой друзей тебя забудет...
Нет, нет! Уж Калайдович тут!
Он тут! И нет тебе злодея!
Твою веревку он сорвал
И, как медведь, все свирепея,
Во прах всех буфелей поклат.

И все же среди будочников встречались отзывчивые люди. В противоположность утверждению Н.В. Давыдова, что к ним никто не обращался за справками, великий русский драматург А.Н. Островский один такой случай описал. Вот сцена из его первого литературного произведения, относящегося к 1843 г., «Сказания о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг»:

«...хохол будочник сидел на скамейке и что-то мурлыкал. Меланхолия отражалась на его лице и во всех движениях. <...>

Женщина немолодых лет, покрытая красным платком по голове и в коричневом драдедамовом салопе, подошла к будке.

– Служивой!

– Що тобі?
– Не знаєш ли, голубчик, где тут живет чиновник Зверобоев? Ах, батюшки мои, замучилась, с самых вечерен ищу, с Зацепы шла.
Будочник. Та бог его знае, как его знать, чего не знаєшь.
– Да скажи, пожалуйста, батюшка, уж так и быть, пятачка не пожалею, только бы найти бездельника.
Будочник. Та бог его знае.
– Чай, ведь видишь поутру, в присутствие-то ходят, такой маленький, плешивенький.
Будочник. Та как его знать, чего не знаєшь.
– В серых штанах ходит.
Будочник. Да много их тут в серых штанах ходит. Как его знать, чего не знаєшь.
– И в белой пуховой шляпе. Одна в Москве.
Будочник. Такого видал.
– Скажи же, голубчик, сделай милость, развяжи меня, с вечерен ищу, с Зацепы шла.
Будочник, почесывая затылок. – Шляпа-то важная.
– Да говори же скорей, измаялась, вся душа изныла. – Толкает его под бок.
Будочник. Та що ты дерешься; не в указыные часы по вулицам шатається, та еще и дерется, та еще, може, так, потаскуша якая.
– Нет, не потаскуша, а купчиха московская, мой муж-то две медали имел.
<Будочник>. Видали-ста мы вашего брата. Вот его фатера, – сказал он, с пренебрежением показывая на дом, – ступай собі».

Как известно, А.Н. Островский прекрасно владел искусством отражать через мельчайшие бытовые детали типичные явления окружающей его действительности. Выходит, «будочник-хохол» для Москвы 40-х гг. XIX в. – вовсе не экзотика. Остается только понять, почему не коренные жители, а выходцы из Малороссии охраняли порядок на московских «вулицах»?

Ответ содержит циркулярное предписание Министерства внутренних дел от 11 ноября 1831 г. «О запрещении определять в полицейские команды туземцев и местных жителей». Этим документом до губернских властей была доведена воля Николая I: «...принять за правило, дабы нижние чины, состоящие в службе менее 20 лет и поступающие во Внутреннюю стражу, были определены в батальоны инвалидных команд не тех Губерний, из коих присланы на службу, а других; равномерно и в полицейские команды; прослужившие же 20 лет, могут быть переведены и определены на родину, если того пожелают» [27 - ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 8. Д. 4208. Л. 8.].

По всей видимости, причиной этого запрета послужило начавшееся годом раньше восстание в Польше, в ходе которого польские войска и местная полиция, нарушив присягу, выступили против власти русского царя. Чтобы подобного не повторилось в других местах, Николай I и приказал комплектовать внутреннюю стражу и полицию из уроженцев отдаленных краев.

Стоит отметить, что циркуляр МВД вызвал смятение среди московских властей. Обер-полицмейстеру Муханову даже пришлось через посредство генерал-губернатора обращаться к министру графу А.А. Закревскому за разъяснением: «...распространяется ли означенное Высочайшее повеление на чиновников в Полицию определяемых, и подходят ли под оное те чиновники и нижние чины, кои уже состоят в штате полиции?» [28 - Там же. Л. 11.]

Три месяца, пока шла переписка с Петербургом, служащие полиции из числа москвичей с трепетом ожидали своей участи. Наконец министр со свойственной ему прямою ответил:

«Сообразив представление исправляющего должность Московского Обер-полицмейстера с означенным Высочайшим повелением, я с моей стороны полагаю:

- 1) Что под именем Полицейских команд, в изъясненном Высочайшем повелении упоминаемых, подлежит разуметь нижних служителей в командах находящихся, на чиновников же полиции оное Высочайшее повеление не распространяется, и
- 2) Что поелику всякий издаваемый закон, восприемля силу свою со времени издания оного, обратного действия иметь не может, то и означенное Высочайшее повеление, воспреещающее впредь определять в полицейские команды туземцев и местных жителей, должно быть приводимо в исполнение не иначе как на общепринятом о силе и действии законов основании» [29 - Там же. Л. 11–11 об.].

Интересно, что в том же ноябре 1831 г. Николай I выразил «совершенное свое благоволение» за найденные в Москве «отличное устройство и порядок». По этому случаю царь объявил, что нижним чинам полиции «жалует по рублю, по фунту рыбы и по чарке вина на человека» [30 - ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 8 (ч. 2). Д. 4217. Л. 2.]. Награжденными оказались 4140 человек: 3277 полицейских служителей, 298 жандармов и 565 казаков 7-го Уральского полка [31 - Там же. Л. 266.]. С учетом того, что закупка рыбы обошлась по 21

р. 75 к. за пуд («с уступкой по 8 коп. с рубля»), а «вино хлебное» по 8 р. за ведро, вмещавшее 84 чарки, всего казне пришлось раскошелиться на 5569 р. 28 к. ассигнациями [32 - Там же. Л. 27.].

А спустя четверть века уже император Александр II удостоил московских будочников своей первой милости – в 1856 г. специальным указом алебарды были сняты с вооружения и заменены тесаками. Ходили слухи, что музейное оружие вызвало ироничные замечания со стороны иностранцев, приглашенных на коронацию, и царь поспешил исправить положение, чтобы не выглядеть посмешищем в глазах просвещенной Европы. Но и в 50-60-е гг. XIX в. по-прежнему на улицах Москвы можно было встретить рядового полицейского с характерным малороссийским говором. У героя рассказа А.М. Левитова будочника по прозвищу Фаламошка Зуй сослуживцем был «седой хохланец».

Вскоре после отмены крепостного права преобразование затронули и московскую полицию. Вместо солдат, набранных по рекрутской повинности, среди низших полицейских служителей заметно больше стало принятых по вольному найму. Чтобы вынудить стажей порядка не сидеть сутками напролет на одном месте, а почаще обходить улицы и пресекать безобразия, было объявлено об упразднении 53 будок.

Правда, вскоре выяснилось, что в «упраздненных» будках продолжают обитать по два, три, а то и четыре полицейских служителя. Фактически руководство полиции стало использовать караульные помещения в качестве жилья для городских стражников. При этом остался невыясненным вопрос: куда уходили сэкономленные таким образом «квартирные» деньги?<

> Видимо, не разбираясь в экономических тонкостях содержания полицейской стражи, С. Натальин пытался подойти к проблеме существования будок с точки зрения здравого смысла:

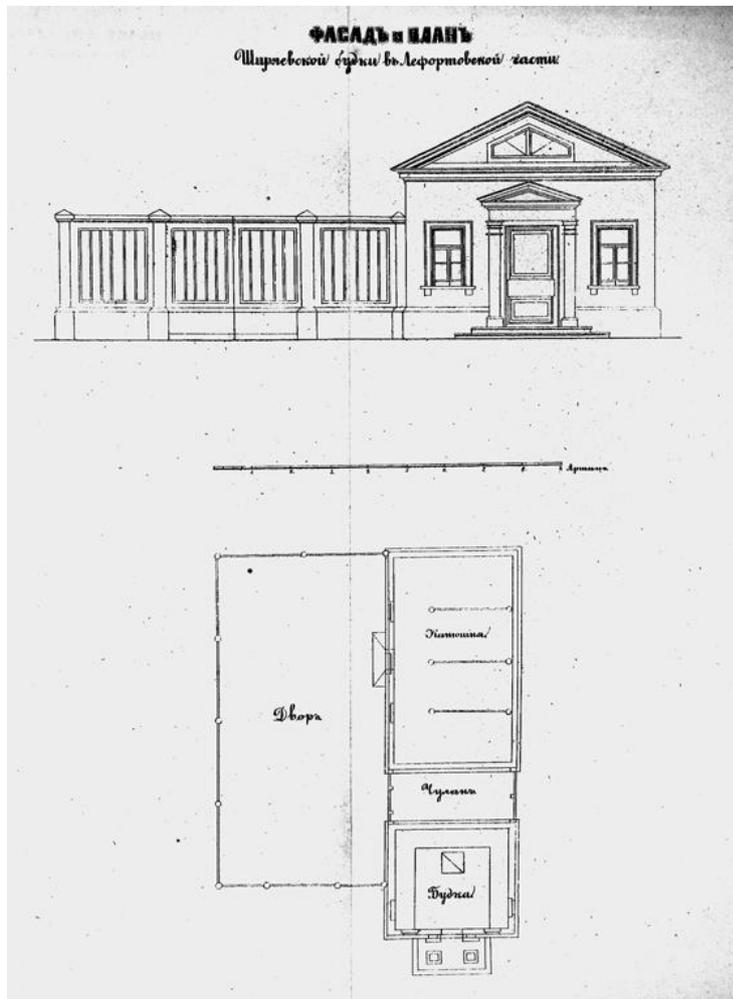
«Будки имеют совершенно другое назначение, они должны служить местом, куда бы всякий городской житель, которому встретится в этом надобность, мог бы обратиться за полицейскою помощью, уверенный, что всегда найдет там готового оказать ее ему полицейского агента. Будка должна также служить местом убежища, на некоторое время, для поднятых на улице бесчувственно пьяных, для тех, с кем случится удар на улице, наконец, и для людей подозрительных, уличенных в воровстве. Вот настоящее назначение будок. Что оно не достигается – это другой вопрос. Кому из нас не случалось дожидаться в будке градского стража, в котором чувствовалась скорая, настоящая потребность? Несколько дней тому назад пишущий эти строки увидел на улице извозчика, лежавшего в своих дрожках без чувств; толпа окружала его и по обыкновению, осматривала с напряженным любопытством. Пишущий эти строки взял под уздцы лошадь извозчика и повел ее к Петровским воротам, в надежде дорогой встретить городского унтер-офицера, на попечение которого можно было бы сдать несчастного. Городовой встретился не ближе, как у самых Петровских ворот; он объявил, что отправит извозчика в частный дом с подчаском; подчаска в будке не оказалось; городской бегал отыскивать его. <...>

– Что тебе?

– Я пришел поздравить ваше благородие – я нынче менынный.

(кар. из журн. «Развлечение». 1864 г.)

Чертеж фасада и план Ширяевской будки в Лефортовской части.

Чертеж фасада и план Ширяевской будки в

В городе есть большие площади, которые требуют большого присмотра, нежели улицы и переулки, так как стечение народа в них бывает всегда значительнее. Кроме того, есть там отдаленные глухие местности, где ночью жители подвергаются опасности нападения и где необходимо усилить надзор. Вот в этих случаях и могут служить помощью будки, в которых отдыхают те из хожалых, которые сменяются с дежурства; здесь же должен помещаться один полицейский страж, который мог бы явиться на помощь тотчас, когда его потребуют, или заменить дежурного хожалого, или принять от этого последнего какое-нибудь поручение, требующее немедленного исполнения. И так, вот, по нашему мнению, какая должна быть цель полицейских будок; они отнюдь не должны быть казармами городских стражей, но местом, где каждый житель имеет возможность всегда найти и получить помощь от полицейского агента; местом, где дается временное призрение к людям, с которыми случилось какое-либо несчастье на улице.

Нечего и говорить, что цель эта может быть достигнута только тогда, когда все градские стражи получают хорошо и ясно составленную инструкцию о своих обязанностях и когда они готовы будут всегда выполнять свою обязанность честно и неуклонно. Инструкция эта должна быть опубликована во всеобщее сведение, и печатный экземпляр ее прибит на наружной стене будки, чтобы всякой проходящий имел возможность знать, что он вправе требовать от стража, и мог указать этому последнему на его обязанности, в случае, если бы страж отказался выполнить законное от него требование».

Городовой: – Удивительно!

Отчего это голь толстеть начинает! Кажись, ведь жрать нечего!
(кар. из журн. «Свет и тени». 1879 г.)

Конечно, глупо оспаривать силу инструкции, но не надо забывать о реалиях России. Особенно если исполнителями грозных предписаний должны были быть солдаты-ветераны. Вот, например, герой одного из рассказов А.И. Вьюркова – будочник с двадцатипятилетним стажем в ответ на упреки, что он плохо охраняет от воров, с нескрываемой обидой оправдывался:

«– Да разве за ними, лиходеями, уследишь. Ты его в одной стороне ждешь, а он в другой орудует».

Впрочем, в этом заявлении присутствует изрядная доля лукавства. Описывая нравы, царившие в Москве в первой половине XIX в., Н.А. Найденов отмечал: «...тогда полиция держалась вообще строго политики невмешательства в территориальном отношении и, если на противоположной стороне улицы, принадлежавшей к другому кварталу, учинялись какие-либо беспорядки, хотя бы угрожавшие опасностью, будочник оставался спокойным зрителем происходившего перед его глазами».

Подобному стражу порядка можно было вручить самые замечательные инструкции, одеть его вместо сермяги в мундир французского кроя и по-новому именовать «полициантом», как это случилось в 1862 г., но по сути своей он все равно оставался прежним будочником. Писатель А.И. Левитов на примере героя рассказа «Из московских нравов» показал внутренний мир такого «реформированного» полицейского. Его начальство, прекрасно зная, на что он годится, смогло доверить ему пост лишь на одной из «московских девственных улиц» (т. е. на сонной окраине):

«И вот такую несчастную улицу замыкал собой бравый полицейский солдат. Звали того солдата во всем квартале Фаламошка Зуй, хотя настоящая его фамилия была – Ефрем Подобедов. На нем было надето пальто из такого сукна, которое в военной службе у нижних чинов называется «почитай офицерским», и сшито это пальто тоже на офицерский манер: левое плечо сердито вниз шло, а сзади красовались мелкие плетеные складки».

На Хитровом рынке.

Будочник: – Ну, ты там обнимай меня, не обнимай, а к празднику не забывай.
(кар. из журн. «Развлечение». 1864 г.)

И вот Ефрем, шеголя толстой, бронзовой цепочкой от томпаковой часовой луковицы, ходит по жаре два шага вперед, два шага назад и думает:

– О чем бы мне это теперича задумать, чтобы время скорее шло? – добивается он от себя. – Вот скука-то, страсть!.. В иных фарталах хорошо стоять. Сашники тут около тебя, яблоницы, извозчики, квасники, – всякую новость тебе рассказывают, как то есть и что на белом свете делается. Надоело тебе разговаривать, так из них же с кого-нибудь стесал косую [33 - Косушка – обиходное название меры водочной порции – 0,3074 л.] – и опять стой себе – горюшка мало! Но только в сих местах не так, потому народ здесь глуп: деньги у него этой редко когда больше гроша бывает. Вот здесь какой народ! Вот ты им и заправляй – оголтелым-то эдаким! Фартальный, когда меня сюда становил, сказал: «Тебе на этом посту хорошо будет, Ефрем, потому у тебя часы есть, следственно девки эти, – а и много же их в этой улице насажено, – всего тебя замузычат». Хохочет фартальный, а мне от этих девок какое веселье? Они говорят: «Нам какое дело, что ты их часовой? Ежели у нас буйства нет, так ты нам деньги давай, пива станови, водки...» От безделья страж порядка был готов совершить и вовсе неординарный поступок для полицейского того времени – потратить собственные деньги на выпивку:

«– Да пойду-ка я на свои трахну! Шкальчик, али бо пива, ей-богу! Что мне на хижиньки-то на эти смотреть на убогие? Небойсь, не уйдут! Куда им к дьяволу бежать-то? А пиво ноне четыре копейки. Говорят, указ такой вышел, дороже чтобы ни-ни...»

И все-таки Ефрем Подобедов не оставил своего поста, но причиной послужила не верность долгу, а все та же лень. Под ее ласковое нашептывание солдат надвинул на нос козырек «кэпы» и впал в привычную полудрему: «...послушный этому голосу, опять засел на камень солдат, уткнувши голову в колени. Ехали мимо него мужики от Сухаревой, скакали лихачи в пролетках, из которых какие-то девичьи голоса кричали попеременно то какую-нибудь забулдыжную песню, то караул, – бежали отрепанные сюртуки с большими узлами, – за сюртуками стремительно неслись многочисленные и свирепые толпы, из всех грудей кричавшие совести будочника: «Будочник! Лови мазуриков-то – это твое дело»; но будочник ничего не слышал и не видал, или, по крайней мере, не хотел вступаться ни во что совершающееся, сам обуянный лютым врагом – скукой, все больше и больше подбивавшей его на бесцельное сидение на горячем камне».

Лучше всего уровень бдительности будочников характеризует происшествие, случившееся в мае 1881 г., когда на улице был задержан воришка с большим узлом одежды. Произведенным на месте следствием было установлено, что кража была совершена в... полицейской будке.

Этим курьезом фактически завершилась история московских будочников. В том же мае 1881 г. царь Александр II утвердил новый штат полиции Москвы. С того момента вместо будочников и жомалых порядок на улицах стали поддерживать городовые.

Реформа полиции

Якиманский

полицейский дом

Помощник полицмейстера (1884 г.)

Повторяю – первый, утробный вопрос для города устроить на новых основаниях полицию – с решением этого вопроса решится и много других!

М.П. Погодин

В русском языке слово «реформа» означает преобразование, сделанное в целях улучшения. Эффективность реформы мы можем оценить, сравнив, в какой степени то, что было плохо, удалось ликвидировать и чем хорошим оно заменено. Так, с отменой крепостного права русские крестьяне получили личную свободу и возможность непосредственно участвовать в экономической жизни страны. Однако старый феодальный способ производства не был уничтожен окончательно. Сохранилось помещичье землевладение, продолжавшее тормозить развитие капитализма в России и в конечном итоге послужившее одной из главных причин трех революций, потрясших страну.

Реформа полиции, проведенная правительством Александра II, была такой же половинчатой и внутренне противоречивой. С одной стороны, органы охраны правопорядка получили новую организационную форму, что заметно улучшило их деятельность; с другой – в содержании обновленной полиции во многом сохранились дореформенные отрицательные черты. Изживание наследия старой полицейской системы растянулось на десятилетия и не получило логического завершения вплоть до падения самодержавия.

Кроме протяженности по времени, процесс реформирования полиции отличался дробным характером законодательной основы. Одни царские указы носили общеимперский характер (например, повеление о передаче следственных функций судебным органам), другие – касались только городской, сельской, речной и т. д. полиций. Точно так же раздельно появлялись указы, определявшие деятельность полицейских органов в разных местностях. Если главные преобразования Санкт-Петербургской городской полиции были проведены в 1863–1867 гг., то для Москвы закон о подобном переустройстве был подписан 5 мая 1881 г. уже новым царем Александром III.

Что же понадобилось менять коренным образом в полицейской системе Российской империи в середине XIX в.? Ответ на этот вопрос следует искать как в архивах МВД, так и в публицистике того времени. Министерские документы свидетельствуют о взглядах правительства и чиновников высшего звена на проведение полицейской реформы. Журнальногазетные публикации на данную тему пусть не в полной мере, но отражают общественное мнение, тем более что с началом царствования Александра II была провозглашена эпоха Гласности.

Эти группы источников сами по себе указывают на еще одну особенность процесса реформирования полиции: два информационных потока не соприкасались. В верхних эшелонах власти разрабатывались проекты преобразования полиции, шло их обсуждение, но в печать поступали уже готовые законы. Мнения общества бюрократия не спрашивала. В свою очередь печать, обсуждая «полицейскую» тему, варилась в собственном соку – ни одна из статей не получила официального отклика. По свидетельствам современников, это было связано с тем, что служащие полиции были вынуждены молчать, опасаясь вызвать гнев начальства. Впрочем, существовала и другая ярко выраженная тенденция: редакторы демократических изданий по принципиальным соображениям (из-за неприязни к полиции как таковой) отказывались публиковать статьи, авторами которых были полицейские. Типичным примером служит судьба С.С. Громеки, полицейского офицера с большим стажем, знавшего не понаслышке проблемы своего ведомства. Серия его очерков, опубликованных в журнале «Русский вестник» на протяжении 1857–1858 гг., вызвала немалый резонанс (отчего новоявленный публицист был вынужден подать в отставку). Когда же стало известно о его службе в полиции, то двери многих редакций перед ним захлопнулись.

Начал С.С. Громека с рассуждений об отношении русского общества к полицейским. В статье «Два слова о полиции» он писал:

«Все согласны в том, что главная слабость нашей полиции (мы будем говорить только о земских и градских полициях в губерниях, с которыми имели возможность ближе познакомиться) заключается в отсутствии тех качеств, которые могли бы поставить всех чиновников ее на степень общественного уважения».

Идеалом для Громеки представлялась правоохранительная система Англии, где закон возведен в абсолют, его служитель – полисмен – пользуется непререкаемым авторитетом и исполняет свой долг, невзирая на социальное положение граждан. В России же совершенно иная ситуация:

«Законы!.. Странно как-то звучит это слово в наших ушах. «Вот вздумал подводить законы! экой законник!» Такие фразы всего чаще услышите вы, если станете говорить о законах так называемым порядочным молодым людям. Попробуйте нарушить законы моды, этикета или светских приличий – и вы человек пропащий, вы скомпрометировали себя, и нет вам доступа в общество. Но если вы нарушите законы христианские или гражданств, если вы обидите незнакомого нахальным взглядом и дерзко-остроумною речью, если вы прогоните кредитора вашего за дверь, если вы наговорите грубостей полицейскому чиновнику, напомнившему вам о законе, если, наконец, вы обманете хорошенькую женщину, – в глазах товарищей достоинство ваше нисколько не уменьшится от этого, и вас – чего доброго! – назовут еще молодцом. Обществу же до этого дела нет: оно знает вас как милого шалуна и охотно простит вам все эти проказы, лишь бы вы никогда не ошиблись во французском языке...»

Мало того, что в глазах общества русский полицейский являлся неуважаемым представителем неуважаемого закона. Наряду с этим ему прилюдно приходилось играть незавидную роль слуги собственного начальства с обязанностью «...торчать у подъезда губернатора, когда он дает бал или обед». И только от воли начальника зависело: будет ли полицейский награжден или в одночасье лишен своей

должности, как следствие сиюминутного гнева, а то и по необходимости пристроить на должность своего человека.

В этих условиях совсем уж утопией выглядело повеление верховной власти: «Полиция приводит всякого к исполнению предписанного законами, несмотря ни на какое лицо». В давно сложившихся реальных условиях России полицейским мог быть только тот, кому вовремя удалось избавиться от иллюзий и твердо усвоить, что он служит сильным мира. По мнению Громеки, изменить устоявшийся порядок вещей было невозможно, поэтому оставалось одно – извлечь из него материальную выгоду:

«Предоставляем судить всякому: много ли общественного участия возбудит к себе тот чиновник, который вздумает исполнить свою обязанность, несмотря ни на какое лицо?.. Нет, гораздо благоразумнее с его стороны следовать давно заведенному порядку, вошедшему в законную силу: вытягиваться в струнку перед сильными и знатными, не мечтая о человеческом достоинстве, по пословице: знай, сверчок, свой шесток; не без почтения изъявлять всегдашнюю готовность на проволочку и смягчение дела, к коему прикосновен сильный или знатный; растолкать толпу и очистить для него место на публичном зрелище, похлопотать об его экипаже; а в вознаграждение себя за эти посильные труды на службе отечеству маленько поприжать купца или промышленника, сделать уступочку при производстве следствия хорошему человеку, способному к чувствам благодарности, и мало-помалу, при заступничестве и защите вышеозначенных благодетелей, не забывающих прежних услуг, составить себе доброе имя и где-нибудь в глуши, в деревеньке, до конца дней своих пользоваться плодами трудов благоразумных».

Иначе говоря, каждый, кто становился полицейским, попадал в замкнутый круг. В обществе он, в силу своей профессии, не пользовался уважением. В нем видели безропотного исполнителя воли начальства, в случае необходимости легко попирающего законы. Но если он вдруг пытался требовать от окружающих соблюдать Закон, невзирая на чины и звания, то сам оказывался разрушителем общественных устоев и подвергался всеобщему осуждению. Единственное, что оставалось бедному полицейскому, – пользуясь служебным положением, стать богатым и, выйдя в отставку, уже вне службы приобрести подлинное уважение в обществе.

Второй по значимости проблемой для полиции, на взгляд С.С. Громеки, было обилие бумажной работы:

«Полицейскому чиновнику недостаточно все видеть, все знать, все добро охранять, все незаконное останавливать, всех нарушителей порядка задерживать; он должен, во-первых, всякое действие свое облечь в письменную форму для отчетности перед начальством, то есть: виденное записать, подписать, и пригласить к тому посторонних свидетелей; все слышанное исследовать (произвести формальное следствие), и, наконец, если нарушение маловажно, должен сам учинить суд и потом привести свое собственное решение в исполнение с надлежащим, разумеется, прописанием всех сих действий в различные журналы, протоколы, акты».<

> Кроме того, что писание бумаг отнимало много сил и времени, полицейским приходилось строго придерживаться установленного порядка оборота документов, пусть даже это приводило к абсурду. В качестве типичного примера Громека указал на реальный случай из практики: «...разыскивалась девка Семенова, разыскание прошло первую и вторую части и готово уже было перейти в третью, когда вдруг какой-то писец, знавший лично Семенову, доложил письмоводителю, что девка сия умерла в 1847 году от холеры. Письмоводитель стал в тупик: что ему делать? Неужели возвратить переписку в полицию, когда она еще не была в остальных четырех частях? Нет, это невозможно; это значило бы произвести беспорядок, а письмоводитель, слава богу, не революционер какой-нибудь! И вот он пишет: «Девка Семенова умерла в 1847 году от холеры, а потому переписка передается в следующую часть». И дело о разыскании Семеновой, совершив законный путь, возвратилось в полицию при следующем донесении пристава шестой части: «Девки Семеновой, умершей в 1847 году от холеры, на жительстве и временном пребывании по разысканию нигде не оказалось».

Засуетилась вся дружина благочиния!

Усердие ее доходит до того, что хватают и совершенно здоровую бабу, стоявшую по соседству с заболевшим.

(кар. из журн. «Зритель общественной жизни, литературы и спорта». 1863 г.)

Характерно, что вопрос о сокращении переписки, как одной из мер улучшения работы полиции, был поставлен еще в 1851 г. самим императором. По распоряжению из Петербурга генерал-губернатор Закревский приказал старшему полицмейстеру полковнику Давыдову: «...приступить по указаниям опыта, сообразно местным обстоятельствам и необходимости к составлению проекта положения для Московской полиции с присоединением к оному всех тех форм книг, журналов, записок и исходящих бумаг, которые послужат сокращению переписки, упрощению и улучшению делопроизводства, и за тем к изготовлению новых штатов для Московской полиции сообразно кругу действий, пространству и народонаселению столицы и денежным средствам» [34 - ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 24. Д. 3119. Л. 1 об.].

Давыдов с коллегами заседали почти год и, оставив после себя увесистый том протоколов, приняли решение: «Работу комиссии прекратить, не выработав штата и положения» [35 - Там же. Л. 40]. По их мнению, оказалось слишком сложно привести в действие любые меры по сокращению переписки.

Громека, придя к такому же заключению, объяснил читателям, в чем корень зла:

«Что касается до болезни многописания, то да будет известно тем же любителям, что упрощение форм, уменьшение срочных донесений и тому подобные гомеопатические средства не вылечат этой болезни. Причина многописания лежит в свойствах контроля над действиями чиновного мира. Так, где действия эти совершаются публично и гласно, где общественное мнение само следит за малейшим уклонением от закона, там усиленный контроль со стороны начальства делается совершенно ненужным. Там достаточно указать чиновнику его обязанности и, не беспокоясь более, предоставить ему полную самостоятельность в действиях: хороши ли, дурны ли будут эти действия, начальник всегда узнает о них, без помощи подтверждения, срочных донесений, замечаний и тому подобных вещей; а что они скорее будут хороши, чем дурны, в том ручается та же сила гласности. Но там, где гласности не существует, начальство по необходимости должно принимать на себя тяжелый труд следить за каждым шагом подчиненного; так как оно не может, подробно обществу, быть всевидящим и всезнающим, то и должно прибегать к посредству многописания».

Выходит, мы снова волей-неволей возвращаемся к проблеме нравственных качеств сотрудников полиции. Будь начальство уверено в добросовестности своих подчиненных, не пришлось бы создавать обильно-бумажную систему контроля их деятельности.

Завершающие статьи цикла, опубликованные в первой половине 1859 г. («О полиции вне полиции» и «Последнее слово о полиции»), С.С. Громека посвятил разбору самой, пожалуй, животрепещущей темы – полицейскому произволу.

«В самом деле, что такое полиция в глазах нашего народа? – писал публицист. – Сила карающая, но уж никак не охраняющая. [...] Что бы сказали о том обществе, где на каждом шагу рискуешь встретиться с господином, имеющим право сделать вам то, чего вы сами не вправе с ним сделать, где что ни шаг, то особое право с разными подразделениями, чиноположениями, градациями, где правом пользуются только некоторые избранные, остальным предоставлены только обязанности; где каждый младший выдан головою старшему?»

«Старший» – обобщенное обозначение чиновников губернского правления, обладавших правом приказывать полиции возбудить следствие относительно любого частного лица. А если вспомнить, что

неотъемлемым качеством полицейского была полная готовность исполнить исключительно волю начальства, то вот вам законный инструмент для совершения беззакония.

«Впрочем, – подчеркивал Громека, – процесс производства следствий, то есть снятие допросов и очных ставок, не принадлежит еще к числу страшных вещей и не составляет главной силы полицейской власти. Страшным сделался этот процесс для народа единственно по мерам, к нему относящимся, мерам, злоупотреблению которых закон, несмотря на все усилия, не мог до настоящего времени противопоставить твердый оплот. Главная сила полиции заключается не в производстве следствия, а в возможности ежеминутно возбуждать его для принятия мер, к нему относящихся. Право вчинения обвинения – вот где настоящая сила».

Самое страшное, что сила эта была вовсе не созидательная. Так, один столичный полицейский, расследуя кражу лопаты, согнал в участок всех работников фабрики и тем полностью остановил работу предприятия. Любопытно пристав был вправе объявить подозреваемыми хоть дюжину человек и посадить их в узилище; спустя какое-то время выпустить, а вместо них «определить на постой» другую партию бедолаг. Этим, в свою очередь, мог освободить надзирающий за следствием чиновник по особым поручениям, и движением своего указующего перста загнать за решетку новых. И оставалось подследственным уповать на то, что милостью Всевышнего полицейские все же найдут истинного виновника: «...Бог даст, кто-нибудь из них наткнется же наконец на преступника; а не наткнется, – что делать? На то воля Божия: ей и предадут участь злодея. На нет и суда нет. К тому же и в законе сказано: лучше помиловать десятерых виновных, чем наказать одного невинного. Арест же, как известно, не есть наказание, а только мера предупреждения; следовательно, тут смело можно сказать наоборот: лучше посадить в тюрьму десять невинных, нежели отказаться от надежды поймать одного виновного».

Для полицейских такой метод ведения следствия превратился в основу основ. Он оставался незыблем, по свидетельству Громеки, даже в радикальных проектах преобразования полиции, вышедших из-под пера служивших в ней чиновников:

«Все усилия направлены лишь к тому, чтобы первую из этих полиций, именно исполнительную, облегчить сколько возможно, не ослабляя главной ее силы – права обвинения, то есть назначения уголовного следствия и права ареста. Суд остается по-прежнему силою подчиненной и пассивной, а произвол по-прежнему уделом исполнительной полиции, по призыву которой будут являться следственные и судебные власти для того только, чтобы иметь честь снять с нее бремя черновой работы (писания допросов, очных ставок и подыскивания статей законов)».

– Что вам надо? Зачем днем к нам таскаетесь? Еще,

пожалуй, увидят.

– Да мы пришли Сергея Михайловича поблагодарить, что по его старанию нас выпустили.

– Нужна ему ваша благодарность, дурачье эдакое! Вы приходите благодарить не с пустыми руками. Вот теперь праздники, так смотрите в оба! Еще учи вас, шалопаев!

(кар. из журн. «Развлечение». 1864 г.)

Знала ли верховная власть об этом свойстве полиции? Знала и предприняла шаги в правильном направлении. Высочайшим указанием от 26 марта 1857 г. было объявлено о необходимости отделения от полиции судебной и следственной части. Пока С.С. Громека дописывал последнюю из своих обличительных статей, при Министерстве внутренних дел была учреждена специальная комиссия под председательством Н.А. Милютина. Приступив к действию в марте 1859 г., она вскоре разработала законодательную базу переустройства уездной власти и местных органов полиции.

В объяснительной записке к «Проектам об уездных учреждениях» комиссия Н.А. Милютина подтвердила, что следственная и судебная деятельность полиции крайне неэффективна. Срочного исправления требовали другие недостатки органов полиции, среди которых опять же были отмечены: беспорядки и злоупотребления чиновников в хозяйственнораспорядительных делах; формальное делопроизводство, породившее переписку чрезвычайных объемов; недостаточное материальное содержание, толкающее полицейских на приискание незаконных доходов, вплоть до установления поборов с населения. Отсутствие четко обозначенных в законах перечня обязанностей полиции и пределов ответственности ее служащих усугубляло без того нерадостную картину:

«При чрезвычайно широком и неопределенном круге ведомства и отсутствия, во многих случаях, правил для порядка действий, в полицейском управлении водворился такой произвол, что для ограждения некоторых сословий (как напр. государственных крестьян) и некоторых ведомств постановлены различные охранительные правила, и даже часть полицейских дел изъята вовсе от ведомства общей полиции... Кроме того, порядок и стройность управления нарушаются бесперывными столкновениями и взаимным противодействием, так что служебные пререкания и ссоры между чинами земской полиции и чинами других ведомств считаются делом самым обыкновенным и почти неизбежным. [...]

Ответственность земской полиции редко имеет свое приложение на деле. Жалобы частных лиц, обращаемые к непосредственному начальству полиции, не имеющему возможности близкого непосредственного контроля над нею, большей частью или остаются без действия, или оканчиваются голословным взысканием с полиции: подтверждением, внушением, выговором. Личный взгляд начальника определяет тот или другой образ ответственности подчиненных; медленность, неизбежная в переписке губернского начальства с полицией по жалобам на нее, часто уничтожает самую возможность удовлетворения жалоб. Жалобы, приносимые по некоторым делам в уездный суд, частью по недостаточности правил, частью по невозможности для суда подвергать чиновников полиции ответственности, без разрешения и распоряжения губернского начальства, остаются почти вовсе без удовлетворения. Притом самая неопределенность постановлений не всегда дает возможность преследовать законным образом неправильные действия исполнителей, которые оправдываются неясностью закона или недоразумением. [...]

Подчинение города и уезда двум различным полициям производит частые столкновения, бесполезную пересылку дел и взаимное уклонение от исполнения обязанностей. В практических замечаниях начальников губерний указано на несколько случаев, в которых отыскиваемое полицией лицо, в продолжение нескольких лет, уклонялось от явки в полицию или от отобрания показаний, потому что, имея квартиру в городе и загородный дом или имение в уезде, попеременно переезжало из одного места в другое».

В декабре 1862 г. Александр II подписал «Временные правила об устройстве полиции», согласно которым судебные функции от полиции перешли к органам юстиции. Действие этого документа охватывало практически всю территорию империи (44 губернии), но не распространялось на столичные города. Однако руководство полиции Санкт-Петербурга тут же высказалось в поддержку судебной реформы, опубликовав «Объяснительную записку к проекту учреждения городской полиции в С.-Петербурге». Перечисляя «главнейшие недостатки настоящего учреждения городской полиции», авторы «Записки» поставили на первое место «Смешение в полиции властей – исполнительной, следственной и судебной»: «Хотя этим недостатком отличается пока полиция всех вообще городов Империи, но неудобства такого смешения особенно чувствительны для столиц, требующих, по самому населению своему, более прочного обеспечения общественной безопасности и спокойствия, а такое требование может быть удовлетворено только тогда, когда полицейские чины будут освобождены от разнообразных судебно-полицейских занятий и обращены к прямым своим обязанностям – предупреждению и пресечению преступлений. Из этого оказывается, что отделение от полиции исполнительной несвойственной ей части судебной, и учреждение для этой последней части особой полиции судебной, представляется краеугольным камнем предпринятой реформы, так как, в противном случае, ни усиление состава, ни увеличение штатов исполнительной полиции не привели бы к желаемому результату. [...]. Не менее существенное различие между означенными двумя отраслями полиции состоит в том, что полиция исполнительная находится в ведении административной власти и повинуетя беспрекословно ее приказаниям; судебная же полиция находится в совершенной независимости от администрации и пользуется всеми правами судебной власти».

К другим проблемам, подлежащим непременно решению, в Санкт-Петербурге относили:

«Разделение полиции на наружную и внутреннюю; к первой отнесены: обер-полицмейстер, полицмейстеры, пристава, надзиратели и прочие чины с полицейскими командами, ко второй – Управа

Благочиния. Встречающееся, в настоящем учреждении С.-Петербургской полиции, понятие о наружной полиции весьма неопределительно. [...]

Преобладание в полиции бумажного элемента над жизненным. В этом отношении здесь достаточно заметить, что в канцеляриях Петербургских приставов ведется различных журналов, книг, алфавитов и списков до 40 и столько же в кварталах. У приставов исполнительных дел, коих части имеют населения до 80 000 человек, бывает ежегодно исходящих и исходящих номерных бумаг более 100 000, а денежных документов и переходных сумм до 2 000 000 руб. сер.; кроме того, у следственных приставов, назначенных для открытия преступлений и проступков, ведутся массы накопившихся за несколько лет дел, при сложности которых им уже некогда добиваться истины путем следственным, а остается только облекать наскоро отобранные допросы в формы актов, протоколов и т. п. [...]

Недостаток в числительном составе здешней наружной полиции, особенно в чинах полицейской стражи... [...]

V. Содержание чинов полиции, при дороговизне столичной жизни, не только не соответствует самым скромным потребностям, но даже не дает возможности к успешному исполнению служебных обязанностей, которые, между прочим, соединены с беспрестанными разъездами по городу. Для одних разъездов необходимо: квартальному надзирателю иметь не менее 2-х лошадей, приставу – конечно нужно вдвое больше, а полицеймейстерам и обер-полицмейстеру – еще больше. Между тем исполнительные пристава и квартальные надзиратели, при своей тяжелой и до крайности неприятной обязанности, требующей большого усердия и добросовестности, получают: первые жалованья с фуражными 112 р., а последние – 409 р. сереб. Очевидно, что человек, имеющий средства к жизни, в должность пристава или надзирателя не пойдет, а люди, лишенные собственных способов существования, принимая подобную должность, принуждены искать в ней других доходов, кроме жалованья. Проистекающие отсюда злоупотребления порождают непрестанные жалобы, а невозможность устранить злоупотребления возбуждает в обществе неудовольствие, справедливое в своем основании, и, следовательно, несообразное с достоинством Правительства и значением его полицейских агентов. Посему-то в Высочайшем повелении 4-го июля 1858 г., указывающем начала преобразования общих городских полиций в губерниях, – увеличение содержания полицейских чинов, сообразно современным ценам и требованиям, поставлено одним из важнейших условий реформы. Это Высочайшее указание принято к исполнению и при начертании нового проекта учреждения столичной полиции».

Как мы видим, сами полицейские считали, что для пользы дела необходимо изменить структуру городских органов правопорядка, утвержденную еще Екатериной II. Попутно им хотелось сокращения служебной писанины до разумных пределов, а главное – соответствия получаемого денежного содержания изменившимся условиям жизни. Вполне разумные и справедливые требования. Теперь осталось понять представления обывателей об обновлении полиции.

Мы оставим в стороне порожденные эпохой Гласности фантастические проекты, вроде частичного наделения горожан полицейскими функциями. Автор этой идеи утверждал, что жители квартала, хорошо зная друг друга, могли бы выдавать паспорта и свидетельства о поведении без участия чиновников, а полицейских привлекали бы лишь в случае крайней необходимости, скажем, для усмирения буйного пьянчуги. Другой прожектор в статье «Гражданин и полиция» утверждал, что обеспечить нормальные отношения между горожанами и блюстителями порядка можно только одним способом – учреждением общинной полиции. Принцип понятен из названия: граждане, объединенные местом жительства, содержат полицию за свой счет, поэтому вправе спрашивать с полицейских в полной мере.

Из уличной жизни.

– Вы не бойтесь, мы люди честные. Мы с вами ничего не сделаем. Вы вот пальто да сапожки нам пожалуйста...

– Я... что ж... Я ничего... Возьмите пальто и сапоги... Я против этого ничего... Я вижу... вы люди честные...

(кар. из журн. «Развлечение». 1866 г.)

Что касается более приземленных желаний, то, судя по многочисленным свидетельствам современников, в первую очередь москвичи хотели видеть в полицейских своих настоящих защитников от преступности. Так, в журнале «Современная летопись» была отмечена характерная примета времени:

«В Москве в 1862 году еще нельзя безопасно ходить по городу, и многие очень наивно носят с собой вечером кто пистолет, старую шпажонку, а кто и просто палочку со свинцовым набалдашником...»

А вот что записал в дневнике сенатор В.Ф. Одоевский в 1864 и в 1867 гг.:

«Со всех сторон слышно о грабежах в Москве. У Ник. Дим. Маслова до сих пор шишка, на спине от полученного на Пречистенке удара кистенем. Если бы удар был немножко выше и не был он в шубе, то несдобровать бы ему; нападали на [него] двое.

Рассказывают историю про даму в пролетке, на которую напали пятеро, хожалого и кучера избили, ее раздели донага и ускакали на пролетке. [...]

Вчера около 7 час. вечера, когда еще было светло, на Остоженке против дворца трое людей хотели прибить женщину (акушерку). Наш вахтер Андреев с помощью наших рабочих освободил, двое воров убежали, третьего поймали, – городских не могли докликаться, ни отыскать в течение 20 минут; наконец явился один городской и свистал понапрасну, вор его прибил – городские или в харчевне, или вытягиваются на площади на случай проезда частного пристава или полицмейстера».

Итак, москвичи подвергались опасности нападения на самых что ни на есть центральных улицах и среди белого дня. Даже территория близ Кремля была вотчиной криминального элемента, а штаб-квартирой им служил грот в Александровском саду. Об этом в 1863 г. поведал один из корреспондентов журнала «Зритель общественной жизни, литературы и спорта»:

«Как-то зашел в нашем студенческом кружке разговор об Александровском саду, и я высказал мои мысли о гроте. Один из товарищей, за свою беготню по городу прозванный нами вечным жидом, рассказал нам, что грот в означенные мною часы служит местом сборища для жуликов, что до прихода в грот они сидят в полпивной против сада, на углу; туда же, говорил он, приходят они вечером часов в одиннадцать, что будто общеизвестно. [...]

Александровский

сад

(литография с картины О. Кадоля. 1830 г.).

Я сказал, что не хотел допустить, чтоб эти открытые собрания воров были терпимы полицией или проходили ею незамеченными, полагая, что это временная болезнь, временное распространение воров, еще не известное полиции. Но, оставив на несколько месяцев грот и осенью опять пройдя мимо, увидел то же собрание из тех лиц. Тогда я должен был поневоле заключить, что полиция непростительно небрежна или потворствует этим собраниям».

А семь лет спустя газета «Русские ведомости» констатировала: «Александровский сад совершенно почти оставлен публикой, так как он обыкновенно бывает переполнен всяким сбродом, по преимуществу от Волчихи (трактир у Большого Каменного моста), население которой и ночует в саду».

В Александровском саду

(кар. из журн. «Будильник». 1876 г.).

Среди москвичей находились «прогрессисты», считавшие, что все горожане, без оглядки на их общественное положение, имеют право на защиту со стороны полиции. Как это бывает, толчком разгоревшегося на эту тему спора послужил в общем-то рядовой случай: извозчик «отнесся слишком свободно с непрошеными любезностями» к женщине, которую он вез в карете. Насильник был схвачен проходившим мимо солдатом и призванным на помощь городовым. Причем последний высказался в том смысле, что не следовало его отвлекать от несения службы, – пострадавшая, мол, не велика птица. Такой взгляд на ситуацию, как выяснил обозреватель журнала «Развлечение», имел прямую поддержку в

обществе:

«— Ведь это смешно, господа, право смешно, поднимать шум из таких пустяков! Начал любезничать нежный мужик с какою-то тварью, которую и женщиной-то назвать нельзя, а вы лезете из кожи вон, чтобы доказать, что личная безопасность прохожих не обеспечена, что на улицах ходить страшно и черт знает еще что там городите! Требуете, чтобы полиция была нянькою.

— Позвольте, а разве несправедливы эти требования? Разве не вправе каждый надеяться, что его защитят в случае надобности и подадут ему помощь? Разве не обязанность полиции в самом деле следить за тем, чтобы на улицах не обижали и не обнимали насильно?

— Все это фразы; какая тут защита? Какие обязанности? Неужели для всякой дряни, с позволения сказать, чтобы ее не обидели, ставить городского или там хожалого, что ли? Да она и сама-то не стоит внимания. — Пословица говорит: за чем пойдешь, то и найдешь. — Уж если сам по себе человек хорош, так и не случится с ним такого казуса, а о дряни-то и беспокоиться нечего: по-моему, извощика-то этого и наказывать не следует, чтобы страх был другим потаскушкам. Пускай знают, да не разъезжают в каретах, да.

— Вы дико смотрите на вещи; эта женщина полноправная гражданка, следовательно, она имеет право требовать, чтобы на улицах и везде ей оказывали ту же защиту и помощь, какую закон велит давать и вам, и мне, и графине, и княжне.

— Ну, да, это теория; это в теории очень хорошо, но на практике-то совсем дело иное. Нет, батюшка, если бы так велось, так порядочным-то людям от этих пройдох и житья бы не было. Она вздернула бы нос, так что и в самом деле стали бы их считать за порядочных. Гуманность и эмансипация хороши в некотором сокращении, много их допускать не следует; конечно, по времени кой-что и переменить нужно.

— Вы уклоняетесь от предмета. Речь идет о правах гражданина, или обывателя города, по которым он может рассчитывать, что его будут защищать и помогать ему; обыватель вообще, худ ли, хорош ли он — все равно.

— Вот то-то и есть, что не все равно. Хороший человек, — тебе почет и уважение: и в церковь тебя пропустят во время свадьбы или там какой торжественной службы, и на пожаре место дадут поближе, а воду качать не погонят, и на гулянье за барьер или веревку пропустят, везде хорошему человеку уважение сделают. Возьмите иного господина в пример: говорят не велено ходить там или здесь, вы и не пойдете, — а ему никто ни слова не скажет, везде он пройдет. Оно и понятно, что иным людям почет делать следует; это и хорошо, потому что если бы почета хорошим людям не делали, так какая же выгода была бы и хорошим человеком быть? — Хорош ли ты, дурен ли, графиня ли или потаскуха, — все равно, одинакая тебе честь! Тогда бы и нравственность пала, и добрые люди перевелись; вот куда ведут все ваши теории то!

— Да поймите вы, что не дело полиции разбирать: хороши вы или дурны и награждать за вашу нравственность уважением или почетом.

Спор продолжался долго и, по обыкновению, без всякого успеха, потому что противники оставались при своем мнении; защитник теоретических начал всеми силами старался вразумить своего собеседника на счет обязанности полиции, как понимает их закон и право, а тот поражал его явлениями жизни, в которых, по мнению его, лучше обозначается дух обычая».

Тем не менее журналист сделал свой вывод:

«Может быть, это обсуждение принесло бы пользу и для тех, которые... думают, что об обязанностях полиции должен рассуждать только полицейский; может быть, есть много таких должностных лиц, которые никогда и не слышали изложения своих служебных обязанностей, а если и слышали и знают их, то по понятиям такого времени, какое не пригодно в данную минуту. С другой стороны, и публике совсем нелишне было бы ближе познакомиться с теми понятиями, какие существуют об обязанностях полиции у специалистов и людей, не принадлежащих к ним».

– Вы изволили кричать караул?

– Да. Вот этот вандал плюнул и чуть-чуть не попал на дугу извозчичьих саней, в которых едет, положим, кухарка, но обязаны уважать в ней женщину...

(кар. из журн. «Зритель общественной жизни, литературы и спорта». 1861 г.)

Для современного читателя поясним, что слова журналиста «растолкуйте-ка нам обязанности полиции» следует понимать: «пора заставить полицейских действовать в рамках закона, а не творить произвол по своему усмотрению». Под воздействием проходивших в стране реформ возникло стремление обсудить состояние полиции, причем в форме диалога власти с обществом. В то же время этот призыв завуалирован, его еще надо прочесть между строк. Гласность гласностью, а любая нелюбезная критика полиции, по сути, камень в огород местной власти – обер-полицмейстера и генерал-губернатора. Кто же такое позволит?!

Что же касается основной массы обывателей, то она-то как раз могла бы много поведать о полицейском произволе, но привычно безмолвствовала. Для многих поколений рядовых москвичей в общении с полицией выработался условный рефлекс: обходить ее седьмой дорогой. Характерный эпизод приведен С.П. Колошиным в его очерках московской жизни «Наша деревня изо дня в день»:

«На дворе распряженная телега. У телеги привязана лошадь. Около лошади, оглядываясь во все стороны, что-то хлопочет не то мужик, не то не мужик.

– Ишь ты, – говорит мой ванька, – жулик-то узду снимает.

– Постой же, – говорю, – кликнем будочника: скажем ему.

– Что ты, что ты, барин! Али меня отпусти. Мне и денег твоих не надо, Бог с ними. И вовсе человека затаскают: душенька-то вся в тебе изноет. Ты, барин, видно, не здешний».

«Здешние» прекрасно знали житейское правило: держись подальше от полиции – будешь целее. Если же попал в поле зрения стража порядка, то прежде всего постарайся откупиться. И не дай бог попасть в «фартал»! Это было чревато не только большими финансовыми потерями, но и несмываемым пятном на репутацию.

Герой рассказа Н.А. Чмырева «С больной головы на здоровую», пребывая в любовном угаре, не обратил внимания на повестку от мирового судьи. Тем более что его вызывали по делу, к которому он не имел никакого отношения. Однако накануне свадьбы молодого человека скрутили полицейские и бросили в кутузку. Пока выяснилось, что жениха с кем-то перепутали, ему пришлось два дня провести за решеткой. Выйдя на свободу, он кинулся к любимой, но получил от ворот поворот. Отец невесты, солидный купец, не захотел родниться с «каторжником».

Конечно, литератор мог стусить краски, что-то присочинить, но реальные случаи из жизни были еще страшнее своей обыденностью. Один из них был описан в журнале «Развлечение» в 1865 г. отнюдь не в разделе беллетристики. А дело было так: некий горожанин шел ночью и нес мешок со своими вещами. Полицейский наряд задержал его для выяснения – а вдруг он тащит краденое. В «сибирке» на бедолагу напали настоящие преступники, избили его и ограбили, сняв даже сапоги и подбросив взамен старые опорки. Удивительнее всего, что наутро при обыске в камере не нашлось ничего из пропавшего имущества. Рискнем предположить, что сами полицейские помогли укрыть добычу. Пострадавшему оставалось только радоваться, что обошлось потерей имущества и небольшими увечьями, но сам он

остался жив.

На привычку полицейских тащить в часть всех без разбора – и правых, и виноватых – указывал на заседании Московской городской Думы М.П. Погодин. В качестве типичного примера он рассказал о происшествии с жильцами его дома. В квартиру, где были две женщины, вломился пьяный и стал требовать денег. Прибежавшие на шум дворник и хожалый, связав грабителя, отправили его в полицию. Некоторое время спустя пришел посыльный и вызвал всех участников происшествия в часть. Как выяснилось, дворнику и женщинам пришлось тащиться по грязи под проливным дождем, томиться несколько часов в части, оставив дом без присмотра, чтобы полицейский писарь смог запротоколировать их показания. В своем выступлении Погодин подчеркнул: «...это происходило все само собой, по заведенному порядку. Вот на этот-то заведенный порядок должна наша Дума и наши депутаты в комитете обратить свое внимание. [...] Но мы-то, избранные гласные, должны... выразить желание, чтобы в подобных маловажных случаях полицейский служитель (тут не нужно ни надзирателя, ни поручика) сделал дознание на месте и донес кому следует – а беспокоить обывателей даром не должно».

Заодно москвичам хотелось, чтобы полицейские в случае надобности не стояли столбами, а резво шли на зов. Недостаточную мобильность стражей порядка критиковал в начале 1861 г. журнал «Современная летопись»: «...и то еще надобно упомянуть, что хожалых у нас очень мало. В Лондоне или Париже полицейский агент вырастает словно из земли при малейшем беспорядке или шуме. У нас придется ждать хожалого иногда целый день, а будочники не могут отлучаться от будок».

Да и само качество помощи со стороны полиции вызывало справедливые нарекания:

«Если мы не ошибаемся, то полицейское устройство Москвы, страдающее недостатком надежных городских стражей, могло бы много выиграть, если бы личный состав его значительно изменился к лучшему. Городские сторожа берутся у нас из рекрут, неспособных к строевой службе. Они обходятся городу дешево, но эта дешевизна только кажущаяся...»

Здесь надо пояснить, что речь идет о последствиях указа Николая I от 19 июня 1853 г., согласно которому на службу в городскую полицию стали определять нижних чинов 2-го разряда. Особенности периода, когда в полицейские посылали «одно лишь отребье армии» (по выражению могилевского губернатора А.П. Беклемишева), отметил ведущий специалист в области полицейского права профессор И.Т. Тарасов:

«Опыт, однако, не оправдал ожидаемой пользы от полицейских служителей из военных нижних чинов: обнаружилось важные неудобства. Большая часть нижних чинов оказалась малоспособною к полицейской службе и, кроме того, весьма неблагонадежною по своей нравственности. В полицейские команды, судя по отзывам полицейских начальников и губернаторов, назначались или люди нездоровые, с физическими недостатками, препятствовавшими отправлению службы, или люди порочные и оказавшиеся на деле неблагонадежными к исполнению обязанностей военной службы. Часто назначали евреев, пока в 1857 г. это не было воспрещено, равно как назначение штрафованных».

Это «положение хуже губернаторского» усугублялось тем, что замена рядового полицейского требовала невероятных усилий. Губернаторам приходилось вступать в длительную переписку с Военным министерством по поводу каждого дефектного солдата, а потом убеждаться в том, что овчинка не стоила выделки. Двойное подчинение солдат поневоле порождало трения между военными и гражданскими властями. Но главным «неудобством» оказалось то, что в городах, где полицейские команды состояли из «второразрядников», заметно увеличились кражи и грабежи. А нижегородский губернатор А.Н. Муравьев в 1857 г. прямо сообщал: «...нижние полицейские чины, состоя в значительной части из евреев, преступными действиями своими поселили страх и смятение в жителях города».

Мы не располагаем данными о схожих этнических явлениях в Москве. Известно только, что 10 лет спустя мировой суд, разбирая дело об оскорблении действием, защитил достоинство унтер-офицера Кронштейна. А в ходе аналогичного процесса выяснилось, что мещанин Тенцов избил городского Петра Жавцына, приговаривая «...полно тебе, жидовская морда».<

> Для качественного улучшения состава городской полиции в 1857 г. было запрещено назначать в стражи порядка солдат-евреев и штрафников. В том же году последовало царское дозволение поступать в полицию офицерам, в том числе гвардейским (а не как раньше – только из числа получивших ранения и неспособных к строевой службе).

Указ от 9 июля 1863 г. об увеличении городской стражи в Москве предписывал укомплектовать 1000 рядовых московской полиции из полков 1-й гренадерской дивизии и «других частей войск по усмотрению Военного министерства». При этом специально оговаривалось: «...люди, замеченные в дурных поступках, могут быть возвращаемы в полки и взамен их требуемы благонадежные, следуя порядку комплектования стражи, принятому в С.-Петербургской полиции».

– Черт знает, что за времена! Двадцать лет тому назад служил в гренaderaх, два раза благодарность получил за геройский, так сказать, вид. Теперь думал опять поступить на службу в полицию; подал прошение – не принимают. Говорят, сложения слишком атлетического – пожалуй, подначальным туго придется, и обыватели будут в претензии.

(кар. из журн. «Развлечение». 1862 г.)

Два года спустя последовал указ воинским начальникам всей империи о том, чтобы они для службы в полиции выбирали из рекрутов лучших людей, да еще согласовывали кандидатуры с местным полицейским начальством. А последний набор рядовых полицейских из числа военнoслужащих был объявлен 4 июля 1873 г. С того момента заменять отслуживших солдат вольнонаемными людьми должны были городские власти. Военное ведомство навсегда освобождалось «от обязательного назначения нижних чинов в полицейские и пожарные команды».

Увеличение численности полицейских, казалось, можно было бы только приветствовать. Однако такой способ укрепления общественного порядка при пристальном рассмотрении оказался неэффективным. Спустя полгода после появления в Москве «избранной тысячи» М.П. Погодин поделился своими впечатлениями с гласными городской Думы:

«Что касается до солдат, то скажу решительно, на основании моих наблюдений и расспросов, что новая тысяча не приносит желаемой пользы. Они прогуливаются по улицам, и то днем, а больше ничего. Хорошая сотня может, верно, заменить эту вялую, мертвенную тысячу. Вот настоящие праздношатающиеся официанты [36 - Так в тексте. Возможно, подразумевалось «официалы» – мелкие государственные служащие.]. Пусть по полицейским ведомостям сравнят число краж, и всяких мошенничеств, до нее, и при ней. Их стало не меньше, а больше. К чему же служит она? [...]

Передаю вам свои наблюдения. В понедельник на первой неделе отправился я из своего дома, на Девичьем поле, на Садовую; на этом расстоянии я встретил по крайней мере около 20 городских солдат или хожалых. Спрашивается, что они делают, и нужно ли их здесь именно 20, а не менее? У нас требуют около полутора тысяч на содержание тысячи человек этой прибавочной стражи. Но кто же проверил, что нужно именно такое количество? Высшим начальникам мудрено и даже невозможно входить в такие подробности. Они основываются на показаниях младших и еще младших, и так далее, а для младших чем больше людей в распоряжении, тем лучше. Дай прокормить мне казенного воробья, говорит Загоскин, так я с ним пару лошадей своих прокормлю на получаемый фураж. Определить число нужных сторожей могут всего лучше обыватели, в совещании с полицией; например, приходило ль в голову кому-нибудь из полицейских начальников по частям отобрать сведение у этих сторожей, что они сделали, например, в понедельник, во вторник, в среду. Из совокупности таких показаний, в конце недели тотчас можно было бы увидеть и количество работы, и количество нужных для нее людей. Прибавим еще: на днях, во время прогулки, я вступил в разговор с одним из таких солдат. Он сказал мне, что новая тысяча получает по десяти и более рублей жалованья в месяц, а старые солдаты втрое и вчетверо менее: что за странное разнообразие!»

Погодин неспроста завел разговор о количестве городских стражей и получаемых ими за службу денег. В Высочайшем повелении от 4 июля 1858 г. важнейшим условием реформы городской полиции было обозначено «...увеличение содержания полицейских чинов, сообразно современным ценам и требованиям». Первоначально выплату повышенного жалованья реформированным полицейским обеспечивало государство, выделив необходимые средства из казны, но дальше это становилось обязанностью городской Думы.

На государственном обеспечении оставалось полицейское начальство. Для чиновников московской полиции праздник – увеличение окладов вдвое – настал 18 февраля 1861 г. (в канун отмены крепостного

права).

В 1863 г. московская полиция не только численно увеличилась, но и преобразилась внешне. Все ее служащие, от начальников до рядовых, облачились в форму нового образца. Вместо затрапезной «сермяжной брони» рядовые стражи получили мундиры и шаровары «из темно-зеленого армейского сукна» (унтер-офицеры – из «гвардейского сукна»); взамен кожаных касок – шапки с лакированным козырьком «офицерского образца».

Что касается вооружения городских стражей, то алебарды, вызывавшие столько насмешек, были упразднены в 1856 г. (по сути, первое из преобразований, связанных с полицией). В комплекте с новой формой унтер-офицеры и рядовые надели портупей с офицерскими саблями «драгунского образца». Тогда же им вручили пистолеты, которые полагалось носить на специальном «снуре». Даже этот, казалось бы, простой предмет был тщательно зарегламентирован:

«Револьверный снур круглый, толщиной 5/32—5/16 верш., с круглою гайкой (варваркою), имеющею длину по выгибу 1/2 вершка, ширину снаружи, в середине 7/16—5/32 верш., а по краям 5/16 верш. И такое же отверстие, чтобы через него мог проходить снур, сложенный вдвое. Длина шнура, с распущенными петлями, 2 арш. 16 верш., а длина его в отделке 1 арш. 11 верш., причем верхняя или шейная петля длиною 15 верш., а нижняя или револьверная петля длиною 2 верш.

Городовой нового образца

(кар. из журн. «Зритель общественной жизни, литературы и спорта». 1863 г.).

Снур сплетается из двух или трех нитей, которые образуют в одном дюйме: в первом случае 22 петли, а во втором 14 петель, так что в одном дюйме приходится 42–44 нити. Снур делается из оранжевой шерсти с гайкою одного цвета со снуром для всех стражников, а для урядников и старших стражников в командах – с трехцветною гайкою, т. е. белой с пропущенными, поперек и наискосок, в десять рядов, черными и желтыми нитями».

Примерно так же подробно выглядело описание других деталей обмундирования полицейских, но мы не будем на этом останавливаться. Желающие могут обратиться к специальной литературе, посвященной этому вопросу [37 - Например, Горобцов В.И., Гонюхов С.О. Российская полиция в мундире. М., 2000.].

Упомянув в мемуарах рядовых полицейских, М.М. Богословский отмечал такие детали:

«С 80-х годов их стали вооружать и револьверами, но так как револьверов на весь персонал не хватало, то, как рассказывали, по крайней мере, многие носили только пустые кобуры с красными шнурами... вооружение их состояло из шпаги, «сеledки», как ее называли в просторечии».

В данном случае мы видим пример несовершенства человеческой памяти. Если бы, скажем, кинематографисты напрямую воспользовались этим свидетельством, то получилась бы не точная примета эпохи, а очередной ляп, которыми так богаты современные «исторические» фильмы. На самом деле с 1863 г. полицейские обеих столиц, как офицеры, так и рядовые, носили сабли. Шпаги являлись атрибутами формы полицейских чиновников, да и то указом от 14 декабря 1879 г. им было велено «вместо гражданской шпаги носить шашку драгунского образца».

Ироничное выражение «полицейская сеledка» прочно вошло в лексику горожан. Однако если разбираться по сути, то вопрос об этом виде холодного оружия не так прост. С одной стороны, очевидно, что для рядовых служащих закупали сабли (шашки) самые дешевые. Так, в начале XX в. у шашек ценой 2 руб. 25 коп. за штуку клинки были из простого железа, и они, по мнению знатоков, для настоящего боя были не пригодны. С другой стороны, действуя ими умело, городовые могли разгонять целые толпы

правонарушителей: либо не вынимая из ножен и используя в качестве дубинки, либо обнажив и нанося настоящие раны.

тебя.

Темная личность: – Поделикатнее, господин! Ведь не мы для вас, а вы для нас служите.

(кар. из журн. «Свет и тени». 1879 г.)

Городовой: – Иди же, тебе говорят, без разговоров, или я

Интересна полемика по поводу уместности вооружения шашками сотрудников правоохранительных органов, развернувшаяся в 1910–1914 гг. на страницах журнала «Вестник полиции». Сторонники замены шашек тесаками считали, что тем самым повысят боеготовность полицейских:

«При современном огнестрельном оружии, которым пользуются преступники, в столкновениях с полицейскими чинами, от последних требуется особая подвижность, ловкость и это возможно только при том условии, если городских освободить от ненужного груза – шашки. Если к этому добавить, что большинство чинов полиции не имеют даже понятия, как использовать это оружие, а учить – отнимает много дорогого времени, и все-таки от результатов обучения пользы ожидать нельзя, так как шашкой никогда не пользуются городские как оружием, а во всех случаях прибегают к револьверу, то казалось бы, для чего является необходимость тратить деньги на обзаведение бесполезным оружием, требующим постоянных трат и на ремонт и вдобавок протирающим насквозь сукно шинели и мундира у левого бедра.

Возьмем несколько примеров, ярко иллюстрирующих о неудобствах ношения шашки, так например: 1) городской преследует преступника, последний ловко и без всяких затруднений преодолевает встречаемые препятствия: заборы, изгороди и т. п., а преследующий его городской встречает затруднения именно в своей собственной шашке, которая, не говоря о том, что мешает ему бежать, путаясь между ног, сплошь и рядом при преодолении вышеуказанных препятствий совершенно парализует подвижность и свободу действий. 2) При оказании помощи внезапно заболевшему, обморочному, или при представлении пьяных – шашка служит большой помехой, даже в то время, когда приходится садиться в экипаж. Можно привести много примеров, но я не буду затруднять читателей, ибо каждый старый полицейский это отлично знает».

Эти на первый взгляд безупречные по своей логике доказательства сразу же встретили возражения со стороны действующих сотрудников полиции:

«Шашку носил я несколько лет, и ни при каких обстоятельствах она мне не мешала, нужно только научиться владеть ею. Как оружие она незаменима, и при всякой возможности я предпочту ее револьверу, ибо: впечатление сильнее, всегда вернее цель и не может быть неожиданностей вроде осечки, можно отбиваться от нескольких человек и простейшим способом защищать себя, меньше риска поразить невинного и, наконец, можно не убивать противника, а лишь вывести его из строя, что иногда очень важно; за револьвер же ручаться не приходится. Хорошая половина наличного состава чинов полиции научились владеть шашкою на военной службе, а остальных, при наличии готовых учителей, научить уже не так трудно. Если же их вооружить тесаками или кинжалами, то придется создавать и особые кадры учителей, иначе нет смысла увешивать полицейских тем оружием, пользоваться которым они не будут уметь».

Другой оппонент сослался на реальные случаи из практики, когда шашка оказалась просто незаменимой:

«Я давно служу в полиции и мне приходилось участвовать в отражении натиска толпы*~~censored~~*гангов, – шашка прекрасно выручала. Приведу для примера несколько фактов из моей и других службы, каковые уже засвидетельствованы. В январе с. г., в нашем Кирилловском уезде, на одного из стражников напали трое, вооруженных палками и, благодаря шашке, он отбил и даже одного из нападавших ранил. За мою службу в Новгороде были случаи нападения на городских толпою по 10 и 15 человек, и городские свободно отбивались шашками. Шашка же меня лично спасла во время защиты Новгородской женской гимназии. Во время волнения в Новгороде толпа*~~censored~~*гангов ворвалась в женскую гимназию и стала расхищать имущество. Я кинулся в помещение и набросился с шашкою на грабителей, при этом сознаю, что бил их тупой стороной шашки. Выгнал всех на улицу и встал для охраны помещения с наружной стороны дверей. В это время произошло нападение на меня. Видя опасность, я вынул браунинг и взял его в левую руку, а правой выхватил шашку. Толпа в числе 70 человек наступала. Стрелять я находил неудобным, так как вся улица была полна публикой, наблюдавшей это зрелище, а потому и решил действовать шашкою. Ее размахами вокруг себя я нагнал панику на толпу и ни один из нападавших не осмелился подойти ко мне на близкое расстояние. Этот натиск я, благодаря именно шашке, выдержал до прибытия патруля. Во время беспорядков в Новгородской тюрьме мы, полицейские, только и разгоняли толпу шашками, каковые действительно наводят на толпу панику, так как каждый знает, что от удара шашки не увернешься: это не пуля, каковая может пролететь и мимо.

Что мне могут сделать двое с кинжалами, если я имею хорошую шашку? – Я не допущу их к себе на расстояние трех шагов и перерублю им кинжалы. Чтобы ударить кинжалом, надо подойти к человеку на довольно близкое расстояние, а кто это допустит с шашкой. Шашка для полицейского чиновника незаменима. Помню, во время смутного периода, произошел у заводчика Забелина пожар, и на меня и двоих городских напала толпа рабочих в 300 человек. Мы тогда отбились только благодаря шашкам – двоим нанесли рубленые раны и арестовали их, как зачинщиков. Читал я и про случай в Одессе, где толпа рабочих в числе 500 человек напала на патруль городских в 20 человек и они на толпу ударили в шашки и не только отбили это нападение, но и рассеяли толпу, ранив до десяти человек. Вышеизложенные примеры сами говорят за себя и указывают на полную пригодность для полиции шашек».

По мнению сторонников шашки, надо не отменять ее, а наоборот – интенсивно учить личный состав пользоваться ею как эффективным средством обороны:

«Шашка – надежное и испытанное оружие и менять его на другое незначит. Наоборот, необходимо усилить обучение классовых и нижних чинов владеть ею. Для этой цели было бы желательным в каждой команде иметь по одному нижнему чину-инструктору, ввести периодические занятия по определенной программе, приучая людей к вольному бою, устраивая, хотя бы раз в год, состязания на призы. Необходимо завести в командах фехтовальные принадлежности. Любители фехтования находятся, а средств на приобретение принадлежностей нет. Я, например, принадлежу к их числу, но заняться фехтованием по указанной выше причине не могу, а классовым чинам очень и очень не вредно подзаниматься фехтованием, а то мы опустили и действительно носим «сеledку», а не шашку. Наука эта нетрудная, но очень полезная, развивающая силу и верность руки, ловкость, глазомер и находчивость и обеспечивающая победу над врагом».

Кроме боевого использования, приведен аргумент эстетического характера:

«Нужно оттенить также и то, что вооруженные тесаками полицейские будут иметь вид каких-то мясников, тогда как шашка выглядит скромнее и не шокирует обывателя, приглядевшегося к ней как к обычной принадлежности форменного платья».

Один из участников спора предложил вариант примирения обеих сторон, попутно попытавшись ошастливать регулировщиков уличного движения:

«Не лучше ли будет решить этот вопрос по примеру кавалерии, т. е. иметь и шашку, и тесак, укрепляя его при ножнах шашки. Явилась, скажем, необходимость людей отправить куда-нибудь лишь при коротком оружии – отстегнули тесаки от шашек, надели их на портупею и дело готово, а шашки, как ненужные на этот раз, остаются дома. Вместо тесака еще лучше было бы взять японский штык с железными ножами, но немного его удлинить и сделать обоюдоострым с параллельными лезвиями, суживающимися к концу, а крестовины рукоятки устроить на особых, с пружинами, шалнерах (петлях). При нахождении тесака в ножнах при шашке крестовины эти будут пригибаться вплотную к рукоятке тесака, а когда тесак извлекается из ножен, то крестовины немедленно отходят на свои места, защелкиваются пружиной и самостоятельно закрыться не могут.

Этим же тесаком можно было бы заменить и жезл у тех постовых городских, которые регулируют движение на улицах больших городов – блестящие никелированные ножны видны будут далеко, особенно если на конце ножен укрепить какой-нибудь блестящий шар с гербом города или установленной формы

флажок, предположим, оранжевого цвета с белым номером поста; готов спорить, что это будет много приличнее и наряднее нынешнего деревянного жезла, напоминающего средневековую дубинку».

Немного разобравшись с оружием, которое получили полицейские в результате реформы, коснемся еще одной ее черты. Стремясь повысить личную ответственность стражей порядка, 16 августа 1859 г. правительство ввело ношение нагрудных номерных знаков для городских унтер-офицеров и городских стражей. Объяснялось это тем, что: «При жалобах, приносимых полицейскому начальству, весьма трудно иногда отыскивать виновного по неясному указанию примет его».

То ли это обстоятельство в сочетании с общим ходом реформ, то ли возможность качественного отбора при пополнении штата (летом 1861 г. путем найма дополнительно было набрано 170 городских унтер-офицеров), но перемена в поведении городских стражей была отмечена. Летописец московской жизни для обозначения обновленных полицейских даже использовал особое слово:

«Взгляните только на наших сержантвилей. Разве, в самом деле, они со своими ботфортами, красными шнурами, пистолетами и свистками то же, что блаженные памяти хожалые необразованного и неотесанного стиля!»

Чтобы отличать облагороженных реформой полицейских от прежних «рыцарей в сермяжной броне», журналисты еще пустили в оборот слово «полицанты».

Горожане, казалось бы, должны были только радоваться, что наконец-то появились вежливые полицейские, оставившие привычку немедленно подкреплять требования закона силой кулака. Тем не менее именно это новое качество полиции вызвало волну упреков. В книге «Суд и полиция» В.Я. Фукс отметил характерное для того времени явление: жалоб на «бессилие» (пассивность) полиции в обуздании правонарушителей было больше, чем на ее лихоимство. В обзоре «Езда по московским улицам» В.Ф. Одоевский, указав на то, что бесчисленные мелкие правонарушения остаются безнаказанными, призывал полицейских все-таки власть употребить:

«Полиция, должно отдать ей полную справедливость, в настоящее время сделалась весьма вежливой – так и следует; но то беда, что многие ее исполнители смешивают вежливость с неуместным снисхождением или послаблением; необходимо им убедиться, что вежливость вежливостью, а закон законом; что при виде беспорядка на улице, подвергающего опасности жизнь и здоровье проезжающих и проходящих, должно отложить в сторону всякое снисхождение и действовать законно, но, так сказать, беспощадно, «несмотря ни на какое лицо». Виноват – задержать и под суд».

Растерянность будочников и хожалых можно понять. Еще вчера они могли почти любого обывателя урезонить «наложением длани», а нынче им это строго-настроено запрещено. А как еще приструнить возомнившего о себе простолюдина, начальство пока не научило – само в растерянности. Характерную в этом отношении сцену описал А.П. Голицынский в рассказе «Черный день». Его герой, мелкий чиновник, переживая полосу неудач, не сдержался и съездил по зубам надерзившему ему мужику. Вместо того чтобы привычно утереться, крестьянин кликнул хожалого и потащил обидчика в часть. По дороге чиновник, готовый отдать последние деньги, стал упрашивать унтер-офицера уладить дело без составления протокола. Полицейский, сочувствуя всей душой, объясняет, почему бессилен помочь: «...нынче мужика нельзя запугать», а бить – не разрешается.

Полицейский уговаривает карманника:

– Сделайте милость, оставьте! Как-нибудь еще до начальства дойдет. Нынче этого не любят-с...
(кар. из журн. «Зритель общественной жизни, литературы и спорта». 1863 г.)

Городовой: – Куда, приятель, куда? Вот погоди ужо!

Прохожий: – Оставьте его, оставьте! *Laissez passer laissez faire* (формула, выражающая начало невмешательства государственной власти в экономические отношения).

(кар. из журн. «Зритель общественной жизни, литературы и спорта». 1863 г.)

В шляпе: – Скажите, где нынче бывают кулачные бои?

С усами: – Да только в селе Богородском на бале, а больше нигде не бывают.
(кар. из журн. «Развлечение». 1866 г.)

В 1861 г. москвичи и жители Подмосковья получили от правительства еще один подарок – был упразднен Сводный казачий полк, входивший в состав полицейских сил. Сообщая об этом событии, журнал «Современная летопись» писал:

«Кому из москвичей не известно, что почти на каждом шагу древней столицы, где есть от полиции пост или где живет должностное, высшего разряда, лицо, можно встретить казака или нескольких казаков? Впрочем, казака везде и всюду можно встретить, не только в самой Москве, но и в окрестностях ее, во всех рощах, парках и т. д., и в уездах по всем квартирам исправников и становых, по многим селам и деревням, одним словом, по всему лицу Московской губернии».

Казаки, служившие охраной и посыльными, были такой неотъемлемой деталью поездок обер-

полицмейстеров по городу, что вошли в анекдоты. Например, профессор римского права Н.И. Крылов, рассказывая студентам о консуле, окруженном ликторами, для наглядности сравнивал его с обер-полицмейстером, сопровождаемым казаками с нагайками наготове. Визиты обер-полицмейстера И.Д. Лужина в дом графини Н.А. Орловой-Денисовой остряки называли «три казака». Пока влюбленный генерал наслаждался обществом своей пассии, во дворе особняка, на фронтоне которого был изображен донской казак (элемент графского герба), томились бездельем два уральских казака. Как ни странно, но в этой картине была даже некоторая аллегория пребывания казаков в Москве.

После упразднения в 1806 г. московских драгун для охраны общественного порядка в Первопрестольной был назначен полк донских казаков. Через 12 лет их сменили уральцы, а с 1837 г. полк стал сводным: одну половину составляли представители уральского казачьего войска, другую – оренбургского. К моменту вывода из Москвы в Сводном казачьем полку насчитывалось 1013 строевых чинов, из которых было 47 урядников (унтер-офицеров) и 23 офицера.

Расквартирование казаков в Москве и ее окрестностях имело для города определенную выгоду. Жалованье и фураж личный состав полка получал от государства, на что из бюджета расходовалось в среднем 156 403 р. 931/2 к. сер. в год. Все остальное, от лошади до мундира и сапог, казак приобретал сам. Из городской казны оплачивались квартиры лишь нескольким старшим офицерам. Остальных, если у них не было средств нанимать жилье в городе, размещали на постой по крестьянским избам в подмосковных деревнях.

Обер-полицмейстер в сопровождении казаков.

(кар. из журн. «Зритель общественной жизни, литературы и спорта». 1863 г.)

В Москве общей обязанностью казаков было выполнение распоряжений и приказаний полицейского начальства, а в уездах – чинов земской полиции. Распределение рядовых и урядников по Москве и губернии приводило к тому, что они выпадали из поля зрения их командиров и оказывались предоставленными сами себе. Автор статьи «По поводу упразднения казачьего полка в Москве», видимо, сам служивший в этой части, обрисовал ситуацию так:

«Раз или два в год, сев верхом на лошадь, сотенный командир, с горем пополам, может объехать подмосковные деревни и обревизовать казаков. Но какой из этого выйдет результат? [...]

– Где казак Бочкарев? – спрашивает сотенный командир хозяина дома, где квартирует казак.

– А бог его знает где! – говорит мужичок. – Не то в стан ушел, не то в Матвеевское (село) приказы понес. Вот и результат проверки казаков по уездам.

Но оставим в стороне и Московский уезд, обратимся к самому городу. Например, от 1-й сотни находится у большого Каменного моста казак, у малого Каменного моста казак, у Москворецкого моста казак, у Городской китайской стены казак, на Лобном месте казак, в Сокольниках казак, в Парке казак, в Марьиной Роще казак, и проч., и проч.

Хорошо. Сотенный командир отправляется ревизовать этих казаков, подходит, например, к будке, что при Москворецком мосту, и спрашивает будочника:

– Где казак Буренин?

– Здесь, ваше благородие! – откликается сам казак, выбегая из будки или из-за будки.

Тот же привет, тот же ответ, что мы видели в селе Семеновском.

– Что поделяваешь? – спрашивает сотенный командир.

– За порядком смотрю! – отвечает казак.

А какой смысл в словах: за порядком смотрю, сотенный командир не знает и не может знать, потому что

он относительно полиции лицо совершенно постороннее.

– Служи хорошенько! – скажет казаку сотенный командир, чтоб очистить совесть свою.

– Слушаю, ваше благородие! или Рад стараться, ваше благородие! – ответит казак, и делу конец.

От Москворецкого моста сотенный командир отправляется, например, к Большому Каменному. Там повторяется то же, что и при Москворецком мосту, или повторяется то же, что мы видели в деревне Раменках, то есть сотенный командир не застаёт тут казака.

– Где казак Юлаев? – спрашивает сотенный командир будочника.

– Ушел по кварталу, ваше благородие! – отвечает будочник.

А действительно ли казак ушел по кварталу, не сидит ли он где в харчевне и чай распивает, сотенный командир не может знать, и должен удовлетвориться ответом будочника. Таким образом, сотенный командир может искрестить столицу из конца в конец, поверяя казаков, а в результате все-таки выйдет нуль. [...]

Отсылая казака в распоряжение полиции, сотенный командир, в успокоение своей совести, может только дать казаку наставление в следующем роде: «Будь честен и трезв, к службе усерден, воле полицейского чиновника послушен, с публикой и вообще с народом скромн и вежлив» и т. п. Затем быть трезвым или пьяным, быть усердным или ленивым, быть послушным или ослушником, быть вежливым или наглым – все это зависит уже от самого казака, то есть от его нравственной натуры. Казак с установившимся характером и с более или менее хорошими нравственными задатками может удержаться в границах приличия, соблюсти баланс, избежать соблазна и не впасть в проступок. Но казак с характером легким и с шаткими убеждениями беспрестанно впадает в проступки. Прежде всего он небрежно относится к службе. Так, например, пошлют его куда-нибудь с бумагой по весьма нужному делу, а он на пути зайдет в харчевню и забражничается: дело полиции остановится, а иногда и вовсе расстроится. После, пожалуй, секи казака розгами, но дела не поправить. Или пошлют казака проводить из части в часть арестанта, а он зайдет с ним в кабак, запьянствуется и упустит арестанта, или же, что еще хуже, возьмет с арестанта взятку и нарочно отпустит его. После, пожалуй, предавай казака военному суду, гоняй сквозь строй и отсылай в арестантские роты, но дела все-таки не поправишь».

Для обывателя встретить казака «с шаткими убеждениями» было хуже, чем оказаться в руках обычного преступника. При нападении грабителя оставалась возможность призывать на помощь полицию, и был хоть какой-то шанс на спасение. Казак сам являлся блюстителем порядка, поэтому кричать «Караул!» было бессмысленно. Да и действовали казаки-грабители совершенно безбоязненно, словно считали себя никому неподвластными. Иллюстрацией может служить фрагмент из воспоминаний академика живописи П.П. Соколова. Дело происходило в окрестностях Останкино, где художнику довелось прийти на помощь иностранцу-охотнику, ставшему жертвой произвола:

«– Я просто не понимаю, милостивый государь, – дрожа всем телом, говорил немец, – зачем этот русский солдат отнял у меня ружье? Я уже не первый раз здесь стреляю, а он мне говорит, что здесь запрещено стрелять.

– Отдай сейчас же ружье этому господину, – сказал я строго казаку, угрюмо смотревшему на меня исподлобья. – Как ты смеешь своевольничать?

– А вы мне что здесь за начальник? Тут стрелять не дозволяется, вот и весь сказ, – ответил казак.

– Ну, это, брат, рассказывай кому другому, а не мне, – сказал я, прекрасно зная, что за валом стрелять разрешается.

– А вот сказано нельзя, ну и нельзя, – и с этими словами казак повернул лошадь. У меня в запасе оставалось одно только средство, чтобы спасти ружье несчастного немца, который необыкновенно жалостливо смотрел на свое оружие, находившееся в руках казака.

– Слушай, – закричал я, – у моего отца бывает генерал Лужин. А знаешь ли ты, кто это такой? И что может выйти из того, если я ему расскажу, как ты здесь своевольничаешь; я думаю, что он тебя не погладит за это по головке.

– Да я, собственно, ничего. Что окромя... как... обязанность свою, – вдруг начал путаться казак.

– Не ври, – оборвал его я, – выкуп за ружье хотел взять, и если ты его сейчас же не отдашь этому господину, то что-нибудь еще получишь, я же тебе дам полтинник. А ежели заупрямишься, то не только ничего не получишь, но и на гауптвахте посидишь, если не хуже.

– Да я, собственно... – начал было казак и подал ружье.

Немец, получив свое оружие обратно, был в восторге. Да, эти казачьи разъезды не мало своевольничали в то время, как в окрестностях, так и в самой столице. Бывало, остановят целый мужицкий обоз, да и держат его в карантине, пока не получат достойного выкупа. А то и хуже того: прямо занимались грабежом эти блюстители порядка».

Не исключено, что пренебрежительное отношение казаков к закону формировало само постоянное пребывание возле полицейского начальства. В одной из корреспонденций, поступившей Герцену из Москвы, рассказывалось о такой истории. Как-то раз полицмейстер Н.И. Огарев почтил своим визитом актрису Медведеву. В тот же вечер к ней хотел зайти молодой купчик – чуть ли не жених, но, увидев на улице сани с казаком, юноша не стал подниматься в квартиру, а только передал записку. К несчастью, горничная вручила послание на глазах Огарева, а затем и назвала полицмейстеру адрес купца. Огарев отправился в дом своего соперника, где потребовал ответа: «...как он смеет писать записки к Медведевой». Молодой человек ответил в том смысле, что не должен перед ним отчитываться о своих поступках. Тогда Огарев приказал двум казакам скрутить гордеца, а сам «...взявши нагайку, собственноручно так его исколотил, что голова оказалась проломленною».

Казак везет задержанного на извозчике

(илл. к книге А. Голицынского «Уличные типы»).

Упразднение Сводного казачьего полка, по мнению «Современной летописи», имело положительный результат – как для москвичей, так и для самих казаков. Последним возвращение в родную среду давало возможность избежать фатального превращения в преступников под воздействием соблазнов большого города:

«Мы не станем перечислять все виды казачьих проступков, приносящих прямой вред полицейской службе и ставящих иногда, что называется, в тупик полицейское начальство – для этого потребовалось бы много и времени, и бумаги, – а скажем только о том, что казак, дурно относящийся к службе, не менее того вредит и самому себе. Так, например, привыкнув к чаю, вину и вообще к разгульной трактирной жизни, казак делается белоручкой и утрачивает всякую охоту и способность к честному труду, этого мало – получает отвращение к нему, и потому, возвратись через четыре года на родину (срок казачьей службы в Москве четыре года), он не может уже быть пчелой, как был дотол, и делается трутнем. Шатаясь в Москве по кабакам и харчевням, казак сталкивается и знакомится с ворами и мошенниками, входит, особенно через посредство известного разряда женщин, в их шайку, и чтоб удовлетворить приобретенной такою жизнью страсти к вину, пиву и т. п., заодно с мошенниками ворует и мошенничает. Привычка воровать не покидает его и по возвращении на родину. Мы знали многих несчастных казаков, преимущественно из молодежи, которые приходили в Москву с наклонностями голубя, а возвращались оттуда с замашками коршуна. Через наши руки, во время восьмилетнего нашего служения в полку, прошла не одна сотня следственных и военносудных дел, по коим не один десяток казаков изведаль, что такое шпицрутены, что такое арестантские роты и что такое каторга. Между тем, при другой служебной и житейской обстановке, многим из этих несчастных и в ум бы не пришло, например, украсть лошадь, обобрать захмелевшего человека, и т. п.».

Обязанности подвижного силового резерва на случаи чрезвычайных ситуаций вместо Сводного казачьего полка были возложены на кавалерийские части московского гарнизона. Из них назначали дежурные эскадроны, из которых, в свою очередь, выделялись конные разезды для ночного патрулирования Москвы. Что касается основного занятия казаков – экстренной доставки распоряжений полицейского начальства – то здесь на помощь пришли достижения технического прогресса. Заменой конных курьеров стал специальный телеграф, соединивший линиями связи Кремль, резиденции генерал-

губернатора и обер-полицеймейстера, пожарные депо, жандармский дивизион, управу благочиния и полицейские частные дома. Для обычной пересылки казенных бумаг в штат полиции было набрано около ста вольнонаемных курьеров.

Подсчитав расходы на содержание преобразованной структуры городской полиции, автор статьи в «Современной летописи» сделал вывод:

«Итак, упразднение казачьего полка в Москве смело можно отнести к числу реформ в высшей степени благодетельных – благодетельных как в нравственном, так и в экономическом отношении. От этой реформы останутся в выигрыше, и в большом выигрыше, прежде всего московская полиция, потом сами казаки, а, наконец, и правительство.

Выгода полиции та, что телеграф не зайдет в кабаки, за это смело можно поручиться, а курьер, как человек свободно взявшийся за дело, не менее телеграфа будет аккуратен; в противном случае ему тотчас же дадут «абшид» [38 - Абшид (нем.) – отставка. Что же касается упования на трезвость телеграфа, то известен случай, когда пьяный полицейский телеграфист так передал депеши, что пожарные команды вместо того, чтобы собраться для совместного тушения большого пожара, выехали совсем в другую сторону.].

В середине 60-х гг. в череде преобразований полиции произошло, пожалуй, важнейшее изменение, которое явилось прямым следствием проведения в стране судебной реформы. В результате возникновения новой системы судов полицейские наконец-то утратили право своей волей карать и миловать.

Современница событий А.И. Соколова по этому поводу писала в мемуарах:

«Живо помню открытие новых судов в Москве. Открытию этому предшествовала масса новых разнообразных толков, в большинстве случаев очень сочувственных. До тех пор всеми делами, и по денежным взысканиям, и по всевозможным правонарушениям, ведала почти исключительно полиция, и всякому, сколько-нибудь знакомому с полицейскими порядками, даже позднейших, менее «бесцеремонных» эпох, понятно будет, как нетерпеливо ждали обыватели московские возможности обходиться без вмешательства «самого квартального».

Благодаря появлению гласного и состязательного судопроизводства, представители всех сословий получили возможность найти защиту от произвола полиции. Равно как и полицейские всех чинов и званий – от оскорблений и унижений со стороны набравших силу «денежных мешков».

Самым громким судебным разбирательством (из череды так называемых «полицейских») было дело об оскорблении частного пристава Врубеля. Выполняя служебные обязанности, он попытался войти в дом богатой купчихи М.А. Мазуриной, чтобы взыскать 1128 руб. по ее долговому обязательству. Действуя в лучших традициях московских купцов-самодуров, Мазурина приказала слугам наглухо запереть ворота и спустить с цепи сторожевых собак. Невзирая на опасность, подчиненные Врубеля расчистили ему путь. Пристав смог проникнуть в покои купчихи и лично вручить ей официальное предписание. А разбор дела у мирового судьи для Мазуриной закончился приговором об аресте на два месяца «за противодействие законным требованиям полиции».

Другого участника того события, врача Екатерининской больницы Ельцинского, судили в Окружном суде. Доктор, находившийся в доме Мазуриной, не только не отговаривал купчиху от ее опрометчивого поступка, но и на повышенных тонах порицал настойчивость пристава Врубеля. Правда, на суде Ельцинский вел себя гораздо тише и попытался доказать, что словом «безобразия» он характеризовал не действия полицейского офицера, а возникшую при этом нервную обстановку в доме. Волнение, мол, могло пагубно сказаться на здоровье его пациентки. Суд признал Ельцинского виновным, но приговорил всего лишь к штрафу в 8 рублей.

Немногим позже хамовнический мировой судья вынес вердикт об оскорблении другого полицейского – на этот раз всего лишь городского. Тем не менее, по мнению Е.И. Козлининой, это на первый взгляд рядовое дело имело важную общественную значимость:

«Приказчик купца Гвоздева желал пройти по Дорогомиловскому мосту в то время, когда мост за ветхостью был закрыт не только для проезда, но и для пешеходов.

Городовой не пропустил приказчика, и тот стал ругаться. Городовой повел его в часть; дорога в часть проходила мимо лавки Гвоздева, который сам стоял в дверях своей лавки. Увидав это шествие и узнав, в чем дело, Гвоздев велел своему приказчику идти в лавку, а городовому сказал, чтобы он прислал к нему помощника квартального [39 - Указом от 22 мая 1861 г. квартальные поручики были переименованы в помощники квартальных надзирателей.]. И случись это за неделю до начала деятельности мировых судей, дело тем бы и кончилось: помощник квартального пришел бы к Гвоздеву, получил бы с него три, много пять руб. за беспокойство, и тем бы дело, к общему удовольствию, и разрешилось, конечно, получил бы на

чаек и обруганный приказчиком городской. Но теперь уже сама полиция держала ухо остро и не дерзала распоряжаться по собственному усмотрению, а отсылала всех к мировому.

Конечно, и мировой судья, хорошо знавший порядки того времени, принял все это во внимание и отнесся к обвиняемым довольно снисходительно, приговорив Гвоздева к денежному штрафу в размере 15 руб., а его приказчика к аресту на 7 дней. Удивил же он и огорчил всех тем, что о действиях городского, отпустившего задержанного, постановил сообщить обер-полицмейстеру.

Мысль, что городской не должен был подчиняться распоряжению его степенства, в обывательских головах еще не укладывалась, потому что тугая мошна еще считалась всесильной.

Вот разубедить обывателей в этом главным образом и предстояло мировым судьям.

И с честью вершили они свое доброе дело, приучая народ к правосудию, не знающему ни сильных, ни богатых, и воочию являя доказательства того, что суд и может и должен быть одинаково ко всем беспристрастным.

Конечно, в значительной степени помогала им в этом отношении и печать, усердно печатая самые подробные отчеты обо всех делах и таким образом делая их достоянием широкой публики».

В 1867 г. популярный сатирический журнал «Искра» с иронией писал о поветрии, охватившем Москву: по приказу начальства полицейские судятся «за оскорбление». Возможно, журналисты демократической ориентации предпочитали прежнюю систему отношений – обругал городского или даже квартального, потом сунул ему в качестве компенсации рублевую бумажку и радей дальше за свободу личности. Вот только обер-полицмейстер Н.У. Арапов рассудил иначе. Он приказал всем своим подчиненным представлять обидчиков в суд, а не удовлетворяться по привычке денежной компенсацией, поскольку защита от оскорбления конкретного полицейского служит укреплению достоинства полиции в целом.

В рамках этой новой концепции действовал полицмейстер Поль, услышав в свой адрес обидные слова. Это случилось, когда он, совершая ночной обход, заметил свет в торговом заведении, вход в которое был заперт. Войдя через заднюю дверь, полицейские застали компанию игроков в карты. Один из них, прекрасно видя, что перед ним офицер в чине полковника, все же сказал: «Что это есть за человек, не нужно ли дать ему три рубля». На суде Поль пояснил, чем руководствовался в своих дальнейших действиях: «Сочтя эти слова оскорбительными для каждого полицейского чиновника и общества, я счел нужным составить о происшествии протокол». Слова «три рубля» суд оценил в 10 рублей штрафа.

В тот же день, по сообщениям газет, мировой суд защитил достоинство помощника квартального надзирателя Замойского. Во время его дежурства в контору был доставлен мещанин Ступин, задержанный за буйство в пьяном виде. Не желая мирно отправиться в камеру на ночлег, дебошир крикнул Замойскому: «...еще сказывается барин, нужно вас бить». Вместо того, чтобы с помощью городских вколотить в сознание Ступина простую истину: «Не желай другим того, чего не желаешь себе», помощник квартального ограничился составлением протокола. В свою очередь и мировой судья ударил дерзкого мещанина только рублем (вернее – пятью).

Со временем, как свидетельствуют хроники городских происшествий, обращение в суд у полицейских превратилось в привычку. В длинной череде однотипных разбирательств интерес, пожалуй, могут вызывать личности участников инцидентов. Например, летом 1886 г. среди оскорбителей полиции был отмечен профессор технического училища А.Х. Ганце. Городовой Козлов пытался утихомирить и вывести со двора разбушевавшуюся пьяную женщину, размахивавшую железной палкой. Едва ему с помощью подоспевшего городского Караваева удалось это сделать, как с проезжавшей мимо пролетки соскочил приличный с виду господин и закричал на полицейских: «Грабители, вы зарезать человека готовы!» Затем он сдавил горло Козлову, а с Караваева сбил фуражку. Доставленный в участок, профессор не утихомирился и, согласно записи в протоколе, продолжал обзывать служащих полиции «мерзавцами, головорезами и прочими бранными словами». На суде Ганце объяснил, что накинулся на городских из человеколюбия, вступившись за пьяную женщину, которую жестоко били. Благородный порыв профессора был оценен – по приговору он получил возможность целых 10 суток провести в самой гуще народа в арестном доме.

«Под ручку с кавалерами и мы ходить умеем».

(кар. из журн. «Свет и тени». 1878 г.)

Мы ввели бы читателей в заблуждение, если бы утверждали, что все обращения полицейских в суд диктовались высокими помыслами. Увы, и среди «реформированных» стражей порядка находились те, кто использовал достижения демократии для продолжения произвола. Взять хотя бы процесс купца Карла Мора, которому пришлось ответить за оскорбление частного пристава Реброва. По документам, представленным суду полицией, вина купца не вызывала сомнений. При осмотре его магазина были обнаружены испорченные продукты, но Мора, вместо того чтобы признать свою вину и подписать протокол, стал скандалить и едва ли не побил пристава.

В.Ф. Одоевский записал в дневнике то, что услышал от самого владельца магазина:

«Мора рассказал мне свою поучительную историю. У него был спор с поставщиком фазанов, который взял с него 200 руб. за ящики, один свежих, другой – прошлогодних. Он адресовался к полиции, которая запросила 100 р.; он не дал. Частный пристав обещал отомстить и для сего воспользовался осмотром лавок. В кладовой Мора он нашел обрезки сыра, в которые складываются неблагоприятные части сыра (les accidents). Доктор уверял, что сыр вовсе не вредный; несмотря на то, частный пристав велел его нести для исследования. Мора просил нести покрытым, ибо публика, не зная, что это за сыр, пустится в толки, и кредит лавки будет потерян; упрашивая частного пристава, он, как итальянец, по обыкновению размахивал руками – частный пристав воспользовался этими жестами, чтобы обвинить Мора в поднесении рук к его лицу. Потребовали Мора к судебному следователю Иохтессу (приятелю частного пристава Реброва), который требовал, чтобы Мора подписал тут же написанный на него отзыв, – не позволяя ему посоветоваться ни с кем, ни перевести на французский его содержание. Между тем требования взятки от полиции продолжают. Мора просил меня совета, как сделать, чтобы назначили какого-либо другого следователя».

Под караулом

(кар. из журн. «Развлечение». 1862 г.).

Отчаявшись доказать свою правоту, Мора не стал оспаривать приговор Московского окружного суда в высших инстанциях, а просто уплатил 30 руб. сер. наложенного на него штрафа. А Одоевский пришел к заключению: «Всякое новое постановление рассматривается негодяями как средство для наживы».

Другой вывод относительно дела Карла Мора прозвучал в газете «Московские ведомости». В передовой статье, посвященной практике вынесения окружным судом решений об оскорблении полицейских чиновников и неисполнении законных требований полиции, говорилось, что эти приговоры носят странный характер. С одной стороны, подсудимых всегда признают виновными, с другой – наказания им назначают по низшему пределу. Создавалось впечатление, что судьи вынужденно, ради поддержания авторитета полиции, не оправдывают подсудимых, но при этом стараются облегчить их участь.

Защищая честь судейского мундира, П.А. Устимович дал газетчикам резкую отповедь в специально написанной брошюре. Юрист утверждал, что в случае с Мора не правосудие подошло к купцу предвзято, а пресса в искаженном виде передала то, что говорили свидетели. Именно на основании их показаний был вынесен приговор (вот только этими свидетелями были те самые полицейские, которые вымогали деньги у К. Мора). Устимович подчеркивал, судьи выносят приговоры, исходя из своих личных убеждений, и, если назначенные виновным наказания служат укреплению престижа полиции, то это вряд ли «...дает право заключить, что судьи лицепрятно и искусственно поддерживают этот авторитет».

Нам неизвестно, давало ли в действительности высшее начальство указание служителям Фемиды судить с пристрастием всех обидчиков полиции для укрепления ее авторитета. А вот что касается прессы, то официальный документ на имя московского генерал-губернатора, подписанный 1 сентября 1878 г. министром внутренних дел А.Е. Тимашевым, в архивах сохранился:

«Конфиденциально.

Милостивый государь князь Владимир Андреевич!

Ввиду проявляющегося в нашей прессе систематического стремления при всяком удобном случае порицать действия полиции и возбуждать в ней [40 - Так в тексте документа. Видимо, правильно – «к ней».] недоверие и неуважение, и, принимая во внимание, что такое отношение печати к действиям полиции отнимает у общества убеждение в безопасности и порождает в среде самой полиции крайне вредные, особенно при настоящих условиях, колебания и неуверенность при исполнении лежащих на ней обязанностей, – признано необходимым, согласно последовавшему особому Высочайшему повелению, пригласить господ редакторов бесцензурных газет и журналов воздерживаться от печатания порицательных и обличительных в отношении к полиции статей, в уверенности, что правительство со своей стороны принимает все необходимые меры для устранения всяких поводов к таковым нареканиям на полицию, и предупредить их, что в будущее время голословное и систематическое порицание полицейских учреждений и начальств в периодической печати непременно вызовет против виновных изданий строгие административные взыскания.

При выходе с маскарада.

– Вот, брат, и работа тебе. Забирай в часть – вишь буянят.
– Никак нет-с, ныне от начальства строгий приказ: до тех пор, пока не свалятся, не трогать. Он хошь и ослабел, а все товарищи поддержат.

(кар. из журн. «Будильник». 1876 г.)

Вследствие сего имею честь обратиться к Вашему Сиятельству с покорнейшею просьбою, пригласить гг. редакторов бесцензурных периодических изданий, выходящих в свет в Москве, и сообщить им изложенные указания» [41 - ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 68. Д. 2148. Л. 1–2.].

Редакторы, естественно, беспрекословно явились в канцелярию генерал-губернатора и скрепили своими подписями обещание в дальнейшем не критиковать полицию. Что поделать – цензуры вроде бы нет, а воля верховной власти есть.

Однако в сентябре 1881 г. в газете «Мирской толк» среди героев фельетонного обзора городской жизни появился полицейский чин. Автор сатиры, рассказывая о посещении сумасшедшего дома, упомянул о встрече с квартальным надзирателем. Грозный властитель над обывателями, оказавшись выведенным за штат, громко скорбел о своей незавидной доле: не бывать ему больше именинником 10 раз в году, не получать по этому поводу денежных и прочих подношений от благодарных жителей квартала.

Смелость редактора объясняется просто. Ко времени публикации фельетона уже не было ни квартальных, ни их помощников, ни частных приставов, равно как и будочников, хожалых и прочих «мушкатеров». Вместо них с 1 июля, согласно утвержденному новому штату, появились начальники участков, их помощники (из числа переаттестованных квартальных), околоточные надзиратели и городовые. Тем самым началось претворение в жизнь подписанного императором 5 мая 1881 г. Положения о московской городской полиции. Реформирование органов правопорядка Москвы вступило в завершающий этап.

По примеру Санкт-Петербурга, где подобное преобразование было проведено в 1867 г., полицейская система Первопрестольной получила новую организационную основу. Управление городом разделялось на Общее, «в котором сосредоточивается все вообще полицейское заведывание столицею», и местные органы полиции.

Управа благочиния была упразднена, а ее функции переходили к Общему управлению. В него входили: обер-полицмейстер со штатом помощников, его канцелярия, полицмейстеры, сыскная часть, адресный стол, общий полицейский архив, врачебнополицейское управление, врачебно-полицейский комитет, брандмайор, полицейский резерв и полицейский телеграф. Обер-полицмейстер, назначаемый лично императором, напрямую подчинялся генерал-губернатору, но в чрезвычайных случаях имел право прямого доклада в Министерство внутренних дел.

Полицмейстеры (в 1881 г. – два, в н. XX в. – три, с 1905 г. – четыре, с 1916 г. – пять), состоявшие при обер-полицмейстере, держали под постоянным контролем определенные им части города. Согласно Положению, на них возлагалось: «а) наблюдение за наружным порядком, б) надзор за полицейскими командами, в) ежемесячные и внезапные ревизии дел, сумм и имущества, состоящих в ведении полиции, а

равно побуждение чинов ее к скорому и правильному исполнению лежащих на них обязанностей и г) исполнение поручений обер-полицмейстера также по другим предметам ведомства полицейского управления в столице».

При Общем управлении, но независимо от него, числился военно-полицейский суд. Его существование объяснялось тем, что на тот момент в полиции продолжали служить нижние чины, назначенные от военного министерства.

В административно-полицейском отношении Москва была разделена на 17 частей и 40 участков. Части, разделенные на 2–3 участка, уже не возглавляли частные приставы – эта должность была упразднена. Бывшие Съезжие дома, которые стали именовать «полицейскими», поступили под начало специально назначенных смотрителей. В полицейских домах отводили помещения для содержания арестантов, под приемные покои для больных, для полицейских врачей, повивальных бабок, фельдшеров и служительских команд. По-прежнему в них дислоцировались пожарные команды, которыми командовали брандмейстеры.

Границы участков намечал обер-полицмейстер и после согласования с городской Думой представлял их на утверждение генерал-губернатору. Каждым участком управлял пристав, имевший помощников и канцелярию. В штате участка состояли полицейские стражи и служители, а также околоточные надзиратели. Они отвечали за порядок в пределах околотков – подвластных им территориальных единиц, на которые делился участок. «Пристава, околоточные надзиратели и прочие чины полицейского управления, по участкам города состоящие, – гласило Положение, – суть местные блюстители безопасности лиц и имущества и исполнители распоряжений начальства».

Таким образом, московская полиция получила структуру, объективно позволявшую ей успешно выполнять свои функции в условиях коренных изменений, вызванных проведенными реформами. В сочетании с благоприятными субъективными факторами (например, при энергичной и целенаправленной деятельности обер-полицмейстера) московские стражи эффективно поддерживали общественный порядок и боролись с преступностью. Организационная форма, установленная Положением 1881 г., без особых изменений просуществовала вплоть до весны 1917 г., когда полиция была ликвидирована как государственный институт.

Post scriptum.

В том же 1881 г. вышла в свет книга «Мысли о петербургской полиции». Ее автор (под псевдонимом «Служивший в полиции») прямо и откровенно рассказал о недостатках столичных правоохранительных органов. В кратком изложении они сводились к следующему: в полиции служат люди с низкими моральными качествами, поэтому они не пользуются уважением в обществе; эти служащие полиции творят произвол и беззаконие по отношению к обывателям, но раболепно выполняют любую волю начальства; образованные и нравственные люди не идут на службу в полицию из-за низкого материального содержания, назначенного государством; малую зарплату при постоянно растущей дороговизне полицейские вынуждены компенсировать вымогательством денег у всех и каждого; вместо непосредственной охраны общественного порядка полицейские заняты написанием бесчисленного количества служебных бумаг.

Градоначальники

Городской

полицейский дом в Ипатьевском переулке

Градоначальник

(кар. из журн. «Будильник». 1916 г.).

Градоначальник – так называется по действующему русскому праву должностное лицо, управляющее на правах губернатора определенным территориальным округом, состоящим из города и прилегающих к нему местностей, входящих в состав градоначальства.

На исходе 1904 г. Николай II удовлетворил просьбу великого князя Сергея Александровича – освободил его от должности московского генерал-губернатора. Дядя-своjak царя, сохранив за собой командование военным округом, наконец-то избавился от ненавистной ему административной работы. Не меньшую радость испытали москвичи, откровенно не любившие великого князя за высокомерие и пренебрежение интересами города.

Император по каким-то ведомым ему одному соображениям не стал назначать нового генерал-губернатора. Его служебные обязанности были разделены между губернатором и градоначальником, а высшее руководство Москвой и губернией возлагалось непосредственно на министра внутренних дел.

Именным указом от 1 января 1905 г. должность обер-полицеймейстера была упразднена. Вместо него московскую полицию возглавлял градоначальник, назначаемый лично царем. В случае отъезда или болезни градоначальника его обязанности исполнял помощник, действовавший на основании специальной инструкции.

Отличие от прежней системы управления Москвой состояло в том, что наряду с полицией градоначальник руководил еще несколькими органами административного управления: Особым по городским делам присутствием (контролировавшим деятельность городской Думы), Московским губернским распорядительным комитетом («при рассмотрении в нем дел, относящихся до хозяйственных распоряжений внутри столицы»), Московским столичным по фабричным и горнозаводским делам присутствием. Кроме того, градоначальнику было предписано «...образовать Особые совещательные присутствия из техников, состоящих при Управлении Московского обер-полицеймейстера».

Даже если эти преобразования были остро необходимы, удивляет момент, выбранный для их проведения. Война с Японией, на протяжении 1904 г. состоявшая из череды сплошных поражений русской армии, привела к нарастанию в стране революционного движения. Москва была крупным промышленным центром, где целенаправленно действовали подпольные организации большевиков, эсеров и других противников царизма.

Не поддаются логическому объяснению и кадровые перемещения. Бывший помощник генерал-губернатора А. Г. Булыгин был назначен в Государственный Совет. В действующую армию был переведен из Москвы Д.Ф. Трепов, возглавлявший полицию в течение восьми лет. Вместо него царь назначил градоначальником черноморского губернатора генерал-майора Волкова [42 - Николай II, будучи цесаревичем, сблизился с Е.Н. Волковым во время совместной службе в Лейб-гвардии Гусарском полку и путешествия в Японию.]. Пока он добирался до нового места службы, вся ответственность легла на генерал-майора Руднева (бывшего помощника обер-полицеймейстера), оказавшегося не самой подходящей фигурой. Генерал В.Ф. Джунковский, непосредственный участник тех событий, писал в мемуарах:

«И это в столь серьезное время производило впечатление, что власти в Москве нет, так как Руднев хотя и был прекрасным человеком, честным и благородным, но в то же время был слабоволен, нераспорядителен и совершенно не годился ни на какую самостоятельную административную должность. [...] Все эти меры, направленные не на пользу дела, а скорее в угоду личности, не привели к хорошим результатам, а, напротив, приблизили к катастрофе».

Волков Е.Н.

Конечно, свидетельство В.Ф. Джунковского как хорошо информированного очевидца имеет огромное значение, однако не стоит забывать, что свои воспоминания он писал спустя много лет, прекрасно зная хронику событий и последствия действий их участников. Полагаем, самый гениальный администратор даже предположить не мог, что 9 января 1905 г. будет «расстреляна вера в царя» и начнется Первая русская революция. Руднев, например, в тот роковой день приказал своим подчиненным организовать очистку тротуаров ото льда и снега с последующей их посыпкой песком. Когда же начались беспорядки, вызванные вестью о Кровавом воскресеньи, он, как положено, предупредив москвичей о запрете сборищ и демонстраций, объявил, что полицией «будут приняты решительные меры».

Прибытие Е.Н. Волкова, приступившего к исполнению обязанностей в середине января, ситуацию во втором по значению городе Империи не изменило. При чтении подписанных им суточных приказов создается впечатление, что в Москве жизнь текла в прежнем мирном русле. Распоряжения градоначальника касались обыденных вещей, связанных с приходом весны: чистки тротуаров, подсыпки снега на проезжую часть по причине оттепели, нависших над головами прохожих «сосулей», сгребания грязного снега в кучи и вывоз его на свалки. На Пасху градоначальник велел произвести с Тайницкой башни Кремля традиционный орудийный салют: 17 холостых выстрелов при начале Всенощной, 21 – во время чтения Евангелия и по окончании обедни 51 залп. Полностью повторяя предшественников, Волков приказывал подчиненным тщательнее следить за тем, чтобы ломовики соблюдали правила уличного движения, а извозчики держались правой стороны, чтобы городские пресекали кражи горелок газовых фонарей. В середине марта полицейские получили предписание надеть фуражки, а немного погодя – прекратить ношение башлыков.

Градоначальник в качестве главного организатора наведения порядка никак себя не проявил, когда вслед за Петербургом волна забастовок прокатилась по предприятиям Москвы. Ни подчиненные ему полицейские, ни горожане не ощутили «твердой руки», а даже, наоборот, заподозрили генерала в недостатке храбрости – по свидетельству В.Ф. Джунковского, «...он стал ездить по Москве не в мундире, а в сюртуке, как простой обыватель». Москвичи обратили внимание и на выезд градоначальника. Прежде обер-полицмейстеры проносились по улицам в экипажах «с пристяжной», т. е. в оглобли ставили коренную лошадь, а к ней сбоку припрягали дополнительную, которая во время бега красиво отклоняла голову в сторону. Волков ездил «в дышло»: пара лошадей была припряжена к одной оглобле.

Возможно, новшество, введенное приказом по полиции 4 февраля 1905 г., также служило целям маскировки. Разъезжая по городу, градоначальник заметил, что при приближении его экипажа городские останавливают уличное движение. Волков строго запретил такую практику: «Находя, что поддержание правильного движения экипажей, согласно требованиям обязательных постановлений Городской Думы... вполне достаточно для устранения затруднений в уличном движении и что при точном исполнении сих требований всякие поспешные, экстренные меры к освобождению проездов явятся излишними, предлагаю приставам разъяснить городским, чтобы они как во всякое время, так и при моих проездах ограничивались лишь поддержанием установленного порядка движения».

Тверской улицы и бульвара.

Постовой на углу

По мистическому совпадению в тот же день в Кремле бомбой террориста был убит великий князь Сергей Александрович. А ведь именно ему Москва была обязана появлением запрета, не обозначенного в официально принятых правилах дорожного движения. Великий князь, став московским генерал-

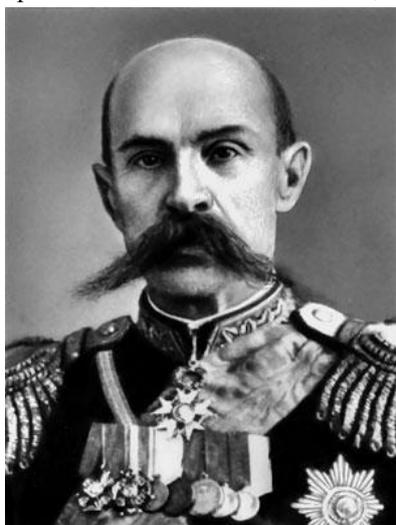
губернатором, был сильно раздосадован тем, что его экипажу приходилось тащиться в общем потоке. Тогда он приказал перекрывать Тверскую улицу во время его выездов из резиденции, и со временем полицейские стали это делать уже по всему городу.

В исторической литературе встречается утверждение, что за смерть великого князя заплатил должностью помощник градоначальника И.Н. Руднев. О его отставке, не указав причину, В.Ф. Джунковский написал в воспоминаниях: «7 февраля был уволен от службы помощник градоначальника генерал-майор Руднев и покинул Москву. Это был очень достойный, образованный человек, много вынесший на своих плечах, благороднейший, хотя и не без некоторых слабостей, Москва его провожала с чувством искреннего сожаления. Он оставил в сердцах всех знавших его чувство глубокого уважения».

Если мемуариста не подвела память и отставка Руднева действительно состоялась, то была она, судя по документам, совсем короткой. Уже 1 марта 1905 г. приказом по московской полиции по случаю отъезда градоначальника Волкова исполнение обязанностей было возложено на его помощника – генерал-майора Руднева. Он же получил в начале апреля месячный отпуск, но спустя три недели ему снова пришлось заменить выехавшего в столицу градоначальника – на этот раз графа П.П. Шувалова. Незадолго до этого, 23 апреля, Е.Н. Волков подписал свой последний приказ, в котором простился с личным составом московской полиции. На фоне нарастающей революции его слабость как администратора стала видна даже из Петербурга.

Правда, новую кадровую рокировку Николай II провел в привычной для него манере. Для исправления положения в Москву снова был назначен генерал-губернатор. Вот только кандидатура вызвала удивление – на этот ответственный пост был назначен престарелый генерал А.А. Козлов. Он обладал большим опытом (служил московским обер-полицмейстером в 70—80-е гг. XIX в.) и пользовался популярностью среди москвичей – от высших слоев до студенчества и простонародья. С другой стороны, явно давал знать о себе его возраст, но главное – Козлов считал огромной ошибкой верховной власти Кровавое воскресенье и последовавшую за ним политику обуздания народа грубой силой. Само вступление генералом в должность, по описанию В.Ф. Джунковского, выглядело почти анекдотом:

«А.А. Козлов был назначен 12 апреля при весьма милостивом рескрипте. Козлов долго, как сам мне рассказывал, отказывался от этого назначения, ссылаясь на свои преклонные годы – ему было тогда 68 лет – и на то, что не обладает уже должной энергией; но, в конце концов, принужден был все же уступить, но поставил при этом условие, что если он по истечении 3 месяцев убедится, что не в силах приносить пользы, то его удерживать не будут. Условие это было принято. В то время генерал от кавалерии Козлов, занимая должность почетного опекуна Московского присутствия, проживал очень скромно в меблированных комнатах Троицкой у Никитских ворот. Прислугой у него была только одна кухарка. Как только вышел высочайший приказ, Козлов, захватив ручной багаж, вдвоем со своей кухаркой пошел пешком по Тверскому бульвару и пришел в генерал-губернаторский дом, оставив за собой комнаты у Троицкой. Так оригинально произошло вступление нового генерал-губернатора в должность. Москва приветствовала это назначение, хотя мало придавала ему значения».

Козлов А.А.

Старческую немощ Козлова, по всей видимости, должна была компенсировать энергия и распорядительность нового градоначальника. Им был назначен граф П.П. Шувалов, в прошлом боевой офицер, затем адъютант и заведующий двором великого князя Сергея Александровича, имевший, кроме того, опыт службы на разных должностях в Министерстве внутренних дел. Джунковский, близко знавший

Шувалова, дал ему такую характеристику:

«Граф Шувалов принялся очень ретиво за свои обязанности и работал рука об руку с генералом Козловым, который имел на него отличное влияние и умел сдерживать его увлечения. В минус графу Шувалову можно поставить то, что он мало интересовался всем тем, что не было чисто полицейским делом, но работал он очень много и все свое время отдавал службе. Он был очень умен и не без хитрости».

Мнение современника о явном изменении стиля руководства московской полицией подкрепляется текстами суточных приказов. Например, в них появляется новая тема – результаты ночных проверок градоначальником несения постовой службы. Шувалов то хвалил подчиненных: «вид и состояние обмундирования удовлетворительны», «бодрый вид и снаряжение в порядке»; то указывал на недостатки: «...городовые, идя на посты или возвращаясь с них, позволяют себе идти неряшливо, утрачивая служебный вид». Постоянной «рубрикой» в приказах стало объявление благодарностей чинам полиции и ночным сторожам за пресечение уличных беспорядков, задержание нарушителей паспортного режима, изъятие незаконно хранимого оружия [43 - При Волкове единственной реакцией на самовооружение москвичей в обход закона была публикация на страницах газеты «Ведомости московского градоначальничества» Обязательного постановления об огнестрельном оружии с приказом к обязательному выполнению этих правил.]. На этом фоне почти теряются распоряжения, связанные с такими обыденными вещами, как слежение за соблюдением правил передвижения «автоматических экипажей» (автомобилей), приведение в порядок домовых уличных фонарей, предотвращение краж горелок и ламп из керосиновых фонарей.

Не давая себе никаких послаблений, генерал Шувалов требовал такой же отдачи от своих подчиненных. В этом отношении характерен его приказ, опубликованный 21 июня 1905 г.:

«Из числа просителей, ежедневно ко мне обращающихся, значительная часть возбуждает такого рода ходатайства, удовлетворение которых по существу хотя и не зависит непосредственно от административной власти, но, во всяком случае, при доброжелательном отношении власть эта всегда имеет возможность в значительной мере способствовать тому. Чтобы ходатайство просителя увенчалось успехом, почему просители указанной категории и направляются мною непосредственно к гг. приставам при соответствующих препроводительных записках.

Принимая во внимание, что за последнее время были случаи, когда просители, побывав у подлежащего пристава, возвращались ко мне удовлетворенными недостаточно и лишь с чисто формальной стороны – я обращаю на это внимание гг. приставов и предлагаю им на будущее время относиться самым участливым, доброжелательным образом не только к таким просителям, кои направляются от меня, но и вообще ко всем лицам, обращающимся к чинам полиции за законным содействием – непосредственно, памятуя, что полицейская власть только тогда окажется на высоте своего положения, когда обыватели будут прибегать к ней охотно и с полным доверием».

Шувалов П.П.

Спустя ровно неделю после появления этого приказа деятельность П.П. Шувалова была прервана пулями эсера П.А. Куликовского. По описанию газеты «Московские ведомости», картина покушения выглядела так:

«Убийство совершено на обычном приеме у градоначальника, привлекающем всегда большое число просителей. Приемная представляет собой низкое, полусветлое помещение внизу, около вестибюля. Граф П.П. Шувалов в сопровождении чиновников обходил просителей. Прием уже приближался к концу;

оставалось выслушать двух-трех посетителей.

Градоначальник приблизился к высокому мужчине, а тот, выхватив револьвер системы Браунинга, стал в упор стрелять в графа Шувалова. Было сделано пять выстрелов, ошеломивших всех присутствовавших и произведших страшную панику среди просителей. Говорят, что первая же пуля попала в область сердца графа; три пули попали в живот и руку, пятая пуля была найдена во входной двери.

Граф П.П. Шувалов упал; преступник хотел было бежать, но пришедшие в себя просители бросились к нему и не дали ему скрыться. Большинство просителей пришли в такое сильное негодование, что стали бить злодея. Одной из пуль был ранен чиновник особых поручений при градоначальнике, г. Шнейдер. Пуля попала в ногу. Полагают, что пули были отравлены. [...]

Весть об убийстве градоначальника распространилась с быстротой молнии по всей столице и вызвала подавляющее впечатление. Все искренне сожалеют о безвременной мученической кончине графа П.П. Шувалова, которого любило население за доступность, обходительность и энергическую распорядительность».

В статье-некрологе «Новая кровавая жертва» воздавалось должное личным качествам погибшего градоначальника:

«Уже одно то, что он в столь трудное, столь тревожное и беспутное время принял возложенное на него Высочайшее поручение водворить в Москве расшатанный законный порядок, было великим гражданским подвигом с его стороны.

Верный заветам своего отца, истинного Русского человека, он не поколебался променять спокойную жизнь на лихорадочную, лишенную дневного и ночного отдыха, деятельность на посту градоначальника Москвы, ставшей после преждевременной мученической кончины своего Августейшего генерал-губернатора, центральным очагом всей теперешней революционной крамолы.

С первых же шагов своих в Первопрестольной столице граф Павел Павлович сумел своей приветливостью и своим добрым сердцем завоевать искреннее сочувствие московского населения, снова свободно вдохнувшего после пережитого им краткого, но тяжелого периода безвластия. Все распоряжения нового градоначальника отличались разумной ясностью, целесообразностью и строгой законностью. Лица, обращавшиеся к графу со своими нуждами, встречали в нем сердечную приветливость, сочувственное внимание и полную готовность прийти на помощь и словом, и делом. Административный опыт, вынесенный им из своей предыдущей службы, в особенности в Одессе, которая и доселе не может забыть его плодотворной деятельности, давал ему возможность, не колеблясь принимать в своем управлении Москвой те именно меры, которые наиболее соответствовали и времени, и месту. Всюду чувствовалось его зоркий глаз опытного наблюдателя и его твердая рука блюстителя законного порядка. Трудолюбие его не знало границ: работая до двух, трех часов ночи, он уже в ранние утренние часы объезжал Москву, чтобы затем без усталости посвятить себя делам своей службы.

Похороны П.П.

Шувалова.

И такого градоначальника лишилась Москва!»

Для характеристики эпохи приведем два частных отклика на убийство графа П.П. Шувалова. Первый – фрагмент письма ответственного сотрудника МВД, создателя знаменитого «летучего отряда» филеров Е.П. Медникова к С.В. Зубатову:

«Дорогой мой. Что творится на белом свете, уму непостижимо. Нужно иметь терпение, чтобы, не закрывая глаза, смотреть, видеть и молчать, молчать. Кажется, весь свет пошел кругом: вертится и

вертится. Каждый Божий день по несколько убийств [44 - Так в тексте источника.], то бомбой, то из револьверов, то ножом и всякими орудиями; бьют и бьют чем попало и кого попало; за что-то и Шувалова, ну, кому он что сделал дурного, никто этого не скажет. Так теперь свободно все стачки проходят, и никаких арестов и в помине нет, а террористы палят и палят» [45 - Цит. по: Лурье Ф. Политический сыск в истории России. М., 2006. С.241.]

Второй документ – отрывок из письма на имя Николая II актрисы Е.А. Шабельской, сочинявшей черносотенные романы:

«Болит у меня сердце о бедном Шувалове. Вот они жиды одесские отомстили ему, как и Великому князю Сергею. Я Шувалова знала очень мало... видела раза 2 в Одессе проездом, но столько слышала о нем хорошего, такое он производил впечатление честности и МУЖЕСТВА ВО МНЕНИЯХ, что сердце к нему невольно лежало. О Государь, неужто Ты оставишь это убийство неотомщенным?»

Вопрос об адекватном наказании террористов в связи с убийством графа Шувалова был поднят и на страницах печати. Попытка самочинной расправы над боевиком в газете «Московские ведомости» получила такой комментарий:

«И не в первый раз уже полиции приходится спасать политических преступников от самосуда толпы, от народа, которому они хотят «благодетельствовать» своими кровавыми злодеяниями!

Глубоко знаменательные факты. Чем же, однако, они объясняются?

Народ не верит, что виновного постигнет кара, – та кара, которая является достаточным в его глазах возмездием за злодеяние. И, к сожалению, это неверие вовсе не случайно: оно имеет свое глубокое основание.

В самом деле, когда за все уголовные преступления суд производится по старому Уложению о наказаниях – для политических преступников создана какая-то непонятная привилегия, в силу которой они судятся по «либеральному» новому Уложению».

Речь идет о положениях уголовного законодательства того времени, согласно которым убийство должностного лица наказывалось не смертной казнью, а каторгой от десяти лет до бессрочной. Если террорист не достиг совершеннолетия (21 года), протяженность его наказания снижалась на одну треть. После отбытия двух третей срока каторжник, проявивший смирение, мог быть переведен на поселение. Эта возможность смягчения участи преступника была так истолкована современником:

«Правда, нужно «одобрительное поведение», ждатель которого от зверя-убийцы довольно трудно. Но кто же не знает, что низшее тюремное начальство часто готово согласиться на одобрительную аттестацию только ради того, чтобы избавиться от беспокойного и опасного человека? Таким образом, 10-летняя каторга для совершеннолетнего может свестись к 6 годам и 8 месяцам, а для несовершеннолетнего к 4 1/2 годам.

Неужели это достаточная кара для злодея, предательски убивающего сановника, охраняющего народное спокойствие?»

Без специального исследования невозможно судить о степени справедливости этого суждения относительно всех революционеров-террористов. Что же касается П.А. Куликовского, то судьба в лице «кровавого царского режима» его действительно пощадила. Сначала он был приговорен к смертной казни, но после подачи царю прошения о помиловании получил 25 лет каторги. В 1911 г. Куликовский по состоянию здоровья был переведен на поселение. Видимо, воздух Якутска оказался столь целебным, что у бывшего боевика хватило сил дотянуть до падения самодержавия. После Февральской революции он возглавил областной совет, вступил в борьбу с большевиками и, попав к ним руки в начале 20-х гг., покончил жизнь самоубийством.

Сторонники применения к террористам суровых мер обращали внимание на мягкость наказания подстрекателям и соучастникам убийств. Для них законом предусматривалось тюремное заключение на срок от двух недель до одного года. Публицист «Московских ведомостей» подчеркивал, что прямым результатом либерализма законодателя является ослабление полиции:

«Но если общество не имеет основания доверять судебной репрессии политических преступлений, – оно еще менее может надеяться на репрессию полицейскую.

Мы далеки от мысли обвинять чинов государственной полиции в неисполнении их долга. Такое обвинение в настоящее именно время было бы вопиющей несправедливостью, когда ежедневно на всех концах России полицейские чины падают жертвами гнусных политических убийц. Мы глубоко преклоняемся перед этими героями, несущими верой и правдой свою службу Царю и Родине не ради того грошового вознаграждения, которое они получают, а ради идеи долга, памятуя принесенную им присягу.

Нет такого государства, в котором полицейская служба была бы так тяжела и неблагоприятна, как в России. Русская полиция является в настоящее время самым беззащитным элементом во всем Государстве.

Но если это так, если наша полиция так организована, что она сама себя защитить не может – то как же мы можем думать, что она защитит нас, что она исполнит прямую свою обязанность, заключающуюся в предупреждении и пресечении преступлений? Можем ли мы быть уверены, что если она арестует преступника, то он не избежит заслуженной им участи? Нет, этой уверенности у нас в настоящее время нет.

Убийца графа Шувалова был арестован за политические преступления, он упорно скрывал свое имя – следовательно, должен был содержаться под стражей с особой тщательностью. А между тем ему позволили «гулять» при Пречистенском полицейском доме, и ему дали возможность бежать с этой прогулки, две недели скрываться в Москве [46 - Готовя покушение, Куликовский скрывался на квартире писателя М.А. Осоргина.], явиться на прием к градоначальнику среди явных и тайных полицейских агентов, которые его «не узнали» и не обратили внимание на его странное поведение, так что он имел полную возможность в выбранный им момент беспрепятственно исполнить свой адский замысел.

Воля ваша, это непостижимо!

Неужели все это в порядке вещей? Неужели это было бы возможно там, где полиция правильно организована, где она стоит на высоте своего призвания, где злонамеренные люди ее страшатся, а честные граждане ее уважают, видя в ней крепкий оплот мирного, законного порядка?

Наша полиция дезорганизована и деморализована с тех пор, как политика «доверия» вернула с триумфом в столицы и в главные центры Империи всю ту шайку негодяев, без которых немислимо было начать революцию; тогда именно та зловредная политика связала по рукам полицию, принудив ее дать дорогу возвращающимся триумфаторам, не только прекратив всякие за ними наблюдения, но и защищая их революционные демонстрации от негодования верных подданных Русского Царя.

Что же тут удивительного, если общество изверилось в полицию, как оно изверилось в суд, и если оно – как всегда и всюду в таких случаях бывает – возвращается в варварское состояние, прибегая к безобразному самосуду, считая, среди общего беззакония, единственно верным законом дикий закон Линча?»

После гибели графа Шувалова, когда обстановка в Москве требовала энергичных действий полиции, на должность градоначальника временно (с 28 июня по 16 июля 1905 г.) был назначен... тот самый «нераспорядительный» генерал-майор И.Н. Руднев. Что касается А.А. Козлова, то после его настойчивых просьб он был отпущен на покой. По рассказу В.Ф. Джунковского, дождавшись прибытия нового генерал-губернатора генерала от инфантерии П.П. Дурново, Козлов попрощался с сотрудниками и вернулся пешком (в сопровождении все той же кухарки) в свою скромную квартирку в номерах Троицкой. Осталось отметить, что если А.А. Козлову было 68 лет, то П.П. Дурново исполнилось 70. Вместе с ним в Москве появился новый градоначальник, тоже титулованная особа – барон Г.П. фон Медем.

Тем временем страну все больше охватывала революция, и напряженность продолжала нарастать. Стачки превратились в обыденное явление, в конечном итоге вылившись во Всероссийскую политическую забастовку. В Москве действовали хорошо законспирированные террористические группы, а на предприятиях шло формирование боевых рабочих дружин. Почувствовав слабость полиции, распоясались разного рода криминальные элементы. В ответ на рабочих окраинах «блатных» стали просто избивать до полусмерти. Напуганные обыватели буквально завалили полицию прошениями с просьбами о приобретении оружия. При этом среди богатых людей стало особым шиком громко заявлять приятелям: «Ну вот, револьверчиком обзавелся, теперь можно и на баррикады!»

Медем Г.П.

Как в тех условиях проявил себя градоначальник Медем, и о специфике его отношений с генерал-губернатором, рассказал непосредственный участник и очевидец событий В.Ф. Джунковский, занимавший в то время пост московского губернатора:

«Это был жандармский генерал, но не специфический, так как командовал только строевыми частями: сначала Московским, а потом Петербургским жандармскими дивизионами. Последнее время он был помощником начальника штаба Отдельного корпуса жандармов. Это был недурной человек, весьма доброжелательный, старавшийся угодить населению столицы, но не отдававший себе отчета в том, что происходило вокруг, и потому все его распоряжения как-то не соответствовали переживаемой эпохе. Когда начались беспорядки, он совершенно спасовал, не выезжал из дому, и полиция не получала должных директив, кроме того, он не имел поддержки от генерал-губернатора Дурново, который его всячески третировал, несмотря на то, что он был его ставленником. Когда приехал генерал-губернатор Дубасов, Медем почти не выезжал из дому и все время болел. [...]

А в Москве генерал-губернатор П.П. Дурново не отдавал себе отчета в том, что происходит, а может быть, и не хотел отдавать себе отчета и делал вид, будто это вовсе не сознательно нарождающийся переворот. Он продолжал заниматься глупостями, мешал градоначальнику работать разными неуместными вопросами, как, например, звонил ему по телефону, спрашивая, почему околоточные ходят с портфелями, затем, вернувшись с какой-нибудь поездки по городу, звонил опять и проверял градоначальника, знает ли он, доложено ли ему из участков, по каким улицам он проехал и т. д.

Градоначальник изводился, раздражался. Раз был такой случай. Группа забастовщиков-телеграфистов явилась на телеграф в дом генерал-губернатора и, переломав аппараты, безнаказанно скрылась. И это тогда, когда во дворе дома генерал-губернатора стоял эскадрон драгун для охраны. Генерал-губернатор позвонил мне по телефону и просил меня приехать. Когда я приехал, П.П. Дурново мне рассказал об этом случае, я, естественно, спросил его: «А градоначальник?» Дурново на это: «Я ему говорил, а он сказал, что разговаривать со мной не хочет, поезжайте, пожалуйста, к нему, – прибавил он, – и скажите, что так нельзя, чтоб он принял меры».

Я отказался от такой роли и сказал Дурново, чтобы он командировал для сего управляющего своей канцелярией или чиновника особых поручений. Тогда Дурново решил отправить к градоначальнику управляющего канцелярией А.А. Воронина, но при этом просил очень и меня поехать вместе с ним. Мы застали градоначальника вне себя. Он и нам повторил, что с генерал-губернатором разговаривать не желает, что он его третировает и отдает распоряжения, ничего общего со службой не имеющие, что вчера он ему по телефону приказал поехать на вокзал встретить знакомую балерину и устроить ее в гостинице, что он не лакей генерал-губернатора, а градоначальник. После долгих увещаний мы добились, что градоначальник примет должные меры, а мы убедим генерал-губернатора быть корректнее. С того дня отношения между Дурново и Медемом остались натянутыми до самого ухода Дурново».

Случилось это радостное для градоначальника событие 24 ноября 1905 г., и в тот же день Медем, телеграфируя министру внутренних дел П.Н. Дурново об обстановке в Москве, завершил донесение

словами: «...действовать буду решительно и авторитета власти не посрамлю» [47 - Цит. по: Вальдин А.С. Декабрьское (1905 г.) вооруженное восстание в Москве – новый взгляд на старые события // www.moskva1905/narod.ru]. Общеизвестно, что накануне Декабрьского вооруженного восстания было арестовано едва ли не все руководство московского революционного подполья. Кроме этого, полицейским вместе с войсками пришлось сражаться с отрядами рабочих-боевиков. У нас нет возможности точно установить, руководил ли градоначальник действиями своих подчиненных в полной мере или он действительно «проболел» все время, пока длилось восстание.

Начало

вооруженного восстания в Москве. Толпа на Тверской 9 декабря 1905 г.

Ограничимся констатацией бесспорных фактов. Во время Декабрьского восстания вдруг выяснилось, что в лучшем случае четвертая часть полицейских имела пригодные к стрельбе револьверы (пусть даже устаревшей системы). Срочное вооружение городских завалившимися в арсенале берданками было проведено по настоянию генерал-губернатора Дубасова. Однако за подавление вооруженного восстания барон Медем 8 января 1906 г. был произведен в генерал-лейтенанты и переведен на высокую должность в штаб Особого корпуса жандармов.

«Отметили» барона и революционеры. Эсеры вынесли ему смертный приговор вместе с другими руководителями разгрома московского восстания. Только предательство Азефа позволило «охранке» успешно предотвратить покушение на фон Медема. Кстати, будучи градоначальником, он не отменил личные приемы просителей, но поручил их вместо себя проводить полицмейстерам.

Преемником Медема царь назначил генерал-майора А.А. Рейнбота. Так как его деяниям посвящен отдельный очерк, сразу перейдем к следующему по порядку градоначальнику. Сведения о нем находим в воспоминаниях В.Ф. Джунковского:

«16 февраля высочайшим приказом назначен был в Москву градоначальником генерал-майор А.А. Адрианов. Он окончил курс в Павловском военном училище в Петербурге, затем, прослушав курс в Военно-юридической академии, пошел по военно-судебному ведомству. С генерал-губернатором Гершельманом [он] познакомился в бытность свою военным судьей Московского округа в 1906 и 1907 гг., когда и обратил на себя внимание Гершельмана, который и выдвинул его на пост градоначальника. Последнее время он был военным судьей в Петербурге. А.А. Адрианов был резкой противоположностью Рейнботу, это был аккуратный, незаметный работник, не блестящего ума, строгий законник, популярности не искал, работал честно и добросовестно, но так как он был чересчур кабинетный работник, то как градоначальник был слаб и нераспорядителен. Был очень хорошим семьянином.

Жена его, Анастасия Андреевна, была хорошая женщина, гостеприимная, но представляла собой несколько провинциальную барыню с претензиями. На мужа имела большое влияние, не всегда хорошее, благодаря своему тщеславию. За время моего губернаторства у меня все время с Адриановым были отличные отношения, и по служебным делам с ним всегда было приятно иметь дело».

Адрианов А.А.

Другой мемуарист, Н.А. Цуриков, оставил такое свидетельство: «Адрианов не был жестоким и тупым администратором. Ему приписывали шутовскую фразу, что в Москве он боится только Льва Толстого и товарища Варвару (гр. Варвару Николаевну Бобринскую [48 - Известная в те годы общественная деятельница.]»).

На тему мягкости характера градоначальника в Москве рассказывали и такую историю. Во время Первой мировой войны из-за введения «сухого закона» спиртное в ресторанах подавали под видом чая.

Адрианов, проходя по «Стрельне», взял с обеденного стола чайную чашку и понюхал ее содержимое.

– Чем пахнет? – удивленно спросил генерал.

– Тремя тысячами, – ответил владелец ресторана, имея в виду размер штрафа, установленный градоначальником за тайную продажу крепких напитков.

Адрианов рассмеялся и «на первый раз» простил ресторатора.

Знакомясь со служащими градоначальничества, генерал Адрианов объявил свои требования к подчиненным: соблюдать законность, действовать энергично, проявлять преданность делу охраны общественного порядка. Все это, как он сам пояснил, в рамках напутствий, полученных им от премьер-министра П.А. Столыпина. Преобразования для начала ограничил одной своей резиденцией. Служебные помещения в доме градоначальника переместили с первого этажа на третий. Это было не очень удобно для посетителей, зато создавало злоумышленникам трудности при отступлении.

Как оказалось, генерал Адрианов прекрасно подошел на должность градоначальника в условиях мирного времени. Ему удалось удержаться на посту руководителя Москвы целых семь лет. Он честно тянул служебную лямку, старательно согласовывая каждый свой шаг с вышестоящими инстанциями, но позволяя подчиненным проявлять разумную инициативу. На эту черту характера Адрианова указывал А.Ф. Кошко, возглавлявший в то время сыскную полицию. Одним из примеров может служить успешное искоренение уличного*~~censored~~*ганства.

На это новое для Москвы явление первым обратил внимание генерал Медем и своим приказом под № 236 обязал полицейских пресекать бесчинства «...так именуемых «хулиганов». Однако успешнее городских с безобразиями на улицах стала бороться сыскная полиция, сотрудники которой наряду с прочими преступниками задерживали дебоширов, драчунов и любителей приставать к женщинам.*~~censored~~*ганов регистрировали в отделе учета, используя специальные анкеты желтого цвета. После их тщательного заполнения нарушителей общественного спокойствия отпускали, предварительно предложив подписать вот такой документ:

«В управление Московской сыскной полиции. Я, нижеподписавшийся, даю настоящую подписку в том, что мне объявлено, что я занесен на контроль в число лиц, замеченных в непристойном поведении на улице, и что лица, производящие безобразия на улицах, высылаются из столицы в административном порядке. Ввиду сего обязуюсь впредь вести себя чинно, ничем не нарушая течение уличной жизни».

По сообщениям газет, даже столь простая бюрократическая мера оказалась весьма действенной.

Оказавшись под угрозой высылки из Москвы, немногие отваживались*censored*ганить снова.

Не сплеховал генерал Адрианов и в начале Первой мировой войны. «Наша мобилизация прошла образцово и быстро; она была заранее хорошо организована каким-то дельным начальником», – отметил в дневнике москвич Н.М. Шапов. Очень своевременным распоряжением градоначальника оказался запрет на продажу горячительных напитков, поэтому отправка в армию огромной массы людей прошла без обычных пьяных эксцессов. За умелую распорядительность царь наградил А.А. Адрианова орденом Св. Владимира 2-й степени.

В связи с переводом Москвы на положение чрезвычайной охраны Адрианов получил статус главноначальствующего. В этом качестве генерал продолжал планомерно проводить мероприятия, вызванные обстоятельствами военного времени: высылку немцев и австрийцев, организацию госпиталей, прием беженцев.

Болезнь свободы. «Наружное» украшение нашего «свободного гражданина» – уличное*censored*ганство (кар. из журн. «Будильник». 1906 г.).

В начале мая 1915 г. А.А. Адрианов снова стал градоначальником, так как главноначальствующим над Москвой был назначен князь Ф.Ф. Юсупов, граф Сумароков-Эльстон-старший, а на исходе того же месяца карьера генерала закончилась крахом. Трепеща перед родовитым вельможей, Адрианов беспрекословно исполнял «глупые и несурзные распоряжения Юсупова» (по замечанию Джунковского).

Когда 27 мая по Москве прокатились так называемые «немецкие погромы», полиция, возглавляемая Адриановым, оказалась в роли стороннего наблюдателя. Единственное, на что решился градоначальник, это отдать приказ об удалении с московских фабрик всех немцев. Действия полиции ограничились «взятием под охрану» немцев-предпринимателей – их свозили в тюрьму под защиту крепких стен. Погромщики же получили от него такую характеристику: «...толпа хорошая, веселая, патриотически настроенная». Сами события в городе были оценены генералом Адриановым как «обычное уличное буйство, которое теперь и прекратилось» [49 - Цит. по: Дённингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). С. 341.].

Специальной следственной комиссии не удалось выявить конкретных зачинщиков беспорядков. Одно было установлено точно: столь трагические масштабы происшествия были вызваны бездействием московской полиции. Более того, свидетели утверждали, что градоначальник Адрианов иногда шествовал во главе погромщиков. Правда, в отчете следователи обошли вниманием тот факт, что у полицейских

фактически оказались связаны руки. По неоднократным распоряжениям МВД местным властям было запрещено применять силу для разгона патриотических демонстраций, а предписывалось действовать уговорами. Князя Ф.Ф. Юсупова и А.А. Адрианова, признав главными виновниками, уволили в отставку.

Градоначальником был назначен генерал-майор Е.К. Климович. Служивший под его началом жандармский полковник А.П. Мартынов оставил о нем такие воспоминания:

«Внешне Е.К. Климович за все время моего знакомства с ним, а именно с 1906 года и потом в Добровольческой армии и даже в эмиграции, в Константинополе, как-то совершенно не изменился: это был все тот же среднего роста, крепко сложенный, старавшийся быть внешне спокойным и выдержанным, но внутренне беспокойный и суетливый человек, с большим лысоватым лбом и бледным лицом литовско-польского типа с маленькими редкими усиками.

Если он начинал разговор, сидя в кресле, он, видимо от какого-то внутреннего волнения, скоро вскакивал и продолжал говорить, прохаживаясь по кабинету своей прихрамывающей походкой. Говорить собеседнику Евгений Константинович не давал – собеседнику надо было слушать.

От братьев я знал, что Евгений Константинович большой службист, днюет и ночует в охранном отделении, других интересов и склонностей или слабостей у него нет; очень ценит, если служащие отделения сидят по своим кабинетам до поздней ночи (вернее, до раннего утра) и всегда «под рукой» на случай вызова в кабинет начальника. Особенно любил Евгений Константинович разговоры по ночам с подчиненными, как деловые, так и праздные.

Когда генерал Климович был уже московским градоначальником, а я подчиненным ему начальником Московского охранного отделения, очень часто он сам глубокой ночью заходил ко мне в кабинет и, расхаживая по комнате, говорил, и говорил...»

Впрочем, при необходимости градоначальник Климович быстро переходил от слов к делу. Под его личным руководством, например, 14 сентября 1915 г. были жестко пресечены уличные беспорядки. В тот день на Страстной площади городским пришлось ссаживать с трамвая пьяного солдата. Дебошир стал ругать полицейских в том смысле, что они, «тыловые крысы», без всякого повода накинулись на «героя войны», и просить окружающих вступить за него. Образовавшаяся толпа, довольно быстро придя в исступление, накинулась с побоями на городских, а также на полицейских, пришедших к ним на выручку. Порядок был восстановлен только с прибытием воинской команды во главе с градоначальником. Он приказал открыть огонь, в результате которого несколько человек были убиты и ранены, зато остальные разбежались.

Климович Е.К.

Умение Е.К. Климовича демонстрировать успехи на любом занимаемом им посту в сочетании с придворными связями его жены (урожденной Тютчевой) позволили ему в середине февраля 1916 г. уйти с поста градоначальника со значительным повышением. Он был назначен директором Департамента полиции МВД. Его сменил генерал-майор гвардейской кавалерии В.Н. Шебеко.

Джунковский, учившийся в Пажеском корпусе вместе с Шебеко, а затем пересекавшийся с ним по линии МВД, дал ему такую характеристику: «...это был умный, довольно толковый администратор, но несколько суетливый, не обладавший должным спокойствием, качеством, необходимым для губернатора. Недостатком у него было и чересчур большое самомнение».

Несколько иное суждение высказал в своих мемуарах А.П. Мартынов, находившийся у В.Н. Шебеко в

прямом подчинении: «...прекраснейшей души человек, джентльмен, но «никакой» администратор».

Особенно удивляет такое замечательное свойство души нового градоначальника:

«К полиции, жандармерии, к уголовному сыску, к политическому розыску он, конечно, по своему воспитанию и навыкам не мог относиться в лучшем случае как только с предубеждением. Это чувствовалось».

Напомним, все эти отделения местных органов правопорядка находились под непосредственным руководством В.Н. Шебеко. Лично для Мартынова эта ситуация была хороша тем, что градоначальник предоставил ему полную свободу действий. Гораздо лучше оценивал мемуарист личные качества своего начальника:

«Генерал Шебеко, в прошлом гвардейский офицер, флигель-адъютант, вице-губернатор в Гродно (или Ковно, не упомяну), затем в Саратове и губернатор в Гродно, был человеком придворной складки, в котором сразу же угадывалось прекрасное воспитание, соединенное с налетом англоманства при врожденном русском барстве и легко ощутимом верхоглядстве. Все, взятое вместе, ежели это не касалось непосредственно служебных вопросов, очень располагало к генералу; к тому же сразу чувствовалась его порядочность и честность. [...] Несмотря на военную форму, новый начальник не походил на настоящего военного; это был скорее джентльмен в элегантной военной форме. Лет пятьдесят, выше среднего роста, худощавый шатен с проседью, усами и бородкой «царской складки», В.Н. Шебеко производил очень приятное впечатление. Но для начала, желая, очевидно, подчеркнуть понимание дела и наших служебных взаимоотношений, генерал принял, насколько это ему по его характеру было доступно, сурово-служебный тон и заявил мне, предварительно любезно усадив меня в кресло, что он не допускает в политическом розыске никакой провокации и поэтому требует от меня соответствующего руководства розыском.

Так как я сразу понял, какой административный «младенец» является моим новым начальством, я не обиделся на его заявление, понимая, что оно сделано только с высоты «птичьего полета» над служебной действительностью, и просто доложил генералу о моих годах служебной практики, отметив, что надеюсь, что ближайшее будущее убедит его превосходительство, что я ничем и ни в чем не подведу его как градоначальника, ответственного за мои действия по политическому розыску. Я тут же осветил генералу общеполитическое положение, состояние революционного подполья и противоправительственную борьбу, ведущуюся разными «общественными» организациями.

Скоро наши взаимоотношения приняли совершенно нормальный характер, а немного погода и вполне доверительный. [...]

В.Н. Шебеко был исключительно приятным начальником, всегда ровный и деликатный, никаких резкостей, на него можно было положиться смело – этот не предаст, чтобы спасти себя! Между тем в московском обществе он не пользовался никакой популярностью; может быть, он был слишком петербуржец, а Москва этого не любила.

Когда для встречи Нового, 1917 года он попытался собрать в большой зал градоначальства представителей московского общества, во имя «единения власти и общества», как это несколько наивно и простодушно говорилось когда-то, ничего из этой затеи не вышло. Вышел конфуз, ибо собралась небольшая группа, но совсем не того общества, которое предполагалось градоначальником.

Было, я помню, очень парадно, очень нарядно, был сервирован прекрасный ужин, но... политически получился конфуз, «общество» на призыв «власти» не ответило!

Что касается меня лично, человека, совершенно не избалованного предыдущей службой в смысле отношения со стороны начальства, я всегда вспоминаю с удовольствием прекрасного начальника генерала В.Н. Шебеко».

Своеобразное отношение градоначальника к полиции не могло не сказаться на образе действий его подчиненных. Автор анонимного письма, пожелавший, по его признанию, «высказать сущую правду», попытался открыть глаза Шебеко на порядки, царившие в градоначальничестве:

«Служащие чиновники некоторых отделений Вашей канцелярии несколько раз в год получают добавочные содержания за так называемые вечерние занятия.

Труженики эти днем шатаются по канцелярии, отрывая других от работы, зная, что они свою работу, если таковая есть, выполняют вечером. Да и вечером-то их не всегда найдете в канцелярии, а если и бывают, то лишь оттого, чтобы не было совестно. Кто за ними смотрит? Управляющий. Но он в канцелярии никогда не был и не бывает, разве считать один случай, когда он явился, к нашему удивлению, во время Вашего посещения канцелярии» [50 - Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. М., 2000. С. 131–132.].

В той же подборке писем [51 - Там же.], поступивших на имя градоначальника в 1916 г., сообщалось о положении дел в полицейских участках:

«Прошу Ваше Превосходительство принять меры санитарные. Пристав 2-го участка Якиманской части сидит, как медведь в берлоге, и боится нос высунуть, и о своем участке ничего не знает, что у него делается.

Прошел на днях я по Донской улице и в доме № 5 [...] сильный запах со двора и из ватеров, которые, по-видимому, никогда не очищаются, и нечистоты проникают в квартиру. [...] Занимают места приставы при участках, получают жалованье, а за что, неизвестно. Калужская площадь и Калужская улица – там в чайных лавках, как в праздники, так и в будни, масса пьяных. Но есть обязательное постановление градоначальства – должны пристава принимать меры и штрафовать содержателей чайных лавок за распитие суррогатов водки».

Из письма другого доброжелателя видно, что пристав 2-го Арбатского участка Жичковский и его помощник Шершневу не сидели сиднями, а, напротив, развили бурную деятельность. Вот только их активность была далека от охраны общественного порядка:

«[...] Когда Жичковский, расплодив в своем участке всюду тайную торговлю вином и нажив на этом деле состояние, купил для своих двух содержанок автомобиль, пару лошадей и мотоциклет двухместный, то его, четыре месяца тому назад, перевели в 3-й Пресненский участок [...] Хозяином положения по винной торговле остался его старший помощник Шершневу, который скрыл от нового пристава все тайные торговли вином в участке и месячные подачки стал получать один за себя и за пристава в тройном размере.

Однажды вновь назначенный околоточный надзиратель, заметив, что Меркулов торгует вином, поймал его, то Меркулов об этом сейчас же сообщил Шершневу, последний вызвал к себе в кабинет этого надзирателя и сделал ему строгое внушение «не совать носа, куда его не посылают», и что он слишком молод.

На Пасху [...] пристав поручил Шершневу произвести у Меркулова обыск и найти вино, и Шершневу предупредил об этом Меркулова и в условленный с ним час явился к нему в лавку с двумя понятыми и, осмотрев все квасные бутылки, ушел с понятыми в участок писать протокол о том, что при обыске у Меркулова вина в лавке не найдено. А возвращаясь из участка, понятые эти зашли к Меркулову, купили у него спирта в лавке и с досады на такие грязные и явно преступные действия начальства напились, и теперь без гомерического хохота не могут вспомнить об этом обыске и, рассказывая о нем всюду, не стесняясь, берутся за животы».

Генералу Шебеко судьбой было назначено командовать полицией в дни Февральской революции. Как оказалось, блестящий гвардеец не смог организовать защиту самодержавия в Москве. Ему не удалось ни воспрепятствовать движению демонстрантов к зданию городской Думы, ни разгромить штаб восстания, пока оно не набрало силу. В том, что такая возможность существовала, позже признался участник событий А.Н. Вознесенский:

«Чем ближе к Думе, тем больше народа на тротуарах: шпалерами вытянулись черные толпы вплоть до Охотного Ряда. Но дальше Охотного в сторону Думы – пустыня. Боязнь сковала любопытных. Впереди за пустым промежутком снова темнеют люди. Эти уже действуют. Их немного, до смешного немного... Когда наш автомобиль остановился на площади, раздавая солдатам последние прокламации, моим глазам представилась следующая картина: человек около ста молодых солдат расположились на позиции, спиной к Думе. Несколько маленьких пушек были устремлены жерлами в сторону Театральной площади, одна направлена в сторону Тверской. Молоденький офицер (Ушаков) нервно бегал, отдавая распоряжения. В память врезался молоденький солдатик, который суетливо подбежал к нам с криком: «Товарищи, где санитарный автомобиль?» На лицах солдат я видел еще выражение неуверенности и волнения. Активная революционная группа была совершенно незначительна, энергичного отпора она еще не смогла бы дать. Сразу бросалось в глаза, что она беззащитна с тыла. Со стороны Иверских ворот не было ни часовых, ни вообще какого-либо прикрытия.

У градоначальника Москвы Шебеко был план пустить конных и пеших городских на революционеров со стороны Никольской улицы. Если бы эту атаку удалось провести решительно, революционное ядро было бы смято с тыла, и неизвестно, кончилась ли бы так легко московская революция».

Утром 28 февраля 1917 г., когда рядовые полицейские еще находились в местах, определенных им приказами, градоначальник стал готовиться к спасительному бегству. Позже, во время следствия, проведенного представителями демократической власти, была восстановлена подробная хронология его действий. Сначала он, запершись в кабинете, был занят писанием писем и переговорами по телефону. В полдень Шебеко вышел в приемную. Прислуге, собравшейся по его просьбе, генерал выплатил положенное жалованье, добавив от себя щедрые чаевые. Затем он надел шинель, папаху и покинул квартиру, но буквально через минуту вернулся. Жандарму, так и не снятому с дежурства, Шебеко

приказал телефонировать управляющему канцелярией градоначальничества И.К. Дуропу о том, что посылает ему пакет. По утверждению московских газет, в пакете было «...формальное заявление, что в случае выезда его из Москвы он управление городом передает полковнику В.И. Назанскому, своему помощнику».

здания городской Думы (1917 г.).

Москвичи возле

А.Н. Вознесенский, которому, по всей видимости, приходилось вести расследование действий градоначальника, привел в мемуарах такие подробности:

«Назанский говорит, что с Шебеко случился припадок болезни печени – он потерял сознание. С момента этого, некстати случившегося припадка Назанский остался хозяином градоначальства. Но он понял, что делать уже было там нечего.

Назанский и Шебеко, переодевшись в штатское платье, пройдя черным ходом, покинули здание градоначальства; с Тверского бульвара они перебрались в квартиру сестры Шебеко на Остоженку, откуда телефонировали Мрозовскому, что они покинули свой пост, о чем Мрозовский и поспешил телеграфировать в Петроград. На другой день, не чувствуя себя в безопасности в квартире на Остоженке, Шебеко и Назанский перебрались на Новинский бульвар в квартиру Назанского, там вскоре были оба арестованы и отправлены в Кремлевскую гауптвахту».

Такую деталь, как облачение Шебеко в штатский костюм при оставлении гибнущего корабля, любопытно сопоставить с рассказом А.П. Мартынова:

«У генерала были забавные взгляды на вещи. Однажды его секретарь, с которым у меня установились приятельские отношения, по секрету посоветовал мне, чтобы не вызвать неудовольствия у градоначальника, приходите к нему с докладами в военной форме, так как В.Н. Шебеко никак не может понять, как ему относиться «к полковнику в пиджаке»!

Это курьезное желание градоначальника мне очень мешало, так как для удобства я постоянно ходил в штатском платье. Но ничего не поделаешь; с тех пор пришлось наскоро облекаться в военную форму, когда я отправлялся с докладом к градоначальнику, что в иной день приходилось проделывать не раз!

Действительно, я заметил на лице градоначальника большее удовлетворение, когда он увидел меня в полковничьих погонах».

Заключение под стражей генерала Шебеко длилось недолго. Его жена с разрешения новой власти разделила с бывшим градоначальником тяготы тюремного заключения. Супругам было позволено держать при себе прислугу.

Должность градоначальника и его помощника были ликвидированы в сентябре 1917 г. постановлением Временного правительства «Об упразднении и преобразовании градоначальничеств и об учреждении

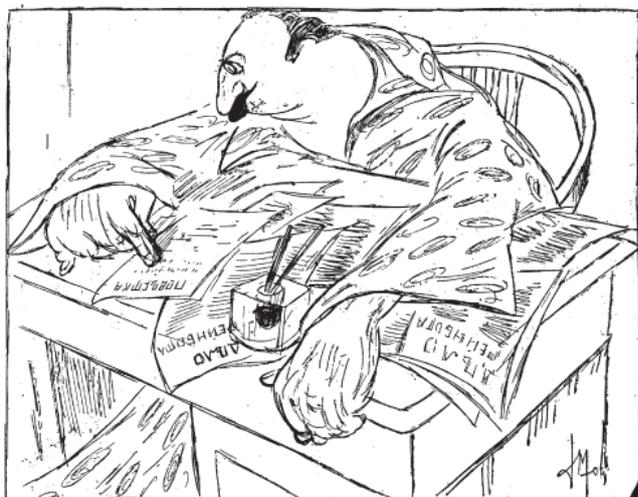
должностей столичных и городских комиссаров».

Генерал Рейнбот

Арбатский

полицейский дом в Столовом переулке

Генерал Рейнбот оказался в отставке, поэтому

памятник Гоголю открыли уже без него.

Сидит и думает Рейнбот:
«Ах, был я главным на закладке!
Но очень скверный анекдот
Сыграли ровно через год
Со мною русские порядки!
Испортит весь церемоньял
Гучков без моего надзора...
О, бедный автор «Ревизора»,
Убит твой праздник наповал:
Он в блеске много потерял.»

(кар. и стихи из журн. «Будильник». 1909 г.)

Генерал Рейнбот сказал:

«Раз эти деньги даны в мое распоряжение – они принадлежат мне лично.

Я трачу их, как хочу, и никому отчета в них давать не обязан».

Н.В. Хлебников

В череде градоначальников особое место занимает генерал-майор Рейнбот. Его карьерный взлет был стремителен, и служба в Первопрестольной открывала ему прямой путь к чиновничьему Олимпу. Одни считали его прекрасным начальником полиции, принесшим Москве несомненную пользу, но павшим жертвой придворных интриг. Другие видели в нем беспардонного коррупционера, превратившего правоохранные органы в шайку вымогателей. Рейнбота судили открытым судом, но процесс так и не дал ответа на вопрос: кем же в действительности был московский градоначальник?

Анатолий Анатольевич Рейнбот (1868–1918?), потомственный дворянин по происхождению, сын кадрового военного, получил образование в Александровском кадетском корпусе и Михайловском артиллерийском училище. Строевую службу он начал в 1886 г. подпоручиком артиллерии, а четыре года спустя был переведен в гвардию. Затем была учеба в Николаевской академии Генерального штаба (окончил по 1-му разряду), преподавание тактики в Санкт-Петербургском юнкерском училище.

В 1901 г. Генерального штаба капитан Рейнбот был приписан к канцелярии Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова офицером для особых поручений. В то время начался новый этап урезания автономии Финляндии: ее собственную армию ликвидировали, и финны, как прочие граждане Российской империи, должны были нести всеобщую воинскую повинность. В ответ на это нововведение летом 1902 г. половина призывников Суоми не явилась по повесткам. Происходили изменения и в местных органах управления – вместо финнов в них назначали русских чиновников. В той сложной обстановке Рейнбот зарекомендовал себя хорошим администратором. Свидетельством служит его назначение ландсекретарем Нюландской губернии, а по итогам исполнения этой должности – Высочайшее награждение «за выдающиеся отличия» перстнем с бриллиантами и орденом Св. Анны 2-й степени.

Отличился Рейнбот (к тому времени полковник) и в Казанской губернии, куда он был направлен осенью 1905 г. по рекомендации Председателя Совета министров С.Ю. Витте. Всего три месяца исполнял должность губернатора молодой штаб-офицер, но результаты его деятельности были очевидны – революционные выступления ощутимо пошли на убыль.

В январе 1906 г. вместе с производством в чин генерал-майора А.А. Рейнбот получил назначение на должность московского градоначальника.

По прибытии в Москву Рейнбот, как истинно православный человек, прямо с вокзала поехал в часовню Иверской Божией Матери. Помолившись перед святыней, он направился в дом градоначальника, где его уже ждали собравшиеся для представления чиновники. К ним Рейнбот обратился с речью, в которой прямо обозначил свое кредо: «Я считаю, господа, себя обязанным находиться на службе в течение 24 часов в сутки. Я Москву недостаточно хорошо знаю, вы же знаете ее лучше меня, и поэтому прошу первое время не оставлять меня своими указаниями и советами; не ошибается тот, кто ничего не делает, возможны и в моей деятельности ошибки. Москва – сердце России, правильное биение этого сердца имеет значение для всей страны, и это еще больше увеличивает ответственность градоначальства и полиции перед правительством и обществом».

Рейнбот А.А.

Инспектируя полицейские участки и знакомясь с подчиненными, новый градоначальник предельно четко ставил им задачу: «Жизнь так разнообразна, конкретные случаи так различны, что никакие законоположения не могут охватить всех проявлений жизни, поэтому полиция, которой так близко приходится сталкиваться с конкретными явлениями жизни, должна обладать известной инициативой: нельзя действовать только по указке – отсутствие инициативы ведет к бездействию. При этом все должны ставить себе непрременной заботой благо и спокойствие московского обывателя».

Служивший тогда в Москве В.Ф. Джунковский свое впечатление от знакомства с Рейнботом так отразил в мемуарах: «Видно было, что новый градоначальник полон сил и энергии и внесет свежую струю в полицейское дело столицы после патриархального бездействия барона Медема. Рейнбот представлял собой очень умного, энергичного, ловкого администратора, но, к сожалению, это был человек беспринципный, искавший популярности и не стеснявшийся [в средствах] для достижения тех или иных целей, умел показать товар лицом и втереть очки. Первое время Рейнбот, можно сказать, был очень хорошим градоначальником...»

Напомним, что генерал Рейнбот принял командование над московской полицией в самое тяжелое время – в городе, только что пережившем ужасы вооруженного восстания, продолжалось революционное брожение. Руководитель большевиков В.И. Ленин с осени 1905 г. требовал от своих сторонников жесткого террора в отношении сотрудников правоохранительных органов: «Начинать нападения, при благоприятных условиях, не только право, но прямая обязанность всякого революционера. Убийство шпионов, полицейских, жандармов, взрывы полицейских участков, освобождение арестованных, отнятие правительственных денежных средств для обращения их на нужды восстания – такие операции уже ведутся везде, где разгорается восстание, и в Польше и на Кавказе, и каждый отряд революционной армии должен быть немедленно готов к таким операциям. Каждый отряд должен помнить, что, упуская сегодня же представившийся удобный случай для такой операции, он, этот отряд, оказывается виновным в непростительной бездеятельности, в пассивности, – а такая вина есть величайшее преступление революционера в эпоху восстания, величайший позор для всякого, кто стремится к свободе не на словах, а на деле».

Полицейские служили на пределе сил: патрулирование улиц без сна и отдыха, перестрелки с боевиками, нападавшими на участки, гибель товарищей от рук революционеров. Смертельно опасным было не только в одиночку отстоять на посту в ночную пору, но даже просто пройти по городу в полицейской форме.

Неудивительно, что служащие полиции были морально истощены и в глазах обывателей уже не выглядели символами торжества правопорядка. Градоначальнику поступали множество донесений о том, что городские заступают на посты пьяными. Да и самому ему довелось видеть явные признаки деградации: в центре города, на Кузнецком Мосту, постовые сменялись, забыв обо всех требованиях устава. Вновь заступавший пришел в штатском, отдал товарищу пальто, а сам, облачившись в его шинель и взяв винтовку, приступил к несению службы.

Привычным явлением в то время стало полное пренебрежение извозчиков и ломовиков к требованиям городских соблюдать правила движения. Каждое замечание постового вызывало поток ругательств в

адрес полиции, а один извозчик как-то ночной порой просто схватил кусок железа и обрушил его на голову городского. Ночные сторожа, кинувшиеся на помощь постовому, также получили увечья.

Другим показателем утраты полицией прежнего авторитета стали самочинные расправы над преступниками. В апреле 1905 г. в деревне Новая Андроновка, за Рогожской заставой, несколько тысяч рабочих завода Гужона и Курских железнодорожных мастерских разгромили воровские притоны и растерзали нескольких бандитов. А в ноябре газеты сообщили, что «...в Рогожской найден мертвым некий «Симка Барашек», а его приятель Иванов, по прозвищу «Белый генерал», – сильно избитым. Обыватели Рогожской давно уже собирались очистить эту местность от хозяйничавших там воров, грабивших квартиры и прохожих. Особенно велика была ненависть к главарям шайки. Ночью толпа подкараулила Иванова и «Барашка», которых она считала предводителями воровской шайки, и накинулась на них».

Впрочем, очень скоро выяснилось, что причина слабости полицейских постов крылась не столько в личных качествах городских, сколько в упущениях прежнего руководства. Городовые были плохо обучены, а главное – практически безоружны. Вдруг выяснилось, что на четыре тысячи рядовых приходилось 1332 старых револьвера системы Смита-Вессона, причем большинство из них требовали ремонта. В дни восстания городским смогли раздать только берданки (однозарядные винтовки времен Русско-турецкой войны). А тем, кому и их не хватило, пришлось заступать на посты с капсюльными ружьями – практически музейными экспонатами, к которым вообще не было боеприпасов. К слову сказать, капиталист-революционер Н.П. Шмидт для боевой дружины своей фабрики закупил новейшие маузеры и браунинги.

Энергичными мерами Рейнботу удалось за короткое время поднять боеспособность полиции. Уже к сентябрю 1906 г. всех городских вооружили трехлинейными винтовками (правда, следуя российской бюрократической традиции, при этом не позаботились выдать погонные ремни). Когда градоначальник увидел, как городские носят винтовки на веревочках, револьверных шнурах, а то и просто на плече, он тут же закупил необходимое количество ремней, хотя при этом ему пришлось пойти на подлог. Точно так же он оплатил закупку на Тульском заводе 750 револьверов, оформив израсходованные деньги как выданные приставам наградные.

Городовые, вооруженные винтовками, и солдаты Ладожского полка.

Конечно, не от хорошей жизни градоначальник манипулировал казенными деньгами. Рейнботу не раз приходилось убеждаться, что если надеяться на помощь петербургских чиновников, любое дело будет похоронено в процессе безрезультатной переписки с министерством. Лишним подтверждением тому послужила история с велосипедами.

С установлением теплой погоды революционеры стали устраивать митинги в бывших пригородных местностях, которые с мая 1906 г. были включены в черту Москвы. Все попытки полиции арестовать зачинщиков нелегальных сборищ и выступавших на них агитаторов заканчивались неудачей. О приближении опасности участников сходили дозорные-велосипедисты. опередить их не могли не только пешие городские, но и конные жандармы. Тогда генерал Рейнбот купил на собственные средства десять велосипедов, посадил на них переодетых в штатское городских, а те уже не ударили

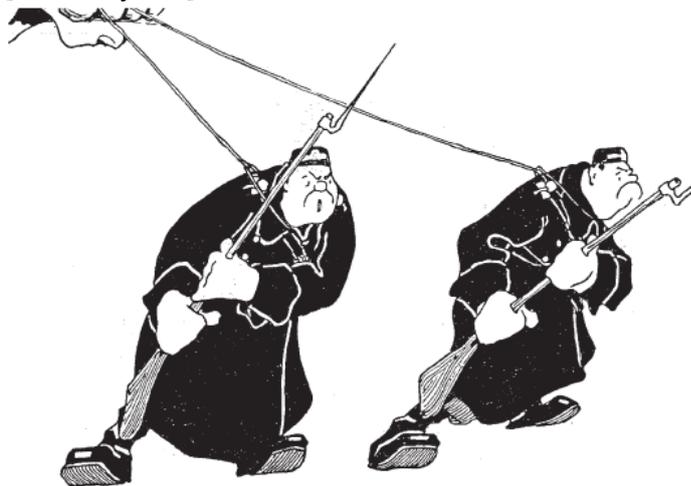
лицом в грязь. Внезапным «наездом» они снимали линию охранения, после чего вступали в дело главные силы. Митинги сразу пошли на убыль.

Когда же градоначальник, сославшись на успешные результаты первых опытов, попросил ассигнований еще на десять велосипедов, из Петербурга пришел отказ (денег в казне нет!), а уже понесенные затраты посоветовали возместить из средств, предназначенных на канцелярские или хозяйственные расходы. В условиях царской России, где каждая статья расходов имела Высочайшее утверждение, такую рекомендацию можно было считать за насмешку, поскольку спустя некоторое время те же чиновники МВД могли обвинить генерала в незаконном манипулировании бюджетом полиции.

Наверняка не обошлось без нарушения инструкций, когда по приказу градоначальника все полицейские участки обзавелись самоварами и чайными принадлежностями, а начальник резерва стал получать наличные деньги для закупок чая и сахара. Зато городовые, находившиеся практически на казарменном положении, после дежурств на морозе всегда могли согреться бодрящим напитком.

Точно так же Рейнбот действовал в обход устаревших правил, когда возникла необходимость срочно обустроить полицейские участки. После подавления Декабрьского вооруженного восстания городские тюрьмы не смогли вместить всех подследственных по политическим делам. Тогда их стали помещать в камеры участков, набивая в них людей сверх всяких норм. Вскоре «на воле» стало известно о тяжелом положении узников: они задыхались от миазмов в переполненных камерах, спали на голых досках или прямо на полу, страдали от паразитов, месяцами не имея возможности побывать в бане и сменить белье. Арестанты даже чая не могли попить, поскольку не хватало посуды.

Узнав об этом, генерал Рейнбот принял срочные меры. Прежде всего, он издал инструкцию, которая обязывала смотрителей полицейских домов изменить условия содержания подследственных: «...Помещать в камеры арестованных не свыше нормы, считая по одной кубической сажени на человека [52 - 9,7 куб. м.]».

О городовых, не в меру ретивых против

мирных граждан

(кар. из журн. «Искры». 1906 г.).

...Принять от города предназначаемые для арестованных – по нормальному их числу: а) тюфяки, набитые соломой, и подушки, набитые сеном; б) то белье, которое будет через городскую управу доставлено; в) по числу кроватей одеяла и г) посуду. Означенные вещи, оставаясь собственностью города, поступают в распоряжение смотрителей полицейских домов, и смотрители обязаны, по требованию города, в полученных вещах представлять ему отчет, а также для проверки и самые вещи.

Новый курс на старом основании.

«Ташить и не пущать»

(кар. из журн. «Будильник». 1906 г.).

...Арестованные должны быть в бане еженедельно и ни в каком случае не реже, как через две недели. Предписываю для этого входить в соглашение с содержателями частных бань и по усмотрению нанимать или номер, или общую баню в свободные от публики ранние часы, или постные дни, очередь соблюдать по усмотрению, а караул, в случае недостатка служителей, – по соглашению с приставом пополнять из свободных от службы городских и сторожей.

...Где имеется при камерах отхожее место, там на ночь ни парашек, ни других приспособлений в камеры не ставить. И как днем, так и ночью по очереди выпускать арестованных в отхожее место, имея все время достаточный надзор. Где удобных отхожих мест нет, там озаботиться немедленным устройством таковых».

Упомянутые Рейнботом вещи для арестованных, полученные «от города», были по его договоренности закуплены на средства Московской городской Думы. Она пришла на помощь полиции, надеясь, что МВД возместит израсходованные на благое дело 23 тыс. рублей. Вплоть до 1911 г. вела городская Дума переписку с петербургскими бюрократами по поводу возврата этих денег. Когда с берегов Невы ясно дали понять, что в лучшем случае готовы платить только за арестантов, числившихся по тюремному ведомству, но в силу обстоятельств помещенных в камеры полицейских участков (как будто спустя пять лет это можно было установить!), Москва признала свое поражение. Гласные Думы постановили: считать спорные деньги утраченными безвозвратно.

Эффективные действия Рейнбота заставили революционеров внести его в список первоочередных врагов. Охоту повела боевая группа эсеров, подготовившая несколько покушений на градоначальника. В первый раз генерала спасло то, что террористка Фрумкина, отправившаяся убивать его в Большой театр, была выдана тайным агентом охраны. Во второй раз «махальщица», контролировавшая выход генерал-губернатора и градоначальника из ворот Кремля, от волнения перепутала сигналы и дала бомбистам отбой. В третий раз, по всей видимости, Рейнбота спас ангел-хранитель.

Городской арестный

дом на Хавской ул.

По сообщению газеты «Русское слово», произошло следующее: «...около 11-ти часов дня в московского градоначальника, когда он шел по Тверской улице, около ворот церкви Благовещения, была брошена бомба, разорвавшаяся с оглушительным треском. Градоначальник остался невредим. Бросивший бомбу тотчас же был схвачен. В завязавшейся борьбе он успел сделать несколько выстрелов, пока сам не был тяжело ранен в голову выстрелом градоначальника. Никто из посторонних не пострадал. В огромном доме Молчанова, д. Попова и частью глазной лечебнице Меркова выбиты стекла. Вместе с градоначальником шел его помощник В.А. Короткий, который также остался невредим. Градоначальник после покушения на него отправился далее пешком на торжество освящения приюта при церкви св. Василия Кессарийского».

Позже в описаниях покушения появилась интересная подробность: бомба, брошенная под ноги генерала, проскользнула мимо по заснеженному тротуару и свалилась в углубление водостока. В результате взрывная волна и осколки ударили на другую сторону улицы. Охрана градоначальника шла за ним на некотором удалении, поэтому у террориста оказалось достаточно времени, чтобы открыть огонь из браунинга. Свист пуль вывел Рейнбота из ступора, он выхватил револьвер и первым же выстрелом свалил боевика.

Впоследствии охранке удалось обнаружить подпольную лабораторию по производству бомб и арестовать ядро боевой эсеровской группы. Удар по революционерам был настолько силен, что остальным подпольщикам пришлось прекратить активные действия.

Место, где была брошена бомба в генерала Рейнбота.

Героическое служение Рейнбота не осталось без награды. В декабре 1906 г. он получил одно из высших отличий Российской империи – звание генерала Свиты Его Величества. Личный доступ к царю открывал ему прямой путь к генерал-губернаторским, а то и к министерским должностям. Например, Витте утверждал, что в Рейнботе видел явного конкурента сам премьер-министр П.А. Столыпин.

В том же году заслуги московского градоначальника по организации помощи раненым в боях во время Русско-японской были отмечены медалью Главного управления Российского Общества Красного Креста. О том, что Рейнботу удалось сочетать охрану правопорядка с благотворительной деятельностью, говорит и его назначение почетным членом Московского Совета детских приютов.

Дом Молчанова, у которого были выбиты все стекла при покушении на Рейнбота.

Интересное свидетельство о разнообразии служебной деятельности начальника московской полиции содержат воспоминания Т.А. Аксаковой-Сиверс:

«В обязанности градоначальника входило чествование знатных иностранцев, и для шведского принца было организовано несколько охот на волков. Большая фотография изображала охотников в подмосковном лесу. Тут были и Рейнбот, и принц Вильгельм, и его приближенные шведы, и мой старый знакомый брандмайор Гартъе. У их ног лежали семь убитых волков. Даря мне такую группу, Зинаида

Григорьевна Рейнбот со свойственным ей купеческим тоном пренебрежения к малоимущим людям сказала: «Генералу столько возни с этими гостями! В конце концов, их охоты очень дорого стоят! Нищие принцы ни за что не платят, и генерал отдувается за всех». Эти слова подали повод к написанию мною на задней стороне фотографии следующей строфы, посвященной Вильгельму Бернадоту:

Хоть он ездит на охоту,
Но несчастному Рейнботу
Все приходится платить,
Да волков еще дарить!»

Упомянутая в мемуарах З.Г. Рейнбот была вдовой известного богача (дававшего деньги «на революцию») Саввы Морозова. К моменту встречи с ней Рейнбот успел развестись с первой женой и расстаться с содержанкой, шантанной «этуалью», которой пришлось выплатить солидные отступные.

По всей видимости, заключение брака не обошлось без трудностей, так как невеста происходила из старообрядческой семьи. Тем не менее в августе 1907 г. протоиерей Иоанн Восторгов, упоминая Рейнбота в письме обер-прокурору Синода, сообщал: «Говорят, он все-таки «нашел попа» и повенчался». От этого союза выиграли обе стороны: генерал смог распоряжаться морозовскими миллионами, а честлюбивая купчиха превратилась в дворянку и получила доступ в придворные сферы. Вот только их дальнейшая жизнь сложилась совсем не так, как мечталось Зинаиде Григорьевне.

В мемуарах В.Ф. Джунковского служебная деятельность градоначальника во второй половине 1907 г. получила такой комментарий:

«Первое время Рейнбот, можно сказать, был очень хорошим градоначальником, но постепенно успех его вскружил ему голову, он стал тратить громадные деньги, ни в чем себе не отказывая. Истратив все состояние своей первой жены, милейшей, достойнейшей женщины из простой купеческой семьи, имея двух сыновей, он с ней развелся, чтобы жениться на богатой вдове, Морозовой, вдове фабриканта Саввы Тимофеевича Морозова. После этого ореол Рейнбота стал понемногу падать, ему, как говорится, море стало по колена, он не стал уже так добросовестно относиться к своим обязанностям, свалив большую часть дел на плечи своих подчиненных, из которых не все были на высоте и своими темными делишками компрометировали Рейнбота. Стали распространяться неблагоприятные слухи, и все это постепенно привело к увольнению его от службы и преданию суду после произведенной сенатором Гариным ревизии градоначальства».

Ситуация, сложившаяся в московской полиции, встревожила не только нового генерал-губернатора С.К. Гершельмана, но и руководство МВД. По распоряжению из Петербурга 24 ноября 1907 г. Рейнбот был лишен права проводить кадровые перестановки подчиненных и подписывать финансовые документы. В ответ генерал, оскорбленный до глубины души, подал рапорт «об отчислении от должности». Официальное распоряжение последовало 12 декабря, а в конце того же месяца в Москву прибыла специальная комиссия во главе с сенатором Н.П. Гариным.

По мнению В.Ф. Джунковского, петербургский чиновник приступил к делу с единственной целью – «утопить» Рейнбота: «Ревизия была произведена сенатором Гариным более чем пристрастно, со всеми недостойными приемами мелкого сыщика, и все найденные злоупотребления были значительно преувеличены». В мемуарах С.Ю. Витте также встречается утверждение, что Столыпин, желая устранить соперника, «...сочинил сенаторскую ревизию над Рейнботом».

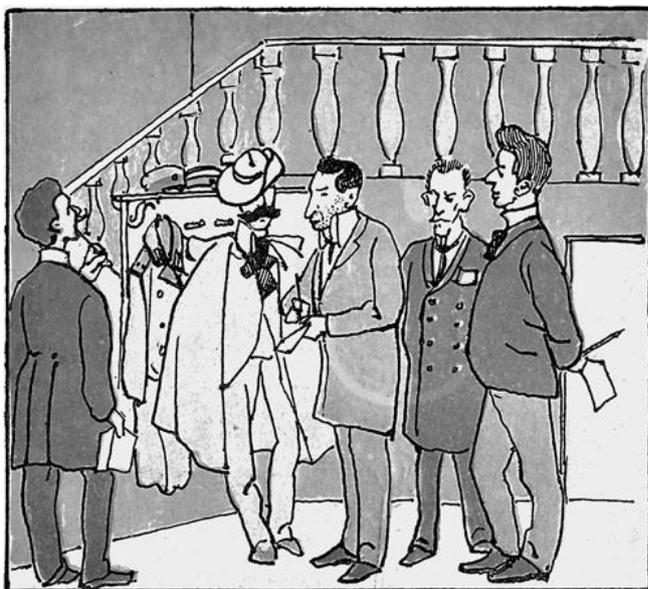
Мы не станем вдаваться в разбор хитросплетений политики в высоких сферах, а просто примем как факт – материала, собранного ревизорами, оказалось вполне достаточно, чтобы отдать Рейнбота и его помощника полковника Короткого под суд.

Кроме вольного обращения с казенными деньгами (пусть даже в интересах дела), бывшего градоначальника обвинили в получении взяток, в превышении власти, в использовании служебного положения для преследования неугодных ему лиц и множестве других преступлений. По версии следствия, в Москве была создана целая система вымогательства, которую возглавлял сам генерал Рейнбот. Например, он громогласно объявил о ликвидации в городе «домов свиданий», но тут же прекратил преследования, когда содержатели этих заведений внесли в благотворительный фонд полиции десять тысяч рублей. То же самое происходило с организаторами клубов, где велись запрещенные законом азартные игры – стоило дать деньги «на благотворительность», как полиция переставала их беспокоить.

//-- От генерала Рейнбота до корнета Савина --//

Генералу Рейнботу стали подносить сперва разные предметы, потом предметы и деньги, наконец, только деньги.

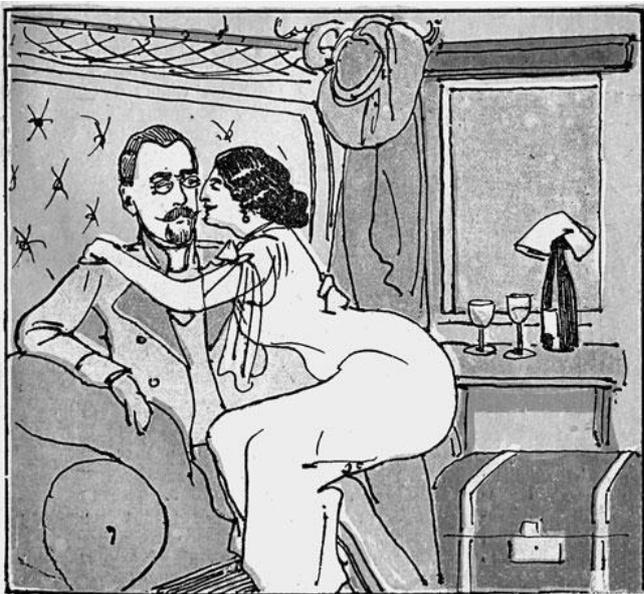
При посредстве газетчиков генерал Рейнбот «создавал общественное мнение».

Особенно стал манкировать службой ген. Рейнбот после покушения. Вся жизнь его с этого дня – один сплошной праздник.

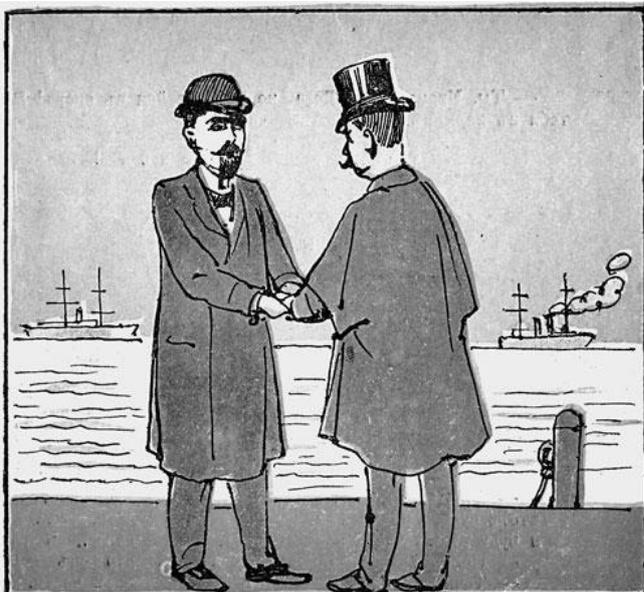

Карты и вино...

Поездки со знакомой артисткой в Киев и

Петербург...

В Монте-Карло. Корнет Савин (знаменитый

аферист) – генералу Рейнботу:

– Генерал, вы превзошли меня, графа Тулуз-Лотрека! Я привлекался всего по трем статьям, а вы по

пятнадцати! Вы побили рекорд!
(кар. из журн. «Будильник». 1909 г.)

Отметая все обвинения в свой адрес, бывший градоначальник опубликовал книгу «Ответ А.А. Рейнбота на обвинения его в преступлениях должности». В этом увесистом фолианте он (с помощью видных адвокатов К.А. Минятова, М.Ф. Ходасевича и Арнольда) еще до суда попытался опровергнуть практически каждый пункт обвинения. Сам стиль подачи материала – адвокатская казуистика вкупе с памфлетной риторикой – должен был убедить читателя в том, что опальный генерал безупречно исполнял свой служебный долг, а все инкриминируемые ему нарушения явились результатом несовершенства системы государственного управления в целом.

На эту особенность «Ответа...» обратил внимание один из участников ревизии Н.В. Хлебников. В секретной записке на имя сенатора Гарина он так отрецензировал литературный демарш Рейнбота:

«Решительный тон, которым написана книга, естественно приводит к заключению, что может же человек не о двух головах писать столь дерзко, не имея для того достаточных оснований, и, таким образом, книга в общем производит впечатление, на которое она рассчитана.

Невольно возникает сомнение: а что, если авторы книги правы?.. ведь тогда все дело Рейнбота не более как одна сплошная и поистине чудовищная ошибка. Ведь, если в недобросовестных обвинениях Сенаторской Ревизии не может разобраться и умышленно или невольно поддерживает их независимая судебная власть, с одной стороны, высшее правительственное установление, призванное иметь надзор за законностью на всем пространстве Русского государства, с другой, то речь идет не о генерале Рейнботе, не о Сенаторской Ревизии, а ни больше, ни меньше, как о полной непригодности действующего правительственного организма».

Хлебников отметил еще одну важную особенность книги Рейнбота:

«Стремясь какой угодно ценою оправдать свои незаконные действия, он не останавливается перед тем, чтобы огласить в своей книге тайны управления, которые вверены ему были с указанием, что таковые должны оставаться тайной даже для охранного отделения».

Рискнем предположить, что посредством публикации книги Рейнбот давал понять своим гонителям, что не стоит окончательно загонять его в угол. Раз дело все-таки доходит до суда, то бывший градоначальник согласен принять именно эти обвинения, но никакие другие. В противном случае во время судебного процесса у него еще найдется, что сказать.

На наш взгляд, именно этим можно объяснить то, что общественность так и не узнала о роли Рейнбота в попытках остановить расследование краж на железных дорогах и причинах преследования В.М. Стефанова. А ведь одним из результатов работы комиссии сенатора Гарина стало появление двух объемных документов: «Первоначальный проект доклада чиновника особых поручений при Департаменте полиции Хлебникова о Московской сыскной полиции» и «Материалы обследования Московской сыскной полиции, и жалоб на градоначальство, произведенного Членом Совета Министра Внутренних дел Н.Ч. Затончковским».

Как бы там ни было, тему покровительства преступникам сотрудниками Московской сыскной полиции и причастность к этому градоначальника развивать никто не стал. Когда весной 1911 г. начался процесс над Рейнботом, рядом с ним на скамье подсудимых оказался лишь его бывший помощник Короткий.

Генерал Рейнбот в сопровождении супруги заходит в здание суда.

Более двух недель в зале заседаний Московского окружного суда давали показания многочисленные свидетели. Они называли различные суммы – от десятков рублей до десятков тысяч, но неизменными были описания приемов их выколачивания. Если предприниматель, получив совсем не прозрачный намек, не вносил денег в руководимый градоначальником благотворительный фонд или сумма взноса была слишком маленькой, со стороны полиции тут же следовали карательные санкции. Вот типичный эпизод деятельности градоначальника и его помощника, зафиксированный в стенограмме судебного заседания:

«Свидетель Поликарпов, директор товарищества «Эрмитаж-Оливье», показывает, что он получил печатное приглашение пожертвовать на приют, открываемый благотворительным обществом при градоначальничестве; сам сделать пожертвование не мог, решил подождать общего собрания товарищества. Вскоре затем был составлен протокол, придрались к каким-то пустяшным упущениям. По совету пристава Эрн свидетель отправился к Короткому. Тот ему попенял, что «Эрмитаж» совсем забыл про полицию. Свидетель сказал, что имеет в своем распоряжении сумму в 3000 руб., назначенную на непредвиденные расходы. Короткий нашел такую сумму для столь богатого учреждения слишком малою. Свидетель уехал, когда потом попробовал разузнать у пристава Эрн, сколько же рассчитывают с них получить, узнал, что намечена цифра в 15 000 руб. Вооружившись отчетом, по которому положение товарищества рисовалось совсем уже не в таких блестящих тонах, свидетель поехал к Короткому еще раз. Тот рассмотрел отчет и согласился удовольствоваться 5000, привезенными свидетелем.

Свидетель Мочалов, служащий при «Эрмитаже», показал, что протокол был составлен о том, что обивка диванов в некоторых комнатах грязная. Иных упущений полиция найти не могла.

Пристав Эрн: Как-то его вызвал Короткий и спросил, бывал ли он в номерах «Эрмитажа». Когда свидетель вышел из кабинета Короткого в общую комнату градоначальничества и рассказал о своем разговоре, бывшие тут чиновники сказали: «А вы забыли, что есть благотворительное общество? Протокольчик, значит, нужен». И Эрн, явившись в «Эрмитаж», составил протокол о кое-каких мелких упущениях. Когда он сообщил о том Короткому, тот потребовал, чтобы протокол был немедленно доставлен ему на квартиру. Потом свидетель виделся с Коротким в его кабинете, и помощник градоначальника ему сказал, что «Эрмитаж» хочет отделаться какими-то 3 тысячами, причем прибавил вульгарное выражение и просил предупредить «Эрмитаж». «А то я им покажу», – выразился помощник градоначальника».

Полковник В.А.

Короткий на скамье подсудимых.

Как ни конспирировался Рейнбот, стараясь делать так, чтобы деньги поступали исключительно через Короткого, на суде все же было доказано, что градоначальник непосредственно руководил вымогательствами. Тем не менее в своем последнем слове отставной генерал вины не признал:

«Четыре года надо мной тяготеют те обвинения, которые прошли сейчас перед Правительствующим сенатом. Четвертый год я подвергаюсь этим унижениям, о которых говорила моя защита. Здесь же, в зале этого присутствия мне было брошено тяжелое оскорбление уже личного свойства гг. представителями государственного обвинения. Гг. представитель обвинения бросил мне обвинение в том, что я скрыл концы, прося ревизии сенатора. Я здесь доказал документально – и это было подтверждено свидетельскими показаниями, что когда я ушел из стен градоначальства, я оставил открытыми книги в моем столе, я оставил градоначальство таким, каким оно было в минуту подачи мною рапорта об отставке. Эти концы я передал сенатору Гарину, чтобы он мог по ним дойти до правды. Я жду справедливого приговора Правительствующего сената. Моя же совесть спокойна».

Справедливого вердикта долго дожидаться не пришлось. 17 мая 1911 г. каждый из подсудимых был приговорен: «...по лишении всех особых, лично и по состоянию присвоенных прав заключить в исправительные арестантские отделения на 1 год», а также «...взыскать с подсудимого Рейнбота 27 329 руб. 50 коп. и с Короткого – 7900 руб. и отчислить эти деньги в московскую губернскую земскую управу». Однако уже третий пункт приговора явно давал надежду на благополучный исход: «...по вступлении его в законную силу, прежде обращения к исполнению, представить на основании ст. 945 уст. уг. суд., через министра юстиции, на усмотрение Императорского Величества и ходатайствовать о смягчении участи осужденных Рейнбота и Короткого, с заменой определенного каждому из них наказания... исключением из службы».

Царская милость последовала незамедлительно.

Любопытную характеристику дал прокурору П.Г. Курлов, в то время товарищ министра внутренних дел: «В.П. Носович выдвинулся по службе обвинением московского градоначальника генерала А.А. Рейнбота, проявив выдающуюся способность исполнять не только приказания, но даже намеки своего начальства». Не исключено, что в случае с Рейнботом все служители Фемиды – участники процесса, выполняли негласное пожелание высшей власти: покарать провинившегося администратора, раз он попался; но сделать это так, чтобы истинные масштабы его преступлений не стали достоянием гласности. Никто не хотел давать оппозиции убойный материал для критики самодержавия.

В этом отношении интересна позиция участника ревизии Н.В. Хлебникова, с пафосом убеждавшего руководство МВД в целительном воздействии на общество суда над Рейнботом:

«Следующий со стороны власти акт – акт политической его смерти. И этот тяжкий долг должно взять на себя правосудие.

Едва ли от такой смерти Правительство потерпит какой-либо урон; погибнет человек во всяком случае конченный: ибо не следует забывать – одна мера, один спрос к рядовому служителю власти, иная мера, иной спрос к тому, кто поставлен властью высоко; доведший порученное ему служебное дело – пусть даже по неумению – до крупной, обратившейся в «притчу во языцех» неурядицы – не слуга государству.

А выигрыш? Выигрыш уже в том, что свершится правосудие, невзирая на лицо.

В годину всяких неуверенностей и недоверий власть не может молчать, когда ей следует говорить, и, чем грознее ее окрик, чем грознее и неуязвимее, казалось бы, лицо, заслужившее этот окрик, тем сильнее подымается ее престиж и доверие к ней; тем ярче разгорается в сердцах верноподданных огонь любви к ГОСУДАРЮ – сему Царственному Олицетворителю на земле Божественного принципа: несть зрениа на лица.

Судебный приговор над ген. Рейнботом, как торжественный похоронный колокол, прозвучит над русской землей. Но то будут не похороны одной лишь случайной и, быть может, не более многих других виновной жертвы правосудия.

Похоронный колокол возвестит погребение по первому разряду исконного чиновничьего зла, тайного мучительного недуга... Суд над Рейнботом и его осуждение – несомненный залог того, что борьба с этим злом, с этим недугом – действительная борьба, а не обманчивый ее призрак.

Суд над Рейнботом – венец ревизий, ведущих борьбу...

Развеются ночные туманы. Очищенная от сорных трав полной грудью вздохнет земля; зазеленеют новые пажити. На смену осужденным явятся иные, с иными взглядами на долг своей пред ГОСУДАРЕМ, слуги.

Как некогда, ранним солнечным утром, на затерявшемся в пустынных водах Атлантиды корабле раздался после долгих, казавшихся безнадежными ожиданий, радостный клик: «земля», так на плывущем по безбрежному морю народных нужд корабле власти раздастся тогда новый радостный возглас: «люди»!

Замолкнет тогда печальный колокол над погребенным и потому прощенным злом, и в ответ на радостный возглас власти, нашедшей то, что так нужно, что так важно, без чего, что ни придумывай и как ни раскидывай, нельзя идти вперед, – малиновым, праздничным перезвоном откликнутся колокола бесчисленных родных церквей милой...невзирая на все прегрешения отдельных ее сынов, святой и светлоликой отчизны».

Потеряв должность, Рейнбот пережил моральный урон, но в плане материальном его дела обстояли более чем превосходно. Капиталы жены позволили ему заняться железнодорожными концессиями и быть обеспеченным человеком. От трудов праведных супруги Рейнбот отдыхали в подмосковном имении Горки (ставшем при большевиках последней резиденцией их вождя и получившем наименование «Ленинские»).

В начале Первой мировой войны Рейнбот, движимый патриотическими чувствами, вернулся на военную службу. Вместе со своим бывшим гонителем П.Г. Курловым он поступил в распоряжение главного начальника снабжений армий Северо-Западного фронта. Особым царским указом ему было позволено сменить немецкую фамилию Рейнбот на русскую – Резвой. Вспоминая поездки на фронт в 1915 г., В.Ф. Джунковский описывал, как принц А.П. Ольденбургский требовал найти начальника по санитарной части Варшавы: «Да подайте же мне этого, ну как его? Как его? Ну, рожденного Рейнбота!»

Соответственным образом изменилась и фамилия его супруги, на что тут же отреагировали московские юмористы. В журналах появилась карикатура: лихач зазывает седоков прокатиться традиционным присловьем «А вот кому на резвой!», и слышит в ответ: «Нынче это оскорбление личности».

В 1916 г. А.А. Резвой вернулся в строй – он был назначен командиром 40-й пехотной дивизии и тогда же развелся с женой-миллионершей. О встрече в тот период с бывшим градоначальником упоминал в мемуарах большевик Н.Ф. Зезюлинский, посещавший Ставку Главнокомандующего в качестве корреспондента газеты «Русское слово». По словам журналиста, за дружеским ужином генерал рассказывал много интересного о жизни Москвы.

Приставы

Сретенский

полицейский дом в 3-м Знаменском переулке

Участковый пристав (1884 г.)

На длинных скамьях,
Опершись подбородками на эфесы
Сабель, похрапывали городовые...
И весь этот лабиринт сходил
К дубовым воротам, на которых
Висела квадратная карточка: «Пристав»!..

Э.Г. Багрицкий

В 1782 г. согласно Уставу благочиния территория Москвы была разделена на 20 частей, в границах которых находилось от 200 до 700 домовладений. «В каждой части города, – гласил Устав, – определяется Частный Пристав» [53 - Слово «пристав» в значениях «надсмотрщик, начальник, правитель» ходило еще в

Древней Руси – см. «Словарь древнерусского языка» И.И. Срезневского.].

По распоряжению императора Павла I в 1799 г. эта должность (без изменения круга служебных обязанностей) была названа «частный инспектор». В том же году вместо номерного обозначения части стали именовать по местностям: Городская, Тверская, Мясницкая, Пятницкая, Якиманская, Серпуховская, Пречистенская, Арбатская, Сретенская, Хамовническая, Новинская, Пресненская, Яузская, Басманная, Таганская, Рогожская, Мещанская, Сушевская, Покровская, Лефортовская. В результате преобразования, проведенного в 1829 г., Новинская, Таганская и Покровская части были упразднены с передачей их территорий в другие части. Вот так сложилось разделение Москвы на 17 полицейских частей, просуществовавшее до 1917 г. и ликвидированное вместе с полицией.

С воцарением Александра I инспекторы были снова превращены в частных приставов и продолжали нести службу по Уставу благочиния, в котором регламентации их деятельности было посвящено около пятидесяти статей. Прежде всего в нем были сформулированы требования к личностным качествам полицейского чиновника столь высокого ранга [54 - Первоначально эта должность соответствовала IX классу Табели о рангах (по армейским чинам – капитан); а с 20-х гг. XIX в. – VII классу (по армейским чинам – подполковник).]:

«Частного Пристава должность требует в его особе беспорочности поведения, здравого рассудка в деле, доброй воли в службе общей, точности во исполнении, бескорыстия во взыскании».

Не менее четко Екатерина II определила общие обязанности правителя части города:

«Частному Приставу поручается в его части и предписывается бдение, дабы: 1) Ничто не принималось, Закон Божий нарушающее; 2) Чтобы общий порядок сохраняем был во всех вещах; 3) Чтобы уголовные преступления не остались без наказания, несмотря на лица. [...]

Частный Пристав старается во всем сохранить установленный порядок и стройность так, дабы лихие и недоброхотные к установленному порядку исправились, а добропорядочным гражданам доставить мир и безопасное житье».

Охранять общественный порядок частный пристав должен был путем умелого руководства подчиненной ему «частной командой», состоявшей из квартальных, городских унтер-офицеров и рядовых служителей. Непосредственно при нем состояли два «градских сержанта», которые выполняли его распоряжения. В обязанности частного пристава входили: расстановка на территории части дневных и ночных караулов; организация постов при заставах на въезде в город; контроль рынков, чтобы вовремя получать сведения «о скудости или недостатке жизненного припаса», его качестве и уровне цен, верность мер веса. Если возникавшие проблемы нельзя было решить личным вмешательством, Устав обязывал пристава немедленно докладывать в Управу благочиния.

Приставу предписывалось контролировать на подведомственной ему территории торговлю, ремесленное и фабричное производство, пресекая, в случае надобности, любые нарушения гильдейских правил. Попутно ему приходилось надзирать за состоянием уличных мостовых и своевременной их очисткой от мусора и грязи. При поступлении ему жалоб или уведомлений о каких-либо «неустройствах» пристав был обязан опросить «гласных или безгласных» свидетелей и, при необходимости, составить протокол.

Однако главные хлопоты ждали пристава, когда происходило преступление. Так, застигнутого на месте правонарушителя в любое время дня и ночи должны были немедленно передать в руки пристава, и ему вменялось в обязанность тотчас начинать бумажную канитель – опрашивать под протокол свидетелей и преступника, брать последнего под стражу. Если приходилось встречаться со свидетелями, проживавшими в других частях города, то, согласно Уставу, пристава следовало отправляться к ним самому, «дабы не забирать людей излишно, и их не отлучать от домов, работ, ремесла или прокормления», да еще согласовывать свои действия с местным начальством.

Жить пристав был обязан в своей части, причем держать двери дома открытыми и ночью, чтобы местные жители могли беспрепятственно донести до него «жалобы, прошения, уведомления, извещения или донесения о содеянном в его части». Но даже после бессонной ночи приставы должны были в 7 часов утра принять от квартальных доклады о происшествиях за сутки, чтобы затем немедля отправиться с рапортами в Управу благочиния. При необходимости отъехать из города (хотя бы на два часа) пристав вынужден был договариваться о подмене с кем-нибудь из своих коллег. А в праздники ему тем более не было покоя: во время крестных ходов и «при общенародных играх и забавах» он лично руководил действиями своих подчиненных по поддержанию порядка.

Остается добавить, что пристава приходилось «бдение иметь» за калеками и стариками, «праздношатающимися», разносчиками ложных слухов, карточными игроками, женщинами и мужчинами «непотребного жития», а также за иногородними и иностранцами, чтобы они не вели противозаконной деятельности.

Портрет одного из таких полицейских правителей нарисовал бытописатель А.М. Пазухин в повести «Купленная невеста» (действие которой происходит при крепостном праве):

«В ту пору Пятницкой частью правил частный пристав Аристарх Венедиктович Лихотин, гроза обывателей, гром и молния подчиненных, образцовый служака. Громадного роста, рыжий и косой на один глаз, он был страшилищем для обывателей, им детей пугали и звали его «Лихо одноглазое». Разного рода темные люди, веселые девицы, попавшие в немилость крепостные и тому подобный люд дрожали при одном виде грозного и всесильного пристава, да и очень богатые, но «не славные родом» обыватели побаивались Лихотина, хотя и задабривали его частыми и обильными подарками. Власть пристава в ту пору была очень велика, и с ней приходилось считаться очень многим. Не надо забывать, что все мелкие судебные дела, все взыскания, все то, что теперь ведается то мировыми судьями, то Окружным Судом, то судебными приставами, в ту пору ведались полицией, а телесные наказания практиковались очень широко, и пристав мог без всякого суда «всыпать» сотню лозанов совершенно почтенному обывателю, его жене, дочери, кому угодно, если только человек не был, по закону, избавлен от телесного наказания, а таких было немного, сравнительно. Мудрено было и жаловаться тогда на полицейского пристава человеку несильному».

Федотов П.А.

Передняя пристава перед праздником (1837 г.).

Последнее замечание можно прокомментировать положением Устава благочиния: «Жалобы по должности на Частного Пристава не принимаются: буде же кто доказать может, что не законно поступил, тот должен просить Городничего». Иными словами, при благоволении вышестоящего начальства частный пристав мог ничего не бояться. Что же касается «частых и обильных подарков», то в этом отношении любопытен прописанный в Уставе завет матушки-императрицы: «Частный пристав везде в части на месте должность свою отправляет безденежно, не требуя и не взяв никакого рода заплаты ни с кого ни за что». Как видите, о подарках не сказано ни слова.

В повести А.М. Пазухина есть описание и того, как частный пристав вел расследование. В данном случае он выполнял приказ начальства о розыске крепостной актрисы, сбежавшей от помещика. Она и молодой зажиточный купец полюбили друг друга, собирались обвенчаться, но пристав быстро отыскал их убежище:

«Не прошло и получаса [...], как грозная весть – «полиция нагрянула!» – пролетела по дому. Надо вообразить живущим себя в ту пору, чтобы понять весь ужас обитателей мирного купеческого дома, навещенного полицией, да еще в лице такого грозного представителя ее, каким был Лихотин. Все замерло от ужаса, все дрогнуло и попряталось по углам и щелям. Старуха Латухина пала перед иконами в своей горнице; Иван Анемподистович стоял в зале, дрожа всем телом; как мраморное изваяние сидела красавица Надя в своей светлице за пальцами, схватившись руками за их раму и не дыша, не двигаясь ни единым членом, близкая к обмороку.

– С новым годом, с новым счастьем, батюшка Иван

Осипович! Не оставьте и нас, нищую братию, своей милостью!

– Хорошо, хорошо! Что же это от всех или от части?

– От части, батюшка, от части.

(кар. из журн. «Развлечение». 1864 г.)

Поставив у ворот двух «хожалых», пристав вошел во двор и поднялся по лестнице, сопровождаемый квартальным, двумя «подчасками» из евреев-кantonистов и лакеем Скосырева. Громыхая громадными тяжелыми ботфортами, в шляпе треуголке, надетой «с поля», то есть поперек, как тогда носили, в плаще, закинутом поверх мундира, вошел Лихотин в залу, держась левою рукой за эфес длинной шпаги, а правую засунув за борт мундира. Чуть не до низкого потолка касался головою громадный Лихотин; рябоватое лицо его багрового цвета было чисто выбрито и только на щеках, около ушей, торчали короткие щетинистые бакенбарды рыжего цвета; густые брови были сдвинуты, и из-под них грозно и пытливо смотрели косые глаза, умеющие видеть лучше любых некосых и приводившие в дрожь самых смелых людей.

– Ты купец Иван Анемподистов Латухин? – грозно спросил пристав хриплым басом, хотя знал Латухина хорошо, как своего обывателя, как усердного и хорошего данника.

– Так точно, ваше высокоблагородие, я, – довольно покойно ответил Латухин, совладевши с собою.

– По показанию дворянина, гвардии поручика Павла Борисовича Скосырева, у тебя в доме находится крепостная девка его, Скосырева, Надежда, где она?

– Таковой у меня в доме, ваше высокоблагородие, нет, и не было.

– Лжешь! – крикнул Лихотин. – По глазам вижу, что лжешь. Ведомо ли тебе, что за укрывательство и пристанодержательство беглых подвергаешься ты уголовной ответственности по всей строгости законов и что ответственность сия весьма тяжкая?

– Сие мне, сударь, ведомо.

– Ну, ладно, помни это. Веди по всем горницам, по всем закуткам и уголкам.

– Извольте жаловать за мною, сударь. [...]

– Веди в кухню, в подвал, в чуланы и не думай, что Лихотин не найдет. Вы меня, аршинники, знаю я, «Лихом одноглазым» прозвали, так «Лихо» я и есть, ох, «Лихо» для вас большое!..

Все отправились в кухню тем же порядком».

Лихотин самым тщательным образом перерыл весь дом, но беглянки не нашел. Тогда он провел простую, по всей видимости привычную, но эффективную оперативную комбинацию:

«Грозный пристав оглядел всю челядь Латухина и остановил взгляд на молоденькой бабенке-стряпухе, которая особенно тревожно смотрела на него и дрожала всем телом. Эта бабенка показала опытного в деле розысков приставу наиболее удобную, как более других трусливая и, очевидно, по молодости лет, не привыкшая еще к посещению неожиданных гостей.

– У этих мордастых разбойников не скоро правды добьешься, – кивнул пристав головою на «молодцов», на работников и на прочую челядь. – Подкуплены, задарены и шкура дубленая, а вот эта нам скажет правду-матку.

Он указал хожалым на бабенку.

– Взять ее в часть!

Бабенка взвизгнула и бросилась было в сторону, но хожалые схватили ее и мигом скрутили руки назад.

– Батюшка, кормилец, солнце красное, не погуби – завизжала бабенка на весь двор. – Ой, не губи, кормилец, отпусти душеньку на покаяние!

– Вот я тебе покажу «душеньку»! – проговорил пристав. – Как начнут тебя строчить с двух сторон, так скажешь мне все, скажешь, куда хозяева беглую спрятали! Ребята, ведите ее в часть и приготовьте там все, а я сейчас буду.

Бабенка рванулась от хожалых и упала пристава в ноги.

– Ох, помилуй, кормилец, не погуби! Все тебе расскажу, во всем покаюсь! Недавно я у них, семьей день только живу, и слышала я от ребят, что скрывается-де у хозяев какая-то девица и будут-де ту девицу ноне искать, а после того и повезли ту девицу куда-то со двора дюжо спешно, в Рогожскую, слышь, куда-то, работник Аким возил ее... Ничегошеньки больше я не знаю, кормилец, и не губи ты меня, не вынимай душеньки моей из тела грешного!..

Лицо пристава просветлело.

– Ага, попал на след! – весело проговорил он и окинул взглядом народ. Побледневшего Акима не трудно было узнать среди прочих молодцов.

– Ты Аким? – грозно спросил у него пристав.

– Так точно.

– Закладай лошадь сию минуту и вези меня в Рогожскую, в тот дом, в который ты девку возил.

– Я, ваше благородие...

– Ну?

– Я ничего не знаю, не ведаю...

Не докончив начатой фразы, качнулся Аким всем корпусом от могучей руки Лихотина в лосиной перчатке с раструбом.

– Лошадь закладай, шельма, а то я тебе все зубы повышибу, шкуру с затылка до пят сдеру!

Аким потупился, утерь окровавленный нос и пошел к конюшне».

Любопытен состоявшийся после этого разговор, раскрывающий суть взаимоотношений между частным приставом и купцами:

«Бледный, как полотно, стоял Иван Анемподистович, и курчавая голова его клонила на грудь все более и более.

– Что, брат, попался? – обратился к нему Лихотин, приказав хожалым отпустить бабенку. – Теперь уж не вывернешься, строго взыщется за укрывательство беглой, того гляди, что всем достоянием поплатишься.

– Ваше высокоблагородие, не погубите, будьте отцом родным, заставьте вечно Бога молить! – дрогнувшим голосом проговорил Латухин.

– Поздно, брат, теперь!

Пристав отвел Латухина в сторону.

– Что ж, любвишка, что ли, у вас с девицей-то? Сердце тронуло, знать?

– Пуще жизни своей люблю я ее, ваше высокоблагородие! Хотел жениться, тысячу двести рублей господину помещику предлагал, да вышел каприз, и все дело разладилось. Помогите, ваше высокоблагородие, а я ваш слуга по гроб жизни моей!

– Говорю – поздно! Помещик то вон, пишут мне, у господина генерал-губернатора свой человек, знатный барин, богач. Вот вы всегда так, аршинники: напракают, насамовольничают, а потом уж к Аристарху Венедиктовичу: спаси, батюшка, помоги! Что бы тебе сперва ко мне обратиться? Лихотин взял бы с тебя, хорошо взял бы, ну, да и дело сделал бы, а теперь что ж я могу? Теперь твою невесту вспрыснут как следует, косу ей обстригут и в деревню, свиной пасти».

Совсем иначе повел себя частный пристав в доме московского аристократа. С ним Лихотин как минимум состоял в одном чине, а то и был старше, но отставной поручик гвардии принимал его как стоящего ниже на ступенях социальной лестницы. Одной мелкою деталью характеризует писатель типичное явление – пренебрежительное отношение в дворянском обществе к офицерам полиции:

«Желая показать свою исполнительность и подслужиться у «нужного человека», Лихотин сам повез Машу. Следом за ними поехал и Иван Анемподистович, решив во что бы то ни стало увидеть барина.

Было часов девять вечера, когда лихой пристав подкатил на паре с отлетом к подъезду Скосыревского дома.

– Доложи барину, – сказал он встретившему его лакею, – что пристав Пятницкой части Аристарх Венедиктович Лихотин привез сегодня найденную им беглую девку Надежду Грядину.

Лакей доложил и, вернувшись, попросил пристава в кабинет. Расчесав бакенбарды, взбив хохол и

молодцевато выпятив грудь, пошел Лихотин за лакеем, приказав Маше ждать в лакейской.

Павел Борисович, весь погруженный в думы об отчаянном поручении своем, которое исполнял Черемисов, и с минуты на минуту ожидающий вестника, сидел в кабинете, выкуривая трубку за трубкой и выпивая стакан за стаканом крепчайшего пунша. При виде пристава он не встал с кресла и лишь слегка наклонил голову. Принимая в этом самом кабинете представителей высшей московской аристократии, Павел Борисович не считал нужным чиниться с приставом.

– Что это здесь так скверно пахнет? Не покойник ли у вас?

– Никак нет-с, это от хозяйственного сарая дурной дух. Купец Розанчиков несвежую продукцию доставляет.

– Пустое! Клевета! Он мне доставляет, теще моей, сестре, дочери и всем родным, и всегда без счета и без духа.

(кар. из журн. «Развлечение». 1864 г.)

– Пристав Лихотин, – отрекомендовался тот, шаркнув ботфортами и сгибая послушную спину. – Получив сообщение от местного пристава о побеге вашей крепостной девки, коя должна была находиться во вверенной мне части, в доме купца Латухина, в ту же минуту сделал обыск у указанного Латухина и, невзирая на его, Латухина, заперительство и на то, что означенная девка была уже препровождена в укромное место, нашел ее и привез к вам.

– Очень вам благодарен, господин пристав, – склоняя опять голову, проговорил Павел Борисович. – Садитесь, пожалуйста. Человек, трубку господину офицеру! Я сообщу о вашей примерной распорядительности вашему начальству, которое, надеюсь, даст моим словам значение, и вы без награды не останетесь.

Лихотин поклонился.

– Не прикажете ли стакан пуншу? – спросил Павел Борисович.

– Почту за честь».

В дальнейшем разговор принял почти дружеский характер. Когда речь зашла о розыске беглых крепостных, частный пристав не только умело ввернул словечко о своем высоком профессионализме, но и развлек собеседника анекдотом из полицейской практики:

«– Да-с, случаи побегов не редки. Мы стараемся всеми силами ловить; у меня, например, в части более суток ни одна каналья такая не проживет, непременно сцапаю и к помещику, а дабы неповадно было, второй раз попадется – деру.

– И мою драли?

– Никак нет, уважаемый Павел Борисович. Не было на сей предмета вашего полномочия, но если угодно, я с особым удовольствием, хотя жительство ваше и не во вверенной мне части.

– Нет, спасибо, зачем же? У меня это домашним образом делается, и девушек своих я наказаниям через полицейских солдат не срамлю, бабы этим заведуют.

– Весьма, сударь, похвально и сим вы обнаруживаете отеческое попечение о своих рабах. У меня вот в части дама одна живет, вдова полковница Пронова, так та ежедневно своих горничных к нам посылает, так

уж и знаем. Одинойды даже такой случай был: присылает оная Пронова горничную позвать меня на именинную к себе кулебяку, ну и входит квартальный и говорит, что от полковницы де Проновой девка пришла к вашему высокоблагородию. Я пишу какую-то бумагу. «Дать, – говорю, – девке двадцать пять лозанов немедленно и отпустить, ибо знаю уж привычки госпожи Проновой»...

Павел Борисович захохотал.

– И всыпали?

– И всыпали-с. После экзекуции девка входит ко мне и говорит, что барыня ее послала не за сим, а лишь звать на кулебяку. Посмеялся и сказал посланной, что это-де зачтется на будущее время. Препотешный случай-с!»

Производство телесных наказаний входило в круг официальных обязанностей полиции. Как правило, «вгонять ум через задние ворота» посредством лозы (специально вымоченных ивовых прутьев) назначали служащих пожарных команд, а сами экзекуции происходили либо в сарае для хранения инвентаря, либо на конюшне. Обиходные выражения «угодить в часть», «попасть на съезжую» могли обозначать как пребывание под арестом в полицейском частном доме, так и кратковременный визит для получения «горячих».

В связи с этим стоит пояснить, что слова «часть», «частный дом» обозначали и штаб-квартиру полицейской части, состоявшую из целого комплекса зданий. Например, на территории Пятницкого частного дома общей площадью 9915,9 м (между улицами Пятницкой и Кузнецкой) находилось 19 строений. Главный корпус, выходявший фасадом на Пятницкую улицу, был трехэтажным, с надстроенной пожарной каланчой. Она служила для наблюдения за окрестностями, а в случае пожара – для подачи сигнала, указывающего на часть, где произошло возгорание. Перечень и вид сигналов утверждал особым приказом обер-полицмейстер: один шар – пожар в Городской части, два шара – в Тверской, три – в Мясницкой, четыре – в Пятницкой; далее использовались сочетания шаров и крестов. Если требовался сбор всех пожарных команд, то дополнительно вывешивали красный флаг. Ночью вместо шаров и крестов на мачте поднимали белые и красные фонари. В зимнее время на каланчу с надеждой глядели учащиеся школ и гимназий: флаг палевого цвета предупреждал, что из-за сильных морозов занятия отменены.

На первом этаже главного корпуса Пятницкой части по две комнаты занимали женатые и холостые «мушкатеры», а одну комнату – кухня частного пристава. Его канцелярия (69 м) и квартира в девять комнат (215 м) размещались на втором этаже. На третьем этаже были квартиры надзирателя 4-го квартала (из трех комнат – 69 м) и его помощника (три комнаты – 102 м).

С правой стороны к главному корпусу примыкал одноэтажный каменный флигель, в котором жили семейные нижние чины, служившие в пожарной команде. В отдельно стоявшем двухэтажном флигеле на первом этаже располагались казармы пожарных-холостяков, казаков и курьеров, а также общая арестантская (одна комната – 55 м). На втором этаже была квартира брандмейстера из пяти комнат (91 м) и находилась секретная арестантская – пять комнат (71 м). Последнее помещение предназначалось для содержания подсудимых по политическим и важным уголовным делам. Так, обвиненный в убийстве любовницы А.В. Сухова-Кобылин в письме к императору Николаю I жаловался:

«Во 2-м часу ночи явился Тверской части частный пристав и объявил мне, что Московский военный Генерал-Губернатор приказал предать меня заключению. Немедленно был я заперт в секретный чулан Тверского частного дома, об стену с ворами, пьяною чернью и безнравственными женщинами, оглашавшими жуткими криками здание частной тюрьмы, в совершенную противность 976, 977, 1007 и 1008 ст. XV т. Св[ода]. зак[онов].; в особенности же 978, которая даже в случае подозрения на меня прямо запрещала эту меру».

Пятницкий

полицейский дом (1914 г.).

Доставка арестованных в Тверскую часть, если верить В.А. Гиляровскому, для москвичей была сродни бесплатному развлечению:

«Иногда по Тверской в жаркий летний день тащится извозчичья пролетка с поднятым верхом, несмотря на хорошую погоду; из пролетки торчат шесть ног: четыре – в сапожищах со шпорами, а две – в ботинках, с брюками навывпуск.

Это привлекает внимание прохожих.

– Политика везут «под шары» в Тверскую!..

И действительно, пролетка сворачивает на площадь, во двор Тверской части, останавливается у грязного двухэтажного здания, внизу которого находится пожарный сарай, а верхний этаж занят секретной тюрьмой с камерами для политических и особо важных преступников.

Тверской

полицейский дом (1914 г.).

Пролетка остановилась. Из нее, согнувшись в три погибели, выползают два жандарма, а с ними и «политик».

Его отводят в одну из камер, маленькие окна которой прямо глядят на генерал-губернаторский дом, но снаружи сквозь них ничего не видно: сверх железной решетки окна затянуты частой проволочной сеткой, заросшей пылью.

Звали эту тюрьму «клоповник».

Драматург Сухово-Кобылин, проведя несколько суток «в томительных страданиях», по прошествии времени отомстил полиции, сочинив на нее язвительную сатиру – пьесу «Дело». Другие постояльцы «клоповника» предавались литературному творчеству прямо в нем. По утверждению В.А. Гиляровского, революционер Н.А. Морозов успешно занялся поэзией: «Спичкой на закоптелой стене камеры им было написано здесь первое стихотворение, положившее начало его литературному творчеству». Не терял времени даром и П.Г. Зайчневский. Он не только умудрился сочинить прокламацию к «Молодой России», но и переправить текст на волю. Можно представить, какова была реакция власть имущих на появление листовок с таким призывом:

«Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком «Да здравствует социальная и демократическая республика Русская!» двинемся на Зимний дворец истребить живущих там. Может случиться, что все дело кончится одним истреблением императорской фамилии, то есть какой-нибудь сотни, другой людей, но может случиться, и это последнее вернее, что вся императорская партия, как один человек, встанет за государя, потому что здесь будет идти вопрос о том, существовать ей самой или нет.

В этом последнем случае, с полной верою в себя, в свои силы, в сочувствие к нам народа, в славное будущее России, которой вышло на долю первой осуществить великое дело социализма, мы издадим один крик: «в топоры», и тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам!

Помни, что тогда кто будет не с нами, тот будет против; кто против – тот наш враг; а врагов следует истреблять всеми способами».

Представители благородного сословия, арестованные по уголовным делам, чувствовали себя в частном доме еще вольготнее. Герои романа П.Д. Боборыкина «Китай-город» (один попал под следствие за мошенничество, другой – подозреваемый в фальшивомонетничестве) сидели не в камере под замком, а в служебном помещении:

«Комнатка, где он лежит – дворянская. Собственно, тут дежурят квартальные. Но в настоящей арестантской камере все и без того занято. С утра перед ним проходила жизнь «съезжей». Он слышал из своей камеры голоса письмоводителя, околоточных, городских, просителей. Какая-то баба, должно быть, в передней, выла добрых два часа. Частный приходил раза три. С Палтусовым он обошелся мягко. Они оказались в шапочном знакомстве по Большому театру. Указывая на него дежурному квартальному, он употребил выражение «они». Квартальный – бывший драгунский поручик – пришел покурить, заспанный, даже не полюбопытствовал, по какому делу сидит Палтусов.

Зала квартиры частного примыкала к канцелярии. Палтусов слышал, как майор ходил, звякая шпорами, и напевал из «Корневильских колоколов»:

Взгляните здесь, смотрите там:
Нравится ль все это вам?

Когда умолкла вся утренняя суета, Палтусов заглянул в опустелую канцелярию. У одного из столов сидел худой блондин, прилично одетый, вежливо ему поклонился, встал и подошел к нему. Он сам сказал Палтусову, что содержится в том же частном доме; но пристав предоставил ему письменные занятия, и ему случается, за отсутствием квартального или околоточного, распоряжаться.

– А по какому вы делу? – спросил его Палтусов.

– Я литограф... Привлечен... по подозрению насчет билетов, оказавшихся подложными.

И он сейчас же протянул Палтусову руку и сказал:

– Позвольте быть знакомым.

Надо было пожать руку. Литограф вылезся заботиться о том, чтобы Палтусову служил получше солдат, вовремя носил самовар и еду. Пришлось еще раз пожать руку товарищу-арестанту».

Вернемся, однако, в Пятницкую часть. Остальные ее постройки предназначались для хозяйственных нужд (артельная кухня, погреб-ледники для хранения провизии, туалеты-ретирады), содержания лошадей частного пристава, полицейского доктора, пожарной команды (конюшни, каретные и сенные сараи, кузня) и хранения пожарного инвентаря. В одном из флигелей располагалась больница, но из-за ветхости здания она была закрыта.

К концу XIX в. во всех частных домах действовали пункты оказания медицинской помощи, так называемые «приемные покои», куда доставляли больных, подобранных на улицах. Именно при частных домах – Сушевском и Сретенском – 28 апреля 1898 г. были открыты две первые станции скорой помощи.

Год спустя еще три станции были созданы при Лефортовской, Таганской и Якиманской частях.

А вот в Тверскую часть, судя по описанию Гиляровского, доставляли тех бедолаг, кому медицинская помощь уже не требовалась:

«Рядом с воротами стояло низенькое каменное здание без окон, с одной дверью на двор. Это – морг. Его звали «часовня». Он редко пустовал. То и дело сюда привозили трупы, поднятые на улице, или жертв преступлений. Их отправляли для судебно-медицинского вскрытия в анатомический театр или, по заключению судебных властей, отдавали родственникам для похорон. Бесприютных и беспаспортных отпевали тут же и везли на дрогах, в дощатых гробах, на кладбище».

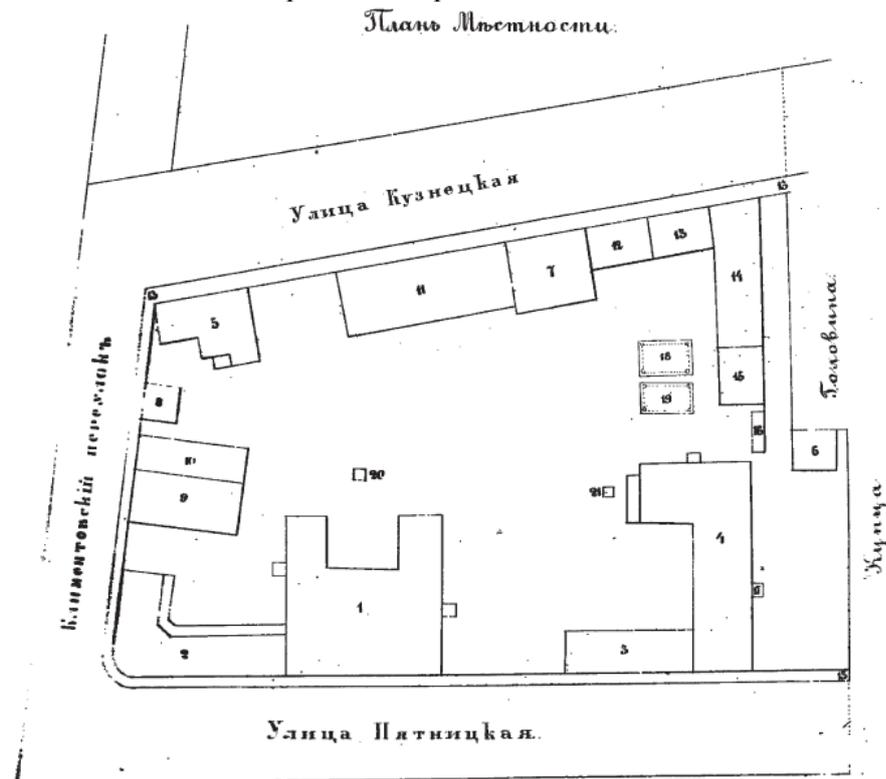
В том же рассказе о Тверской части мемуарист отметил такую деталь (полагаем, типичную, так как все частные дома Москвы по устройству почти не отличались один от другого):

«Огромный пожарный двор был завален кучами навоза, выбрасываемого ежедневно из конюшен. Из-под навоза, особенно после дождей, текла ручьями бурая, зловонная жидкость прямо через весь двор под запертые ворота, выходящие в переулок, и сбегала по мостовой к Петровке».

После преобразования московской полиции в 1881 г., когда была ликвидирована должность частного пристава, заведовать обширным хозяйством частных домов назначили специальных смотрителей.

Подчинялись они Городскому полицейскому управлению.

В период реформ, последовавших за отменой крепостного права, частные приставы оказались в сложном положении. Новое законодательство практически лишило их привычных способов воздействия на обывателей – площадной руганью и кулаком. Пришлось полицейским забыть и о таком безотказном методе, как порка. Высочайшим указом от 17 апреля 1863 г. применение телесных наказаний было столь сильно ограничено, что горожанам (и в первую очередь женщинам) они нисколько не грозили. А с введением новой судебной системы приставам все чаще приходилось за свои действия отвечать перед законом, к защите которого стали прибегать москвичи.

Пятницкий частный дом. План участка (1862 г.).

Пятницкий частный дом. План участка (1862 г.).

Например, приставу Пречистенской части майору Гольму пришлось участвовать в нескольких процессах. На одном из них Гольм держал ответ за грубое обращение с дворником Михайловым. По объяснению пристава, проезжая по Ушаковскому переулку, он заметил, что дворник дома надворного советника Шиллера сбрасывал снег на середину улицы, хотя положено сгребать его в кучи, а затем вывозить за город. На вопрос майора, почему дворник нарушает порядок, Михайлов отвечал, что об этом нужно спросить у барина. Гольм не стал беспокоить домовладельца, а просто отправил дворника в частный дом, а потом передал его для разбирательства мировому судье.

Домовладелец Шиллер поведал суду свое виденье событий. Он сидел в гостиной с дамами, когда пристав, подъехав, схватил Михайлова за ворот, толкнул его и начал бранить выражениями, не

употребляемыми в печати. Происходило это перед окном с открытой форточкой, поэтому сидевшие в гостиной дамы все слышали и сильно сконфузились. По твердому убеждению Шиллера, майор Гольм не имел никакого права действовать столь грубо, а также арестовывать дворника и отправлять его к мировому. Однако домовладелец не учел, что, выполняя его распоряжение, дворник полностью нарушил распоряжение обер-полицмейстера о порядке уборки снега в Москве. Пришлось Шиллеру заплатить 15 руб. штрафа, а на грубость Гольма, оставшуюся безнаказанной, он пообещал: «дела так не оставить».

В другой раз уже пристав Гольм оказался оскорбленной стороной. Случилось это после того, как он исполнил решение мирового судьи об обязательном очищении берега Москвы-реки от наваленных на нем бревен. Самочинно устроенный склад лесного материала загромождал большую территорию и создавал угрозу пожара, но его владелец купец 1-й гильдии И.П. Бутиков не спешил с вывозом. Тогда приставу пришлось нанять стороннего подрядчика, а счет за проделанную работу (которая длилась полторы недели и обошлась в 3 тыс. руб.) представить купцу для принудительной оплаты. Когда квартальный вручил Бутикову официальные бумаги, купец сделал в них от себя приписку, адресованную Гольму.

На суде, состоявшемся весной 1868 г., было установлено, что послание Бутикова «не может не быть признано за деяние прямо оскорбительное для того частного пристава». По сообщению журнала «Современная летопись», ответчик сам дал доказательства своей вины «собственноручным приписанием упреков, рассказа и сравнения из оного». Оказывается, купец поведал Гольму историю «из быта деревни Бакуниной» о неблагодарном быке, который, привыкнув, что пастух постоянно угощает его хлебом, при первом же отказе убил своего благодетеля. Далее шло сравнение «рассказа этого с неблагодарностью пристава за угощение его и доставление ему Бутиковым на дом наливки, а затем с придирчивостью пристава за прекращение снабжения его наливкой по ее недостатку».

– Что же ты сор-то не убрал?

– Для чего убирать? Ужотка ветер поднимется – все разнесет.

(кар. из журн. «Развлечение». 1866 г.)

Свой поступок подсудимый объяснил как ответ на постоянные преследования его майором Гольмом, причиной которых стала «неисправность Бутикова перед приставом на праздник Пасхи». Проще говоря, богатый купец почему-то не выразил «начальнику части» свою благодарность (товаром или деньгами) за то, что живет в покое и достатке на его «земле». При скудном жаловании для полицейского офицера подношения по случаю Рождества и Пасхи, а также других праздников являлись основой его материального благополучия. Любой же нарушитель этой традиции ударял не только по кошельку, но и по личному престижу пристава. Ходило даже такое понятие – «строптивость домовладельца», как пояснял А. Милюков в книге «Доброе старое время», «...выражавшаяся манкировкой праздничных визитов и непамятованием дней рождения и тезоименитства частного пристава». В этом отношении парадоксом звучит приказ обер-полицмейстера Власовского, изданный в канун Рождества 1895 г.: о «неприятии от жителей каких-либо подарков по службе, под опасением немедленного удаления от занимаемых должностей».

Подношение приставу праздничных подарков
(кар. из журн. «Зритель общественной жизни, литературы и спорта». 1863 г.).

Во время суда несколько свидетелей показали, что отношение майора Гольма к купцу Бутикову отличалось «азартностью и неучтивостью пристава сего с подсудимыми, тогда как помимо общеобязательного для достоинства всякой власти учтвого обхождения». Тем не менее тему преследования за строптивость решили не развивать. Факт оскорбления был доказан, Бутиков был признан виновным, но наказание в качестве компромисса было назначено минимальное – неделя ареста в тюрьме.

Той же весной 1868 г. в Московском окружном суде слушалось дело пристава Рогожской части Постовского. Этот процесс окончательно свидетельствовал, что для приставов настали новые времена. Если раньше покровительство вышестоящего начальства могло избавить их от скамьи подсудимых, то теперь судьба полицейских офицеров, совершивших преступления, находилась в руках судебных властей.

Пристава Постовского судили не за что-нибудь, а за мошенничество. Как выяснилось, он уговорил некую госпожу Лик обратить ее имущество в капитал, в течение полугода перевел его на себя и потратил на погашение долгов, оставив женщину совершенно разоренной. Во-вторых, при продаже имения, принадлежавшего Лик, пристав устроил махинации с векселями. Суд приговорил бывшего пристава к лишению всех прав и ссылке на 4 года в отдаленные губернии, кроме сибирских. Интересно замечание репортера, освещавшего процесс: «раскольники этой части почему-то рады были этому приговору». Здесь явный намек на то, что в Рогожской части жило много староверов (среди них богатейшие купцы), права которых были ограничены действующим законодательством. Именно от частного пристава зависело, будет ли местная полиция скрупулезно выполнять требования закона или сквозь пальцы смотреть на некоторые его нарушения. Видимо, Постовский позволил себе жить настолько широко, что даже столь доходная часть не удовлетворяла всех его потребностей.

В 1881 г. вместе с ликвидацией управы благочиния была упразднена должность частного пристава. Прежние части были разделены на участки (от двух до четырех), которые возглавили участковые приставы. Они полностью отвечали за всю организацию полицейской службы на участке: расстановку постов, графики дежурств, проведение занятий с городовыми, первичный розыск по совершенным преступлениям, арест преступников, допрос их по горячим следам. В их обязанности входили надзор за поведением публики в общественных местах и прежде всего – «пресечение праздных разговоров о высоких особах». Именно приставам подчинялись околоточные надзиратели, им они докладывали о результатах обходов, а также немедленно сообщали (в любое время дня и ночи – «можно по телефону») о случившихся происшествиях и замечаниях со стороны высшего начальства.

В январе 1899 г. обер-полицейстер Е.К. Юрковский особым предписанием дополнил служебные обязанности приставов:

«При обычных моих объездах по городу мною замечено, что между 2 часами дня и 6 часами вечера, т. е. в то время, когда занятия в участковых управлениях прекращаются, участковые приставы и другие чины полиции в некоторых участках постоянно находятся на улице, регулируя езду экипажей или наблюдая за правильной уборкой улиц и проч., между тем как в то же время в других участках, из которых некоторые даже сравнительно менее обременены служебными занятиями, я не встречаю почти никогда ни одного из полицейских чинов.

Принимая во внимание, что во время от 2 часов дня и до 6 часов вечера происходит усиленное уличное

движение и что в эти часы во всех участках прерываются занятия в канцелярии, я предлагаю всем офицерским и классным чинам наружной полиции, свободным от каких-либо специальных служебных занятий, непременно находиться в эти часы на улице для необходимых распоряжений по наружному порядку».

В том же году обер-полицмейстеру стало известно, что некоторые приставы, выходя за пределы своих полномочий, переложили на околоточных надзирателей тяжесть ночных обходов квартир для выявления непрописанных жителей. Приказом по полиции проверки домов по ночам были возложены лично на приставов или их помощников. Попутно Юровский велел сделать околоточным надзирателям строгое внушение: «...никто из них без особой служебной надобности и разрешения пристава не должен отлучаться от района своих околотков».

участка Пречистенской части.

Управление 2-го

На должность пристава мог быть назначен офицер, прослуживший в армии не менее трех лет, имевший образование не ниже четырех классов среднего учебного заведения (городского училища) или сдавший соответствующий экзамен. Портрет участкового пристава, выходца из военной среды, нарисовал популярный в начале XX в. писатель Марк Криницкий в романе «Молодые годы Долецкого»:

«Пристав облизал кончики усов. Одет он был с тою особою грубою щеголеватостью, с которой умеют одеваться одни только выслужившиеся полицейские, и выговаривал «г», как «х», что ясно указывало на получение им предварительного образования в военной казарме. Пальцы его правой руки были совершенно унизаны перстнями, а на голове до голой кожи расчесан прямой пробор. От всей его фигуры пахло не то духами, не то апельсинными корками.

Пристав, как был, вошел в пальто и стал расхаживать по комнате, заложив руки за спину и поочередно с заботливым видом поглядывая на свои лакированные сапоги, для чего выворачивал ступни ног наружу».

По свидетельству В.А. Гиляровского, лично знавшего многих офицеров московской полиции, среди приставов были люди самого разного происхождения. Так, в мемуарных очерках «Москва и москвичи» упомянут пристав, дежуривший во время бала в генерал-губернаторском доме – бывший гвардейский офицер. В другой раз писатель рассказал о приставе 1-го участка Сретенской части, выходце из самых низов:

«К десяти часам утра я был уже под сретенской каланчой, в кабинете пристава Ларепланда. Я с ним был хорошо знаком и не раз получал от него сведения для газет. У него была одна слабость. Бывший кантонист, десятки лет прослужил в московской полиции, дошел из городских до участкового, получил чин коллежского асессора и был счастлив, когда его называли капитаном, хотя носил погоны гражданского ведомства».

Согласно Табели о рангах, участковый пристав московской полиции относился к VII классу, что делало его равным армейскому подполковнику. В начале XX в. жалованья ему полагалось 1400 руб. в год плюс 700 руб. «столовых». «Квартирной табелью» приставу отводилась квартира из шести комнат «общего

квадратного содержания в 30 саженой при норме высоты 5 арш.» [55 - 136,5 кв. м с высотой потолков примерно 3,5 м. Такую же квартиру отводили начальнику сысской полиции. А вот полицмейстера город должен был обеспечить 8-комнатной квартирой площадью 182 кв. м, конюшней на 6 стойл и сараем.]

Однако, получая ежемесячно 175 рублей, пристав не мог отнести себя к «достаточному классу». Содержание семьи, сама жизнь в Москве с ее соблазнами, вращение в обществе требовали гораздо больших расходов. «Обращая внимание на состав и быт приставов и их помощников, – описывал генерал Рейнбот положение московских полицейских сенатору Гарину, – пришлось прийти к заключению, что за редким исключением большим подспорьем им служат подарки от обывателей».

Градоначальник разделял такие подношения «на сделки с совестью и сделки с самолюбием». Первые имели явные признаки «лихоимства», поскольку налицо была причинно-следственная связь между получением мзды и действиями должностного лица. Во втором случае такой связи не было. С чисто юридической точки зрения «праздничные деньги», поднесенные офицеру полиции, взяткой не являлись, а считались начальством «глубоко укоренившимся в Москве злом», с которым волей-неволей приходилось мириться.

Интересно, что свежий взгляд на деятельность московских приставов приводил начальство к неожиданным выводам. Так, принимая дела, генерал Рейнбот получил от помощника градоначальника Будберга сведения о полицейских офицерах, возглавлявших участки, а спустя некоторое время внес в них свои коррективы:

«Из этой характеристики приведу несколько аттестаций: по мнению барона Будберга 1) пристав Арефьев – «опытен, обывателями любим, но не всегда достаточно распорядителен и энергичен», оценен 10 баллами. На самом же деле оказалось, что в нем выражены были особенно сильно «сделки с совестью», а любовь обывателей, вероятно, приобрел тем, что «брал» и шелком, и часами Омега, и мужскими статскими галстуками, и фруктами, и чем угодно, что и было по жалобам неблагодарных обывателей удостоверено дознанием моего секретаря Яковлева; 2) пристав Воронец – «опытен, довольно распорядителен, добрый начальник», 9 баллов. Оказалось, что он продавал конфискованные револьверы, широко допуская «сделки с совестью», о чем даже меня уведомил Департамент полиции; 3) пристав Ползиков – «достаточно опытен и распорядителен». Оказалось, опытность выразилась в растрате жалованья ночных сторожей, а распорядительность – во многих указаниях на его «сделки с совестью»; 4) пристав Львович – «довольно опытен, распорядителен». Оказалось, что в его участке появились без всякого разрешения разные торговые заведения, которые не могли быть вовсе разрешены градоначальником.

//-- Визит обывателя к приставу --//

– Это ужасно! Верхние жильцы безобразничают – выливают всякую дрянь на голову!.. Пойду пожалуюсь полиции!.. Надо исполнить долг честного гражданина!..

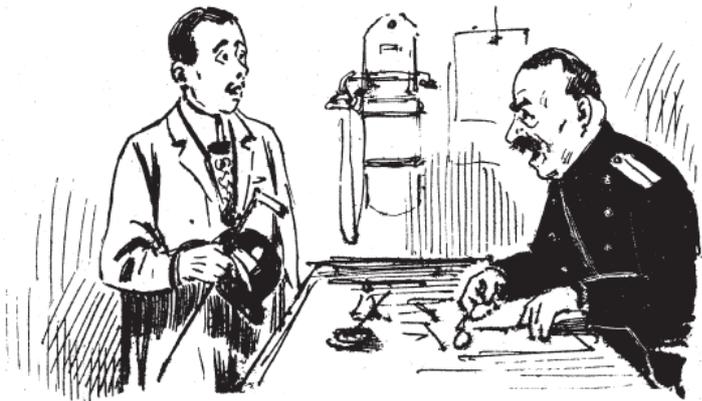
верхнего этажа.

– Где вы живете?

– Глухарная улица. Дом номер 21.

– Ваш паспорт?..

– Господин пристав, я к вам с жалобой – жильцы

так все знают!..

– А я не знаю и знать вас не хочу!.. У меня и без вас есть много о чем знать!..

– Паспорт? Я не ношу его с собой – меня и

ваша обязанность!..

– Обязанность?! Я не хуже вас знаю свои обязанности!

– Каждый порядочный гражданин имеет право.

– Но позвольте, я только хотел заявить!.. Это

гражданин – покажите ваши документы!..

– У меня их нет с собой, но я могу...

– Хорошо! Докажите, что вы порядочный

можете доказать, что вы не бродяга, не*censored*ган, не революционер!

– Это уже слишком!.. При таком обращении я знать не хочу полицию!..

– Никаких «но» не принимаю!.. Вы не

Оскорбляете должностных лиц?! Городовой, посадите этого господина под замок!.. Это опасный преступник!..

– А, вот как! Вы знать не хотите полицию?!

думал, не гадал и в «узники» попал!..
(кар. из журн. «Будильник». 1906 г.)

– Вот тебе и исполнение «гражданского долга»!.. Не

Все эти «опытные» в глазах барона Будберга служащие были мною признаны негодными для службы в московской полиции и уволены».

А вот примером наказания за «делки с самолюбием» послужило дело пристава 2-го участка Хамовнической части П.Ф. Бояновского, в 1910 г. угодившего под суд. Его вина состояла в том, что на Пасху и Рождество он принимал подношения от владельцев ресторанов, трактиров и торговых заведений – в общей сложности 600 рублей.

– Сам никогда не просил, – в один голос утверждали свидетели. – Давали по традиции, как наши отцы давали и как после нас будут давать... Но лучшего человека не знали: он все равно, когда нужно было, и протокол составлял, и привлекал к ответственности.

Убеленный сединами подполковник плакал, переживая позор. За 34 года службы в полиции его всегда назначали в те места, где требовалось навести порядок. Во время вооруженного восстания ему удалось отстоять свой участок от осадивших его революционеров.

– Считался образцовым приставом, строгим исполнителем закона, – говорил на суде полицмейстер Севенард, – и имел на этой почве массу врагов, как среди сослуживцев, так и обывателей.

Пытаясь оправдаться, Бояновский пояснил, что расходовал полученные деньги на оплату сверхурочного труда подчиненных, поскольку ассигнованных казной средств не хватало. Приставу постоянно приходилось тратить на служебные нужды из своего «не бог весь как великого жалованья».

Суд учел служебное рвение подполковника, но, вынужденный придерживаться буквы закона, оправдать его не смог. Приговор был мягким: «...взыскание в размере 10 рублей с заменой арестом на гауптвахте на 1 день», но и это означало для честного служаки полный крах – увольнение из полиции без права на пенсию. Сенат отклонил апелляцию бывшего пристава.

Впрочем, офицеры полиции подвергались взысканиям не только за «делки с совестью». Например, помощник пристава 3-й Мещанской части П.А. Самарин был приговорен к месяцу ареста при полицейском доме за то, что осенней ночью 1908 г., будучи пьяным, без всяких причин избил ночного сторожа, а случайных свидетелей этого безобразия приказал забрать в участок. Характерно, что до суда, состоявшегося только в январе 1910 г., Самарин был отстранен от должности.

В 1913 г., после пятилетнего обсуждения в Государственной Думе необходимости преобразования полиции в соответствии с требованиями времени, МВД опубликовало «Проект учреждения полиции с постатейными объяснениями». Согласно намеченным планам, государство наконец-то собиралось взять полицию на полное содержание. Для приставов столичных городов это означало существенное повышение денежных окладов. Участковый пристав первого разряда в год должен был получать: жалованья – 1400 руб., столовых – 1400 руб., квартирных – 700 руб. и 420 руб. на разъезды.

Однако, как это не раз бывало в России, подготовка реформы затянулась, а затем и вовсе замерла – началась Первая мировая война. Правительство спохватилось, когда выяснилось, что дефицит кадров сотрудников полиции достиг катастрофического предела. И без того невысокое денежное содержание полицейских из-за громадной инфляции фактически уменьшилось в несколько раз, поэтому найти достаточное количество желающих охранять правопорядок оказалось просто невозможно. А среди тех, кто остался в полиции, как выяснилось, слишком многие превратили службу в источник личного обогащения.

Нарушителя заводят в участок

(кар. из журн. «Развлечение». 1904 г.).

Так, в череде многих обращений в адрес градоначальника Шебеко достаточно типичным является письмо о делишках пристава Диевского:

«Просим Вас обратить должное внимание на первый участок Мясницкой части. Новый пристав господин Диевский ужасный взяточник. Он получает взятки не только лично, но и через подчиненных, которые львиную долю уделяют своему начальнику. Как только господин Диевский был назначен в наш участок, то немедленно вызвал всех рестораторов и владельцев гостиниц и получил с каждого незаконный побор. В этих случаях он не боялся. А вот освобождение находившихся на складе Российского транспортного общества реквизированных грузов он выполнял не лично, а чрез своего помощника капитана Миртиманова. А чтобы быть в стороне, господин Диевский в течение одного месяца дважды отлучался в отпуск: первый раз на неделю на дачу, а второй раз на курорт. Стоит только проверить книги Российского общества транспортирования клада и все будет достаточно ясно. Многие также показать администраторы этого общества могут.

Весьма прискорбно, что заместителем полковника Керстича, человека вполне корректного и на редкость порядочного, явился безнравственный и непорядочный человек. Очевидно, в видах свободы своих преступных действий он и устранил прежних помощников-универсантов, вполне порядочных людей.

Все те, которые имели или имеют дело с участком господина Диевского, имеют в виду достаточный материал по сей деятельности довести до сведения Министерства внутренних дел» [56 - ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 12. Д. 66. Л. 9–9 об.].

На фоне стяжателей еще большее уважение вызывают полицейские, сохранившие верность долгу. Одни отправились добровольцами на фронт – первым из них был старший помощник пристава 3-го участка Тверской части капитан С.Н. Черкашин. Другие, проявляя инициативу и умелую распорядительность, делали, казалось, невозможное по поддержанию порядка в городе.

Отряд солдат арестовывает пристава, скрывавшегося в квартире (1917 г.).

Когда разразился хлебный кризис и москвичам пришлось часами томиться в «хвостах» перед дверями булочных, только жители Алексеевского участка (за Крестовской заставой) оказались избавлены от стояния в очередях. Местный пристав Ф.В. Гребенников стал распределять хлеб по собственной системе. Зная официальную цифру количества муки, выделенной для пекарен на территории его участка, он разделил ее на количество жителей, получавших сахар по карточкам. Получилось по 1 фунту ржаного и 1/2 фунта пшеничного хлеба на человека. Домовладелец или его посланец приходили в булочную, предъявляли заверенный в полиции список жильцов и получали хлеб сразу на всех. «Хвосты» сразу же исчезли, а пекари лишились возможности продавать муку с черного хода.

Во время Февральской революции полиция в Москве практически бездействовала. По сообщениям газет, случаев применения оружия против демонстрантов почти не было. Только на Яузском мосту оставшийся безмянным помощник пристава попытался остановить толпу выстрелами из револьвера и убил двух рабочих. Полицейского офицера тут же схватили, бросили в реку и забросали камнями.

Отряды восставших устроили на сотрудников полиции охоту по всему городу и очень скоро все участковые приставы вместе со своими подчиненными оказались под строгим караулом.

Околоточные надзиратели

Пречистенский

полицейский дом в Штатном переулке

Околоточный надзиратель (1884 г.).

А под аркой министерства
Околоточный знакомый,
Добродушно ухмыляясь,
Рявквал басом, как медведь...

С. Черный

«Ни пава, ни ворона» – таким выражением можно довольно точно охарактеризовать околоточных надзирателей. Согласно штату, введенному 5 мая 1881 г., околоточные входили в категорию младших полицейских служащих. Однако в отличие от городских они все-таки были начальством, хотя и невысокого ранга. Пока околоточный надзиратель состоял на службе, он пользовался правами чиновника XIV класса, даже если не имел классного чина. В Российской империи, где «каждый сверчок должен знать

свой шесток», это означало значительное повышение личного статуса, приобщение к корпорации всесильного русского чиновничества. Соответственно, и жалование его в два с лишним раза превышало оклад городского [57 - По штату, утвержденному в 1891 г., – 550 руб. в год, с 1906 г. – в зависимости от присвоенного разряда – 600, 660, 720 рублей. Наем квартиры за счет города.].

Поначалу это двойственное положение околоточных даже вызывало путаницу. Осенью того же 1881 г. один из участковых приставов получил от судебного следователя предписание: выслать к нему околоточного надзирателя для допроса в качестве свидетеля. Пристав не исполнил это требование, сославшись на то, что его подчиненный, как пользующийся правами XIV класса, может быть вызван к следствию только повесткой. Пришлось обер-полицмейстеру приказом «давать знать по полиции», что околоточные надзиратели в первую очередь относятся к полицейской страже, поэтому их, как и прочих рядовых служащих, положено вызывать через непосредственное начальство.

Вносили свою лепту в неразбериху и сами околоточные. Форма им полагалась, «как у классных чинов», а к ней – «шашка драгунского образца с черным кавалерийским темляком на черной юфтевой португее». Вот только некоторые околоточные надзиратели, как свидетельствовали современники, вздумали шеголять в неположенных им офицерских погонах. Пришлось начальству, причем на протяжении многих лет, вразумлять нарушителей устава. Одним из них был околоточный надзиратель Корсаков, который весной 1892 г. попался на глаза самому обер-полицмейстеру «...с петлицами, присвоенными только адъютантскому мундиру».

Уникальный характер должности околоточного надзирателя состоял в том, что он был главным и единственным передаточным звеном между государственной машиной и москвичами. Инструкция гласила: «В случаях, когда полиции для исполнения возложенных на нее законами обязанностей необходимо входить в непосредственные личные сношения с обывателями по месту их жительства, сношения эти делаются через околоточных надзирателей». В переводе с бюрократического языка это означало, что любая казенная бумага (например, судебная повестка), направленная в адрес жителя Москвы, вручалась лично околоточным надзирателем.

Однако главная его задача состояла в строгом надзоре за тем, чтобы жители околотка (3–4 тыс. человек) без малейших отступлений соблюдали правила и постановления «относительно общественного благоустройства и благочиний». Стоит заметить, что «Инструкция околоточным надзирателям Московской столичной полиции» представляла собой книгу в триста с лишком страниц, на которых убористым шрифтом были изложены все предписания московских властей. Одни только обязанности околоточного «по наблюдению за наружным порядком» насчитывали 15 пунктов, да еще девять «по надзору за народонаселением». И все они предписывали «досконально знать» о происходящем в околотке – от затеваемого в домах ремонта (только с разрешения властей) до появления незарегистрированных жильцов или женщин, тайно занимающихся сводничеством. Околоточный должен был фиксировать и вовремя обновлять в специальной памятной книжке сведения о домовладельцах, управляющих домами, дворниках, содержателях трактиров и гостиниц, фабричных, торговых и ремесленных заведений, находившихся на подведомственной ему территории.

Околоточный надзиратель. Почтовая открытка из серии «Типы России».

Некоторое представление о том, как это выглядело в реальности, дает рассказ самого околоточного надзирателя, попавший на страницы газеты «Голос Москвы»:

«Работы по горло. Работаешь и днем и ночью, и утром и вечером. И за тем наблюдай и за этим. Домовладелец снега со двора не вывозит – околоточный виноват. У другого выгребные ямы не в порядке – опять же с нас взыскивают.

Там чей-то сенбернар ни с того ни с сего вскочил в сани и укусил барышню – снова околоточному работа. Производи, стало быть, дознание: чья собака и не бешеная ли, и первый ли это случай нападения на прохожих? Здесь – понукай дворников, чтобы в гололедицу панели посыпали, да не солью, от которой, говорят, портятся калоши, а песком.

Видите ли, с утра маковой росинки во рту не было – некогда. Обойдешь свой околоток, спешишь на работу в участок. Из участка бы следовало домой забежать – никак не возможно. Разноси квартирантам вот эти повестки, – сами видите, сколько их тут у меня: целый портфель.

- Да когда же вы успеете разнести все эти повестки?
- Сам не знаю. Придется до позднего вечера разносить...
- А потом на покой?
- Нет. Сегодня у меня ночное дежурство».

Околоточный был обязан как можно чаще обходить пешком свой околоток днем и ночью, проверяя несение службы городовыми, дворниками и ночными сторожами. Мелкие нарушения порядка или же требовавшие немедленного устранения фиксировались им в протоколах. При этом ему не рекомендовалось расцветивать официальный документ речевыми оборотами вроде: «Я, такой-то, проходя по вверенному мне околотку и имея неустанное наблюдение, чтобы все обстояло благополучно... принял энергичные меры...» При малейшем подозрении на совершенное преступление околоточному надзирателю следовало немедленно приступать к дознанию.

Вызывать к себе на квартиру или в участковое правление нужных по делу лиц околоточному не разрешалось – приходилось самому бегать по разным адресам и оформлять бумаги на месте. Лишь в 1907 г. градоначальник разрешил полицейским для служебных нужд пользоваться велосипедами («...соблюдая при этом все установленные правила»). Вообще же околоточный был прикован инструкцией к своей территории, как каторжник цепью к веслу галеры: покидать ее он мог только с разрешения пристава. Каждый раз, выходя из квартиры, околоточный был обязан сообщать ближайшему городовому, куда

направляется, чтобы в случае необходимости его удалось бы легко отыскать.

Верность служебному долгу требовала от околоточного надзирателя даже известного рода аскетизма. Один из параграфов инструкции указывал, что представители этой категории полицейских «при посещении публичных гуляний и садов, не должны занимать мест за столиками среди публики, а равно проводить там время со своими знакомыми в качестве частных посетителей; им воспрещается посещать трактиры, рестораны и тому подобные заведения с целью препровождения времени, а разрешается заходить в них только лишь для исполнения обязанностей службы». Жениться околоточные надзиратели, так же как и городовые, могли только с разрешения градоначальника. Ему же приставы были обязаны докладывать «...о каждом случае нетрезвого поведения околоточных надзирателей».

Честно говоря, для нас так и осталось загадкой, кто из полицейских мог изо дня в день выполнять все требования упомянутой выше «Инструкции околоточным надзирателям». Либо он должен был быть неким «чудо-богатырем», не знающим ни сна, ни отдыха, либо... постоянно иметь упущения по службе, которые ему всеми доступными способами приходилось скрывать от начальства.

//-- Когда околоточный недоглядел за сосульками --//

Чин шел чинно по улице.

Упавшая на голову сосулька привела его в страх.

Он бросился донести о нападении на его личность из дома

№...

(кар. из журн. «Искры». 1906 г.)

Сразу признаемся, подтверждений существования в реальности идеальных околоточных надзирателей найти так и не удалось. Зато в пользу второго предположения говорят факты, всплывшие в 1910 г. во время суда над околоточным надзирателем Абиняковым, письмоводителем при полицмейстере 2-го отделения [58 - Включало в себя Хамовническую, Пресненскую, Суцесвскую части и участки (по площади, не уступавшие частям): Бутырский, Мариинский, Петровско-Разумовский.]. Чтобы не возникло путаницы, следует пояснить: подсудимый не руководил околотком, а лишь относился к низшим чинам полиции; по кругу служебных обязанностей он был «чиновником для письма» – нечто вроде секретаря. Показания

полицейских даже не требовали комментариев, поэтому газеты в отчетах о процессе просто приводили слова свидетелей:

«Вот повествует о деятельности Абинякова пристав Мариинского участка кап. Языков.

– Непосредственно к полицмейстеру Абиняков никогда не допускал даже приставов. А всем предлагал писать рапорты.

Зная о влиянии Абинякова на Юрьева, все, конечно, подчинялись своей участи, и спешили понять совсем не двусмысленные намеки Абинякова о взятках. То за учение сына нужно заплатить, то кормиться нечем, то просто без объяснения просил деньги... И давали. Языков дал в два приема 55 рублей.

Вот один за другим дают показания околоточные надзиратели. Собирали, говорят, к Пасхе и Рождеству для Абинякова рублей по 25–30. Собирали и просто временами рублей по десяти. Но Абиняков не брезговал никакими суммами: брал рубль, когда денег больше не было. Любил просить на извозчика.

– Зачем же вы давали? – недоумевает председательствующий И.В. Стрижевский.

– Да как же, он нужный был человек, – отвечают околоточные надзиратели. – Предупреждение о ревизии участка полицмейстером, всякого рода другие сообщения, перевод из разряда в разряд, а при случае – возможность избавиться от наказания, – все это было во власти Абинякова.

И тут же иллюстрируют эти заявления примерами. Провинился в чем-то околоточный надзиратель Молчанов. Вызывает его по телефону Абиняков. С таинственным видом прикрыл Абиняков дверь и дипломатично повел беседу.

– Мне поручено произвести дознание по вашему делу. Но я – ваш друг и «зла вам не желаю», и т. д.

– Я понял, – говорит Молчанов, – что все клонится к «благодарности»...

Когда полицмейстер Юрьев являлся производить ревизию участка, его неизменно сопровождал Абиняков. И вот, чтобы ревизия сошла благополучно, околоточные надзиратели тут же устраивали между собой «сбор» и вручали Абинякову».

Обвинитель, товарищ прокурора Н.Н. Чебышев, не называл полицейского-взяточника «оборотнем в погонах», но сотворенное им зло охарактеризовал особо:

«Русская взятка имеет много разновидностей; но едва ли ошибусь я, если скажу, что самым злокачественным видом ее нужно считать такую, которую берут со своего же, находящегося в зависимости, сослуживца. С кого брал Абиняков? С этих нищих околоточных! Какую дезорганизацию подобные люди вносят в правительственный механизм, вселяя в низах этого механизма уверенность, что взятка полноправна, что благодаря ей – все можно сделать».

Суд, признав Абинякова «виновным в лихоимстве», приговорил его «...к отрешению по суду от должности и 25 рублям штрафу, с заменой штрафа недельным арестом».

Конечно, деятельность Абинякова по сокрытию нарушений была довольно эффективной, но это не значит, что руководство московской полиции было полностью слепо и глухо. Обращение к такому источнику, как приказы обер-полицмейстеров и градоначальников, позволяет судить, что начальство прекрасно было осведомлено обо всех хитростях околоточных.

Взять хотя бы приказ А.А. Козлова от 10 ноября 1882 г.: «...из поступающих ко мне сведений оказывается, что чинам этим через послабление и уклонение от прямых своих обязанностей участковых приставов предоставлена такая служебная деятельность, которая вовсе не соответствует их назначению и по преимуществу принадлежит самим участковым приставам, а именно: 1) околоточные надзиратели составляют протоколы, не только в случаях, предусмотренных инструкцией, но вообще по всем делам, возникающим в участке; участковые же пристава вовсе устранили себя от составления протоколов, хотя это составляет прямую их обязанность; 2) некоторые околоточные надзиратели производят дознания по возникающим делам у себя на квартире и вызывают туда требующихся по этим делам лиц, тогда как полицейское дознание может быть произведено или на месте происшествия, или же в участковом управлении; квартира же околоточного надзирателя ни в каком случае не может представлять полицейскую камеру; 3) равным образом на квартиры околоточных надзирателей водятся лица, задержанные по разным случаям городскими, вместо того, чтобы лица эти предоставлялись в участковое управление или в полицейский дом; 4) околоточные надзиратели во время дежурства при участковом управлении самостоятельно арестовывают и посылают в полицейские дома для содержания под стражею лиц, составляя о том постановления, а также вытребывают из-под стражи и освобождают арестантов, тогда как заключение под стражу и освобождение из-под оной должно принадлежать только приставу или заступающему его место его помощнику; околоточному же надзирателю хотя и представлено инструкцией право на задержание лиц в отдельных случаях, но право это не может распространяться далее привода арестованного в участковое управление, где постоянно должны находиться налицо или сам пристав, или один из его помощников. Кроме этого, вопреки § 5 инструкции, околоточные надзиратели,

вместо личного выполнения своей обязанности по предъявлению обывателям относящихся до них требований присутственных мест, правительственных лиц и выдачи судебных повесток, посылают для этого вместо себя городских; протоколы свои околоточные надзиратели сдают в участок без всяких расписок, а также получают из участка и сдают туда обратно тоже без расписок бумаги, поручаемые им для исполнения, и, наконец, протоколы, составляемые околоточными надзирателями, отличаются крайнею неполностью в изложении, в некоторых протоколах не объясняется ни время и места составления, ни жительства обвиняемых и других прикосновенных лиц, текст же протоколов излагается с такою небрежностью, которая во многих случаях дает возможность обвиняемым легко опровергать заключающиеся в протоколе обвинения и избегать через то законной ответственности».

Манкирование околоточными обязанностью вручать обывателям повестки в 1903 г. вскрыл, не вставая из-за письменного стола, Д.Ф. Трепов:

«Мною усмотрено из поступающих в мою канцелярию переписок, что околоточные надзиратели из числа передаваемых им для исполнения бумаг, повестки о явке в управление участка и даже судебные передают ночным сторожам для выдачи по принадлежности».

Прознало начальство и о том, что некоторые околоточные надзиратели нанимали себе писарей. На этих помощников, называвших себя письмоводителями, околоточные переключивали не только составление протоколов и прочую переписку, но также часть других своих обязанностей. Естественно, обер-полицеймейстер тут же напомнил: «...предоставление постороннему лицу каких бы то ни было вместо себя служебных действий составляет уже преступление со стороны околоточных надзирателей, подлежащее законному преследованию».

Рискнем предположить, что не лень или большая загруженность делами служили основными причинами найма писарей. Скорее всего, полицейским, произведенным в околоточные из унтер-офицеров, просто не хватало грамотности. Косвенным подтверждением может служить опубликованная в 1881 г. в газете «Мирской толк» заметка о проверке служащих петербургской полиции:

«Одного околоточного К., прослужившего в Рождественской части более 25 лет, спрашивают:

– Как предотвратить разврат в околотках?

– Нужно переловить всех шлюх и выслать из Петербурга, – отвечает К.

Другого надзирателя Б., состоящего теперь за выслугу лет на старшем окладе в Московской части, просят составить протокол о сломавшихся на дороге дрожжах. Околоточный Б. пишет какими-то каракулями заголовок «пракатал» (вместо слова «протокол»). Затем, в бессвязном сочинении своем указывает, что «дрошки надуть отправить к архитектуру для освидетельствования». В числе околоточных нашлось несколько, не умевших грамотно подписать даже свою фамилию».

Если такое положение с кадрами было в столице, где околоточные существовали уже 14 лет, то что говорить о Москве?

Гораздо интереснее другое: почему никто не поинтересовался, каким образом околоточные на свое далеко не генеральское жалованье могли еще содержать личных секретарей? Выходит, получали они побочные доходы, и было это секретом полишинеля. Об одной из возможностей пополнения бюджета – путем сбора дани с нарушителей паспортного режима – ходил даже такой анекдот:

«Околоточный надзиратель, проверяя право жительства, спрашивает еврея, по какому праву он проживает в Москве.

– По билету.

– Откуда вы его получили?

– Из Министерства финансов.

– Покажите, – недоумевает надзиратель.

Еврей вынимает четвертную, подает полицейскому чину и спрашивает:

– Удовлетворяет это вас?

– Вполне! Документ правильный, ведь он подписан управляющим государственным банком».

Другой способ – получать подношения в виде денежных знаков от владельцев торговых заведений и домовладельцев. Вот только не годилось при этом действовать нахрапом, в чем убедился околоточный надзиратель С.А. Поль, оказавшись в 1910 г. на скамье подсудимых. Прослужив в полиции около трех месяцев, этот блюститель порядка стал требовать «благодарность» от содержателя трактира на Смоленском рынке Забегаева. Поскольку трактирщик отказывался дать взятку, околоточный решил проучить его с помощью закона. Однажды он, застав в трактире компанию из нескольких мужчин и женщин, радостно объявил Забегаеву:

– А, *censored*тки у тебя! В участок!..

Жертвы произвола околоточного надзирателя на суде подтвердили, что он был пьян, ругал задержанных

женщин, грозил отправить их на освидетельствование в Мясницкую больницу (обязательное действие при взятии *censored*ток на полицейский учет). Одного из задержанных Поль периодически вызывал из «холодной» и предлагал заплатить три рубля – тогда немедленно выпустит.

Денег околоточному получить не удалось, зато градоначальник «поошрил» его немедленным увольнением из полиции, а суд определил в тюрьму на четыре месяца.

Городовой: – Вы хозяин?

Дворник: – Никак нет! Я ихний дворник. Как получил вчерашнего дня приказ: двор вычистить и меня чисто одеть – на, говорит, Силантьич, влезай ты в мою шкуру и ответствуй за меня...

Далеко не все околоточные были знакомы с историей Древнего Рима, но многие из них могли подтвердить истинность утверждения императора Веспасиана: «Деньги не пахнут». Превратить служебную обязанность – надзор за санитарным состоянием домовладений – в статью дохода околоточным помогали как минимум два обстоятельства. Первое заключалось в желании домовладельцев как можно реже платить за вывоз мусора и нечистот. Порой собственникам больших доходных домов было выгоднее дать небольшую взятку полицейскому, чем тратить деньги на наем ассенизаторов. Вторым обстоятельством был субъективный характер оценки состояния мусорных ящиков и выгребных ям. Этот фактор, как типичное явление московской жизни, отметил фельетонист газеты «Современные известия»:

«Однако при всем том трудненько становится быть домовладельцем. Помимо ответственности перед судом, о нечистоплотном домовладельце будут теперь печатать в газетах. Срам, да и только. Приедешь с визитом к Марье Петровне, а она бесцеремонная и кинет при всех, при барышнях и при дамах:

– Бесстыдник ты! Продушил дом свой!

– Тетушка, да ведь околоточный пришел поздравить с праздником, а меня дома не было; вот он и написал, что не чисто.

– Срам, срам, батюшка. Да коснись до меня, я бы 25 рублей околоточному дала, лишь бы не печатали. Уж порядочный человек не допустит себя до этого: видала порядочных.

– Да, тетушка...

– Ничего, ничего! Видала порядочных, и опять скажу: видала порядочных. Срам, да и только.

Но кто же из домовладельцев заслужит такой чести? По-настоящему должны заслужить эту честь все, ибо, при существующем способе очистки, т. е. по мере накопления, нельзя найти такого момента, когда неподаренная к празднику полиция не могла бы составить протокол о нечистоте».

Известны случаи, когда околоточные из-за денег покрывали и настоящих преступников. В 1897 г. газета «Курьер» сообщала о бесславном завершении карьеры околоточного надзирателя Робашевского. За упущения по службе его уволили из санкт-петербургской полиции, но ему удалось устроиться в Москве. Здесь он помог участникам крупного ограбления, положив (за комиссионные) украденные деньги в банк и предупредив о слежке.

В 1908 г. вместе с ворами, совершавшими крупные кражи на железных дорогах, судили околоточного надзирателя Аносова. Он был уличен в том, что дважды получил деньги от одного из главарей шайки – за уничтожение протокола о незаконном хранении оружия и за промедление с арестом. Справедливости ради заметим, что, несмотря на жесткое противодействие коррумпированных полицейских, дело дошло до суда во многом благодаря стойкости и неподкупности В.М. Стефанова. До перехода в сыскную полицию он 13 лет был околоточным надзирателем, и за это время его служебный формуляр был весь исписан благодарностями.

Околоточный и «беженец».

- Здоровый парень, а каждый день шляешься в бесплатную столовую для беженцев.
- Да ведь и я беженец.
- Это откуда же?
- А прямо с Хитровки.

(кар. из журн. «Кривое зеркало». 1916 г.)

В годы Первой мировой войны роковым испытанием для околоточных стал «сухой закон». Среди не выдержавших искушения оказался некий Алексей Новиков. Он почему-то не дал хода заявлению о торговле запретной водкой в подведомственном ему околотке и был уволен со службы. А в одном из участков Рогожской части за тайное покровительство шинкарям выгнали из полиции всех околоточных.

Пополняли убыль околоточных из кандидатов на должность, учет которых вела канцелярия Полицейского резерва. Чтобы попасть в их список, городовые, желавшие шагнуть на следующую ступень служебной лестницы, сдавали специальный экзамен. Выдержавшие испытание и оплатившие гербовый сбор получали удостоверение, а его копию вместе с характеристикой от участкового пристава представляли градоначальнику. Он выносил окончательное решение.

Точно такой же порядок, установленный приказом генерала Рейнбота в 1907 г., существовал для околоточных, стремившихся занять должность помощника пристава. Вот только на практике, похоже, эта система не срабатывала. Об этом свидетельствует письмо, опубликованное в 1914 г. в журнале «Вестник полиции»:

«Ввиду предстоящей реформы полиции, я позволю себе высказать то, что для меня и моих товарищей по службе, околоточных надзирателей, имеет весьма большое значение. Мы видим, что везде есть переходная ступень по службе от более низших должностей к высшим, везде есть возможность служебного движения: смазчик – со временем машинист, конторщик – бухгалтер, приказчик – заведующий магазином и так далее. В одной из столичных полиций и может быть и не в ней одной для околоточных надзирателей нет перехода к высшим должностям, тогда как, напр., урядники имеют право, по прослужении нескольких лет, на занятие классной должности. А между тем старая русская пословица говорит: «Тот плохой солдат, кто не хочет быть офицером».

Околоточный и городской

(кар. из журн. «Будильник». 1909 г.).

Мы же видим, что никакие служебные отличия, ни ревностная служба, ни то обстоятельство, что многие из околоточных надзирателей не лишены образовательного ценза, требуемого для занятия должности помощника пристава, не дают нам этого поощрения по службе.

Прослужившие 10–15 лет околоточные надзиратели, изучившие полицейскую службу, имеющие среднее образование и отличную аттестацию, остаются без дальнейшего движения. И неудивительно, что околоточному надзирателю, отдавшему себя всецело полицейской службе, бывает больно за такое к нему отношение, когда на освободившуюся должность помощника пристава назначаются лица, не имеющие не только полицейской практики, но даже не ужившиеся в полку подпоручики, или чиновники других ведомств. Справедливо ли, что какой-либо чиновник казначейства назначается помощником пристава, а околоточный надзиратель даже лишен надежды занять эту должность? Есть начальство, которое «принципиально» не назначает околоточных надзирателей на должность помощников приставов. Справедливо ли это?

При реформе полиции следовало бы положить за правило, что при назначениях из удовлетворяющих всем условиям кандидатов прослужившие известное число лет по полиции пользовались преимуществом перед посторонними, причем прежде всего должны быть удовлетворены ходатайства тех, которые почему-либо желали бы перейти с высшей должности, потом с равной, а только после этого с низшей, но с тем, чтобы при равных условиях предпочтением пользовались бы чины своего управления перед чинами других городов и губерний».

Все проблемы околоточных надзирателей решила Февральская революция. Постановлением Временного правительства от 14 мая 1917 г. эта должность была ликвидирована.

Городовые

Яузский

полицейский дом на Садовой-Черногрязской улице

Городовой в летней форме (1884 г.)

Близятся выборы в Думу:
Граждане, к урнам спешите.

Ловите, ловите коварную пуму,
Ловите, ловите, ловите, ловите!
Где дворники ходят, как лютые тигры,
Где городовые ведут вас в участок...

А.А. Блок

На самой низшей ступени административно-полицейской лестницы находились городовые. «Между

прочим, – делился воспоминаниями писатель Н.Д. Телешов, – наименование этих полицейских «городовых» москвичи шуточно относили к нечистой силе, считая, что в лесу есть леший, в воде – водяной, в доме – домовый, а в городе – городской».

Мы не знаем, сколь часто московским обывателям приходилось встречаться с домовыми и водяными, не говоря уже о лешем, но зато доподлинно известно, что городовые постоянно были, как говорится, в самой гуще народной. В то время жизнь горожан четко регламентировалась сводом «Обязательных постановлений и правил», и следить за их точным исполнением, а также карать за нарушения должны были чины полиции. Рассматривая дореволюционные фотографии улиц и площадей Москвы, довольно часто можно заметить фигуру городского. И это вовсе не ухищрения фотографов – полицейские служители действительно являлись неотъемлемой частью городского пейзажа.

Городовой на Петровке.

Причем следует заметить, что не всякий видный собой мужчина мог облачиться в форму и заступить на пост. В основном в городовые принимали уволенных в запас солдат и унтер-офицеров – физически крепких, умеющих читать и писать по-русски. Последнее обстоятельство в то время имело большое значение, так как 60–70 % рядового состава армии были неграмотными. В 1913 г., готовя реформу полиции, МВД подтвердило это требование: городской, который не может написать протокол – явление абсурдное, – иначе как же он тогда сможет выполнять свои служебные обязанности? Среди претендентов предпочтение оказывалось женатым – они лучше относились к исполнению своих обязанностей.

Зачисленных на службу записывали в полицейский резерв, где из них готовили полноценных городовых. Чтобы во всеоружии заступить на пост, кандидаты должны были к концу обучения ответить без запинки на любой из почти восьмидесяти вопросов, связанных с полицейским делом. Часть из них не вызвала трудностей у вчерашнего солдата: например, состав российского императорского дома или «что называется постом?» ему приходилось вы зубривать в армии на «уроках словесности». Достаточно просты были вопросы об «особах первых 4-х классов» – военных и штатских генералах (их следовало приветствовать, «встав во фронт»), или что такое присутственные места?

Еще следовало твердо знать, «...что каждому городовому необходимо, чтобы оправдать свое назначение» и что ему воспрещается на посту; что делать, услышав продолжительный свисток, и в каких случаях можно бесплатно взять извозчика? Порядок зажигания фонарей и езды по улицам, ремонта домов и вывоза нечистот, «забора нищих» и перевозки мяса, правила наблюдения за порядком на улице, за газетчиками и разносчиками, за питейными заведениями и публичными домами – это и еще многое другое городской был обязан держать в голове. Его учили, как действовать на пожаре и при наводнении, «...если заметит человека, выходящего из какого-нибудь дома с узлом в ночное время», «...если в квартире кто-либо повесится», «...если на посту его появится бешеная собака и кому-нибудь причинит покусывания».

В 1900 году инструкция городовым насчитывала 96 параграфов. Она начиналась с того, что обязывала городского «...вести себя всегда прилично своему званию» и строго запрещала ему «...входить в форме без служебной надобности в питейные и трактирные заведения», а также «...принимать от обывателей какие бы то ни было подарки деньгами или вещами». Завершался руководящий документ предписанием «...не допускать постилки соломы у домов, где есть больные, без разрешения и наблюдать за смачиванием

ее».

Кроме общих обязанностей городской, заступив на пост, был обязан твердо знать или, по крайней мере, иметь под рукой занесенные «в памятную книгу»:

«1) Находящиеся под надзором его поста улицы, площади, мосты, сады, церкви, казенные, общественные и частные здания и фамилии домовладельцев.

Прощай, широкая!.. Отъезд русской

масленицы

(кар. из журн. «Развлечение». 1905 г.).

2) Место нахождения ближайших пожарных кранов и сигналов, почтовых ящиков и кружек для пожертвований.

3) Ближайшие от своего поста: больницу, аптеку, родильный приют и телефон, которым в случае надобностей могли бы воспользоваться чины полиции.

4) Адреса живущих поблизости от его поста врачей и повивальных бабок.

5) Местонахождение камер Прокурора Окр[ужного] Суда, Участкового Мирowego Судьи и Судебного Следователя.

6) Местожительство проживающих вблизи его поста высокопоставленных лиц».

Обер-полицеймейстер Козлов, придя к выводу, что нижние чины «...требуют особенной заботливости по ознакомлении их с порядком и обязанностями полицейской службы», приказал проводить с городскими, служившими в участках, постоянные занятия. Два раза в неделю, по вторникам и четвергам, помощники приставов или наиболее опытные околоточные обучали своих подопечных «по предметам их инструкции».

Городовой. Почтовая открытка из серии «Типы России».

По какой-то неведомой причине хуже всего городовые усваивали довольно простые правила пользования вагонами городских конных и электрических железных дорог (трамвая): «1) в означенные вагоны нижние чины полиции могут быть допускаемы для бесплатного проезда за раз не более двух человек на вагон и притом в двухэтажных вагонах только на империял и если имеются свободные места, а в одноэтажных вагонах только на переднюю площадку у кучера и 2) они отнюдь не должны позволять себе вскакивания или соскакивания с подножек передних площадок на ходу вагона». Нарушение городовыми этих правил в период с 1883 г. по 1907 г. было отмечено в семи приказах, и каждый раз начальство напоминало о необходимости: «...участковым приставам и смотрителям полицейских домов подробно разъяснить подведомственным им полицейским чинам установленный порядок проезда в вагонах городских дорог и внушить им, что точное исполнение правил, воспрещающих вообще кому бы то ни было вскакивать на ходу в вагоны, представляется безусловно обязательным для чинов полиции».

Приучали городовых избавляться и от такого наследия дореформенной полиции, как грубое обращение с публикой, особенно при задержании, и с лицами простого звания. Весной 1891 г., издав приказ о пресечении сквернословия на улицах и вообще в публичных местах, обер-полицмейстер Юрковский с удивлением обнаружил, что сами городовые общаются с публикой посредством нецензурной брани. Кроме строгого внушения любители сильных выражений были предупреждены, что любой из них, позволивший себе ругань при исполнении служебных обязанностей, «...будет немедленно исключен из полиции, как не соответствующий полицейскому званию по своему невежеству».

Не осталось без внимания начальства и такое явление, как рукоприкладство. В 1881 г., когда минуло чуть более полугодия жизни московской полиции по новому Положению, обер-полицмейстер Янковский строго напутствовал своих подчиненных:

«Некоторые нижние чины полиции, при выполнении своих служебных обязанностей по охранению общественного порядка, дозволяют себе прибегать к личной расправе, выражающейся разными грубыми выходками, а иногда и побоями, наносимыми лицам простого звания. Принимая во внимание, что успешность деятельности полиции, как охранительного органа, зависит прежде всего от правильного применения ею своих обязанностей и что предоставленный законом чинам ее служебный авторитет может поддерживаться только общим к ним уважением, а не такими их действиями, которые возбуждают против них раздражение, предписывается гг. участковым приставам сделать ныне же всем подчиненным им полицейским чинам внушение, чтобы они, при отправлении служебных обязанностей своих, отнюдь не дозволяли себе никаких грубых выходок, а в особенности нанесений кому бы то ни было побоев и иметь за этим неослабное наблюдение. Причем предворяется, что на будущее время за всякий подобный

поступок виновные в том нижние чины, как равно и участковые пристава за слабый надзор за ними, будут неминуемо подвергаемы строгой ответственности».

По этому поводу в брошюре «Основы полицейской службы» давалось такое наставление:

«Бить арестанта, когда он лишен возможности защищаться, издеваться и глумиться над ним, когда он и без того сильно страдает, могут только испорченные, злые люди».

В том же руководящем документе городским предлагалось проявлять гуманизм и по отношению к пьяным:

«Умеренное употребление спиртных напитков не только не включает в себе ничего безнравственного, но даже служит пользою, в особенности для простого и рабочего люда в сырую и ненастную погоду; чрезмерное же употребление их разрушительно действует на здоровье, хозяйственные дела и нравственность населения. [...]

На улицах же и дорогах пьяных охранять от опасности должна полиция, для чего она подбирает их и передает родным или знакомым, а нет их – содержит под стражей до вытрезвления».

Понятно, что в службе городских возникали ситуации, когда без применения силы обойтись было невозможно. Описывая Хитров рынок, В.А. Гиляровский упоминал о городских Рудникове («...огромный атлет, с седыми усами и кулачищами с хорошей арбуз») и Лохматкине: «Только их пудовых кулаков действительно боялась «шпана»...»

Молодого городского, кстати, не допускали к несению службы, если он плохо владел приемами японской системы самозащиты джиу-джитсу. На экзамене ему приходилось скручивать «преступников», наносивших удары кулаком, нападавших с палкой, ножом, револьвером, а также демонстрировать умение в одиночку поднимать пьяного с земли. Хороший уровень подготовки московских полицейских к рукопашному бою засвидетельствовали, в частности, их коллеги из Японии, как-то навестившие Первопрестольную. Городовые оказались настолько неучтивы, что ни одному из гостей не дали возможности торжествовать победу.

Аналогичная история произошла в 1911 г. с исландцами, мастерами борьбы «глима», которые демонстрировали свое искусство на сцене ресторана «Ярь». Публика рукоплескала, наблюдая, как старший из «глимистов» ловко отражал атаки ассистентов. Он неизменно одерживал верх, даже если нападавшие, вооружившись кинжалами, кидались на него скопом. Объявив, что владеют «непобедимыми приемами», исландцы посулили солидный денежный приз любому, кому удастся их одолеть. Видимо, не дождавшись желающих помериться с ними силой на эстраде, они сами отправились в полицейский резерв, где бросили вызов городским.

Репортер газеты «Раннее утро», описывая этот случай, не мог сдержать удивления (объяснимого привычным взглядом москвича на стражей порядка): «...неотесанные, неповоротливые (!) городские устояли против ожесточенной атаки, сопровождавшейся стремительными подножками самонадеянных сынов Соединенного Королевства» [59 - Исландия в то время входила в состав Датского королевства.].

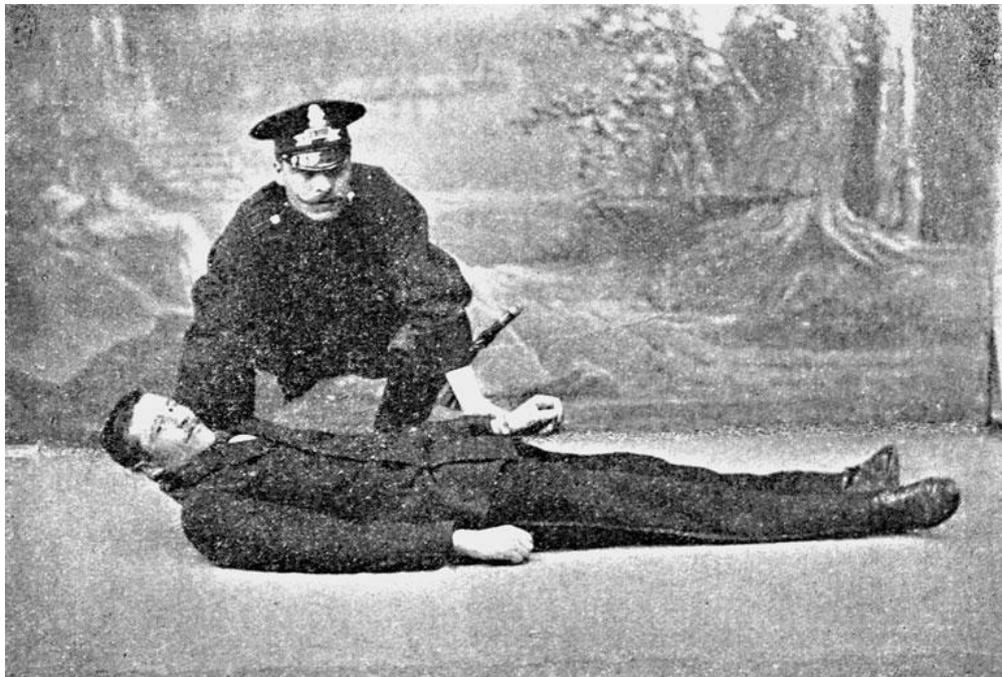
В начале XX в. штат полицейского резерва, где исландцам довелось испытать, почем фунт лиха, насчитывал 140 городских. Их назначали в наряды для поддержания порядка во время гуляний, церковных церемоний, театральных и цирковых представлений, а также на охрану городских учреждений. За службу в резерве рядовому полицейскому полагалось жалованье 150 рублей в год, а жилье предоставлялось «натурой» – в казарме.

Городовой, которого «в связи с открывшейся вакансией» переводили в состав полицейской стражи (их на Москву приходилось 1400 чел.), получал уже 240 рублей. После семи лет безупречной службы его жалованье повышалось на 30 % от годового оклада, а еще через пять – на 50 %. Жильем ему служила «общая казенная квартира» – та же казарма – в пределах участка, где он служил. Со временем наем подходящих помещений для устройства казарм превратился в неразрешимую задачу, поэтому городским стали выдавать «квартирные» деньги. Обычно их хватало на оплату квартиры только на окраинах города, что порождало новую проблему: рядовые полицейские, вопреки требованиям начальства, вынуждены были селиться вдали от места службы.

Вплоть до конца XIX в. городские проживали и в уцелевших от сноса полицейских будках. Прописывали этих «необудочников», несмотря на специфику адресов, прямо по месту жительства. Для начальства городские, обитавшие в будках, идеально соответствовали принципу: подчиненный всегда должен быть под рукой. С другой стороны, жилые будки добавляли обер-полицмейстерам головной боли, поскольку сами являли пример беспорядка. Так, в 1880 г. газета «Русский курьер» по этому поводу писала:

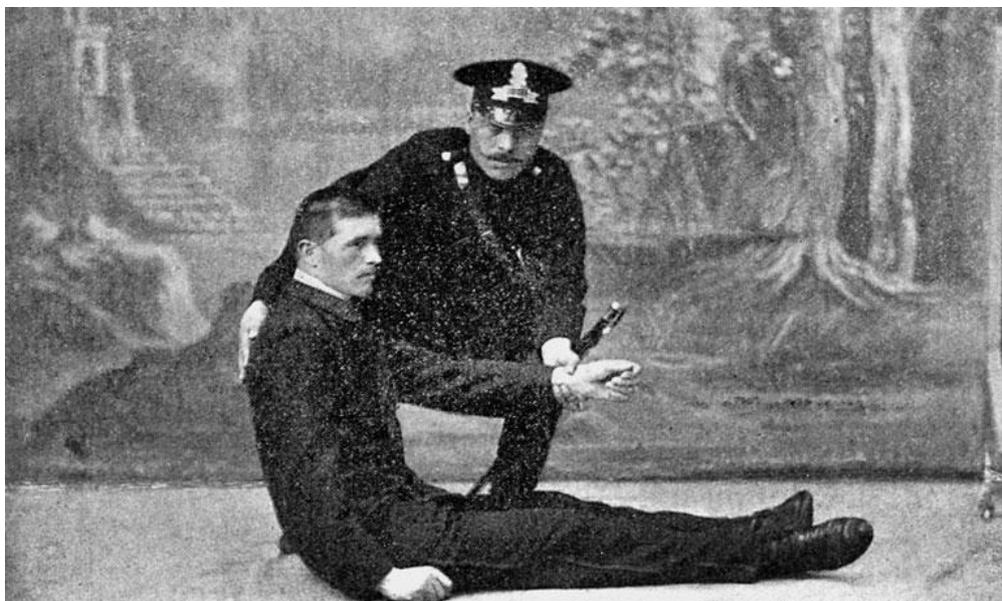
«Городские бульвары составляют одно из лучших украшений Москвы и единственное место прогулки для таких тружеников, которые по своим финансовым или служебным обстоятельствам обречены оставаться все лето в городе. В последнее время состояние городских бульваров значительно улучшилось,

но тем не менее все-таки остается одно безобразие, на которое следовало бы обратить внимание. Мы говорим о полицейских и сторожевых будках, помещающихся на всех бульварах, а на некоторых по две и по три. Не говоря уже о том, что большинство из этих будок весьма ветхи, каждая из них имеет при себе пристройку, из которой отправляются все хозяйственные нужды обитателей будки. Около каждой будки сложены дрова, рубка которых производится здесь же, на веревках развешивается белье, наконец, некоторые из будок, как, например, в Нарышкинском саде, стоят на самой дорожке. Все это, разумеется, далеко не может служить украшением мест прогулки».

человеком с улицы пьяного». 1-я фаза.

«Взятие одним

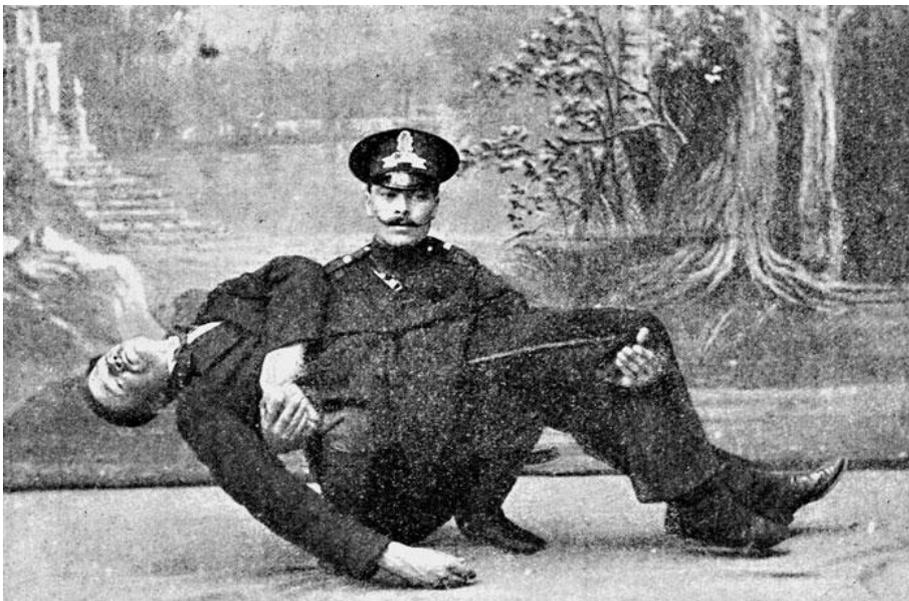
человеком с улицы пьяного». 2-я фаза.

«Взятие одним

улицы пьяного». 3-я фаза.

«Взятие одним человеком с

улицы пьяного». 4-я фаза.

«Взятие одним человеком с

«Взятие одним

человеком с улицы пьяного». 5-я фаза.

В ответ на критику в печати появилась целая череда приказов, посвященных санитарному состоянию будок и прилегавшей к ним территории. Один из них предписывал дрова для отопления будок складывать в сарайчиках, а не на открытых местах; в другом – не дозволялось «...городовым, живущим в будках на городских бульварах, выбрасывать кухонные остатки на бульвары». На строгий генеральский взгляд, нарушал «благоустройство полиции» и «неблагообразный» вид белья, развешенного для просушки возле будок. Обер-полицмейстер Козлов вообще заметил вопиющее безобразие: вокруг стоявших на бульварах будок не только постоянно скапливался мусор, но возле них некоторые прохожие позволяли себе мочиться [60 - К сожалению, нам не удалось выяснить: это была форма протеста против произвола полиции или просто случаи «недотерпения». Все-таки в то время на бульварах стояли специальные кабинки с писсуарами.]. Дискредитацией полиции попахивала и случившаяся в 1884 г. серия дерзких краж из полицейских будок.

По всей видимости, проблемы также возникали от проживания в будках сразу по несколько семейств городских. На протяжении 12 лет три обер-полицмейстера издавали схожие по сути приказы: не размещать в будках женатых городских или делать это в крайних случаях, если подселение не приводит к стеснению других жильцов. В то время еще не ведали понятия «коммунальная квартира».

Осталось отметить, что каждый начальственный разнос по поводу будок заканчивался примерно одинаково: «Предлагается гг. участковым приставам строго внушить живущим в будках городским отнюдь не допускать подобного безобразия и наблюдать со своей стороны за опрятным содержанием оных».

После расширения в 1907 г. штата нижних чинов московской полиции количество городских резерва выросло вдвое. Кроме них, в подчинение начальнику резерва поступили три отделения конно-полицейской стражи. К тому времени для использования в качестве дополнительной ударной силы еще была сформирована пешая рота городских (121 чел.). Всего городских всех категорий – приписанных к участкам, фабрично-заводских, полицейского резерва, пешей роты и сверхкомплектных – насчитывалось 3724 человека. По ходу реорганизации городские получили бляхи, пронумерованные по новой системе. Начальные номера (1-89) носили городские, служившие в Городском участке. За Тверской частью были закреплены номера с 90 по 355 и т. д. – до конечных номеров, которыми были обозначены городские резерва.

Конный городской

(кар. из жщрн. «Будильник». 1913 г.).

Приказом градоначальника Рейнбота летом 1906 г. в каждом участке была введена должность старшего городского, освобожденного от постовой службы. По аналогии с армией на него возлагали обязанности фельдфебеля: распределять городских по нарядам и для сопровождения арестованных, а также следить за

порядком в казармах.

Как столетие назад выглядел настоящий постовой, дает представление короткая зарисовка из серии «Московские типы», опубликованная в журнале «Искры»:

«Один из многочисленных перекрестков Москвы... Тут и разъезд конок, и допотопные общественные рывданы, запряженные изуродованными клячами, беспрестанно таскаются и груженные подводы, снуют в разных направлениях и кареты и «ваньки»... А на самом перекрестке, в центре, стоит городской Силантыч, гроза всех возниц, бравый отставной унтер с медалями и румынским крестом «за турку» [61 - На посту городовому полагалось стоять, надев все ордена и медали, в том числе на шинель. Отслужившие в гвардии нашивали на воротник кафтана петлицу «гвардейского образца» (белая тесьма с красной ниткой), бывшие гренадеры – «такого же образца», но из белой тесьмы. Под нижней частью плечевого жгута полагалось нашивать поперечный погон «с нашивкой отличия, которым они пользовались, состоя на действительной военной службе» – ефрейтор, унтер-офицер и т. д. Обыватели должны были видеть, что нынешний страж порядка в прошлом – заслуженный воин.]

Холодно... Но Силантычу ничего... Ему и большой мороз не очень-то страшен. Балканы переходил – так всякие виды выдывал... Тогда в одной шинелишке да в худых сапогах пришлось путешествовать, а теперь и полушубок поддет, и воротник барашковый поднят, на ногах валенки. А главное – некогда зябнуть. Силантыч теперь на посту и, значит, постоянно в движении.

Зорко смотрит Силантыч по сторонам, и никакой беспорядок не ускользнет от его «недреманного ока». Вон мужичок, приближаясь к посту, везет дрова, а воперек ему тянется обоз ломовых. Надо бы обождать, но мужичок не обращает внимания и «прет».

– Стой!.. Стой, тебе говорят! – зычно кричит на мужика городской. – Куда прешь?.. Не видишь, обождать надо?..

Мужичок очень недоволен окриком, но приостанавливает лошадь и сердито ворчит:

– Скажи на милость!.. Стой... Проехал бы, а ты стой!.. Тьфу!..

– Поговори, поговори еще у меня! Вот запишу – будешь знать тогда!

«Запишу» – самая страшная угроза для всех возниц. А Силантыч уже на «ваньку», который влез в самую сутолоку и путается:

– Ты куда, ты куда залез?!

«Запишет!» – мелькает в голове у «ваньки», и он, нахлестывая клячонку, старается удрать от постового.

Но вот все направлены как следует, порядок восстановлен, и Силантыч опять становится на одном месте, в центре перекрестка, зорко поглядывая по сторонам за движением... Прямо на постового двигаются сани с сидящей в них барыней...

– Куда же ты? – трогая по спине извозчика каким-то свертком, взволнованно говорит барыня. – Налево, мне налево надо!..

– Без тебя знаю, что налево! – зло огрызается извозчик-зимовик.

– Так что же ты не повертываешь?..

– А это что? – показывает возница на постового. – Не видишь, статуя-то стоит?.. Он те повернет! Его, ровно тунбу, объезжать надоть!..»

Согласно Инструкции, постовой должен был следить за тем, чтобы подводы «...держались правой стороны и объезжали городских». Что же касается грозного слова «запишу», то, говоря современным языком, оно означало составление протокола о нарушении правил дорожного движения. Каждый извозчик, перед тем как разъезжать по улицам Москвы, должен был представить для осмотра полицией свое транспортное средство. Если техническое состояние экипажа или телеги, упряжи и униформа извозчика не вызвали нареканий, возница получал жетон с номером. Протокол с указанием этого номера поступал к обер-полицмейстеру, и он своей властью наказывал нарушителя денежным штрафом или отсидкой в «кутузке». С 1896 г. от городских стали требовать, чтобы они в первую очередь активно регулировали движение, а уже потом «записывали». Автором нововведения был генерал Д.Ф. Трепов:

«При объездах в разных частях города я обратил внимание, что постовые городские, за небольшими исключениями, относятся совершенно безучастно к упорядочению экипажного и ломового движения по улицам, ограничиваясь, по-видимому, одним лишь записыванием №№ извозчиков или фамилий кучеров, замеченных ими в нарушении обязательных постановлений о порядке езды по городу. Объясняя подобное отношение постовых городских недостаточным подниманием лежащих на них обязанностей, предлагается участковым приставам разъяснить подведомственным им чинам полиции, что они обязаны не только преследовать нарушителей обязательных постановлений о порядке езды по городу, но и не допускать отступлений от требований, установленных указанными обязательными постановлениями, поэтому чины полиции должны принимать прежде всего зависящие меры к упорядочению экипажного и ломового

движения по улицам, а затем уже записывать номера извозчиков и фамилии кучеров, которые будут замечены в нарушении обязательных постановлений или же откажутся исполнить основанное на этих обязательных постановлениях требование полиции».

Вскоре обер-полицмейстер вменил постовым еще одну обязанность: помогать при переходе с одной стороны улицы на другую старикам, женщинам и детям. Городовым для содействия нуждавшимся в пересечении проезжей части даже разрешалось сходить с постов.

Кроме регулирования уличного движения, постовому приходилось выполнять обязанности справочного бюро. Нумерация домов по порядку и соответствующие ей указатели были введены в 1907 г., а до этого ориентиром служили фамилии домовладельцев. Чтобы найти нужный дом, приходилось расспрашивать почтальонов, дворников и городовых – в частности, того же Силантьича:

«А к «статуи» беспрестанно подходит разношерстная публика со всевозможными расспросами: «Где дом купца Ахова?», «Куда пройти в Кривой тупик?» – и т. п.

Вот, например, подошла деревенская баба, с котомкой и мешком за плечами.

– А скажи ты мне, служива-ай! – слезливо просит баба. – И где, тутотка, найтить мне Авдотью Сипуновскую?.. Тебя, вишь, велели поспрошать?..

– Какую Авдотью Сипуновскую?..

– Нашу... дерявенску...

– Да кто она?..

– Дуняша-то?.. Плюменница она мне, плюменница, родимый! Отец-то ейный братом мне родным доводится. Только я, стало быть, в Вертуновку отдана была, а брат-то в Сипуновке... Недалеча-а! Вот приехала я по чугунке, да цельный день не емши путаюсь у вас тут! Кого не спрошаю, никто не сказывает, игде Дуняша прожива-аить! – чуть не плачет баба.

Зло и досада разбирают Силантьича на бабу, а помочь все-таки надо.

– Ах, глупая! Ведь здесь не в Сипуновке! Здесь, чай, сто-ли-ца! Нешто без адреса найдешь свою Авдотью? Где живет, надо знать, – понимаешь?

– В работницах она, родимый, живет...

– Тьфу!.. Да у кого, у кого?..

– А у кого – эт-та в письме, в ейном у меня прописано...

– Так что же ты молчишь-то? Давай письмо!..

И Силантьич, прочитав адрес, терпеливо и подробно растолковывает бабе, куда идти и кого дальше спрашивать...

Глядь! – опять на перекрестке кутерьма, и он спешит водворять порядок! Да, нелегко постовому в течение нескольких часов продежурить на бойком перекрестке...»

//-- Правильно! --//

– Куда идешь?

– Не знаю...

– Как не знаешь? Эфто дело не чисто – пожалте в участок!..

– Ты куда шел?

– Не знаю...

– Как не знаешь?

– Да ведь не мог же я знать, что попаду в участок?

Конечно, такая благодатная картина наблюдалась далеко не всегда. Многие москвичи были убеждены, что хаотичность уличного движения происходила из-за наплевательского отношения городских к исполнению своих прямых обязанностей. Вместо того чтобы неустанно поддерживать порядок, молодые полицейские проводили время в болтовне с кухарками или горничными. Даже градоначальник фон Медем отметил в одном из приказов: «...при объездах города продолжаю замечать не только праздные разговоры постовых городских преимущественно с бабами и земляками, но видел курящих и грызущих подсолнухи (у Смоленского рынка 14 августа)». Правда, если начальство видело такое пренебрежение требованиями инструкции, служивые отправлялись под арест.

Как ни странно, но нарушителей дисциплины в чем-то можно было понять – служба у городских была далеко не сахар. На посту им приходилось стоять в три смены по шесть часов. Если требовалось отлучиться, постовой должен был вызвать двух дворников: одного оставить вместо себя, а другого послать в участок с объяснением причины оставления поста. Впрочем, судя по воспоминаниям К.С. Петрова-Водкина, кое-кто из опытных служак умел подгадать момент, чтобы, скажем, забежать в чайную и согреться стаканчиком живительного напитка:

«Входит городской – по чайной шелест пронесется, будто крысы полом разбросаются по норам. Городской смотрит перед собой, делает вид, что не заметил переполюха: сейчас не за этим пришел страж города. Он чинно выковыряет сосульки из усов, потом с приветствием – к буфету:

– Ивану Лаврентьевичу почтение!

– Любить да жаловать, Василь Герасимыч! – и, как из рукава содержателя, выпадается и ставится на прилавок стакан неиспитого чая, и ломтики колбасы будто сами выпрыгнут и улягутся на тарелку.

– Петька... – фыркнет хозяин, как заклинание, в воздух. Кто-то шмыгнет в дыру буфетной, за ним и городской понятиливо удалится в дыру... Выходит оттуда через минуту, отирает пальцами усы и начинает пить чай.

– Ну, как? – уже тихо и начальственно спросит городской.

– В самом, как ни на есть, порядке!.. А что, сами собираются?

– С помощником в карты жарются в околотке...

– Прикажете еще?

– Благодарим... надо пойти – не ровен час.

С захлопом блочной двери взрывается чайная по углам и гудит снова, досказывает были и небылицы московского муравейника».

Городовой Дементьев, простоявший 25 лет на одном посту – на Лабазной улице (возле Болотной площади).

Конечно, не пост красит полицейского, но, как свидетельствовали некоторые бытописатели, существовала некая связь между личными качествами городского и местом расположения его поста. «Городовой, – описывал Ф. Тищенко некую противоположность бравому Силантьичу, – не из тех бойких и всевидящих стражей порядка, которые «глазами едят» прохожих, стоя на Тверской и на других шумных улицах, а вялый, с ленивой, разлапистой походкой, какие занимают скромные посты по двадцать лет подряд на одном месте в глухих улицах, в тупых, косых, кривых и криво-косо-коленных переулках матушки Москвы».

Длительное пребывание городских на одном и том же посту объяснимо не только соображениями эстетического свойства. Конечно, постовой с гвардейской выправкой радовал начальственный глаз, поэтому неудивительно, что его ставили на самом виду, а менее представительных коллег задвигали на второй план. Тем не менее главным для руководства московской полиции была служебная необходимость. Обер-полицмейстер А.А. Козлов так и растолковал в своем приказе:

«Замечено мною, что некоторыми участковыми приставами переводятся городовые с одного поста на другой без достаточных к тому причин. Принимая в соображение, что нахождение городского в течение более или менее продолжительного времени на одном посту дает ему возможность ближе присмотреться к местным жителям и ознакомиться с местными условиями и особенностями, а также узнать и таких лиц, живущих в районе поста, или появляющихся там, которых по образу их жизни, занятиям и сношениям нелишнее иметь при розысках по уголовным преступлениям, я нахожу, что все это, имея существенное значение в полицейском отношении, указывает на необходимость соображать с местными потребностями, способности и качества городского, при назначении его на пост и затем избегать по возможности смещения его с назначенного поста без особых уважительных к тому причин; а потому предлагается гг. участковым приставам при назначении вновь поступающих городских на посты обращать должное внимание на то, соответствуют ли они по своим способностям и качествам всем местным условиям этих постов; в случае же надобности в переводе их с одного поста на другой, представлять мне о том с подробным объяснением всех причин, служащих поводом к перемещению».

Правильность такого подхода подтверждает, в частности, пример городских Рудникова и Лохматкина, державших, по свидетельству В.А. Гиляровского, в подчинении всю Хитровку:

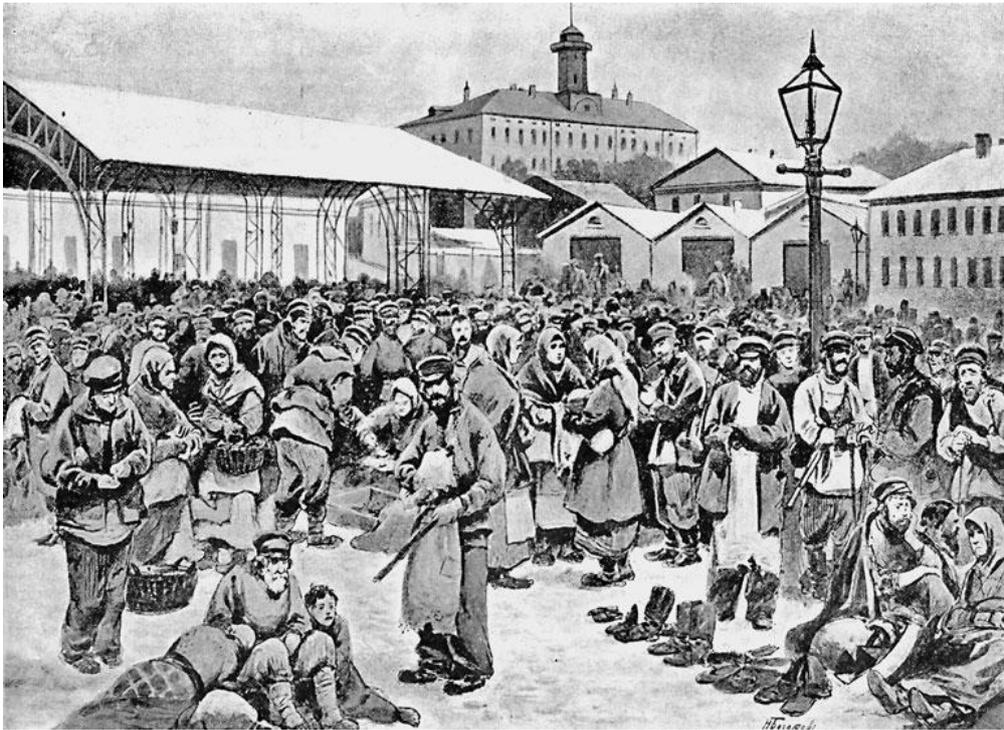
«Тот и другой знали в лицо всех преступников, приглядевшись к ним за четверть века своей несменяемой службы. [...]

А когда следователь по особо важным делам В.Ф. Кейзер спросил Рудникова:

– Правда ли, что ты знаешь в лицо всех беглых преступников на Хитровке и не арестуешь их?

– Вот потому двадцать годов и стою там на посту, а то и дня не прстоишь, пришьют! Конечно, всех

знаю».

Безработные на

Хитровом рынке.

Городовой, сменившийся с поста, от службы не освобождался. Следующие шесть часов он числился «подчаском». В этом качестве его могли определить на дежурство при участке или послать в наряд, ему могли приказывать конвоировать арестантов или даже снова заступить на пост, чтобы подменить заболевшего товарища. В лучшем случае городовой, не получивший никакого назначения, был обязан безотлучно находиться дома – вдруг он экстренно понадобится. Например, при пожаре все городовые части спешили на место происшествия для организации оцепления и охраны имущества погорельцев.

Постовая служба была связана не только с угрозой начальственного гнева и перспективой знакомства с гауптвахтой. Как темной ночью, так и среди белого дня городовые могли получить ранение, а то и расстаться с жизнью. Особенно много полицейских погибло во время Первой русской революции. Руководители вооруженного восстания в декабре 1905 года прямо призывали «боевиков» – «Убивайте городовых!» Кроме того, постовые гибли, когда пытались предотвратить разбойные нападения, целью которых был захват денег для пополнения партийной кассы, или, как их называли революционеры, «экспроприации» [62 - По свидетельству генерала Рейнбота, в течение 1906 г. произошло 110 экспроприаций и 34 вооруженных нападения на постовых, а в 1907 г. соответственно – 98 и 10.]. Это слово тогда настолько вошло в обиход, что им стали называть любой вооруженный налет, даже если грабители были не идейными борцами, а обычными уголовниками. Тем более что те и другие начинали стрелять, не задумываясь.

Так, 5 марта 1911 г. в Сокольниках трое «экспроприаторов», отобрав у артельщика макаронной и кондитерской фабрики Динг 6500 рублей, скрылись на автомобиле. Они стремились как можно быстрее оказаться за пределами Москвы, для чего поехали через село Богородское. Вот здесь-то на их пути оказался городовой Иоасаф Дурнин.

В тот день мост через Язуз был закрыт на ремонт, поэтому поставили полицейского – предупреждать о невозможности проезда. Как ни доказывал шофер, что очень торопится, городовой оставался непреклонным и машину не пропускал. Наконец у преступников, опасавшихся скорого появления погони, сдали нервы. Они открыли стрельбу по городовому, а затем выскочили из автомобиля и бросились бежать в разные стороны. Чтобы очевидцы происшедшего не вздумали ринуться следом за ними, грабители швырнули в толпу несколько горстей золотых монет.

Поимка

«экспроприатора»
(кар. из журн. «Искры». 1906 г.).

Доставленный в больницу городской Дурнин скончался от ран. Он так и не узнал, что одного из убийц буквально через полчаса задержал его товарищ – городской Мерзляков. Стоя на посту у Преображенской заставы, он заметил, как к трамвайной станции подъехал на извозчике молодой человек, расплатился целым рублем и поспешил к трамваю. «Что-то здесь нечисто, – подумал Мерзляков. – Рубль метнул, словно барин, даже про сдачу не вспомнил. «Ванька», вон, рот раззявил от удивления. А сам к трамваю кинулся, как будто хочет побыстрее в толпе затеряться».

Описания преступников у городского не было, но об ограблении возле фабрики Динг ему уже сообщили. Повинуясь интуиции, он подбежал к подозрительному молодому человеку, обхватил его руками и не давал пошевелиться, пока на помощь не подоспели дворники. Последующий обыск принес обильные плоды: у приказчика магазина Чичкина Алексея Куренкова обнаружили маузер и тысячу рублей из денежного мешка артельщика макаронной фабрики.

Печальная необходимость

(кар. из журн. «Будильник». 1907 г.).

Бывало, что стражи порядка гибли от рук людей, которых никоим образом нельзя было отнести к преступному миру. Весной 1907 г. студенты университета (анархисты-коммунисты и анархисты-индивидуалисты) захотели, по их словам, «...узнать, какое впечатление произведет на городских террор». И тут же, по сообщению газеты «Голос Москвы», приступили к практике:

«Четыре студента посидели, поговорили, выкурили по папироске, быть может, даже спели «Вы жертвою пали...» и... пошли на охоту.

Обезоружили одного городского, убили другого».

Погиб городской Лавр Горелин. Без отца остались трое его детей. Однако не судьба сирот взволновала молодых борцов за народное счастье, а участь взятых с поличным убийц – их товарищей. От студенческого революционного штаба была послана срочная телеграмма депутату Государственной Думы Фокееву:

«Арестованы студенты Чеботаревский и Новицкий. Грозит военно-полевой суд. Постарайтесь предупредить казнь».

Ничего не попишешь, таковы были нравы революционного времени.

А вот в случае с корнетом Марченко и подпоручиком князем Вачнадзе политических мотивов не было вовсе – одна только дворянская спесь. Глубокой ночью 8 августа 1910 г. эти молодые офицеры, только что выпущенные из училищ (один – в Белгородский уланский полк, другой – в 9-й Восточно-сибирский полк), возвращались на лихачах из ресторана. Самое главное событие в жизни каждого военного – первые офицерские погоны – было отмечено обильным возлиянием. Не в силах сдержать переполнявшую их радость, юноши оглашали спящие улицы громким пением. Однако на углу Владимир-Долгоруковской улицы и Чухлинского переулка оно было прервано окриком городского, велевшего прекратить безобразие.

– Не знаешь, с кем говоришь, невежа?! – моментально взбеленились «певцы», когда сквозь алкогольный туман до них дошло, что их, настоящих офицеров, поучает какой-то там полицейский, да к тому же нижний чин.

– Виноват, ваше благородие! – отдал честь городской, наконец-то разглядев белые военные мундиры. – А только будьте добры, не нарушать тишину – не полагается по закону!

Городовой 1-го разряда Василий Кулешов из своих прожитых сорока семи лет двадцать отстоял на посту, поэтому знал назубок: «На обязанность полиции возлагается смотреть, чтобы по улицам и переулкам пьяных не было, и чтобы те, которые по улицам и переулкам кричат и песни поют, ночью в неуказанные часы ходят и в пьяном виде шатаются, были забираемы и отсылаемы под стражу». Каких бы благородных кровей ни был ночной гуляка, а нарушать «общественную тишину» никому не позволено. На то она ночь, чтобы люди отдыхали без помех. Тем более по летнему времени окна у всех открыты, поэтому любой шум может нарушить покой обывателей.

Однако вежливость постового привела к обратному результату. Офицеры, почувствовав себя окончательно оскорбленными, соскочили с пролеток и накинулись на городского с кулаками. Позже, на суде, свидетели утверждали, что от зуботычин Кулешов неоднократно падал на землю, но каждый раз поднимался и, прикладывая руку к козырьку фуражки, неизменно повторял: «Драться не полагается».

В описании самой трагедии свидетели разошлись кардинально. Привлеченные свистками Кулешова, дворники, ночные сторожа, городские с других постов утверждали, что, окончательно войдя в раж, офицеры выхватили сабли, и корнет Марченко рубанул городскому по правому бедру. Кулешов упал, истекая кровью. Ему пытались оказать медицинскую помощь, но по дороге в больницу он скончался [63 - Городовой Кулешов похоронили на Ваганьковском кладбище.]

Офицеры, напротив, доказывали, что собравшаяся толпа вела себя очень враждебно: бросала камни и палки, затем стала их избивать, сорвала погоны, вытащила из карманов кошельки, а один из городских даже ударил корнета Марченко (это, впрочем, не подтвердилось – наоборот, полицейские защищали офицеров от самосуда). Сабли им пришлось обнажить исключительно в целях самозащиты, а роковой удар был нанесен случайно. Более того, защита высказала предположение, что городской, получивший в суматохе толчок в спину, сам налетел на острие.

Военный суд признал обоих офицеров виновными в буйстве. Корнету Марченко при «увеличивающих вину обстоятельствах» определили четыре месяца ареста с последующими ограничениями прав по службе. Подпоручика князя Вачнадзе приговорили к двум месяцам пребывания на гауптвахте. Гражданский иск вдовы о выплате содержания на пятерых детей, оставшихся сиротами, был отклонен.

Следует отметить, что отношение к полицейским, погибшим при исполнении долга, как правило, было самым уважительным. Московская городская Дума назначала их семьям пособия, которые выплачивались детям до достижения ими совершеннолетия.

Городовые-ветераны

после вручения наград за безупречную службу (1914 г.).

Среди льгот частного порядка заслуживает упоминания стипендия, установленная бывшим обер-полицеймейстером Д.Ф. Треповым. На выделенные им средства несколько детей городских проходили курс обучения в Московском промышленном училище. А по ходатайству градоначальника Рейнбота Управа освободила жен городских и пожарных служителей от платы (10 руб.) за врачебную помощь и пребывание в городских родильных приютах.

Почетом и уважением пользовались городовые-старослужащие. Градоначальник лично приезжал в участки, чтобы поблагодарить их за верную службу в полиции. Московские газеты и журналы помещали на своих страницах портреты ветеранов. Одним из них был городской Тверской части Я.Ф. Прокудин. В апреле 1914 г. отметили 35-летие его непрерывной службы в Московской городской полиции, причем последние 24 года он прослужил в одном и том же участке. Перед общим строем свободных от службы городских Прокудина поздравил и назначил 250 руб. наградных генерал Адрианов. В своей речи, как сообщил «Вестник полиции», градоначальник отметил, что «...полицейская служба – самая почетная, ибо назначение ее охранять жизнь, здоровье и имущество обывателей и быть блюстителями законности и порядка. В службе городского особенно проявляется любовь к ближнему, ибо, охраняя его блага, городской бодрствует в темную непроглядную ночь и стоит на посту, подвергаясь всем стихийным явлениям». Пристав подполковник Строев вручил юбиляру золотые часы с цепочкой, на крышке которых была сделана соответствующая надпись.

Медаль «За беспорочную службу в полиции» (1876 г.)

Что касается государственных наград, то в 1876 г. указом Александра II была учреждена серебряная медаль «За беспорочную службу в полиции», которую вручали рядовым служителям полицейских и пожарных команд. Право на ее ношение (на груди на ленте ордена Св. Анны) получали нижние чины и унтер-офицеры, отслужившие в полиции без взысканий пять лет. Если полицейские, награжденные медалью, одолевали еще один пятилетний рубеж, то получали право носить медаль и после увольнения со службы. Если нет – правила предписывали вернуть медаль начальству. Отметив, что несоблюдение этого положения было довольно распространено, корреспондент «Вестника полиции» писал:

«Разумеется, обязанность в доставлении по начальству подобных медалей лежит прежде всего на самих нижних чинах полиции, но они не знают вовсе этих правил, или не могут помириться с мыслью, что Монаршая милость дарована им на короткий срок».

С 1910 г. городовых, проявивших отвагу в схватках с бандитами, стали отмечать боевой наградой. Департамент полиции известил циркуляром, что «...за подвиги храбрости, оказанные при борьбе с вооруженными нарушителями общественного порядка, когда характер оказанного подвига свидетельствует о беззаветном мужестве отличившихся лиц», император разрешил награждать рядовых полицейских медалями «За храбрость» на Георгиевской ленте. Прежде этой награды удостоивались только отличившиеся на поле боя солдаты, унтер-офицеры и «кавказские туземцы».

Городовые, желавшие продвижения по службе и отвечавшие требованиям начальства – «служившие в военной или гражданской службе, не моложе 21 и не старше 40 лет; хорошо грамотные, развитые и видной наружности» – могли стать околоточными надзирателями. По мере открытия вакансий их зачисляли в резерв так называемыми «сверхштатными», с жалованьем 20 рублей в месяц, но «на всем своем содержании». После обучения в специальной полицейской школе и сдачи экзамена происходил перевод в штат либо того же полицейского резерва, либо в участки.

//-- * * * --//

Городовые исчезли с московских улиц, сметенные вихрем Февральской революции. В отличие от коллег из Санкт-Петербурга они не сделали ни единого выстрела по восставшему народу. Вслед за своими командирами, в одночасье ринувшимися бежать с тонущего корабля, городовые сбрасывали форму и надевали штатское, чтобы затеряться в городе. Репортер газеты «Раннее утро» утверждал, что видел городовых, облаченных в... женские платья. Они, мол, спасаясь от народного гнева, заскочили в Сандуновские бани и там с помощью знакомых служительниц попытались «сменить пол». Тем не менее

усатые «дамы» были арестованы, а один из конвоиров заявил, что узнал бы полицейского в любом костюме – «по сытой роже».

По воспоминаниям участников тех событий, восставшие почему-то более всего опасались городских, замаскировавшихся под обывателей. Среди горожан упорно ходили слухи, что именно переодетые городские призывают к погромам магазинов и прочим контрреволюционным выступлениям. На бывших полицейских была открыта самая настоящая охота, и, как выяснилось, спрятаться им было негде.

Однако не все рядовые служащие полиции бросились, словно тараканы, забиваться в щели. Нашлись и те, кто просто сдавался на милость победителей. Одну сцену такой капитуляции описал журналист «Утра России»:

«Близ кофейни Филиппова появляется группа конных городских. Городские едут шагом. Из публики, расступившейся перед городскими, выделяются несколько студентов, которые молча направляются к городским. На лицах городских выражение растерянности. Ехавший впереди городской как-то неуклюже обеими руками снимает серую папаху. Остальные городские, остановив лошадей, снимают шапки. Толпа сдавливает всадников со всех сторон.

– Сдавай оружие, слезай с лошадей.

Городские как бы застыли в оцепенении.

– Тащи их с лошадей, отбирай шашки! – раздаются крики.

Городские снимают шнуры, отдают револьверы. Один из них грузно, цепляясь шпорами, сваливается с седла. Толпа стискивает остальных городских. Их обезоруживают, отнимают лошадей. Подоспевший к этому времени отряд конных артиллеристов берет лошадей в поводья и уводит с собой.

Сопровождаемые насмешками толпы городские с бледными растерянными лицами молча идут к дому градоначальничества. Один из них потерял шапку и идет с непокрытой головой».

В первые же дни марта 1917 г. практически все городские оказались за решеткой, а их дальнейшей судьбой распорядилась новая власть. Большинство было отправлено в действующую армию, а негодных к строевой службе просто уволили с предписанием покинуть Москву.

А спустя полгода на страницах журнала «Будильник» появился стихотворный «обывательский вздох» по навсегда ушедшим в небытие стражам уличного порядка:

...И вот опять с невольной лестью
И тихой грустью вспомяну,
Как нас они «просили честью»,
Восстановляя тишину.
Когда народ в смятенье диком,
Крича, стремился на пожар,
Являлся он с ревучим рыком:
– Эй, осади на «плитуар»!!!
А за какой-нибудь полтинник
(Сумей, милиция, учесть)
Умел сиять, как именник,
Премилу отдавая честь.
Воры – увы! – плодятся шибки —
И слышал я, как в час ночной
Сам милицейский по ошибке
Взывал: Спаси, городской!!!
И вот с мечтою затаенной,
Всей обывательской душой,
Душой... контрреволюционной
Зову тебя, Городовой.

ДПС

Таганский

полицейский дом на Новоспасской площади

Городской страж в Москве XVII в.

И ванька, тумбу огибая,
Напер на барыню – орет
Уже по этому случаю
Бегущий подсобить народ
(Городовой – свистки дает)...

А.А. Блок

История регулирования уличного движения и наказаний за нарушение ПДД уходит корнями в глубокую древность. Так, в конце XVII в. «объезжие головы», следившие за поддержанием правопорядка на улицах Москвы, сурово карали за неосторожную езду. Среди архивных документов сохранилась челобитная князя Одоевского, где описано, как его «...рабочего человеченка Ваську Хомутовского» схватили за то, что ехал он «не смирно». Доставленный на съезжий двор нарушитель предстал пред грозные очи объезжего Никитской улицы Павла Готовцева. Последний, по словам челобитчика, «...бил по щекам и сбил с ног, бил пиньками и топтуньками, и бил батоги без всякого милосердия, и руки назад заверня вязал и ломал, и спрашивал у Васьки денег». После этого задержанный был брошен в подпол и вышел оттуда спустя «многое время», лишившись денег, новой упряжи и прочих вещей.

Во время следствия по этому делу Павел Готовцев показал, что Васька «...учал по той улице скакать во всю пору», был задержан караульщиками и бит батогами по царскому указу, запрещающему быструю езду, а про все остальное нарушитель «поклепал и обесчестил напрасно».

Отказ от дедовских обычаев и традиций, насаждавшийся Петром Великим, поначалу не коснулся привычки к быстрой езде, поскольку сей страсти предавался в первую очередь сам царь-реформатор. Его карета, по свидетельствам современников, зачастую неслась по улицам Первопрестольной, сметая все на своем пути. Однако если венценосца можно понять – как-никак ему требовалось одновременно поспеть во множество мест, то для большинства его подданных передвижение во весь опор по-прежнему было либо развлечением, либо средством самовыражения. Но, как говорили древние: «Что позволено Юпитеру, не позволено быку». Для пресечения баловства при уличном движении указы, запрещающие «неосторожную езду», издал сам Петр, а затем еще целую череду аналогичных – его преемники.

В их число входила и императрица Анна Иоанновна. Видимо, после тихой и чинной Курляндии московский «трафик» произвел на нее слишком сильное впечатление. «Хотя прежде сего на Москве публиковано, – гласил ее указ, – дабы всяких чинов люди как дневным, так и ночным временем ездил как в санях, так и верхами смирно и никого лошаадьми не давили и не топтали, однако ныне ее величеству известно стало, что многие люди ездят в санях резво и верховые их люди пред ними необыкновенно скачут и, на других наезжая, бьют плетьюми и лошаадьми топчут». Для наведения порядка велено было рассылать разезды из драгун и солдат, чтобы они ловили таких резвых людей. При этом не надо забывать, что служивых политесу не обучали и действовали они «при задержании» как умели. Недаром же нарицательным прозвищем солдат московского гарнизона – «архаровцы» – со временем стали именовать всех буянов и головорезов.

В начале XIX в., при императоре Александре Благословенном, любителей лихой езды также поджидало суровое наказание. «По обычаям того времени, – отмечал современник, – отбирали в пользу пожарного обоза лошадей от владельцев, замеченных в неосторожной езде». В данном случае логика начальства была очень проста: мчишься как на пожар – изволь отдать своих рысаков для пополнения пожарного выезда. Налицо двойная польза – и лихач наказан, и казне прибыль.

Впрочем, бывало, что нарушители правил движения отделывались легким испугом, как это случилось зимой 1811 г. с московским студентом Жихаревым. «Поспешая сегодня на обед к Лобковым во всю прыть моих каурок, – записал он в своем дневнике по горячим следам, – я наехал на какую-то женщину и совершенно смял ее, так что она очутилась под санями. Вопли и крики! Ехавший мне навстречу частный пристав соскочил с саней, остановил лошадей моих и высвободил беднягу, которая продолжала кричать без памяти. Он спросил меня, кто я таков, и объявил, что хотя по принятым правилам должен был бы отправиться со мною в полицию, но что он не хотел бы мне сделать эту неприятность и поэтому предлагает дать женщине сколько-нибудь денег на лекарство и тем предупредить ее формальную жалобу. Я бы рад был дать все, что угодно, но со мною не было денег, и когда я объявил о том приставу, то он заплатил женщине 5 рублей своих, с тем чтобы я после возвратил их ему, а впредь старался ездить осторожнее. (...) Вот какие люди служат в здешней полиции!»

Едет на обед к Дюссо

(кар. из журн. «Развлечение». 1864 г.).

Во времена так называемой николаевской реакции, когда, по свидетельству современника, в Москве «...никто не дерзал курить на улицах, чиновники не смели отпустить бороду и усы, а студенты не решались, хотя оно было очень заманчиво, носить длинные волосы», казалось, что порядок на улицах поддерживается сам собой. Однако следует помнить, что «держиморды» всяких рангов постоянно были готовы посредством розог «вложить ума через задние ворота». Думается, что после обстоятельной «беседы» о правилах дорожного движения нарушитель (естественно, «подлого» звания) если и мог сесть на козлы, то ехать предпочитал шагом, оберегая седалище от лишних толчков.

Зато в период «перестройки» и «гласности», связанных с отменой крепостного права, мостовые Первопрестольной становились ареной форменных безобразий. Длинные вереницы ломовиков (перевозчиков грузов), вместо того чтобы согласно правилам двигаться шагом, мчались рысью, надолго перекрывая гуляющей публике возможность перехода улицы. Глядя на них, и золотари устраивали гонки, расплескивая на ухабах зловонное содержимое своих бочек. Не говоря уже об извозчиках, которые катили вдоль улиц, как бог на душу положит. Журнал «Развлечение» в 1862 г. дал такое описание уличного движения:

«По Москве страшно не только ночью или вечером, но и днем ходить. Каждый извозчик, не говоря уже о брадатых кучерах в собольих шапках, смотрит на пешехода как на что-то такое мизерное, что можно без всякого опасения раздавить. Вы идете по тротуару, оканчиваете его и пускаетесь через улицу к другому тротуару, но едет «ванька» и кричит вам победительно: «Пади!» [64 - Искаженное «пойди», «уйди».] и вы должны действительно хоть пасть перед ним, но дать ему дорогу, иначе он, нисколько не стесняясь, наедет на вас. Вы бежите во всю прыть и даете ему проехать, но вдруг приходит вам мысль: «Почему же вы обязаны бросаться сломя голову, чтобы не задержать его две-три секунды, – и отчего, напротив, он не придержит своего борзого коня тоже не более как на секунду, чтобы дать вам свободно и без страха пройти». А какова подобная сцена, которой на днях мы были очевидцами: при переходе с Кузнецкого Моста к Газетному переулку, как раз против кондитерской Люке, шла дама с двумя малютками, девочкой лет семи и мальчиком лет пяти.

Дама вела мальчика за руку, девочка шла впереди. При переходе через улицу наскочил извозчик с криком «Пади!», девочка успела перебежать впереди саней, – мать с другим ребенком должна была остановиться и отступить назад, чтобы не попасть под лошадь. За проехавшим извозчиком появился другой, третий и так далее, – дама должна была возвратиться с мальчиком на тротуар Кузнецкого Моста, – а девочка, не видя за собой матери и растерявшись на широком переходе от едущих вперед и назад экипажей, остановилась и с испуга начала громко плакать. Даме нельзя было оставить малютку одного из опасения, чтоб он не пошел за ней и чтоб его не задавили, – страшно было пуститься вместе с ним под скачущие экипажи, – а между тем и другой ребенок ее оставался на середине улицы, как раз между несущимися каретами и санями».

Уличное движение

зимой.

В описание благополучного завершения истории автор добавил характерный штрих:

«Только сторонняя помощь помогла бедной женщине, – помощь, оказанная, впрочем, не жителями и не полицией...»

А поэт-сатирик В.П. Буренин под именем поручика Алексиса Республиканцева обнаружил кредо нарушителей правил дорожного движения:

Прокативши вдоль Кузнецкого,
Мы, рискуя с ног сшибить
Всех, кто б бега молодецкого
Преградил лихую прыть!
Уж свои потешил силы я!
И, клянусь вам, много дам
Устремляли взоры милые
Мне с испугом по следам.
Одобренный их вниманием,
Раза три чуть не в карьер
Я проехался с сознанием
Благородным что ристанием
Занят русский офицер!..
За границей не приказано
Ездить бешено. Дивлюсь!
В этом случае не связана
Запрещеньем наша Русь!
Коль душа во мне широкая,
Коли ездить я люблю,
Пусть хоть всех по воле рока я
На бегу передавлю!
Пусть порядок за границею,
Но, должны ж сознаться вы,
Иностранную полицию
Превзойдут, ей-ей, сторицею
Полицейские Москвы!

О таком же любителе проехаться с ветерком, не обращая внимания на окружающих, сообщалось весной 1862 г. в городских хрониках. На Чистопрудном бульваре внезапно появился всадник, пустивший своего прекрасного вороного коня в галоп. Публике, заполнившей аллеи, пришлось спасаться самостоятельно,

разбегаясь в стороны и выхватывая из-под копыт детей. «Как же вы думаете, – спросил репортер очевидца, – какое побуждение было у этого барина кататься по бульвару?»

– Ему хотелось порисоваться, бедняжке, и показать свою удаль, что он может сделать то, чего не должно делать».

В 1879 г. городская Дума все же выпустила предписание извозчикам и частным экипажам ездить по улицам умеренной рысью. Только таким аллюром они могли и обгонять друг друга. Новое постановление тут же язвительно прокомментировал фельетонист журнала «Мирской толк»:

«– Но для чего же после этого держать «бегунцов»? – вопрошают раскормленные и отупевшие сынки нашего почтенного и непочтенного купечества и, конечно, скорее нарушат «предписание», чем сбавят рыси. А лихачи? Идите хоть сегодня гулять вдоль линии бульваров или на Сретенку и вы по-прежнему услышите тот же оглушительный треск полушарманок, то же залихватское чикание извозчиков, увидите те же подгулявшие, обнявшиеся разнополюе парочки, оглашающие воздух песенкой:

La donna e mobile [65 - Начало песенки герцога из оперы Дж. Верди «Риголетто», в русском переводе: «Сердце красавицы склонно к измене...»].

Все деньги прожили!

Легковой извозчик.

Почтовая открытка из серии «Русские типы».

Разве вы, читатель, никогда не бросаетесь с испугом к окошку, заслыша гул и треск на улице, разве вы никогда не восклицаете: «уж не пожар ли, батюшки!» и не успокаиваетесь, видя, что это просто вереница ломовиков, мчащихся во весь мах к знакомому кабачку?

Впрочем – «какой же русский не любит быстрой езды!»

К чему же тогда предписания?

Неужели для того, чтобы еще раз удивить москвичей своей бессильной распорядительностью?»

В том же фельетоне упомянут оригинальный способ принуждения возниц сдерживать бег своих коней, рожденный частной инициативой. Заметим, что в то время выражение «лежачий полицейский» скорее относили к пьяному будочнику. Прообраз же современного устройства для ограничения разгона транспортных средств остался безымянным:

«Почтенная Дума могла обойтись без предписаний и тем не менее достигнуть желанной цели; ей стоило только взять пример с остроумного господина Б-к-г.

Этот остроумный и сметливый господин изволил устроить около своей дачи на шоссе, идущем по Ширяеву полю, своего рода баррикаду, способную не только замедлять быстроту езды, но даже ломать экипажи. Г-н Б-к-г изволил вбить поперек шоссе ряд колышков и когда у него спросили – зачем он это делает, он отвечал:

– Чтобы не ездили и не пылили!

Оно, конечно, шум колес и пыль – вещи не особенно приятные, но зачем же ломать чужие экипажи!

И вот, 23 июля, в 11-м часу вечера госпожа М., возвращающаяся в карете с тремя детьми по этому шоссе на дачу, сделалась неповинной жертвой этого строителя баррикад.

Карета наткнулась на колья. Кучер и лакей попадали под лошадей, которые с испугу начали бить. У кучера оказалась разбитой нога, у лакея – рука. Дети перепугались и попадали. Карета чуть не превратилась в щепы: рессоры лопнули, колеса и дышло сломаны, и ее пришлось оставить тут же.

Господин Б-к-г имел обыкновение каждое утро наведываться к своей баррикаде и, явившись на следующее утро и увидя сцену разрушения, возликовал.

– И поделом, – так выразился он, – не ездят, не пылят! Да еще счастливо отделались – мало досталось(!)? И собственноручно, вместе с сыновьями принялся вбивать новые колья.

Обращаю внимание гг. думцев на это хитрое приспособление: нельзя ли применить идею его к приведению в исполнение предписания о тихой езде по улицам. Нельзя ли только что-нибудь... менее разрушительное!»

Лишь в 90-е годы XIX века, когда по воле генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича пост обер-полицмейстера занял полковник А.А. Власовский, полиция начала по-настоящему регулировать уличное движение в Москве. Благодаря энергии и распорядительности нового начальника очень скоро с улиц исчезли остатки так называемой «московской патриархальности». Городовым пришлось оставить праздные разговоры с кухарками и заняться поддержанием порядка на улицах. Порой по приказу обер-полицмейстера даже участковым приставам в подполковничьих чинах приходилось вставать на перекрестках в качестве уличных регулировщиков. На безалаберных московских извозчиков обильно посыпались штрафы (заменяемые «при несостоятельности» несколькими днями ареста), помогая им крепко запомнить правила движения по городу. Кроме того, рослые городовые, набранные Власовским из отставных солдат гвардии, всегда готовы были подкрепить урок своим мощным кулаком.

Чтобы лишний раз не ощутить на себе тяжесть длани постового или избежать «отдыха» в тюремной камере, извозчикам приходилось договариваться с суровым хранителем закона: «Уважь, почтенный служивый, возьми тридцать [копеек]... Право, не сработал! Завсегда я к городовым уважителен, я и стою в переулке. В другой раз больше попользуешься!..» А после расставания с деньгами «ванька», по свидетельству собирателя городского фольклора Е.П. Иванова, философски делился с седоком: «Что станешь делать, рупь фараон лекспроприировал...»

Чаще всего официальный штраф за нарушение ПДД составлял три рубля, хотя мог доходить и до десяти. И что характерно, действовавшие правила создавали условия, когда полицейские просто не могли остаться без добычи. Рассуждение на эту тему опытного извозчика отразил писатель И.И. Мясницкий в рассказе «На саночках»:

«...Нно-о-о, леший! Городового испугалась, черт! Что он тебе, жених, что ли?»

останавливаться.

Провинциалам невдомек, что надпись на стене «Останавливаться строго воспрещается» адресована извозчикам.

– Поль, уйдем отсюда, видишь, здесь нельзя

(кар. из журн. «Свет и тени». 1882 г.)

– Не жених, а рубля на три женит...

– Так ведь это, господин, он меня может, а с бессловесной скотины взять нечего... И сколько я этих штрафов переплатил – страсть! Избу в деревне мог хорошую поставить на штрафы!

– Аккуратность соблюдай!

– Аккуратность, господин, ни при чем. Я, вот, сейчас днем что на Ильинку, что на Варварку ни за какие деньги седока не повезу. Самое штрафное место, сейчас умереть! Седока обратно ждешь – штраф; деньги долго седок не высылает – опять штраф... Чистый Китай-город, сейчас провалится».

Здесь речь идет о действии одного из правил, содержавшем перечень улиц и переулков (большая часть из них как раз находилась в Китай-городе), в которых запрещалось стоять извозчикам в ожидании седоков. При существовавшей тогда практике оплаты: например, купец, доставленный на место, заходил к себе в магазин или в контору, а извозчику приходилось дожидаться, пока слуга не вынесет деньги, – штраф был неизбежен.

Нельзя не упомянуть, что наряду с возможностью получать с извозчиков деньги, выдвигая законные требования, полицейские практиковали и чистого вида «подставы». Понятно, они основывались на том, что большинство извозчиков были выходцами из деревни и не знали своих прав. Так, участки ремонтируемой мостовой полагалось обносить ограждением в виде козел, а ночью на него вешать фонарь. Как писала газета «Наше время», полицейские не только не следили за соблюдением этого правила, но и наловчились из его нарушения извлекать выгоду:

«На одном из бульваров козлы становились на ночь так, чтобы при незначительном толчке они могли падать. Едет извозчик темной ночью, натывается на козлы и роняет их. Как из земли вырастает перед ним городской страж.

– Ты как смеешь порядок нарушать? – спрашивает он.

Оторопелый извозчик не знает, что отвечать; сторож тащит несчастного в квартал или часть, а тот, предчувствуя, что до окончательного разбирательства его продержат там, пожалуй, полсуток, а лошади его пора корму дать, начинает торговаться с градским стражем. Когда торг кончился, извозчик едет домой, молясь искренне, чтобы ему опять не натолкнуться на стража, а страж, спрятав денарий, удаляется на свой наблюдательный пост».

Московская праздничная езда: пьян седок, пьян

извозчик

(кар. из журн. «Развлечение». 1862 г.)

Нарушитель ПДД не всегда мог «уладить вопрос» на месте. Возможно, некоторые полицейские были просто неподкупными, либо и в те времена существовал план по штрафам. В любом случае нарушение, оформленное протоколом, попадало в официальную статистику, а судьбу извозчика решал уже обер-полицмейстер. Своей властью он налагал денежный штраф, но, если извозчику нечем было платить, наказание принимало форму ареста на несколько дней. Везло тем, кому выпадало попасть за решетку в

преддверии Пасхи. По старой московской традиции накануне великого праздника выходил приказ: «...освободить из-под стражи всех извозчиков, арестованных за нарушение правил езды по городу».

В полиции вели специальный реестр, куда заносили фамилии нарушителей. Два протокола о «неосторожной езде» означали вызов в канцелярию градоначальника, где следовало предупредить: после третьего раза придется распрощаться с разрешением на занятие извозом в Москве. Одна беда была у этой системы – бюрократическая несогласованность. Протоколы поступали в разные отделы, и, пока сведения о нарушителях доходили до реестра, они, закончив сезон, успевали отбыть в свои деревни. Со временем была введена система каталога: на каждого извозчика заводили карточку, куда вписывали все сведения о наказаниях.

«Для извозчиков». Справочная книга с правилами передвижения по Москве (1900 г.).

В общем, не мытьем, так катаньем, но со временем подавляющее большинство работников гужевого транспорта научилось двигаться по правой стороне улицы, не выезжать без оглядки на перекрестки и, когда это положено, двигаться шагом. Правда, наряду с этим положительным явлением появилась еще одна особенность московского уличного движения: чем богаче экипаж, тем менее управлявший им кучер стремился при езде придерживаться правил. Это общественное явление поэт С. Матов, подражая Гомеру, отразил в стихотворном фельетоне «Одиссея в Москве», герой которого всей душой рвался на свидание с любимой:

Путь мой к вокзалу лежал и я,
преисполнен надежды,
С ясной улыбкой вступил на стезю
испытаний жестоких, —
Сиречь попал в вереницу извозчицких
тряских пролетов,
Кои одна за другою подобно змее
бесконечной,
Тихо по камням ползли, и, как назло,
насмешливый фатум
В голову всей вереницы поставил
убогую клячу.

В грудь мне закралась боязнь, ибо
четверть часа оставалось
Мне на проезд до вокзала, но Федор,
мой верный возница,
Понял мои опасенья и тотчас
могучей рукою
Лихо коня повернул и других обогнать
попытался...
Грозный, безжалостный окрик пресек
наш порыв дерзновенный, —
Страж, охраняющий стогна, вернул нас
на прежнее место,
В книжку свою записав злополучного
Федора номер.
Снова ползти нам пришлось на хвосте
у змеи тихоходной...

И все было бы не так обидно, если бы по той же «встречной полосе» на глазах того же постового не мчались роскошные коляски, увозя на вокзал своих богатых хозяев:

Сзади, меж тем, попевали на борзых
конях оптиматы,
Мягко, бесшумно катясь на упругих
резиновых шинах;
Скромных наемных возниц без стеснения
они обгоняли,
К поезду дабы поспеть и попасть на
прохладные дачи.

Владельцев дорогих экипажей, колеса которых были покрыты слоем резины, москвичи называли «резинщиками». С 1905 г. появились пролетки с пневматическими шинами (в просторечии – «дутиками»). Обычные колеса с железным ободом, соприкасаясь с булыжной мостовой, издавали сильный шум, истирали булыжное покрытие в пыль. Резиновые шины делали поездку гораздо комфортнее, но имели один крупный недостаток – при проезде через лужи они во все стороны широко разбрызгивали грязную воду. Жертвой «резинщика» сделался и герой стихотворения С. Матова:

С завистью в горестном сердце взирал
я на гордых счастливцев,
Роз благовонных букет инстинктивно
к груди прижимая.
Вдруг беззастенчивый кучер, по виду
подобный медведю,
Быстро меня обогнал и струею зловонной
и грязной
Обдал мне белый костюм, и букет мой,
и светлую шляпу...
Пятна на мне запестрели и, словно
по воле Цирцеи,
Я из блестящего франта в копателя
гряд превратился.
Вырвался вопль у меня, но обидчик мой
был уж далеко,
Быстро по лужам летя и качаясь на
мягких рессорах;
Только хозяйский затылок, украшенный
жирною складкой,

Мне разглядеть удалось сквозь горячие слезы досады.

«Резинщик» проехал.

На протяжении многих лет городская Дума была завалена жалобами москвичей, побывавших под грязевыми «душами» и требовавших запретить езду на резиновых шинах. С конца 90-х гг. XIX в. «отцы города» старательно искали решение проблемы «резинщиков»: они, например, объявили конкурс на лучшее техническое приспособление, которое оградило бы москвичей от брызг. Изобретениям устроили показательную проверку на Красной площади. Коляски, снабженные разного рода «юбками», катили по лужам мимо специальных щитов. Увы, эти экраны наглядно показали, что от брызг по-прежнему нет спасения.

Споры между «резинщиками» и их противниками затянулись на годы. Вину за проволочки в решении столь важного для обывателей вопроса общественное мнение возложило на гласных городской Думы, раскатывавших в роскошных экипажах:

«Собираются толковать о вреде резиновых шин те, которые на них ездят, – естественно, что отказаться от шин самому не так-то легко и потому... А потому, по предложению некоторых гласных, Дума нашла вопрос «исчерпанным», и резина получила новые права гражданства. Все «противошинные» изделия отринуты за «недолговечностью»!

Ergo [66 - Следовательно, итак (лат.)], пусть надежные, патентованные шины старого образца благополучно разбрасывают грязь в лицо обывателям, ибо усовершенствованные шины новых изобретателей недолговечны, и это убыточно для гг. владельцев «шинных» экипажей.

О, справедливость, это ты!»

В запале участники полемики не обратили внимания на замечание С.И. Мамонтова: «Если бы у нас были хорошие мостовые, то не пришлось бы говорить об устранении резиновых шин, потому что езда на них по хорошему мостовому не производит разбрызгивания грязи». Увы, дорожное покрытие без рытвин и ухабов москвичи, жившие в Первопрестольной, относили к несбыточным мечтаниям. Литераторы, фантазирувавшие на тему будущего, предрекали, что только в начале XXI в. все улицы Москвы станут идеально ровными.

В конечном итоге борцы за права пешеходов вроде бы одержали верх – в 1900 г. городская Дума приняла дополнение к правилам движения: в дождь и в другое время, когда мостовые покрыты лужами, экипажи с резиновыми шинами были обязаны двигаться шагом. Вот только где же было отыскать сознательного владельца богатого выезда, который согласился бы тащиться под дождем со скоростью пешехода. Тем

более что при нарушении всегда можно было откупиться, одарив городского незначительной суммой.

Любопытен вывод, к которому пришел униженный и оскорбленный герой «Одиссеи в Москве», полностью в духе времени (1907 г. – только что завершилась Первая русская революция):

Бросил я грязный букет и поехал домой,
на квартиру,
Мысленно ставя вопрос себе, где ж
на земле справедливость?
Я ли виновен, что мне не по средствам
резинные шины?!
(...)
Замысел мести ужасной ковал я в
поруганном сердце,
Втайне немедля решив поступить в
социал-демократы...

Кроме разбрызгивания грязи, владельцы собственных экипажей славились «неосторожной ездой», создававшей угрозу здоровью и жизни обывателей. Портрет одного из них, купца, мчащегося на тройке в загородный ресторан, нарисовал с натуры И.И. Мясницкий:

«– И-и-их ты, – кричит он. – Пшел!.. Что-нибудь, сделай ты такое для меня удовольствие, – задави кого-нибудь!.. Старушеницу какую-нибудь, либо стрючкаго... Запрягом его в затылок, но чтобы без смертоубийства и без особого членовредительства, а так, слегка, до обморока... Сшиби, и айда дальше!.. Жару надай, ирод, гони во весь дух... Ура!.. Во поле березонька стояла!..»

В случаях наездов на пешеходов действия владельцев собственных экипажей не отличались разнообразием. Первым делом они старались откупиться от пострадавшего небольшой суммой. Например, в мае 1870 г. возле Московского трактира карета сбита старика-чиновника. Седоки дали ему 5 руб., и он поспешно скрылся в толпе. Кучера с каретой все же отправили для разбирательства в квартал, но, надо полагать, при отсутствии жертвы разговор с полицией обошелся кучеру гораздо дешевле. В 1881 г. журнал «Мирской толк» с возмущением писал о том, как пьяный кучер, катая некую г-жу Матерн, сбил насмерть офицера на Лубянской площади. Хозяйка рысаков прислала семье погибшего 100 руб. и тем сочла дело законченным.

Типичную сцену примирения за деньги описал Н.М. Ежов в рассказе «Бульвар»:

«Выйдя на улицу вместе с другими, художник и студент увидели отличную коляску и двух вороных рысаков, которых держали несколько человек из публики. На козлах сидел перепуганный и белый, как мел, толстый кучер. В коляске находилось двое: немолодой господин в светло-сером цилиндре, бритый и красный, как кирпич, и красивая дама в белой шляпе из кружев. Недалеко от коляски лежала старуха в коричневом салопе: городской и какие-то две чуйки смачивали из ковша старухину голову. Кругом коляски в одну минуту образовалось густое и шумящее кольцо народа. Старуха лежала без памяти, с разбитым лбом: рысаки ее сбили с ног, но копытами не помяли.

– Не сломали ли у нее что-нибудь? – кричали из толпы. – Нет ли, господа, тут доктора?

– А вот мы посмотрим! – заявил громко Листвицкий и протолкался к старухе. – Я студент-медик... позвольте, посторонитесь.

Он нагнулся к задавленной, пощупал пульс, осмотрел грудь.

– Кости целы, – сказал он. – Голова тоже не проломлена!.. Если не будет сотрясения мозга...

Старуха вдруг подняла голову и чихнула. Ее приподняли и посадили.

– Ох, ох, родименькие... – застонала она. – Да куды ж меня нелегкая принесла? Свят, свят...

– Ушиблась ты, бабка, – объяснили ей. – Барин тебя дышлом саданул.

– Ее надо отвезти, сама не дойдет, – сказал городовому Листвицкий.

– А нам, братец, вели очистить дорогу, – сказал барин и кивнул городовому. – Господа, пустите моих лошадей.

Толпа не тронулась.

– Нет, господин, мы вас не отпустим, – заговорили кругом. – В участок не угодно ли проехаться.

– Пропустите, дорогу ему очистите! Какой фронт!

– Ты прежде за старуху ответ дай! Городовой, чего же ты стоишь, веди его с коляской в полицию... Мы все свидетелями пойдем...

– Ваше высокородие, в участок пожалуйста, – обратился к барину городской.

– Ты с ума спятил, дурень! – вспыхнул барин. – А вы, господа, напрасно вмешиваетесь не в свое дело. Я могу удовлетворить потерпевшую. Послушайте, матушка, сколько вам нужно? Я сию минуту заплачу... Pardon, Надежда Борисовна!

Господин сошел с коляски и достал бумажник.

– Сколько же вам следует? – опять спросил он у старухи.

Та еще не совсем опомнилась и только жевала губами и тарачила свои выцветшие глаза. Барин вынул пятьдесят рублей и, показав деньги, спросил:

– Этого довольно будет?

Старуха схватила ассигнации и чмокнула перчатку господина.

– Благодетель! – прокувыкала она. – Дай тебе Бог... и с деточками...

Господин довольно улыбнулся, сел в коляску и крикнул городовому:

– В случае новой претензии пусть ко мне зайдет ваш пристав... Ты знаешь, кто я?

– Так точно, ваше высочорodie... – отвечал городовой. – Господа, пропустите, осадите назад!

Толпа, побежденная ассигнациями, раздалась на обе стороны. Коляска покатилась».

Впрочем, не обходилось без попыток скрыться с места происшествия. Так попытался сделать зимой 1900 г. «известный спортсмен» (т. е. любитель бегов и скачек) грузинский дворянин Окрочмеделов. Он так лихо мчался на тройке кровных рысаков по Петербургскому шоссе, что при встрече с ним опрокинулись сани крестьянина Лаврова. Его жена выпала на дорогу, и ее переехала, сломав ногу, тройка спортсмена. После этого Окрочмеделов велел гнать во всю прыть, чтобы затеряться в селе Всехсвятском, но был задержан.

Некоторые из любителей быстрой езды наотрез отказывались признавать себя виновными, да еще обрушивались с бранью на полицейских. Так повела себя зимой 1910 г. артистка оперетты Залеская, сбившая санями мальчика прямо возле дома генерал-губернатора. Когда даму с большим трудом все же доставили в полицейскую часть для составления протокола, она продолжала скандалить, вырвала перо из рук околоточного и, по свидетельству очевидцев, называла служителей закона «сволочной полицией». За опасную езду и буйство актрисе пришлось заплатить штраф в 25 рублей.

Не успел отскочить

(кар. из журн. «Свет и тени». 1879 г.).

В начале XX в. к лихачам-извозчикам (в смысле – любителями «неосторожной езды») добавились лихачи-автомобилисты. «Это те господа, – характеризовал их гласный Городской Думы А.М. Полянский, – которые теперь по нашим центральным улицам при поворотах в переулки не стараются сдерживать быстрого хода и продолжают ехать быстро, зная, что за углом может пешеход переходить дорогу, но ему это все равно. Это те господа, которые давили в свое время на своих лошадях и на лихачах и которые перешли на автомобили. Лихачи и свои лошади существуют, но они перестали давить, а автомобилисты давят».

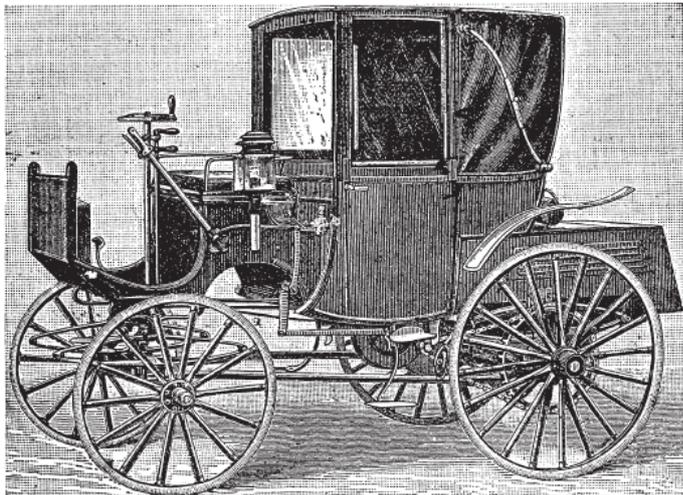
Особую стойкость в противостоянии автомобильной напасти проявил московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. Об этом свидетельствуют архивные документы и, в частности, рапорт обер-полицеймейстера, составленный 3 июля 1896 г.:

«С.-Петербургский 1 гильдии купец Карл Иванович Шпан обратился с ходатайством о разрешении ему езды по г. Москве и ее окрестностям в двух экипажах, снабженных бензиновыми двигателями.

Принимая во внимание, что подобное же ходатайство заведующего городским водопроводом инженер-механика Н.П. Зимина, по докладом бывшего Обер-полицеймейстера полковника Власовского, Его

Императорским Высочеством Московским генерал-губернатором было отклонено и Зимину объявлено чрез Городское общественное управление, езда в экипажах с механическими двигателями может быть допущена только за городом, ходатайство купца Шпана с приложениями считаю долгом представить на благоусмотрение и разрешение Вашего Превосходительства» [67 - ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 130. Д. 144. Л. 1–1 об.].

К рапорту была приложена переписка с петербургской полицией, в которой коллеги делились с москвичами опытом общения с пионерами автомобильного дела в России. Оказалось, что 2 декабря 1895 г. К.И. Шпан просил петербургского градоначальника разрешить ему езд на приобретенных им автомобилях «...под мою личную ответственность» [68 - Там же. Л. 5.]. Спустя неделю купец получил свидетельство, что полиция «...не встречает препятствий к передвижению по улицам г. Санкт-Петербурга на принадлежащем ему экипаже, снабженном бензиновым двигателем» [69 - Там же. Л. 8.].

Самодвижущийся экипаж (1898 г.).

Однако, судя по другому документу, на начало 1896 г. автомобильное движение в столице еще не было открыто:

«В январе сего же года вошли с прошением к Санкт-Петербургскому градоначальнику отставной подполковник Зубковский и потомственный почетный гражданин Волков о разрешении им применить в столице к экипажам бензиновые двигатели и предоставить исключительное в течение пяти лет право эксплуатации этих двигателей по Невскому проспекту и по пути на острова.

Означенные бензиномоторы были осмотрены особой комиссией и на основании результатов осмотра сообщено городским головой, что препятствий к удовлетворению ходатайства названных лиц о разрешении им движения экипажей, производимые в действие бензиномоторами, не встречается, но без права монополии.

За сим вопрос этот пока остается открытым и движение экипажей, производимых в действие бензиномоторами, в настоящее время по улицам столицы еще не производится» [70 - ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 130. Д. 144. Л. 3–3 об.].

Скорее всего, автомобили наконец-то покатали по петербургским улицам после того, как они прошли официальный техосмотр (полагаем, первый в России). На Театральной площади, возле здания консерватории 7 марта 1896 г. перед специальной комиссией предстали «...один легкий 2-местный, с двигателем в 11/2 силы шарабан и одна 3-местная коляска с двигателем в 3 силы» [71 - Там же. Л. 6.]. После знакомства с этими чудесами техники был вынесен вердикт:

«При испытании означенных экипажей по площади и по улицам – оказалось, что регулирование скорости движения их и быстрая остановка совершаются весьма легко, экипажи оказались крайне поворотливыми и послушными в управлении.

Во время движения экипажей по самым бойким улицам города лошади вообще не пугались движения и лишь некоторые обнаружили легкое беспокойство. Ввиду всего вышеизложенного нижеподписавшиеся пришли к заключению, что введение экипажей с бензино-моторами устройства, подобно вышеописанному, может быть допущено, как не представляющее опасности – по всем улицам столицы, при том, конечно, условии, чтобы к управлению ими допускались лица, вполне знакомые с этим управлением. При этом, однако же, представляется желательным, чтобы разрешение движения этих экипажей по городу последовало бы лишь с наступлением летнего времени года, дабы в течение этого времени, когда движение в городе наименьшее, кучера и извозчики могли бы освоиться с движением по улицам механических экипажей» [72 - Там же. Л. 6 об. – 7.].

После того как Шпан 19 октября 1896 г. подал повторное прошение, 25 ноября из канцелярии московского генерал-губернатора поступило распоряжение обер-полицмейстеру: «...ускорить по возможности исполнением» [73 - ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 130. Д. 144. Л. 13.]. В ответ на это «ускорение» 7 января 1897 г. Шпан сообщил полиции – «...экипажей, снабженных керосиновыми двигателями фирмы Бенц и К° в Мангейме», у него больше нет:

«Имея значительные расходы по выписке и содержание первых экипажей и не пользовавшись между тем ими, я решил выписать вновь эти экипажи в том случае, если мне будет разрешена езда на них по городу и окрестностям Москвы» [74 - Там же. Л. 10.].

Ознакомившись с посланием купца, обер-полицмейстер Трепов с чистой совестью рапортовал генерал-губернатору: Шпан не представил экипажи для осмотра, поэтому выдать ему разрешение не представляется возможным [75 - Там же. Л. 15.]. Тем временем бюрократическая машина продолжала работу, и 7 февраля из Петербурга пришло новое сообщение по поводу «экипажей с бензино-моторами»: «...движение таковых по городу вновь допущено лишь одному частному лицу, исключительно для личного пользования, причем этот способ передвижения пока затруднений и опасности для пешеходов не вызвал.

Вследствие сего, признавая возможным разрешить Шпану временно, в виде опыта, езд по городу Москве и ее окрестностям в одном экипаже, снабженном бензиновым двигателем такого же типа, как допущенные в Санкт-Петербурге, с тем, чтобы полицией с течением времени было выяснено, не причиняет ли езда в подобных экипажах по тесным и многолюдным улицам г. Москвы каких-либо неудобств для пешеходов» [76 - Там же. Л. 18.].

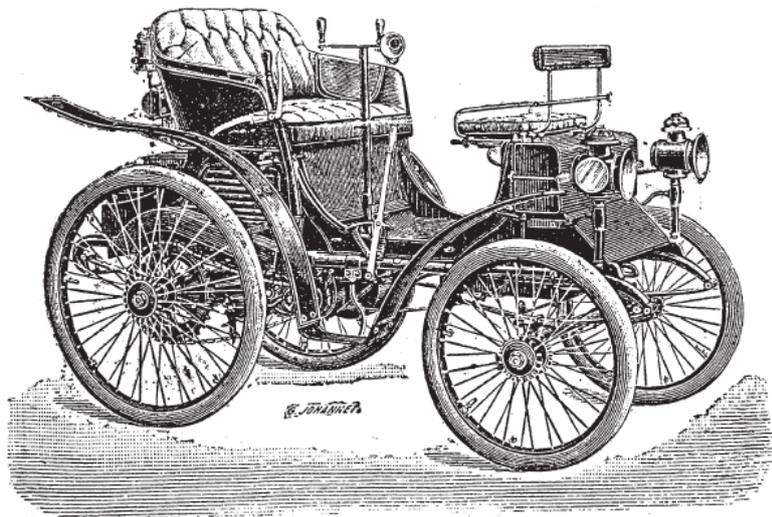
Экипаж с бензиновым двигателем

Даймлера.

Поскольку купец Шпан сошел с дистанции, то место первопроходца занял губернский секретарь Павел Николаевич Лесли. Принадлежавший ему автомобиль был испытан специальной технической комиссией и 25 апреля 1897 г. получил от нее положительный отзыв: «...экипаж по виду своему схож с коляской типа «Виктория» с высоким сиденьем и назначен для четырех человек. Приводится в действие бензиновым одноцилиндровым двигателем, работающим непрерывно.

При опыте езды на упомянутом экипаже по улицам замечалось беспокойство некоторых лошадей, но большинство оставалось спокойным» [77 - ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 130. Д. 144. Л. 20.].

Единственное, что рекомендовала комиссия – заменить сигнальный рожок звонком. В остальном экипаж был допущен для поездок по улицам Москвы, но «...с тем, чтобы управление экипажем производилось самим владельцем» [78 - ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 130. Д. 144. Л. 20.].

Автомобиль фирмы «Пежо».

Обер-полицеймейстер Трепов, представив 5 мая заключение комиссии генерал-губернатору, отразил в рапорте свое мнение: «...к удовлетворению ходатайства Лесли препятствий не встречается; при этом считаю своим долгом почтительнейше присовокупить, что требование Комиссии, изложенное в акте, относительно сигнального рожка, находящегося на экипаже, звонком, я полагал бы не предьявлять просителю, так сигнальный рожок для предупреждения публики представляется, по моему мнению, удобнее звонка» [79 - Там же. Л. 19–19 об.].

Спустя семь лет, 10 апреля 1904 г., городская Дума утвердила обязательное постановление «О порядке движения по г. Москве автоматических экипажей (автомобилей)». Его принятие проходило в жарких спорах: некоторые гласные высказывали опасения, что автомобильное движение на узких московских улицах приведет к трагическим последствиям.

«Мы, москвичи, постоянно ссылаемся на страшную тесноту улиц и движения, – встал на защиту автомобиля гласный А.И. Геннерт, – а между тем в других городах, например в Лондоне, на таких улицах, как Pele-Mele, где люди переходят с одной стороны улицы на другую, как переходили евреи через Чермное море, где густая масса экипажей, автомобили и велосипеды могут ездить. Дело не в этом, а в том, что там требуют от каждого будущего кучера умения ездить, чего нет в Москве, и на тесноту движения ссылаться нечего.

Наш мужик ездит, бросивши вожжи, и правит таким способом: сначала дернет правой вожжей, лошадь бросится в правую сторону, затем дернет левой вожжей, лошадь бросится в левую сторону, затем вместо лошади ударит ездока, потом лошадь и остановится. Это безобразие происходит от неумения ездить, а улицы вовсе не тесны и движение не так велико, чтобы не могли ездить усовершенствованные экипажи. Нужно, чтобы умели ездить, а когда все сталкивается, ругается, не умеет, как расправиться с делом, то никаких улиц не хватит, и известное выражение, что «бисова теснота в степи мешает двум хохлам разъехаться», применима на наших улицах. Из-за этого вводить стеснение ограждать от врагов в виде автомобилей – нет основания».

«У нас ужасное уличное движение извозчиков и полиция не регулирует этого движения, – поддержал коллегу Н.П. Шубинский. – На это я уже обращал внимание городской Думы. У нас нет правил для извозчиков и это такая распушенность и беспорядок, что если для них приносить в жертву новшество, то придется установить анархию. Городовые не вступают в поведение наших извозчиков: один любит на круги на Москве-реке, другой любит по сторонам. Действительно, надо уличное движение урегулировать, а не уничтожать экипажи, польза которых очевидна».

Первоначально для автомобилей, согласно обязательному постановлению, предельная скорость передвижения по улицам была установлена 12 верст в час [80 - 12,8 км/час.]. Управлять ими могли лица, достигшие 18-летнего возраста; они должны были проявлять осторожность при поворотах и подавать сигналы, подъезжая к перекресткам. Запрещалась «езда автомобилей вперегонки» и оставление их без присмотра.

Но прежде чем колесить по городу, владелец должен был получить особый документ – «Разрешение на пользование автомобилем». За ним приходилось обращаться к начальнику полиции и кроме личных данных сообщать массу технических подробностей: от веса, главных размеров «экипажа» и наибольшей нагрузки на колесо до того – «...приспособлен ли экипаж для крутых поворотов, и в какой мере возможно остановить экипаж на полном ходу». Также следовало представить в Техническую комиссию Городской

управы чертежи (!) приобретенной машины.

Осмотр и испытание автомобиля проходили ежегодно в течение месяца, начиная с 15 марта. По сообщениям репортеров, в 1910 г. в первые дни этой акции на Моховой улице выстраивалось по полсотни машин. Водители, чьи «авто» не вызвали нареканий, получили на дверцу новый номерной знак: «темно-зеленого цвета с белыми цифрами и надписью “по 1-ое апр. 1911 г.”».

Ночью номер автомобиля демонстрировал фонарь, закрепленный «позади с левой стороны» и имевший на матовом стекле «...изображение номерного знака, цифры коего должны быть изображены в величину на менее 3 1/2 вершков и отчетливо обозначены на стекле красным цветом». Источником света в таком фонаре служила обычная свеча. Она легко гасла от резкого толчка, чем шоферы пользовались, удирая ночной порой от городских – неосвещенный номер нарушителя постовые не могли рассмотреть.

Обложка книги И.Г. Аркмана «Полный курс автомобилизма» (1915 г.).

Обложка книги И.Г. Аркмана «Полный курс

автомобилизма» (1915 г.).

Другое разрешение – на право управления машиной – выдавала специальная комиссия, состоявшая из представителей Городской управы и обер-полицейстера. Сдавать экзамен по вождению приходилось ежегодно, и каждый раз шофер был обязан подавать прошение, оплаченное гербовым сбором (1 р. 50 к.), к которому прикладывал медицинское свидетельство о состоянии зрения и слуха.

Правилами допускались за руль лица «...обоюго пола, достигшие 18-летнего возраста» (владелец или нанятый им шофер), «...которые на произведенном в Комиссии испытании докажут свое умение управлять автомобилем, и пользоваться всеми находящимися при нем приборами, и производить небольшие починки в случае легкой порчи экипажа». Последнее требование с подачи оставшихся неизвестными экспертов было утверждено Думой не без колебаний: неужели, спрашивали гласные, каждому владельцу автомобиля придется овладеть слесарным ремеслом?

Сомнения развеял гласный Н.Н. Щепкин, подчеркнувший в своем выступлении, что речь идет о безопасности москвичей: «Разве вы никогда не были очевидцами, как автомобиль останавливается, шипит и гремит, его окружает целая толпа, и хорошо еще, если он только шипит и гремит, а иногда он обращается в боевое орудие. От этих случаев надо гарантировать население и следует, чтобы на автомобиле было всегда лицо, которое умеет приводить его в движение и производить необходимые починки».

Современный прогресс.

Пострадавший: – Как все в жизни совершенствуется!.. Прежде калечили людей двухколесные велосипеды, а теперь их уродуют четырехколесные автомобили!.. Приятно жить в такое прогрессивное время!..

(кар. из журн. «Будильник». 1907 г.)

Спустя несколько лет выяснилось, что для безопасности пешеходов важнее не умение шофера ремонтировать автомобиль, а способность водителя соблюдать ПДД. Настроения, охватившие общество, отразил газетный фельетонист:

«Я положительно утверждаю, что шофер каждого второго автомобиля в Москве явно покушается на жизнь обывателя. Иначе никак нельзя квалифицировать действия московских шоферов. [...] Вот почему меня несколько не удивило заявление моего приятеля, поведавшего мне на этих днях:

– Собираюсь подать прошение о разрешении носить при себе оружие – специально для защиты от шоферов. [...]

И если при нашей некультурности нормальное автомобильное движение у нас невысказано, стало быть, мы еще не доросли до автомобилей и они, как это ни странно, должны быть временно упразднены».

Порой публика в буквальном смысле жаждала крови автомобилистов-убийц. Когда летом 1910 г., заехав на тротуар и задавив насмерть 14-летнего мальчика, шофер попытался умчаться прочь, свидетели трагедии требовали от городского стрелять в него.

Гласные городской Думы, конечно, прислушивались к общественному мнению, но все же не шли у него на поводу. Они не собирались полностью запрещать в Москве автомобильное движение, но, обсуждая в 1911 г. вопрос о допустимой на улицах города скорости для машин, старались учесть интересы всех участников дорожного движения.

Продолжал стоять на своем гласный А.М. Полянский: «...20 верст слишком большая скорость для автомобилей при настоящей езде. При том положении, которое существует, достаточно ограничиться скоростью в 15 верст, пока автомобилисты не будут относиться с должным вниманием к жизни и здоровью обывателей, пока*сensored*ганствующие автомобилисты перестанут давить обывателей московских. [...]

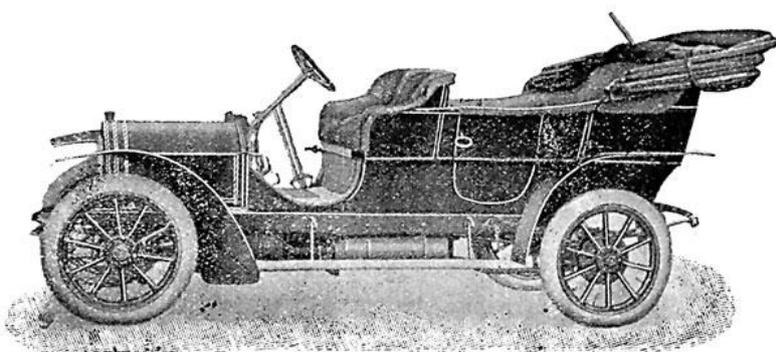
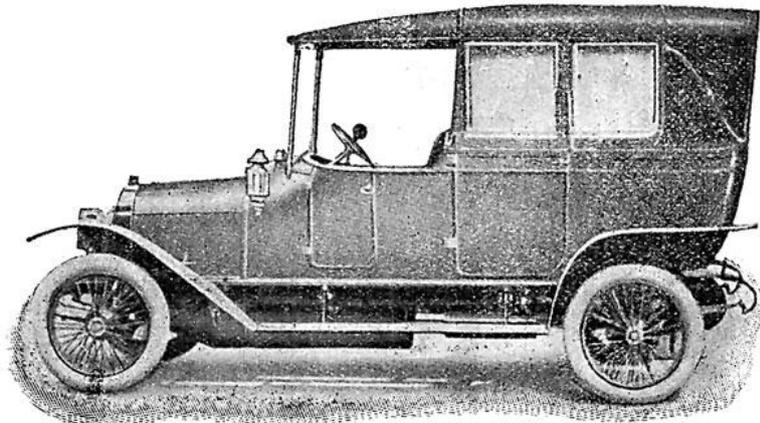
У меня записаны номера автомобилей, которые в 9 часов утра, когда особенно сильное движение, выезжают в середину ломового и легкового движения и приводят в ужас пешеходов и лошадей. Есть такие, которые едут с головокружительной быстротой по Кремлю».

«Алексей Михайлович знает, что автомобилисты всегда будут ездить больше 15 верст, – оппонировал П.П. Щапов, – для чего же писать обязательные постановления? Я указываю, например, градоначальника. Помощник градоначальника Модль категорически говорит, что не будет подчиняться обязательным постановлениям. Я говорю для пользы дела, а не для того, чтобы дать возможность автомобилистам ездить шибче. Алексей Михайлович говорит, что в Петербурге автомобили ездят со скоростью 12 верст; я там был недавно и знаю, что там ездят со скоростью 30 верст. В Париже установлено тоже 12 верст, а едут скорее, и полиция смотрит на это сквозь пальцы».

В конечном итоге сторонники прогресса с перевесом в два голоса победили, и городская Дума разрешила легковым автомобилям ездить со скоростью 20 верст в час (грузовикам – 15 верст/час), но подчеркнула в своем приговоре, что соблюдение правил движения обязательно «...для всех местных жителей, а также для правительственных учреждений и должностных лиц». «На большой скорости» было позволено мчаться исключительно служебным автомобилям и только на пожар (обратно – согласно общим

правилам).

Стремясь искоренить лихачество за рулем, еще в 1907 г. отцы города постановили: лишать водителя разрешения на управление автомобилем, если он «...будет замечен в явно неосторожной езде или в управлении автомобилем в нетрезвом виде». И то, что шоферы позволяли себе быть пьяными «на руле» (как тогда говорили), более всего возмущало москвичей.

Типы кароссерии – автомобильных

кузовов, изготавливаемых на заказ в экипажных мастерских: ландолэ и дубль-фэтон.

«Можете ли вы себе представить, чтобы человек, которому вы доверяете свою жизнь, был не трезв, иначе говоря, находился в состоянии иногда абсолютной невменяемости? – негодовал один из журналистов. – В Москве, и только в Москве это оказывается возможным, иначе не могли бы появляться публикации такого рода:

«Трезвый шофер ищет места...»

Казалось бы, о нетрезвом шофере не может быть и речи. Не всякий трезвый человек должен быть шофером, но всякий шофер должен быть трезвым. Это уже аксиома!»

Характерно, что чаще всего под хмельком устраивали гонки по улицам, «разгоняя проезжих и терроризируя прохожих», так называемые «опричники» – водители автомобилей, принадлежавших богачам. Современник дал им такую характеристику:

«Московские лихачи известны, как отъявленные нахалы и безобразники. Но шоферы далеко превосходили их в этих качествах.

Большинство хозяев автомобилей балует своих шоферов и не держит их в повиновении, считая их почему-то какой-то особой, привилегированной прислугой. А сам шофер, восседая рядом с баринном, охотно считает себя равным ему.

Поэтому особым безобразием отличается езда пустых автомобилей, где за хозяина сидит один шофер. Тут он не знает удержу: вся Москва для него!»

Впрочем, не меньшую опасность, судя по числу аварий и наездов на пешеходов, представляли наемные машины-«таксометры». Особый общественный резонанс вызвала в 1913 г. гибель от такого автомобиля заслуженного полицейского подполковника А.А. Джержинского. Геройски сражаясь на Русско-турецкой войне, он заслужил Георгиевский крест; во время Декабрьского вооруженного восстания ходил на волосок от смерти, а погиб при нелепых обстоятельствах. Пролетка, в которой подполковник в пять часов утра ехал по Садовой в сторону Кудринской площади, была единственной на улице, и все же летевший навстречу автомобиль, управляемый молодым и неопытным шофером, задел ее. Джержинского выбросило на мостовую, и удар об нее оказался смертельным.

Нельзя сказать, что полиция совсем не реагировала на проделки шоферов-лихачей. Градоначальник А.А. Адрианов, например, требовал от приставов не просто делать замечания, а составлять протоколы «о

неосторожной езде», отсылать их в Управление технической частью, откуда сведения о нарушениях ложились ему прямо на стол. Попавшим под горячую руку приходилось совсем не сладко, как, например, шоферу Ф.П. Рябушинского М. Скольшу, которого в сентябре 1909 г. на два месяца посадили под арест «...за большую скорость, шум и треск, производимые автомобилем». В 1914 г. шофер автомобиля № 1414 «за бешеную езду по Петровке» был приговорен к штрафу 500 руб., или трем месяцам ареста «в случае несостоятельности». Его коллеге Медведеву, прокатившемуся по Кузнецкому Мосту со скоростью 60 верст/час, суд также предложил выбор: заплатить 100 руб. или сесть за решетку на три недели. В январе 1913 г. газеты сообщали об участившихся жалобах шоферов на то, что полицейские отбирали у них свидетельства на право управления автомобилем.

Тем не менее полиции не удавалось полностью обуздать водителей, пренебрегавших правилами дорожного движения. Говоря о субъективных причинах этого, отметим, что зачастую разъезжали в автомобилях люди не только богатые, но и имевшие обширные связи в городском управлении. При объяснениях с городовым они всегда могли надавить своим авторитетом либо кошельком. Кроме того, высокие заработки большинства шоферов позволяли им самим успешно «договариваться на месте» с постовыми, отметившими нарушение.

Наши автомобилисты.

- Одного или двух мы задавили, делая 60 верст в час?
  - Только двух.
  - Поскорее бы усовершенствовали автомобили до скорости 120 верст в час, тогда и вдвое давить будем, благополучно удирая!
- (кар. из журн. «Будильник». 1907 г.)

Среди объективных факторов следует отметить, что регулирование уличного движения было всего лишь одной из многочисленных обязанностей городских, стоявших на постах. И главное – у них не было технических средств выявления нарушителей скоростного режима. В этом отношении анекдотом звучит рассказ П.П. Щапова:

«– Что такое скорость 20 верст и каким образом ее определить? В Сокольниках один городской задумал определить и от фонаря до фонаря измерил расстояние. Записал даже один номер, который, как показалось ему, едет скорее разрешенного. Но это был один случай, причем оказалось, что этот автомобиль принадлежит градоначальнику».

В XX веке

Сокольнический полицейский дом

Городовой в зимней форме (1884 г.).

Вообще же можно сказать только одно: хорошая полиция может быть только в хорошо устроенном государстве.

«Наша полиция». 1906

«По всему городу происходит деятельная ловля тараканов, ядовитых пауков и смрадных тарантулов. Их

вытаскивают из темных щелей, выводят на улицу и под свист и крики толпы ведут к Думе», – сообщила в начале марта 1917 г. газета «Утро России». Нет, это не заметка из раздела «Происшествия» о разбежавшейся коллекции жучков и паучков, это эпитафия московской полиции. В модном в те дни стиле революционной журналистики репортер пояснял читателям «энтомологию»: «Тут полицейстеры, приставы, околоточные, жандармы, сыщики и «всякие агенты».

– В солдаты их, негодяев! – неистово требует кто-то.

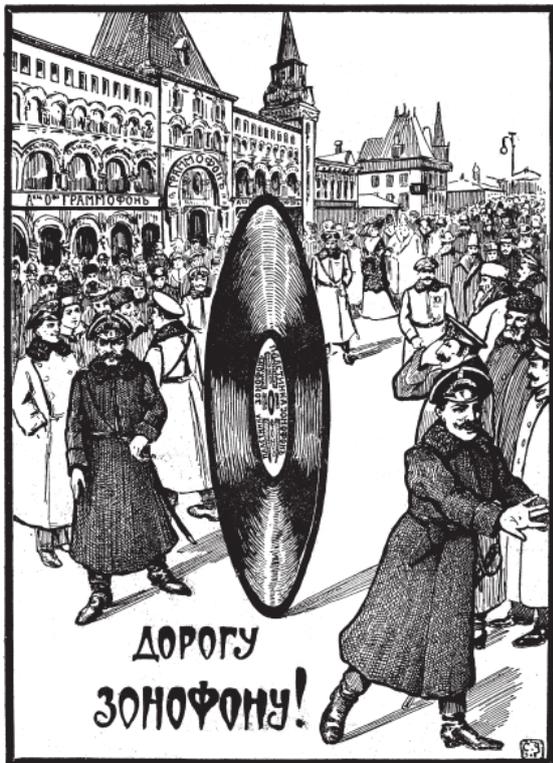
– В какие солдаты? Их-то? Армию поганить? В рабочие команды, в арестантские роты! Пусть дороги строят да мостовые мостят.

– Пра-авильно».

Вот так вместе с самодержавием пришел конец российской полиции. И ничего не попишешь – XX век – эпоха великих потрясений, хотя для современников приход этого столетия ничего особенного не предвещал. Поначалу жизнь для большинства, москвичей, как и в XIX в., продолжала свое течение размеренно, в привычном русле. Новое пока что входило в обиход постепенно и прекрасно уживалось со старым. Многоэтажные дома соседствовали со старинными особнячками, трамваи, бывало, двигались по одним рельсам с конкой, в одном уличном потоке ехали автомобили и извозчики.

Московская полиция, реформированная вместе со всей Российской империей, несла службу по утвержденным в 60—80-е гг. уставам и правилам. Сложившаяся система, казалось, действовала без сбоев: городские стояли на улицах, уже одним своим бравым видом внушая уважение к правопорядку; околоточные приглядывали за обывателями, приставы руководили городскими и околоточными.

Однако первое же серьезное испытание – революция 1905–1907 гг. – показало, что органы правопорядка в целом и московская полиция в частности оказались не готовы действовать в чрезвычайных обстоятельствах социального взрыва. Закостеневшая организационная структура не позволяла адекватно и своевременно перестраивать работу правоохранительных органов. Во время Московского восстания городские продолжали заступать на ночные посты в одиночку, хотя для них это было смертельно опасно. Противостоять нападению боевиков из рабочих дружин, действовавших группами, могли только патрули из нескольких человек. Однако увеличить количество полицейских на улицах не позволяли штаты, рассчитанные на мирное время. Только декабрьские уличные бои и очевидные трудности восстановления прежнего порядка заставили руководство МВД увеличить число полицейских в Москве.

«Честью просим!» – полицейские расчищают дорогу в толпе. Реклама граммофонных пластинок фирмы «Зонофон» (рис. из журн. «Будильник». 1909 г.).

Так же обстояло дело с оружием – его просто не хватало, а для получения потребного количества градоначальнику пришлось пойти на прямое нарушение закона. Аналогично пришлось ему действовать, чтобы изыскивать средства для материального награждения подчиненных. В отличие от чиновников МВД

он понимал абсурдность ситуации: полицейские, забыв о сне и отдыхе, дежурили сутками, рисковали жизнью под пулями революционеров, а им платили все ту же зарплату мирного времени. Да еще бранили последними словами все, кому не лень, а либеральная печать вообще смешивала их с грязью. Например, в 1906 г. всего за 6 копеек можно было приобрести книжечку «Наша полиция» и прочитать в ней следующее:

«Полиция. У кого из русских граждан не закипает гневом сердце при одном только этом слове? Кто хоть раз в своей жизни не сталкивался с полицейским произволом и самовластием? Кто не страдал от обид, оскорблений и злоупотреблений, причиненных полицией, уверенной в своей безнаказанности! Полиция избивала русских людей по участкам, в сырых и холодных арестантских помещениях. Переломанные ребра, кровоподтеки – вот с чем обыкновенно уходил обыватель из участка. Но некоторые были менее счастливы – и простились навсегда с жизнью в этих местах пытки. По поводу смерти таких арестантов в полицейских протоколах писалось, что «смерть последовала от самоубийства», или что-либо подобное; если же газеты пытались взяться за разоблачение этих преступлений, то они наталкивались обыкновенно на запрещение писать об этом, подкрепляемое угрозой всяких кар. И благодаря бесправию и безгласности русского общества – сколько таких преступлений осталось нераскрытыми, погребенными навсегда в полицейских застенках. Те же преступления, которые выплывали, несмотря на всевозможные запрещения, на свет божий, оказывались настолько ужасными, что заставляли сердце сжиматься от боли».

«Первое русское товарищество вязальных машин». Сатирическая реклама (кар. из журн. «Будильник». 1907 г.).

«Первое русское товарищество вязальных

Анонимный автор брошюры не преминул указать на еще один недостаток, присущий российской полиции начала XX в.:

«Но если для бедных и угнетенных у полиции есть только кулаки и «холодные», то для власть имущих и богатых она расточает самую любезную предупредительность. Чего она только не сделает за приличное вознаграждение: обойдет закон, явно его нарушит, закроет глаза на очевидное преступление. [...] Взятничество чрезвычайно широко распространено среди полицейских чиновников, – настолько широко, что наряду с прочими недостатками нашей полиции даже не считается особенно большим грехом. Берут от верху до низа, внизу – пятаками, а наверху сотнями рублей. Рублевка спасает русского гражданина от многих неприятностей. [...] Взятничество считается настолько обычной вещью в полицейском мире, что, например, околоточные одного города говорят открыто в своем заявлении о распространенности взяточничества среди них. Они объясняют это тем, что иначе им было бы трудно жить при их маленьком жалованьи».

Пафос «Нашей полиции» во многом напоминает публицистические статьи эпохи реформ середины XIX в., только примеры полицейского произвола были из нового времени. Да и заканчивался текст «оригинальным» выводом:

«Вообще деятельность полиции надо поставить в известные, строго определенные законом, пределы. Только при этих условиях полиция не будет служить для разных проходимцев средством порабощения русского народа. Полиция на службе у народа, а не полиция против народа, – вот что надо провозглашать

повсеместно».

Как ни странно, но полицейские, превратившиеся в объект форменной охоты со стороны революционных террористов, до предела ошелюманые в печати, оказались стойкими, верными присяге бойцами. Современница писала о них: «Полицейские чины и чины жандармских управлений, начиная с градоначальников и кончая сотнями городских и нижних чинов, всюду истреблялись самыми бесчеловечными способами, и взрывчатыми снарядами, и серной кислотой, и пулями, направленными или из-за угла, или из глубины жилых помещений, – и безропотно гибли эти служаки только за то, что твердо и безбоязненно исполняли свой долг, который возлагала на них их служба.

А дикари, наивно мнившие себя не только интеллигентами, но и либералами, не только не возмущались этой бессмысленной, кровавой бойней, но и приходили в восторг, узнавая о каждом новом убийстве, чувствуя, как героев, бесчеловечных убийц и отчисляя к черной сотне всех тех, кому эта братоубийственная война надрывала сердце».

Возможно, будь служащие полиции менее преданны долгу, самодержавная власть стала бы энергичнее проводить реформу органов правопорядка. В реальности вопрос о преобразовании полиции был поставлен в 1906 г., но его обсуждение затянулось на целых семь лет. Все эти годы полицейские с надеждой следили за ходом формирования программы улучшения условий их службы, благо материалы об этом постоянно публиковали на страницах газет и журналов. Особое место среди них занял выходивший в Москве «Вестник полиции» – первый в России журнал, посвященный деятельности полиции. Сначала его выпускала группа частных лиц, а с 1909 г. он стал официальным изданием Министерства внутренних дел.

Ангел-хранитель. Везде и всегда до конца жизни
(кар. из журн. «Будильник». 1906 г.).

Московская полиция, выстояв во время революции с огромным напряжением сил, с наступлением мирных дней снова оказалась в кругу нерешенных проблем. Среди них прежде всего надо отметить недостаточное финансирование, как со стороны МВД, так и со стороны городского управления. Устаревшая система двойного денежного потока – жалование полицейским шло из казны, а хозяйственное содержание и вооружение обеспечивали городские власти, – приводила к неразберихе и взаимным претензиям.

Взять хотя бы полицейские участки – места, где располагались канцелярии приставов, караульные помещения, камеры для задержанных, приемные покои для подобранных на улицах больных. Специальных зданий для них не строили и, если не находилось подходящего казенного строения, нанимали дом у частного владельца.

«Нельзя не обратить внимания на участки, занимающие квартиры наемные, – писал В.А. Гиляровский. – Почти все помещения неудобны, а камеры для подобранных на улицах и арестованных положительно невозможны. Это какие-то, в полном смысле слова, застенки, где ни сесть, ни лечь. Есть при многих участках темные, совершенно без окон и вентиляции, комнатки в квадратную сажень размером, куда, особенно в праздничные дни, стоймя вталкивают арестованных москвичей, мешая пьяных с трезвыми, больных иногда заразными болезнями со здоровыми. И винить полицию в этом нельзя, потому что другого помещения нет. [...]

Сколько было случаев заражения болезнями московских граждан, случайно или за пустячные проступки по несчастью попавших в участок и впредь до удостоверения личности принужденных мучиться в

застенке, набитом в упор. Сидят здесь люди иногда по суткам, голодные и грязные, и нет средств на заботы о них. О чае и горячей пище они не имеют понятия. Хлеба кусок иногда дает какой-нибудь сердобольный городской.

Здесь

Голодного от пьяного
Не умеют отличить!»

Содержание каждого участка обходилось городу в пять тысяч рублей в год. Если вычсть арендную плату, обязательные расходы на отопление и освещение, то на содержание самого здания оставалось не так уж много средств. Недаром в описаниях разных побегов, совершенных из полицейских участков, повторяется одна деталь: преступники вырывались на волю, сделав проломы в полу или в потолке.

Кроме финансовых проблем, дополнительные трудности московской полиции создавали политические процессы, происходившие в обществе. Завоевания либералов в области личных прав и свобод на практике оборачивались послаблениями для нарушителей закона. Когда градоначальник Адрианов в конце 1913 г. был вынужден отменить практику трехмесячного ареста лиц, бежавших с места высылки, Москва сразу ощутила последствия.

«Этой меры боялись преступники, – отмечал Гиляровский, – а теперь хлынули в Москву, зная, что за появление в столице их при задержании передадут мировому судье, который нередко присуждает таких к аресту от 3 до 7 дней...

И весь преступный элемент потянул в столицу, где удобно скрываться и удобно видеться с орудующими в Москве и пока не попавшимися ворами и разбойниками, которые охотно принимают опытных сообщников.

Преступная биржа растет, благодаря удобствам свиданий для плохо одетых в воровских притонах – чайных и бильярдных, а для тех, которые почище – на ипподромах, около тотализатора. Сыскной полиции до смешного мало, чтобы уследить за разрастающимися не по дням, а по часам притонами».

К росту уличного*~~censored~~*ганства.

– Что ты шляешься по улицам? Шел бы домой...

– Попробуй пройти, столько теперь*~~censored~~*ганов развелось, что просто опасно стало ходить...

Ограбят за первый сорт...

Количественный рост уголовников, их усиливающаяся сплоченность, использование преступниками достижений технического прогресса – все это заставляло общество все настойчивее требовать проведения реформы полиции.

«Изменилось время, должна измениться и полиция, – не уставал доказывать Гиляровский. – Городовой Мымрецов, который умел только «ташшить и не пушшать», теперь уже не годится для Москвы. Городовой теперь должен быть более воспитанным и развитым, что и достигается приемом на службу хороших солдат, которые должны быть хорошо обеспечены с надеждой на выслугу пенсии.

Околоточные не должны нести функций рассыльных и артельщиков по взысканию разных недоимок и разноске повесток.

Необходимо, чтобы каждый полицейский чин был независим, чтобы не было того, что сейчас, когда притоносодержатели и скупщики краденого, имеющие лавки и гостиницы, являются перед низшими полицейскими чинами – особами важными».

В 1913 г. долгожданные преобразования обрели конкретные черты – МВД опубликовало «Проект учреждения полиции с постатейными объяснениями». Согласно планам Правительства полиция наконец-то переходила на полное содержание государства. Казна брала на себя обязательства по вооружению полицейских холодным оружием и револьверами, при этом обещая отпускать в год каждому городскому 50 патронов, да еще 21 выдавать для «практических стрельб».

«Равным образом, – говорилось в «Проекте», – представляется и справедливым, и последовательным принять на счет казны обмундирование не только городских, но и полицейских служителей, а также рассыльных, которые также являются нижними чинами городской полиции и будут получать притом очень незначительные оклады содержания.

[...] В настоящее время городские получают на обмундирование по двадцать пять рублей, но, как показал опыт, сумма эта представляется не вполне достаточною, почему и увеличивается на пять рублей».

Штат столичной полиции было решено не увеличивать, зато предполагалось повысить денежные оклады всем сотрудникам. Например, околоточные надзиратели подлежали переименованию в «полицейские надзиратели», и им назначали увеличенное жалованье (в зависимости от разряда): от 1000 до 1400 рублей. Городовым также устанавливали деление на три разряда, в соответствии с которыми они ежегодно получали бы 600, 570 или 550 рублей.

Тщательно был проработан вопрос об освобождении полицейских от лишних обязанностей. Для этого предстояло сформировать штат вневедомственных сборщиков и рассыльных, а также передать подобные функции исполнительным органам самих заинтересованных ведомств. Обнадеживала и позиция специальной комиссии Государственной Думы, взаимодействовавшей с МВД: «...комиссия нашла наиболее удобным, оставив распределение слагаемых с полиции обязанностей на две группы, дать им несколько отличное от проекта содержание, а именно: в первой из них поместить обязанности, от исполнения которых полиция должна быть освобождена немедленно после введения реформы в действие, отнеся к числу таких обязанностей и многие из функций вневедомственных сборщиков и рассыльных, а во второй – переименовать такие обязанности, кои хотя и признаются неполицейскими по существу, но должны быть оставлены на полиции временно, впредь до образования новых исполнительных органов, как вневедомственных, так и ведомственных».

По ходатайству министра внутренних дел Н.А. Маклакова, император установил общий для всей полиции России годовой праздник – 5 октября, «во имя Святителя Алексия, Митрополита Московского». Статус нового праздника повышало то обстоятельство, что он был назначен на день тезоименитства наследника цесаревича (красный день дореволюционного календаря). Значение монаршей милости пояснил журнал «Вестник полиции»:

«Таким образом, в наступающем впервые для нашей полиции дне ее общего ликования, общих радостей и общих надежд знаменательно сочетаются и те же чувства всего русского народа, что является как бы залогом грядущего установления вполне нормальных и доверчивых отношений между полицией и населением. [...]

Да наши скромные полицейские труженики и не привыкли еще быть предметом благосклонного к ним общественного внимания. Такие времена наступят еще не так скоро и к ним надо подготавливаться, работать над приближением их, над созданием удобной почвы для них.

человека, нападающего с револьвером. 1-я фаза.

Обезоруживание

человека, нападающего с револьвером. 2-я фаза.

Обезоруживание

Обезоруживание

человека, нападающего с револьвером. 3-я фаза.

Скорейшему наступлению таких времен будет содействовать не показная сторона полицейских праздников, не праздничный шум вокруг себя и своего дела, а незаметная для чужих глаз, но настойчивая и постоянная работа каждого полицейского управления, каждого отдельного полицейского чина над профессиональным самоусовершенствованием и подготовкой себя к безукоризненному выполнению сложных требований современной жизни, предъявляемых к полиции».

Несомненно, реформа должна была коренным образом изменить положение полиции, сделать ее сильнее, поднять общественный статус стражей порядка. Однако, как это не раз бывало в России, подготовка преобразований затянулась, а когда все-таки собрались их осуществить, ситуация резко изменилась. В 1914 г. проект закона о полиции наконец-то был передан в Государственную Думу, но началась Первая мировая война. На ропот полицейских: «Война войной, а кушать хочется всегда», – последовала отповедь в редакционной статье журнала «Вестник полиции»:

«В доходящих до редакции сетованиях по этому поводу звучат порою как бы сожаления о том, что законопроекту нашему вообще не особенно везло в смысле скорости, и что, ввиду крайней необходимости реформы, ее можно было бы провести давно в ускоренном порядке, а затем уже, в случае надобности, делать частичные изменения по указаниям практики. Это довольно распространенное в полицейской среде мнение стоит того, чтобы на нем несколько задержаться.

Основным его мотивом, упрощающим до крайности отыскание ключа к разгадке главной цели ускоренного проведения реформы, несомненно, следует считать проскользнувшее неоднократно и на страницах нашего журнала пожелание некоторых наших корреспондентов о том, чтобы намеченное законопроектом увеличение окладов содержания чинам полиции провести в жизнь немедленно, не дожидаясь окончательной разработки всех остальных норм предстоящего нового закона для полиции.

Если говорить только о такой откровенно упрощенной формуле пожеланий, то ей нельзя, по крайней мере, отказать в практическом смысле; от реформы ее требуются главным образом блага материальные, их-то и следует дать как можно скорее, а со всем остальным можно будет тогда весьма спокойно и подождать.

Итак, практически эта мысль вполне понятна и даже не хватает духа поставить в упрек такое исключительно меркантильное отношение к нашему законопроекту, принимая во внимание общепризнанную скудость нынешних окладов полицейского содержания, «граничащую ныне с крайнею бедностью», как авторитетно засвидетельствовано было в № 22 нашего журнала. Оставив поэтому в стороне вопрос о немедленном проведении новых окладов содержания, как совершенно несоответствующий условиям данного времени и крайнему обременению средств государственного казначейства неотложными расходами на военные нужды, перейдем к той стороне дела, которая не включает в себе исключительно материальных интересов.

Ее можно для большей ясности формулировать следующим вопросом: что лучше – ускоренное, но вследствие этого и не гарантирующее от более или менее крупных недосмотров проведение законопроекта о реформе полиции или наоборот?»

Полагаем, дальнейшее можно не цитировать. Полицейским было предложено подождать победоносного завершения войны, чтобы после этого реформа смогла бы получить идеальное воплощение в жизнь. Если учесть, что в тот момент никто не сомневался в скором и победоносном завершении войны, то в призыве немного потерпеть была несомненная логика. Тем более что несколькими номерами ранее тот же автор указал служащим полиции на явное облегчение условий их службы:

«Великая опасность, в которой очутилась родная страна, великие жертвы, оказавшиеся необходимыми для достойного отпора врагам, потоки русской крови, проливающиеся на полях сражений, сердечные обиды от занятия врагами некоторых пограничных территорий наших, энергичное напряжение сил духовных, сил экономических – все это создало теперь тот необыкновенный всенародный психический подъем, благодаря которому многое у нас стало совершенно неузнаваемым.

Исчезло пьянство и неразрывно с ним связанное*~~сensored~~*ганство, в небывалых размерах упала преступность, затихла ожесточенная борьба политических партий, прекратились недоразумения с евреями, поляками и другими мирными инородцами, входящими в состав общегосударственной нашей семьи, замолкли противоправительственные подполья, не слышно даже столь обычных в нашей обывательской среде огульных и систематических нападков на полицию и вообще на все полицейское».

Вот только столь уникальные обстоятельства предъявляли к сотрудникам правоохранительных органов дополнительные требования (возможно, для кого-то из них просто невыполнимые):

«Изобилие прав, предоставляемых администрации исключительными положениями охраны, чинами полиции должно быть рассматриваемо и используется исключительно как средство облегчения борьбы с преступностью, а не излишних притеснений населения, и самая борьба с преступностью должна вестись так, чтобы принимаемые против нарушителей закона и обязательных постановлений меры не отражались на легальной среде обывателей.

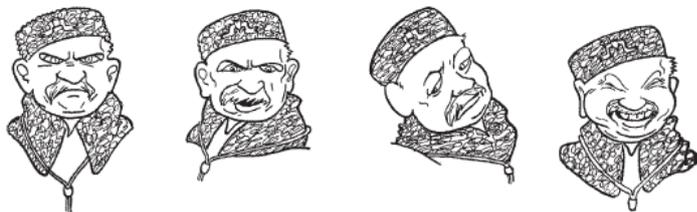
Такая тактика полицейских действий является обязательною и в обыкновенное время – тем более строго она должна проводиться в моменты исключительного напряжения духовных сил народа и общего патриотического подъема народной психики.

Невыдержанный, зарывающийся полицейский чиновник сейчас вреднее, чем когда бы ни было. Он преследование самозванных сборщиков на военные нужды поведет так, что отобьет охоту к делу сборов у самых легальных людей; он в борьбе с незаконным поднятием цен на продукты доведет дело до того, что убьет вообще торговлю в своем районе; он в наблюдении за нераспространением ложных или волнующих слухов или в искоренении шпионства наведет панику на население, заставит всех сторониться друг друга и пугливо озираться в собственном своем доме и т. под.»

Иначе говоря, какими ни были условия, решающую роль играют личностные качества полицейского. Увы, «рыцари без страха и упрека» в полиции того времени были скорее исключением, чем правилом. Когда эйфорию первых дней сменило все нарастающее недовольство, вызванное затягивающейся войной и ухудшениями условий жизни, служащие полиции не остались в стороне. Совесть ушли со службы и устраивались на работу с хорошей оплатой (например, на заводы, выполнявшие военные заказы). Остальные, внешне продолжая добросовестно поддерживать правопорядок, добывали хлеб насущный усиленным вымогательством взяток.

Большевик К.В. Островитянов вспоминал, в частности, как «подмазывание» полиции помогало его товарищам-подпольщикам вести революционную работу под крышей студенческой столовой:

«Столовая жила интенсивной политической жизнью. Систематически читались лекции и рефераты по вопросам теории Маркса, устраивались концерты и вечера, сборы же шли в фонд Политического Красного креста и т. д. На всех вечерах должен был присутствовать представитель полиции – полицейский надзиратель. Но мы скоро установили с ним контакт. Давали ему взятку в 10–15 рублей. Это особенно искусно умел делать наш студент А.Б. Халатов. Отводили полицейскому отдельную комнату, ставили водку с закуской. Он частенько приходил не один, а с дамой и весь вечер бражничал. В это время внизу, в большом зале, пели революционные песни, декламировали, танцевали, а в маленьких комнатах, которых было довольно много, происходили нелегальные заседания, намечались очередные революционные выступления, обсуждались прокламации, заседали кружки и т. д.»

Неподкупная власть.

Мимика полицейского при получении «благодарности»
(кар. из журн. «Зеркало». 1911 г.).

Градоначальнику шел поток писем, в которых рассказывалось о неблагоприятных делах полицейских, но В.Н. Шебеко предпочитал не применять крутые меры. К 1916 г. критическая ситуация с кадрами сложилась не только в Москве, но по всей России. Увеличить бюджет МВД не давало оппозиционно настроенное думское большинство, а его демократическое крыло вообще требовало отправить всех полицейских на фронт. В условиях, когда страна могла просто лишиться полиции, руководство не имело возможности увольнять опытных сотрудников, пусть даже проштрафившихся.

Приказы генерала Шебеко, обнародованные в печати, свидетельствуют, что до определенного момента он старался действовать методом убеждения. Так, в мае 1916 г., обнаружив в нескольких участках недостатки в несении службы и содержании полицейских домов, градоначальник высказался довольно мягко:

«Посетил 20 мая полицейский дом 2 и 1 уч. Пречистенской ч., и тот и другой найден мною в должном порядке. Прошу принять энергичные меры к скорейшему вывозу загромождающего двор строительного мусора – имеющей наблюдение за чистотой города полиции непристойно иметь двор собственного жилья в таком виде, что от пыли из него страдает весь околоток. Во 2 уч. Пресненской ч. 21 мая дежурный околоточный надзиратель был крайне неряшливо одет; фуражки своей он так и не нашел до самого моего отъезда из помещения участка; прошу принять к сведению, что приличная внешность на дежурстве так же необходима, как на улице. Помещение 1 уч. Суцевской части содержится в порядке; но участковый пристав, по-видимому, не печется в достаточной мере о своих городских: двор того здания, в котором последние живут, непозволительно плохо содержится; мусорный ящик не имеет крышки и мусор раскидан вокруг него, раскинут не только сухой мусор, но всякие кухонные отбросы, можно ли ожидать от домовладельцев подчинения требованиям той полиции, которая не умеет настоять на приличном содержании двора собственного помещения? Предлагаю участковому приставу в корне изменить безразличное свое отношение к этому вопросу. В Суцевском полицейском доме воздух был крайне тяжел. Должны быть приняты меры к более действительному проветриванию помещений. Общие жалобы малолетних заключенных на недостаточность выдаваемой им порции хлеба вынуждает меня просить помощника моего по наружной полиции – расследовать выдачи в полицейском доме пищи и сообщить мне о результатах. [...] Помещение 3 Суцевского участка очень хорошо содержится. Также старательно устроены помещения для городских участка, за что объявляю благодарность приставу подполковнику Заневскому».

прозрачный намек: полицейских – на фронт!
(кар. из журн. «Будильник». 1916 г.)

«К этой шапке да серую шинель». Достаточно

Однако спустя пять месяцев, комментируя наконец-то принятое верховной властью решение о введении повышенных окладов, градоначальник заговорил по-другому:

«Материальное положение московской полиции улучшится. В связи с этим я представлю к ним целый ряд новых требований, так как требовать разумно только тогда, когда требования могут исполнить. До сих пор полиция была в тяжелых материальных условиях, на официальное жалованье едва сводя концы с концами. Раз мы дадим полиции возможность сносно существовать, мы многого от нее сможем потребовать».

Генерал Шебеко, вероятно, считал полицейских чем-то вроде сказочных богатырей, которым достаточно глотнуть живой воды (получить прибавку к жалованью), чтобы одолеть любого Змея Горыныча. Градоначальник, например, вдруг решил, что его подчиненным по силам наладить в городе движение трамваев и другого транспорта [81 - В условиях войны значительно сократилось количество вагонов, выходящих на линии. Трамваи двигались переполненные, с гроздьями пассажиров, висевших на подножках, что являлось грубейшим нарушением правил. Об особенностях работы городского транспорта в то время мы рассказали в книге «Война и москвичи»]. Вот текст подписанного им 18 октября 1916 г. суточного приказа:

«Мною замечено, что с течением времени распоряжения мои по полиции если не забываются, то, во всяком случае, исполняются с недостаточным усердием. Так, наблюдение за порядком на трамваях отсутствует почти везде; не только допускается невозбранно безобразное скопление пассажиров на подножках, но в последнее время почти на каждом вагоне ютится на заднем буфере по одному, а то и по два пассажира, преимущественно мальчики или нижние чины; по отношению к последним чинам полиции следует выяснять личности и части войск, в коих числятся нарушители постановлений, и участковым управлениям следует о нарушениях сообщать по телефону соответствующим войсковым начальникам, а относительно приезжих в комендантское управление для привлечения их ответственности; кроме того, доносить еженедельно мне, для соответствующего представления командующему войсками округа. На главнейших местах остановок трамвая должно быть установлено постоянное наблюдение, причем в часы наибольшего оживления необходимо присутствие пристава или его помощника, которые самыми энергичными мерами (конечно, с соблюдением требуемых мною правил вежливого обращения с публикой) препятствуют излишнему переполнению вагонов.

Также незаметно должно наблюдение за правильной ездой по улицам: ломовые извозчики часто держатся середины улицы вместо правой ее стороны, ездят в два ряда и неположенным аллюром; извозчики ездят без соблюдения правил, обрезают на поворотах углы, вследствие чего происходят столкновения с автомобилями, и позволяют себе грубое обращение с публикой; автомобильное движение значительно упорядочилось, но шоферы недостаточно подают сигналы, в особенности при поворотах и по близости вагонов трамвая, отчего также учащаются несчастные случаи.

Наконец, пешеходы по-прежнему разгуливают по середине улицы и у остановок трамвая совершенно загораживают проезд экипажам. Словом, является, очевидно, необходимость усиления наружного наблюдения полиции и притом под руководством высших чинов.

Прошу помощника моего по наружной части представить на утверждение проект инструкции полицмейстерам, приставам и их помощникам, предъявляющей им определенные требования, включая и пребывание офицеров полиции в известные часы на известных местах, независимо от постоянного контролирования наружной службы городских, так как в настоящее время я встречаю гг. приставов на улице лишь в редких случаях».

В том же октябре 1916 г. вступило в силу постановление Совета министров «Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов». Его принятия добился министр внутренних дел А.Д. Протопопов, который прекрасно знал о царивших в Думе настроениях, поэтому и действовавший в обход народных избранников. В результате МВД наконец-то смогло значительно расширить штаты и повысить жалованье рядовым полицейским. Для них же открывалась возможность служебного роста – увеличивалось количество должностей старших городских. В духе реалий военного времени разрешалось принимать на службу в полицию женщин, но они не могли претендовать на чины и получение орденов.

Вот только радоваться служащим полиции пришлось недолго – в феврале 1917 г. грянула новая революция. На этот раз полицейские оказались плохими защитниками государственного строя. Если в Петрограде они хоть как-то пытались наводить порядок, то московская полиция практически сдалась без боя, о чем свидетельствует краткая хроника событий.

Утром 28 февраля, когда разнеслась весть о событиях в Петрограде, к городской Думе стали сходить

толпы москвичей. В полдень, по описанию репортера газеты «Утро России», произошла такая сцена:

«Через Иверские ворота с Красной площади едет отряд конных жандармов с офицерами во главе. Толпа встречает их сдержанно, молча, и они молча проезжают через площадь на Тверскую улицу.

Вслед за жандармами едут конные городовые. Толпа встречает их криками и улюлюканием. Городовые молча проезжают.

Никаких инцидентов, никаких столкновений с полицией на площади не было».

Показателен эпизод из воспоминаний участника революции Я.И. Лебедева, в тот день вместе с товарищами прорвавшегося к Думе из Замоскворечья:

«В начале Моховой нам преградили дорогу полицейские. Пристав отчаянно кричал: «Разойдись!» Полицейские врезались в толпу. Людская масса расступилась, пропустив их, а потом опять сомкнулась. Маленькая группа полицейских утонула в людском море. А демонстранты, кучками и в одиночку, переулками просачивались в центр города. Бочком, мимо Александровского сада, через Охотный Ряд вышли мы к Московской городской Думе (где теперь помещается Музей В.И. Ленина). Тут уже толпился народ со всех концов города».

По другим свидетельствам, отряды конных городских и жандармов пытались разгонять демонстрантов, если их количество было невелико. Когда же на улицах появлялись колонны в сотни и тысячи людей, защитники старого строя предпочитали скрываться в переулках. Точно так же поступали и казаки.

После победы революции А.Е. Грузинов признался, что до его назначения начальником революционных войск на Воскресенской площади распоряжался один-единственный прапорщик Г.Г. Ушаков. В силу своих скудных знаний военного дела юный офицер пытался организовать оборону здания городской Думы, но получалось это плохо. Если бы полиция двинулась со стороны Воскресенских ворот и Красной площади, то прямо бы ударила в никем не охраняемый тыл восставших.

Революционная

толпа на улице.

Характерна и другая деталь, отмеченная корреспондентом газеты «Утро России» в сделанной на ходу «зарисовке с натуры»:

«С перекрестков исчезли городовые.

Точно их и не было никогда. Ни единого! Даже неловко.

Радостные восклицания:

– Смотри-ка! Городовой!

В самом деле, – представитель старого строя, кирпично-красный, с тараканьими усами сдерживает напор толпы, стоя у дверей булочной.

Хвост бушует:

– Надо чтоб в очередь! Эй ты, бляха!

Городовой отвечает:

– Не ерепеньтесь!..
Хвосты волнуются».

Впечатления об исходе дня 28 февраля записал в дневнике Н.П. Окунев:

«В 5 часов вечера я снова пошел на Воскресенскую площадь и видел такую же картину. Чтение телеграмм, толпа народа, в которой были даже офицеры и солдаты, и полное отсутствие полицейских. Но на Красной площади разъезжали конные – не то городовые, не то жандармы – и охраняли входы в Кремль, который был заперт, т. е. все ворота в него затворены. Тут, я думаю, преследовалась не борьба с народным движением, а сдерживание народа от*~~censored~~*ганских выходов. [...] Были слухи: что там уже стреляют, тут громят и т. п., но к ним относились не очень доверчиво. Да и не похоже было, по уличной обстановке, что что-нибудь происходило кошмарное. Я был на улицах (Сретенка, Кузнецкий Мост, Тверская, Никитская) в 7 ч. вечера, в 11 ч. и в 1 ч. ночи, и было везде тихо, а ночью даже совершенно безлюдно, т. к. не было на улицах городских, как, впрочем, и во весь день. Что это – распоряжение новой или старой власти или трусость самих полицейских?»

В тот момент москвичи не знали, что городовые были сняты с постов для того, чтобы сформировать из них ударные отряды. Сыграли роль и происходившие нападения на одиночных стражей порядка. В любом случае обнаружить, что на перекрестках не торчит привычно «статуй» с шашкой, револьвером и свистком – для горожан это было из ряда вон выходящим событием.

Недоумение и трепет, охватившее обывателей, можно понять, если вспомнить, что по сути для целого поколения постовые были неотъемлемой частью городского пейзажа. С 1892 г., когда обер-полицмейстером был назначен А.А. Власовский, московские городовые вместо праздного препровождения времени на тротуарах встали на перекрестках улиц. Проверая днем и ночью, беспощадно наказывая за оставление постов, начальник московской полиции в конце концов добился, чтобы его подчиненные следили за порядком и регулировали уличное движение, не сходя с места. Стоявший посередине улицы городской, все замечавший и готовый в любой момент употребить власть, превратился в символ непоколебимости устоев государственной жизни. Даже во время революции 1905 г., когда в открытую звучал призыв «Убивайте городских!», стражи порядка не покидали своих постов. И вот в дни Февральской революции москвичи впервые увидели странно-тревожную картину.

Впрочем, без городских оказались улицы в центральной части города и, скорее всего, на рабочих окраинах, но кое-где постовые все же продолжали охранять порядок. Например, депутат Государственной Думы М. Новиков, проживавший на территории Суцеской части, вспоминал свою поездку с Воскресенской площади домой:

«В Думе мне заявили, как и несколько дней тому назад в Петрограде, что движение по улицам небезопасно, и дали мне в качестве охраны офицера и юнкера. Последний поместился рядом с шофером и выставил свою винтовку из дверки автомобиля наружу. На мое предложение убрать винтовку в автомобиль он ответил отказом, ссылаясь на то, что ему предписано начальством быть наготове. А между тем вид московских улиц, покрытых свежим снегом, обильно выпавшим за ночь и сверкавшим при ярком солнце мириадами разноцветных искр, производил самое умиротворяющее впечатление. Спокойствие было полное, в нашем окраинном районе не чувствовалось ни малейшего признака революции, городовые стояли на своих постах и те из них, которые знали меня в лицо, козыряли, посматривая с удивлением на мой странный выезд».

Полковник

Грузинов, принявший командование над войсками МВО, со штабом в присутствии комиссара Временного правительства М.В. Челнокова.

Не менее интересный «репортаж» с московских улиц записал в дневник Н.П. Окунев:

«Я лично слышал одного такого, который, бегая по кучкам, торопливо восклицал: «Товарищи, погромы, безусловно, воспрещены, и если они начнутся, то их сделают переодетые городовые»...

«Одетых» же городовых – нигде, нигде не видно. Революция все-таки уже в полном ходу, и пока, благодаря Бог, в бескровном виде».

События уже первого дня революции в Москве со всей очевидностью показали, что городская полиция не стала защищать гибнущий режим. Газета «Русские ведомости» сообщила о таком факте: в одном из переулков Каретного ряда было собрано большое количество городовых. Им пытались раздавать винтовки, но они отказались их брать. И что характерно, в тот момент, когда городовых посылали в бой, полицейское начальство подобно самым чутким обитателям тонущего корабля готовилось пуститься в спасительное бегство.

Полицейские участки, лишённые единого руководства из градоначальничества, оказались полностью дезорганизованы. Большевик К.В. Островитянов, которого 1 марта вместе с несколькими товарищами перед отправкой в Бутырскую тюрьму привели в полицейский участок, вспоминал увиденное:

«Приходим в Сокольнический участок. Там стоит невообразимая суматоха, звонят телефоны, снуют какие-то люди в гражданском, растерянно бегают приставы и городовые. Наш конвой постепенно разбредается. А мы стоим и ждем. Чего? Вдруг как-то сразу, точно сговорившись, понимаем, что им не до нас. Забираем вещи и выходим на улицу».

Судя по сообщениям газет, именно 1 марта начались аресты полицейских чинов. Вот фрагмент репортажа с Тверской улицы, опубликованного на страницах «Утра России»:

«– Везут! Везут! – раздаются крики. Толпа устремляется к Тверской. Над головами людей видны солдаты-кавалеристы с обнаженными шашками, а перед ними резко выделяется красная доска с надписью:

– Долой самодержавие!

Шествие приближается.

Впереди едут извозчичьи сани: правит солдат, а в качестве седока сидит «разоруженный» пристав.

В толпе оживленно комментируют событие.

– Он обнажил шашку...

– Участок разгромлен, полиция разоружена...

Арестованный и конвойные пересекают площадь и выезжают на Тверскую по направлению к дому генерал-губернатора».

В другой корреспонденции той же газеты сообщалось: «Под конвоем солдат и офицеров без конца приводятся в Думу арестованные переодетые приставы, околоточные и городовые».

Н.Г. Петров, командовавший отрядом из студентов и солдат, в своих воспоминаниях также отмечал, что

1 марта Совет рабочих депутатов принял решение о разгоне полиции. На исходе того дня его дружине было приказано, разделившись по два-три человека, разъехаться по городу для ликвидации полицейских участков и организации в них комиссариатов милиции. Когда Петров прибыл в участок, располагавшийся на Сокольническом шоссе, он давно уже был занят вооруженными рабочими вагоноремонтного завода. Но все же основная часть полицейских участков Москвы была занята революционерами в течение 2 марта.

И только одна группа людей не разделяла общего веселья. Это были сотрудники полиции и жандармы, на которых в тот день была открыта настоящая охота. Обыватели, всю жизнь трепетавшие перед городскими и околоточными, теперь дружно указывали революционным патрулям на «царских сатрапов». Сквозь праздничную толпу двигались бесчисленные процессии: в городскую Думу вели всех полицейских поголовно – начиная от полицмейстеров и заканчивая писарями-паспортистами.

«Часто студенты и гимназисты, вооруженные какими-то игрушечными револьверами и саблями, конвоировали толпу здоровых и бравых городских и околоточных, – описывал увиденное А.Н. Вознесенский. – Впрочем, эти здоровые и brave люди имели вид угнетенный и совершенно пассивный: они шли с опущенными головами под градом насмешек; среди общего возбуждения и веселья они испытывали горчайшее похмелье. Жандармский корнет М., фланер Кузнецкого Моста, после сдачи даже украсил себя громадным красным бантом, – вспоминал А.Н. Вознесенский. – Полиция и жандармерия – эти столпы старого строя – сдавали свои позиции без боя, в состоянии полного оцепенения и беспомощности».

Отряд студентов-грузинов.

Из сыскного отделения на Воскресенскую площадь привели даже полицейских собак (в том числе знаменитого добермана Трефа), украшенных красными лентами и бантами. Московские газетчики утверждали, что какая-то часть полицейских была разыскана и задержана с помощью четвероногих сыщиков. Это понадобилось потому, что часть бывших стражей порядка успела переодеться в штатское. Рассказывали еще о таком методе: арестованный полицейский указывал на десяток своих коллег, те, в свою очередь, выдавали каждый еще по десятку. Так были выявлены все бывшие подчиненные градоначальника Шебеко.

После регистрации в городской Думе арестованных полицейских и жандармов отправляли в Бутырскую тюрьму. Как раз утром 1 марта посланный в нее специальный отряд в течение дня освободил 350 политических заключенных. На автомобилях их привозили в штаб революции, где они немедленно включались в политическую работу. Воспользовавшись неразберихой, возникшей в тюремном замке, на свободу вырвалось около семисот уголовников. Среди них был жестокий убийца Сашка-семинарист и члены его банды. Правда, какую-то часть беглых преступников революционные солдаты перехватили еще на Бутырском шоссе. Если верить газетам, около пятисот уголовников были арестованы буквально на

следующий день при облаве на Хитровке. Для розыска остальных понадобилось несколько дней.

Единственным служащим полиции, кого не удалось отыскать, был начальник московских сыщиков К.П. Маршалк. Не зря, видимо, при сыском отделении имелись специальная гримировальная комната и костюмерная, с коллекцией одежды на все случаи жизни. А соседу Маршалка по дому в Гнездиновском переулке, градоначальнику Шебеко, революционеры оставили «привет»: двери подъезда украсили звездой из алых лент и вывесили красный флаг.

Тех полицейских, кому не хватило места в Бутырках, отправляли в Таганскую тюрьму («Каменщики»), в арестный дом, на гауптвахту. Однако количество арестованных было столь велико, что многих «сатрапов» пришлось разместить под стражей в кинотеатрах, ресторанах и других подобных местах, наскоро приспособленных для этой цели. Например, в ресторане Егорова находились под стражей триста человек, в знаменитом «Тестовском» – около двух сотен.

Освобождение

политических из Бутырской тюрьмы.

Арестованных помещали в камеры без учета прежних чинов и званий. В одной компании могли сидеть жандармский ротмистр, полковник-пристав, околоточный и городской. Кормили всех одинаково – щами и кашей. Для арестантов, находившихся вне тюрем, пищу готовили в одном из трактиров, и оттуда развозили в походно-полевых кухнях, прицепленных к автомобилям. Всем бывшим полицейским было разрешено получать провизию с воли. Свидания заключенных с родными допускались с особого разрешения.

«Постояльцам» кинотеатров и ресторанов из-за непригодности помещений приходилось спать на стульях, столах и даже на полу, причем первое время без подушек и одеял. Зато они могли свободно разгуливать по коридорам и залам. И хотя обстановка несколько не напоминала тюремную, в некоторых моментах бывшие полицейские проявили себя классическими узниками. По сообщению газеты «Раннее утро», за десять дней пребывания в ресторане Тестова городские и околоточные «... испортили не только мебель, ковры, но и стены, исписав и исчертив их своими фамилиями, неприличными надписями и рисунками».

Отметил журналист и другие особенности поведения бывших служащих МВД:

«По словам коменданта, заключенные околоточные, пристава и жандармы больше всего негодовали на титул “арестованных”, уверяя, что все они добровольно сложили оружие к ногам новой власти, а следовательно, им должна быть предоставлена полная свобода.

Многие сейчас же нацепили красные ленточки, и в одни сутки превратились из “черненьких” в “красненьких”.

Арестованные прилагали все усилия, чтобы доказать свою “невиновность”, и целыми днями строчили прошения и “донесения”».

Городовой Мордобоев

(кар. из журн. «Кривое зеркало». 1917 г.).

После примерно недельного пребывания под арестом практически все рядовые полицейские были освобождены из-под стражи. Работники сыскной полиции были возвращены к прежней службе – ловить уголовников [82 - Сыщики, отсидевшие в городском арестном доме, собрали по подписке 100 руб. и через смотрителя передали их комиссару – видимо, для поддержания бывших коллег, оставшихся в заключении.]. Городовые и околоточные предстали перед воинским начальником. Поскольку все они проходили действительную военную службу, то процедура оформления была недолгой. Бывший полицейский называл полк, в котором служил, и после проверки документов получал в него направление. Репортер «Раннего утра» зафиксировал напутствия, полученные тут же на месте свежее испеченными защитниками свободной России:

«– Давно пора, – кричит раненый солдат, – а то ишь какие морды наели... [...]

Из публики:

– Ну, теперь смоете в боях с немцами свой позор».

Конный жандармский дивизион был переименован в кавалерийскую часть и в полном составе, как сообщали газеты, «с радостью выступил на боевые позиции». И только спустя время после отбытия бывших жандармов из Петровских казарм выяснилось, что с согласия солдатского комитета заведующий хозяйством дивизиона провел широкую торговлю казенным имуществом. На «Сухаревку» был продан даже пожарный инвентарь.

Последнее упоминание о бывших московских полицейских относится к 22 марта 1917 г. – в резолюции общего собрания Совета солдатских депутатов. В ней, после обсуждения приказа штаба округа о посылке на фронт маршевых батальонов, был сформулирован, в частности, такой пункт:

«5. Все полицейские и жандармы, как солдаты, так и офицеры, должны быть разжалованы в рядовые и, поскольку они не подлежат аресту и суду, немедленно отправлены на фронт при особых именных списках и размещены небольшими группами по отдельным частям».

Для нас так и осталось загадкой, кого солдатские депутаты столь рьяно пытались отправить на фронт вместо себя. К тому моменту практически все бывшие сотрудники правоохранительных органов Москвы уже были отправлены в действующую армию. А еще раньше – 14 марта 1917 г. постановлением «Об учреждении милиции» Временное правительство поставило точку в истории самой российской полиции.

Приложение

Рогожский

полицейский дом на Николо-Ямской улице

Помощник полицейского пристава
(полицейский надзиратель) (1884 г.)

//-- МОСКОВСКИЕ ВОРЫ --//

//-- (из журнала «Зритель общества, литературы и спорта». 1863. № 30. С. 140–144; № 31. С. 170–176) --//

Московских воров и грабителей можно разделить на: аферистов разных родов, – барышников, забирах, громил, разбойников и грабителей, дурманщиков, форточников или оконников, домушников и городушников, ершей, жуликов и карманников, конокрадов или лошеводов и поезддушников. Каждый из этих разрядов имеет свои специальные занятия, сообразные со способностями, возрастом, силою нравственною и физическою и т. д.

АФЕРИСТЫ. Лица, составляющие эту категорию, принадлежат к разным званиям, начиная с мужика и кончая дворянином. Между ними есть и мужчины и женщины. Но все они имеют между собою неразрывную связь, потому что случается зачастую, барин не может действовать без мужика и обратно. Каждый почти аферист имеет под рукой агента, в которые по преимуществу избираются люди промотавшиеся, но с умом и образованием, особенно по биллиардной и карточной частям. Обязанность

агента разузнавать: не ищет ли кто под расписку или под залог денег, не продает ли кто или не покупает ли имение, не вдался ли молодой человек с будущим наследством в распутство, и т. под.

Взаимная деликатность.

– Тише, брат, тише! Не разбуди!

(кар. из журн. «Зритель общественной жизни, литературы и спорта». 1863 г.)

Предположим что такой агент или комиссионер узнает что молодой человек, у родителей которого есть хорошее состояние, но которому не дают еще ходу, т. е. денег, немного зарпортовался, нахватал во многих местах деньжонок, а заимодавцы его теснят. Агент адресуется к такому господину с предложением, не угодно ли ему совершить заем: он слышал, что молодой человек ищет значительную сумму, и может это дело устроить. Разумеется, от подобной благодати отказаться молодому, неопытному человеку и в голову не приходит, да и как отказать, когда, сделав заем, можно удовлетворить и неотвязчивых назойливых кредиторов, грозящих адресоваться с заемными письмами сначала к папеньке или маменьке, а потом и в управу благочиния – когда притом из занятой суммы можно оставить еще и себе малую толику и пожуировать неделку-другую. Юноша изъявляет согласие, но под условием небольших процентов. Комиссионер отвечает, что это подразумевается, что дадут из восьми, что состояние кредитующегося так известно – ему же, комиссионеру, только девятый. У заимодавца и ушки на макушке: занять из восьми процентов ему и во сне не грезилося.<

> На другой или в тот же день обязательный комиссионер везет молодого человека к аферистам, которые на подобные случаи имеют приличную и хорошо меблированную квартиру или берут на сутки номер в гостинице и рекомендуют себя обыкновенно за саратовских или *censored*сонских помещиков. После общих разговоров о плохих урожаях и вообще о безденежье помещик-степняк обращается к приехавшему юноше:

– Вам нужно пятнадцать тысяч. К сожалению, не могу вас удовлетворить в настоящее время такой суммой. Вчера сосед по имени вымолил пять тысяч, а со мной и всех-то денег билет в шестнадцать тысяч да рублей пятьсот на расходы. Если вам угодно десять тысяч, они к вашим услугам.

Ни о каких пятнадцати тысячах и речи не было. Юнец мечтает о сумме втрое меньшей, а тут опять благодать так неожиданно.

– Делать нечего, – отвечает он и, чтобы не уронить своего реноме, прибавляет: – Остальные пять я уж где-нибудь прихвачу.

– Так не угодно ли вам завтра об эту же пору пожаловать ко мне, – говорит «саратовец», – а нынче я заеду в Совет разменять билет.

При этом иногда показывается какой-нибудь опубликованный уже давным-давно утраченным билет или переделанный из пятнадцатирублевого в пятнадцатитысячный.

Молодой человек едет домой или в «заведение» в полном восторге и уверенности, что удалось схватить такой куш. Агент следует за счастливецом и объясняет, что так как дела очень важные заставляют его, агента, сегодня же отлучиться из Москвы неделки на две, то он, имея нужду в деньгах, просит покорно удовлетворить его условленным процентом. Разумеется, на радостях такие деньги, если их и нет в наличности, выпрашиваются у родителей, и агент с аферистами удовлетворены за ловко разыгранный водевиль сотнею рублей. На другой день «саратовские» помещики, конечно, улетели: коридорный или

дворник отвечает, что номер или квартира были взяты на одни сутки для вечеринки или бала. Впрочем, вечеринка, иногда и с дамами, действительно справляется.

Вы желаете купить дом – комиссионер тут как тут с предложением и услугами. Он везет и показывает вам дом, который вы находите для себя очень удобным и, что главное, необыкновенно выгодным по цене, чуть не даром. Аферисты во время вашего внимательного осмотра дома разыгрывают роль хозяев; дворник присутствует. После осмотра покупатель отправляется с хозяевами к ним на квартиру, ибо они в своем доме не живут. Начинается торг, составляют домашнее условие, в которое включают непременно неустойку, на случай попятной с которой-либо стороны. Покупщик в восхищении, что выгодно совершил покупку, продавцы в восторге, что продали чужую собственность. Берется задаток. Агент пользуется своей долей от покупателя.

Наивному читателю может показаться странною подобная проделка. Как показывать и осматривать чужой дом? Читайте дальше.

Когда доверчивый покупатель, не найдя в условный день продавцов ни в палате, в которой должна совершиться купчая, ни на квартире, является в покупаемый дом, он получает от дворника ответ такого рода:

– Дом не продается, господа за границей или в деревне, а ему, дворнику, велено отдавать квартиры и смотреть за домом.

– Да я четыре дня тому назад был здесь и осматривал этот самый дом. Разве ты забыл?

– А бог вас знает: может, и были; всех ведь не упомнишь.

– Как же это? – восклицает одуроченный покупатель. – Ты ведь сам нас водил и по квартирам, и по чердаку, и по конюшням.

– Как не водить: начальством приказано.

– Каким начальством?

– Известно каким – начальством. Как вы были, в тот самый день приходил от частного хожалый; говорит, об доме, об вашем бумага така, что осмотреть дом, для тово балки да переводы подгнили. Так вот, говорит, приедут к вам ноне из округа: ты им все и покажь. Ну, я и показал. И на чай дали, дай Бог здоровья, добрые чиновники! А что касательно продажи, господа и не думают, для тово дом в приданое пойдет, сказывали, за старшею за барышней, за Ольгой Петровной, может, изволите знать?

Покупщику остается присесть и застыдиться, пощупать карман, вздохнуть, опять застыдиться и ехать поскорей домой.

Подобных проделок много бы можно привести, но не довольно ли и двух примеров.

Аферисты мелкого сорта употребляют другие фортели. Идете вы хоть бы Кремлем. Навстречу вам женщина, с невинной просьбой:

– Не прочтете ли, батюшка, записочку?

В записочке вы читаете примерно следующее: «Посылаю тебе, милая крестница, золотой крестик червонного золота 92-й пробы». Из любопытства, а иногда и с затаенной корыстью, вы просите показать найденную вещицу. Вам, как бы нехотя, с заметной осторожностью показывают ее и, между прочим, прибавляют:

– Не купите ли, сударь?

Не объясняя, что вещь червонного золота, вы начинаете ее торговать за бронзовую вызолоченную. После многих сомнений со стороны продавщицы, что вещица может быть и золотая, вам удается купить ее очень дешево, положим рубля за два, за три. Вы приходите домой и дарите приобретение супруге, дочери, племяннице. Те, более опытные и менее доверчивые, показывают покупку золотых дел мастеру. Оказывается, вещь не стоит и гривенника: она медная, вызолоченная, да и вызолочена-то даже плохо не через огонь.

Аферисты имеют, между прочим, притон в Колосовском переулке, который технически называется мельницей и куда посредством своих агентов они завлекают господ, преданных разгульной, веселой жизни. В этом притоне происходят всевозможные игры в карты, в кости, в орлянку, «под-ручку». Новичок, попавший сюда, обирается, разумеется, до нитки, смотря по расчету и соображению, в один, два, три приема. Если аферисты видят, что от новоприбывшего можно пожить и впоследствии, иной раз ему и проиграют малую толику.

В числе аферистов есть некто Осип, принадлежащий хотя и к податному состоянию, но принятый во многих домах, где часто любят покутить и покартежничать. Можно догадываться, какой он полезный соглядатай для всей своей братии.

БАРЬШНИКИ. Не тот вор, кто ворует, а тот, кто потакает вору, говорит пословица. Можно,

следовательно, сказать: кто принимает краденое. И действительно барышники, которые заведомо скупают ворованные вещи, составляют одно из величайших зол для Москвы. Строгий надзор за ними, по примеру петербургскому, много бы способствовал к сокращению по городу так называемых шалостей.

– Вы обвиняетесь в намерении вытащить кошелек у господина Х.

– Совершенно несправедливо, господин судья. У меня в тот день похитили деньги, и я только их разыскивал.

(кар. из журн. «Свет и тени». 1880 г.)

Барышники с двух часов ночи выходят в известные места города, иногда партиями в три-четыре человека, и поджидают охотников с добычей, которую приобретают за самую иногда ничтожную сумму: вору возиться с вещью, особенно с громоздкой, не приходится; к тому же он хочет как можно скорее получить деньги и чтоб вознаградить себя за труд и опасности щекотливых занятий. Барышники собираются преимущественно к театрам, экзерциргаузу, к Чельшовским и Сандуновским баням, снуют также по бульварам, вокруг Города [83 - Так в разговорной речи называли торговые ряды либо весь Китай-город.] и в некоторых других местах. Многие из воров спускают краденое и в другие руки, но все-таки большею частью по знакомству.

Барышники-специалисты в свою очередь очень быстро передают так называемые темные вещи, с хорошою уже для себя пользою, некоторым евреям, проживающим в Москве с этою единственною целью. Последние отправляют вещи в родимые города, где и происходят ломка и переделка этой темноты, а потом переродившиеся вещи развозятся по всем ярмаркам.

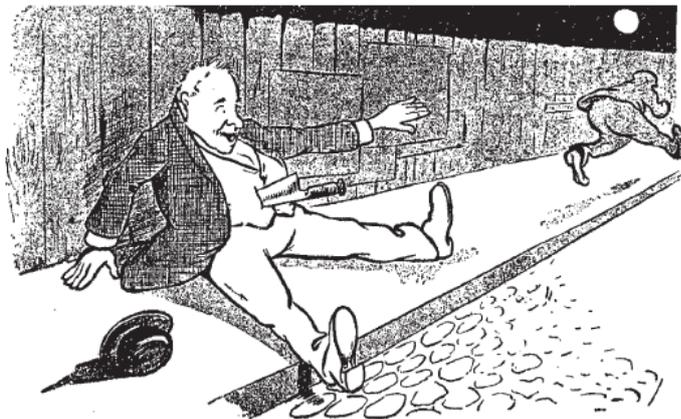
ЗАБИРОХИ, ГРОМИЛЫ, РАЗБОЙНИКИ, ГРАБИТЕЛИ. Сюда принадлежат исключительно люди низших податных сословий, а также дезертиры, бежавшие с каторги и поселения. Люди самого трагического свойства и характера, самые отчаянные, действующие наотважку. Они производят не только грабежи и воровства со взломом, но ни мало не задумываются и не стесняются при надобности или по расчету пускать в работу лом или кистени по головам, особенно если ограбляемый задумает сопротивляться.

Они сходятся по вечерам в известные трактиры, полпивные и другие питейные заведения, куда являются также для заседаний и задушевные, знакомые им, извозчики, известные под метким названием лихачей.

Эти лихачи принадлежат по внешности к той особой породе извозчиков, которые и сидят не так как другие, и вожжи держат не так, и едут не так, и запряжку имеют отличную, залихватскую. Со двора и эти лихачи выезжают не по утрам, а в послеобеденное время, не то под вечерок; останавливаются они не на биржах, а около трактиров, где производятся попойки и кутежи. Лихач за тридцать – сорок копеек и с места не тронется: ему подавай седока лихого, который за один конец, на какую-нибудь Грачовку или на Патриарший пруд, бросит трех- либо пятирублевую, не то барышню в отчаянном кринолине с цветником

на голове, которую бы он на полных рысях подкатил к трактиру в Марьиной Роще. Барышня денег не жалеет – не то платят за нее добрые люди да широкие господа.

В начале сходки грабителей, вооруженных ломami, кистенями, гириями, коловоротами, ножами различной конструкции и другими тому подобными инструментами, идет совещание, и каждым высказывается мнение, куда в эту ночь ехать. На ничтожные кражи эта категория бездельников не рискует: не из чего руки марать; громить так громить. Если погибнуть, попасться, было бы хоть из чего. Покончив совещания, громилы приступают к расчету и делят добытое за прошлую ночь по-братски. Следует попойка; наконец разъезжаются на погром. Ежели возникает вдруг помеха, громилы становятся в грозное оборонительное положение, которое бывает очень опасно как для полиции, так равно и для всякого встречного. Случается, громилы дорогой заметят запоздавшего пешехода в порядочной шубе. Тогда один забироча соскакивает с экипажа, подходит к путнику и без дальних разговоров требует шубу. Если следует возражение, непокорному во мгновение попадает в голову кистень. Подбегают другие, обируют несчастного и оставляют на произвол судьбы. Грабители не редко зорко следят за жертвой, которую назначено ограбить: замечают за иным, куда он ходит, когда возвращается, имеет ли привычку носить с собой большие деньги. Все это преимущественно узнается через прислугу. В этих случаях громилы подговаривают извозчика, который обязан везти седока за такую плату, которую седок с первого раза ему предложит. Разумеется, извозчик везет жертву глухими переулками и в одном из них встречается с честной компанией. Лошадь хватают под уздцы, извозчика для отвода подозрения сваливают наземь, а седока обируют; потом как бы насильно садятся на того же извозчика и уезжают. Ограбленный иногда и кричит, но след грабителей простыл. Если и прибегут на крик ночные и полицейские, спрашивается, что им делать? Виновных нет. Ограбленному остается благодарить Создателя за спасение жизни.

В наши дни.

Пострадавший:

– Господин экспроприатор, вы нож забыли, еще попадетесь!

(кар. из журн. «Искры». 1906 г.)

В то время как воры этой категории производят кражу, один из партии обыкновенно сидит на приготовленном извозчике, другой для наблюдения стоит поодаль, прочие работают. Когда сторожевой заметит, что идет дозор или обход, извозчик, не подавая ни тени подозрения, сходит с дрожек или саней и поправляет упряжь. Седок понуждает его, чем и отводится дозор. А в случае опасности, слышав условное слово, сторожевой бросается в экипаж и валяется напропалую.

Все награбленное сбывается барышникам, большею частью в то же время полпивщикам, кабачникам, табачникам и торговцам старым железом.

ДУРМАНЩИКИ. Дурманщики – разного звания и обоого пола. Они действуют на так называемую «собачку». «Собачка» есть экстракт дурмана в жидком виде. Дурманщики постоянно присутствуют в пивных заведениях, преимущественно около застав и при рынках; другие ходят по домам и действуют своей «собачкой» посредством разных хитростей. Как скоро дурманщик заметит в заведении подгулявшего гостя с деньгами, он старается свести с ним знакомство и вместе пображничать. Случается, дурманщик потчует новоприобретенного знакомого и на свой счет. Эта штука – самая опасная; угощающий во время угощения подпускает в стакан нового приятеля «собачку». «Собачка», разумеется, производит свое действие. Угощенный чумеет, и, хуже нежели пьяный, выталкивается содержателем заведения на улицу, чтоб подозрение не легло на торговца. А на улице всякому своя воля. И одурманенного обируют. Случается, присутствует и помогает хозяин заведения; по крайней мере, он почти всегда прямо или косвенно содействует. Заходит, например, в полпивную с рынка мужичок-торговец,

продавший в базарный день муки, картофеля, капусты на десяток рублей. Буфетчик, всегда ловкий и полированный, между разговорами выпрашивание, откуда гость, т. е. с какой подмосковной дороги, зачем или с чем приезжал, хорошо ли торговал и т. д. После этого допроса буфетчик замечает вскользь:

– Приходила давеча поутру женщина одна, богомолка, должно полагать, искала попутчика в вашу сторону.

Женщина эта, отыскивающая попутчика, иногда вновь заходит в заведение, иногда и не заходит. В последнем случае буфетчик замечает, что богомолка в настоящее время должна быть уже у заставы. Мужичок торопится догнать попутчицу, в чем, конечно, и успевает, потому дело устраивается очень ловко. Если же попутчица заходит в заведение, тут же и сговариваются о подвозе. Мужичок, теперь порожняк, рад везти за безделицу: ехать все равно надо – с седоком поваднее. Буфетчик и вида не подает, что он тут видал эту женщину и что он при чем-нибудь. По окончании сделки богомолка требует бутылку-другую пива для своего возчика и бутылочку меду для себя. Они отправляются. Мужичок, в невинности своей хвативший в заведении или дорогой за заставой пивца с «собачкой», сваливается где-нибудь в канаву, а на другой день, опамятовшись, является пешком в Москву отыскивать лошаденок-кормилиц, и, разумеется, нигде их не находит. Погоревавши и наплакавшись вдоволь, обобранный отправляется пеший и с пустыми руками.

Дурманщики действуют и многими другими средствами. Так, они стараются заводить знакомства, очень кратковременные, с прислугой. В отсутствие хозяев прислуга, всегда падкая на даровое угощение, ублаговывается пивцом, винцом, чайком с «собачкой» и одуревается. Дурманщики тогда делают свое дело в доме.

ЕРШИ, ЖУЛИКИ, КАРМАННИКИ. Это все мелкие карманные воры. Они самые многочисленные; и, можно сказать, самые популярные. К ним принадлежат преимущественно мещане, кантоницы и бессрочно-отпускные солдаты. Многие одеваются чистенько, иногда франтовски и стараются по наружности держать себя прилично. Как воры других категорий, и эти собираются по вечерам в известные трактиры или полпивные, где держат общее совещание, куда и кому завтра отправляться на промысел. Решают, что одному по случаю храмового праздника идти в такую-то церковь, другие должны быть в театре при разъезде, где по случаю новой пьесы или приезда знаменитости ожидается большое стечение публики; третьи отправятся на гулянье, где предполагается много подгулявшего народа, зевак и т. д.

В вагоне.<

- > – Позвольте спросить вас, милостивый государь, вы фокусник?
– С чего вы это взяли? Я им никогда не был.
– Отчего же мои часы бьют репетицию в вашем кармане?
(кар. из журн. «Развлечение». 1862 г.)

Разделясь на отряды и покутив на приобретенную в тот день добычу, карманники рассыпаются по своим норам, а с рассветом, большею частью с Грачовки, ползут как тараканы на определенные накануне позиции, где принимаются за свои занятия. Все жулики, выключая новобранцев, работают хорошо, деятельно и внимательно, хотя зачастую и наудачу, потому что в большей части случаев, запуская руку в чужой карман, не возможно определить заранее, что в нее попадет: старый носовой платок, или ценная табакерка, иной же раз попадет и не в руку, а в шею. Некоторые из ершей поистине гениальны. Конечно, таких немного и они пользуются особым почетом между собратьями, но не должно думать, чтоб по этой

части Москва отстала от самого Лондона: не другое что. Есть и у нас искусники, которые могут снять браслет с дамской руки, вынуть из мужского шарфа булавку, вытащить бумажник из бокового кармана пальто застегнутого наглухо, даже и у едущего. На такой подвиг идет не каждый ерш, но примеры бывают. Выхваченную вещь ерш с быстротою мысли передает подручному, сам же, как ни в чем не бывало, чтоб не подать ни малейшего подозрения, спокойно остается на месте кражи и при случае показывает еще вид соболезнования и негодования, причем даже усердствует к отысканию виновного. Передача карманных приобретений есть обряд неперменный, выключая, когда жулики действуют одиночно, что бывает, впрочем, довольно редко.

— Ах, ты мошенник! Час тому назад твоего брата колотили за воровство, а ты в карман залез!

— Ну, какой же ты, барин! Наш брат боков своих не жалеет, а ты платка пожалел!

(кар. из журн. «Развлечение». 1866 г.)

Один знаменитый жулик, проезжая как-то через Малый Каменный мост на обычное вечернее заседание, заметил по дороге, что церковь довольно блистательно освещена.

— Что здесь такое? — спрашивает хожалого.

— Свадьба купеческая.

Жулик слез с дрожек, вошел в церковь и остановился в кругу родственников и провожатых. Когда обряд венчания кончился, новобрачных, как водится, начали поздравлять, обнимать и целовать. Наш искатель приобретений, одетый очень чисто, во фраке и бархатном жилете с золотыми разводами тоже подходит к жениху с растопыренными руками, обнимает его и лобызает. Жених под влиянием счастья думает, что такой приятный человек, вероятно, один из родственников со стороны молодой, и, развеся губы, взаимно заключает его в нежные объятия. Жулик, которому только того и нужно, снимает с цепочки у молодого золотые часы. Кончив это, он отходит очень спокойно в сторону, мешается в толпу зевак и начинает наблюдать, какой эффект произведет содеянное им: всякому приятно полюбоваться на свое искусство. Вышел эффект следующий. Молодой, продолжая принимать поздравления и целования, вдруг чувствует, что его стрекочет что-то по животу. Оглядевшись, он замечает, что его беспокоит не что иное, как часовая цепочка, несколько укороченная, и что часов его нет. Он до того сконфужен, что внезапно теряет доверие даже к своим истинно-кровным, и, при каждом новом целовании и заключении в объятия из боязни, чтоб не улетучилась и цепочка, до невозможности пятится назад. Все это, конечно, в душе жулика отражается сладким чувством высокого торжества.

Другой такой жулик является однажды с партией подручных в церковь Николая Явленного и подмечает господина, часто вынимающего старинные большие золотые часы. Ерш особенно прельщается веским колпаком часов и, надеясь на свой талант, запускает руку в карман соседа; но, убедясь, что сосед следит за ним, снимает с часов колпак и передает его ассистенту. Владелец часов, однако, хватая ерша, разумеется передачи не заметив, и выводит его из церкви. Он обращается к полицейскому офицеру, прося отобрать украденный золотой колпак. У похитителя требуют похищенное. Он изъясляет претензию, ужасно обижается и с выражением собственного достоинства утверждает, что он подобными глупостями не занимается и впредь заниматься намерения не имеет, что он лицо торговое и не понимает, по какому закону, на каком основании его схватили за воров, вывели из церкви и публично бесчестят, через что

могут пострадать его коммерческие дела, могут быть потеряны кредит и доверие. Затем ерш уже настоятельно требует, чтобы его обыскали и сделали законное постановление, дабы он мог жаловаться на клеветника и искать законного удовлетворения за бесчестие. Подручные говорят, что они его знают, что он человек коммерческий, честный и известный всем обывателям. А так как ерш одет прилично, то и другие свидетели происшествия подают мало-помалу голос за него. Лишившийся часов сильно конфузится, просит полицейского чиновника остановить начатое дело и помирить его с обиженным. Тогда берется с обоих подписка, что они друг на друге ничего не ищут и кончили все полюбовно.

ПОДПОЛЬНИКИ, ДОМУШНИКИ, ГОРОДУШНИКИ. Эта категория состоит из лиц обоего пола и действует по преимуществу артельно. Все одеваются очень хорошо и принимают на себя роли то московских жителей, то иногородних купцов или их приказчиков.

Городушники большей частью навещают магазины, лавки и городские ряды, – откуда и название. Несколько городушников являются, например, в магазин или лавку и спрашивают товар по заранее приготовленному реестру. Начинается сортировка товара; торгуются до невозможности, и, конечно, в цене не сходятся. При прощании покупатели говорят, что они иногородние, и просят продавца, если он найдет возможность уступить товар по назначенной ими цене, побывать вечером на такое-то подворье или в такую-то гостиницу, где спросить таких-то. Дают карточку. В то самое время, когда этот отряд намеревается выйти из лавки, являются новые покупщики из той же шайки и начинают рассматривать разбросанный в беспорядке на прилавках и по полу товар. Купец, естественно, обращается с вопросами и предложениями к вновь явившимся, а первые удаляются с частью товара, который успели запрятать в карманы, прицепить на крючки, нарочно приделываемые к шинелям и пальто, засунуть в неизмеримо широкие шаровары. Новые покупатели также уходят, ничего не купивши, но, если возможно, тоже с товаром. Торговец при уборке товара замечает, что нет того, другого, третьего, но молчит: если он хозяин, чтоб не вызвать насмешку соседей; если товар показывал приказчик, чтоб хозяин не вычел убытка из жалованья. Разумеется, только новичок, и очень простодушный, отправится по объявленному адресу к иногородним, и при первом же спросе коридорного или дворника о таких-то физиономия доверчивого торговца, конечно, вытягивается. Из ответа всегда оказывается, что искомым тут нет и никогда не бывало.

Домушники и подпольники производят кражи большей частью днем, а иногда и под вечер. Они разъезжают или ходят по одному, по два, по три человека и более, смотря по надобности. Они выписывают из газет нужные им публикации, где, примерно, передается квартира, продаются вещи, а также изготовляют на разных диалектах от возможно известных лиц письма, в которых объясняется, что податель письма человек честный ищет себе места, или просит пособия, или рекомендации к другим лицам и т. под. С такими отводо-подозрениями они заходят смотреть квартиру, стараясь по возможности избежать встречи с дворником, спешат вскочить на крыльцо, где передается квартира, и таким образом являются в переднюю, в которой весьма обыкновенно прислуги не обретается. В этом случае берется платье, которое оказывается в прихожей, надевается на плечи, или прячется под шинель, а если под руку попало другое, берут и другое. Когда же в передней оказывается кто-либо, вошедший спрашивает о квартире, просит позволения осмотреть ее с товарищами, которые дожидаются на крыльце или в сенях. Идут осматривать. Один считает комнаты, другой окна, третий печи, четвертый, проскользнув в кабинет, берет часы, кольца и вообще что попадется из мелких, но ценных вещей, и потом, пробравшись в переднюю, как ни в чем не бывало стоит и поджидает товарищей. Если же заметит, что товарищи квартиру осмотрели и выходят, он схватывает что-нибудь и из висящего платья и перебегает в сени или на крыльцо. За ним следуют и остальные; из числа их один, однако, тотчас же возвращается, чтобы дать время всем своим скрыться, и просит объявить решительную цену, а, на случай если барин, которого на тот раз, конечно, нет дома, согласится уступить, оставляет карточку. Слуга, показывавший квартиру, непременно получает полтину или рубль на чай, провожает щедрого барина далеко за ворота и подсаживает его в сани или на дрожки с усердными поклонами.

Возвращается барин и замечает в своем кабинете некоторый беспорядок или, правильнее, и недостаток. Он звонит.

– Где мои часы с цепочкой?

– Я, сударь, не знаю: они, кажется, давеча были вот на этом столе.

– Знаю что были, да теперь-то где они?

Туда-сюда – нет часов; нет и бриллиантового перстня, нет и еще кое-чего.

– Кто же их взял?

– Ей-богу, сударь, не знаю.

– Да не был ли здесь кто?

– Никого не было. Только господа приезжали какие-то квартиру смотреть. Хорошие господа. В кабинет не входили, а взглянули издали. Вот они и адрес оставили, если изволите уступить.

– Ротозей! Беги скорей, скажи, чтоб возвратили вещи, а то, мол, я сейчас к обер-полицмейстеру!

Слуга, простодушный не меньше барина, не осмотрев прихожей, летит к оставившим адрес и, конечно, не отыскивает их, как, воротившись, не отыскивает в передней и пальто с бобровым воротником.

Точно так же домовники рассматривают и вещи, продаваемые по публикациям. Вещи исчезают иногда в глазах продавца.

Являющиеся в дома с рекомендательными письмами обыкновенно просят слугу подать барину письмо; другие в это время стоят в сенях и ждут условного знака. Когда слуга отправится к барину, принесший письмо подает знак, и товарищи в один миг входят, схватывают что под рукой из платья и других вещей и исчезают. А податель письма узнает от воротившегося, что господа почивают или в настоящее время не могут принять. В первом случае домовник просит слугу подать барину письмо, когда он проснется, и также дает на чаек. Человек обещает и провожает гостя до ворот, потому что последний пускается в кое-какие объяснения с целью протянуть время. А у ворот всегда поджидает извозчик, такой же хват как и седок. Впоследствии, иногда и тотчас, в доме замечают, что нет образов, нет вазы, исчезли со стены картина, часы, со стола канделябры, подсвечники.

Новый способ охранять имущество от

воров

(кар. из журн. «Развлечение». 1864 г.).

Из этой категории являются также в дома во время больших званых обедов, и обыкновенно с заднего крыльца, с так называемого черного хода – в этой части дома по преимуществу моют приборы. Ежели посетитель встречает прислугу, он очень вежливо говорит:

– Я вот тут получил по городской почте письмо: приглашают меня в учителя к детям. Не знаете ли, где они живут?

Ответ, разумеется, следует, что такого господина тут нет, что квартирует здесь такой-то или такая-то, а не угодно ли спросить дома через два: там есть дети. Ежели при этом прислуга зазеваётся, не успеет она и глазом моргнуть, ложка, другая и третья перелетают в карман лжеучителя. Такие же молодцы в послеобеденное время заходят на кухни, надеясь на то, что иной повар, окончив свою деятельность и, может быть, выпив, завалился на часок-другой всхрапнуть. Под храп выбирают медную посуду и отправляются с нею восвояси. Дворнику или кому другому, находящемуся на дворе, в случае вопроса, домовник, не конфузясь, отвечает, что посуду лудить несёт: еще вчера присылали, чем дворник и удовлетворяется.

Случается, некоторые из этой категории бывают в театрах, собраниях, маскарадах. При выходе требуют свое платье, крича какой-нибудь номер, контрамарки же прежде не показывая. Надев поданное платье, вор старается в суматохе, сунув слуге контрамарку, поскорее уйти. Если же слуга не простофиля и требует контрамарку вперед, вор, извиняясь, говорит:

– Ах, боже мой, я ошибся: у меня не девяносто шестой, а шестьдесят девятый номер.

Извинение, по замечанию следивших за этими любителями особенно хороших шуб, всегда происходит по-французски. Иногда надевший чужое платье, заметив, что его догоняют, притворяется пьяным, чтобы

дать вид, что он не разобрал своего от чужого, часто даже бурлит, шумит и доводит до того, что его просто выгоняют вон. Во время спектаклей, случается, из лож пропадают – шубы, салопы и другая верхняя одежда. Этим делом занимаются те же молодцы. В ливрее лакея домушник, заметив, что зрители прогуливаются во время антрактов по коридорам театра, очень покойно входит в ложу. Ежели в ложе есть кто-нибудь, он извиняется в ошибке, если в ложе нет никого, в мгновение шуба у него на плечах.

ПОЕЗДУШНИКИ. Поездушники или фельдшера, отворяющие кровь возам, исключительно мужчины, и из самого низшего класса московских обывателей, привыкшие переносить всякую нужду и всевозможные бедствия житейские. Они терпят холод и голод с твердостью истинных стойков; сырость, грязь и непогодь им нипочем; чем темнее ночь, тем больше радуется их сердце – более надежды на добычу. Эти вори-демократы занимаются своим ремеслом преимущественно по дорогам и вблизи застав, обыкновенно по ночам и на рассвете, когда обозники и ямщики большею частью спят или одолеваемы дремотой. Работа поездушников не трудная, не хитрая, не артистическая, не требующая никаких инструментов, кроме складного садового ножа, которым можно разрезать кожу у тарантаса, рогожу, под которой лежит товар, перерезать ремни или веревки у чемодана, привязанного на запятках. Поездушник имеет при себе еще отвертку, и, сядя на запятки, рессоры или просто на заднюю ось экипажа, он отвинчивает ею винты, которыми прикреплены сундуки. По утрам поездушники стягивают у баб, едущих на рынок, молоко, которым и утоляют жажду вследствие вечерней выпивки. Некоторые из этих обозных фельдшеров пускаются иногда и на хитрости. Возвращался однажды обоз с мануфактурным товаром из Нижегородской ярмарки. Извозчики не дремали и были каждый при своем возе. Один из фельдшеров подходит к передовому и, притворясь, что у него очень болят зубы, просит Христом Богом дозволить у передней оси поглотать густого дегтя, отчего будто бы зубная боль проходит. Извозчик, может из любопытства, останавливает свою лошадь. Стал первый, стали, следовательно, и другие и, как обыкновенно, подошли к переднему товарищу узнать, что такое подеялось: не сломалась ли ось, не соскочило ли колесо? Подошли, – видят под осью лежит человек и усердно гложет деготь. Что такое? Товарищ объясняет, в чем дело. Дивятся, задают вопросы.

– Ну что, малый, полегчало?

– Задним-то полегчало, отвечал пациент, – а передним все трудно, тяжело.

Задние возы действительно во время лечения облегчали товарищи больного. Он же наконец вылезает из под телеги, благодарит благодетелей и отправляется своей дорогой, т. е. к товарищам, в условленное место для раздела добычи.

ЛОШЕВОДЫ или **КОНОКРАДЫ.** Эта категория состоит большею частью из негодных кучеров, извозчицких работников и крестьян, с малолетства привыкших к конокрадству. Народ очень жалкий, без добычи только что не умирающий с голоду. Действуют конокрады почти всегда поодиночке, редко партиями. Лошеводы имеют сношения с живодерами и мелкими лошадиными промышленниками. Плохой товар сбывают первым, получше – вторым. Большею частью эти промышленники шатаются около застав по кабакам и полпивным, наблюдая за пьяными крестьянами, возвращающимися из Москвы в деревню. Некоторые действуют и на «собачку».

Лошевод, заметив одиночного пьяненького мужика, старается свести с ним знакомство, угощает его и по-приятельски советует ему, припрятав подальше деньги, убираться поскорее домой, «а то, брат, здесь ведь пошаливают». Простодушный мужичок по уборке денег за голенище отправляется в дорогу, а в виде благодарности и для повадки предлагает подвезти и приятеля, которому надо отправляться в ту же сторону пешком. Как скоро «собачка» произвела свое действие, т. е. привела мужика в бесчувственное состояние, конокрад, вынув деньги и свалив мужика куда-нибудь в канаву, возвращается в Москву, где и сбывает приобретенную лошадь и телегу или сани с упряжью. Также поступают конокрады с кучерами и извозчиками, которых нанимают куда-нибудь подвезти. На дороге завертывают в полпивную, где пьют сами пиво и в виде особого расположения к вознице поят и его с примесью дурмана, а потом одуревшего сваливают на улице. Во всех этих проделках зачастую помогают конокрадам и сидельцы полпивных.

ФОРТОЧНИКИ или **ОКОННИКИ.** Эта шайка состоит преимущественно из мальчишек, потому естественно, что нельзя же большому пролезть в форточку. Мальчишки эти – народ очень ловкий и не глупый. Форточники принадлежат к самому бедному классу городских жителей, преимущественно к нищим. Они обучаются предварительно разным гимнастическим упражнениям: лазить по желобам, ходить по карнизам и водосточным трубам. Возмужав, форточники обыкновенно поступают в громилы, о которых сказано выше. Инструменты форточника – стамеска и веревки с крюками. Взобравшись в доме

через окно или форточку, мальчишка выбрасывает на улицу все попавшиеся ему под руку вещи, которые подбирают товарищи. Стамесками отворяют письменные столы, комоды, шкапы, сундуки. По окончании операции форточник зацепляет за подоконник крючок и спускается по веревке на улицу. Случается, такого опустошителя схватывают на месте преступления. Но как эти мальчуганы вообще очень ловки, живы и находчивы, то большею частью они и отделываются не мытьем, так катаньем. Иногда они прибегают к хитростям: притворяются глухими, немыми, дурачками. Представят такого воришку в полицию, подержат, подержат его в арестантской и, не добившись никакого толку, наконец выпустят.

В тесноте – да не в обиде

(кар. из журн. «Свет и тени». 1880 г.).

У многих обывателей есть привычка отворять на ночь окна. Так как всякому известно, что под утро сон у человека крепче, то форточники и пользуются этим временем предпочтительно. Они выходят из своих нор часа в два полночи и, видя открытое окно, бросают жребий, кому в него отправляться. Большею частью форточники одеваются штукатурками, т. е. в рубашку и портки, обрызганные известкой; для приличия же и отвода глаз нередко имеют при себе ведро, необходимую для них веревку и лестницу. Приставя лестницу к окошку, оконник отправляется в комнаты неосторожного обывателя. Через несколько минут в окно начинают выскакивать разные вещи. Если кто из полицейских заметит подобную проделку, ему иногда и в голову не придет, что это не штукатур работает, и, не видя ничего подозрительного, полицейский идет своей дорогой, а оконники, остановив на минутку свои работы, потом продолжают распоряжаться опустошением квартиры.

//-- * * * --//

//-- ПАУКИ НА СОЛНЫШКЕ --//

//-- Из газеты «Утро России» от 5 марта 1917 г. --//

Третьего дня еще звучало трусливо-выжидательное, тревожное.

– А что, если вдруг...

Вчера уже не было никаких «если», никаких «вдруг». Велика царица Москва. Твердая, непреклонная и торжественноспокойная, она нашла самое себя; она знает, что делать.

Став хозяином, народ проявил все величие духа и доказал в первые же дни бескровной московской революции, что может обходиться без нянек и пестунов. Опьяневшая от свободы толпа, что ребенок. В веселом задоре вешала красные ленты на монументы. В красном – Минин и Пожарский, в красном Пушкин и первопечатник.

Как сон, как сказка, чередуются цепи перевоплощений.

Из жандармских казарм на Садовой выходят вдвоенными рядами полевые жандармы, опоясанные саблями, без ружей и револьверов. Выстраиваются вдоль панели эскадрон за эскадронам, вытягиваются в длинную колонну. Впереди – оркестр в полном составе. Команду над дивизионом принимает молодой вахмистр; он крестится и громко произносит:

– Ну, теперь, братцы, и мы народ!

И подтянувшись, командует:

– Смирно! Первый эскадрон шагом... арш!
Оркестр громом бравурного марша покрывает шум толпы.
Проносится гулом:
– Братцы! Жандармы! С нами!
Благодушная толпа бросает ленты, подхватываемые жандармами.
Многие из них машут фуражками. Откуда-то появляются красные флаги. Бравый унтер-офицер машет знаменем с золотой надписью «Да здравствует свободная Россия».

По всему городу происходит деятельная ловля тараканов, ядовитых пауков и смрадных тарантулов. Их вытаскивают из темных щелей, выводят на улицу и под свист и крики толпы ведут к Думе. Тут полицейстеры, приставы, околоточные, жандармы, сыщики и «всякие агенты».

– В солдаты их, негодяев! – неистово требует кто-то.
– В какие солдаты? Их-то? Армию поганить? В рабочие команды, в арестантские роты! Пусть дороги строят да мостовые мостят.
– Пра-авильно.
Желчный старик в судейской фуражке говорит:
– На железных дорогах сто тысяч избранных здоровяков-жандармов били баклуши в дни, когда брали в армию больных и немощных. Государству обходились они в десять миллионов рублей, а что делали? По статистике, в запрошлом году ими изловлено на всех дорогах 217 карманников и поездных воров. Это выходит – пятьсот сизых героев одного жулика добывали.
– Всех на фронт! И городских тоже! Поглядите, их нет и – какой порядок?!
– А вот еще скорпионов ведут. На солнышко их! Тьфу, мерзость!
Три раскормленных, толстенных пристава с искаженными животным страхом лицами, а рядом юркие, растерянные человечки в котелках – сыщики. Окружают их студенты с винтовками.
– В ногу идите! Кашевары несчастные! – кричат встречные казаки. Загорелые, обветренные, с крестами и медалями – целая сотня донцов окружает автомобиль с жандармскими офицерами.
– Станичники, сомкнись!
Навстречу еще казаки с молодым, смуглолицым есаулом.
– Пулеметчиков, полицейских снимать идем!
Изо всех участков ведут пауков и их «добро»: винтовки, револьверы и шашки, заготовленные на предмет братоубийства, и ящики коньяку и вин.
Запасы вин и водок найдены во всех участках.
– Спяну и отец родной чужим покажется, – пояснил седобородый дружинник.
У гостиницы «Пассаж» тараканов останавливают.
– Бутырцы идут. Шапки долой!
Толпа обнажает головы. Срывают фуражку с головы жандармского ротмистра. Проходят мужчины и женщины с изможденными лицами, но с горящими глазами – страстотерпцы народные.
В толпе движение. Кто-то запекает молитву. И вновь тянется тараканье племя «целыми выводками».
– Ур-ра! Трефа ведут!
– Какого Трефа?
– Самого настоящего. Старого охранника!
Несколько солдат окружают группу агентов, а впереди ведут знаменитую собаку-сыщика. На шее красный ошейник.
Треф смущен. Глядит на памятник генералу Скобелеву с красным знаменем на поднятой шашке и уныло твккает.
– Треф молодец!.. Он утром помог нам всех агентов разыскать. На чердаках брали, в подвалах.
– Ура Трефу!
На Воскресенской площади толпа окружает всех выходящих из Думы.
– Ну, что, как там пауки и тараканы?
– Сидят! Много их. Жандармы, приставы, охранники?
– Не убежали бы.
– Щели замазаны. Не убегут! Все будут на солнышке.
– А юродивенький неизвестно где?
– Кажись, пойман... Никто не уйдет. В Государственной Думе целый клоповник для них устроен. Всю мразь выскребли. И Протопопова.
– Ну, Протоповов, брат, молодец. Не будь его, народ, может, еще бы медлил... Он сразу всю тараканью подлость проявил. Протопопов и Распутин, они взорвали на воздух русскую реакцию. Молодцы, ребята!

– Ведут, братцы, еще ведут!

С Тверской тянется хвост пауков. Все сытые, крепкие, щеголеватые. Из толпы возгласы:

– Ишь, разнесло их как! Кровью нашей питались!..

Они ползут и ползут, извлеченные из щелей и застенков, и такими противными и гадкими выглядят на солнце!..

Паучье приволье – во тьме, да под крепкой паутиной, а когда паутина изорвана и пауки на солнце – они гибнут. И гибнут с ними извлеченные из мрака тараканы и прочая, отжившая свое, нечисть.

Идут вереницы темных засильников, и с некоторыми их жены.

Слава богу, окончился праздник мрака и мракобесия!

Александр Тамарин

//-- В КОМНАТЕ АРЕСТОВАННЫХ --//

//-- (из газеты «Утро России» от 5 марта 1917 г.) --//

– Вот они, вот. Ведут голубчиков...

Солдаты, студенты, милиционеры и прочая штатская публика жадно устремляются к вестибюлю городской Думы. По широким лестницам вверх, во второй этаж, подымается странная группа.

Впереди двое солдат с ружьями. Посреди три полицейских чина. Один помощник пристава и два околотовных надзирателя. Сзади них пять студентов-милиционеров.

Лица у арестованных красные от смущения. Глаза опущены вниз. Только секунду подымутся веки, и тогда на толпу устремляется злой, ненавидящий взгляд.

– Довольно крови попили, – раздаются возгласы в толпе, – пора и честь знать...

Идущие впереди арестованных солдаты весело улыбаются. Студенты-милиционеры, напротив, настроены весьма серьезно и стараются выглядеть «настоящими» конвоирами.

– Товарищи, пропустите арестованных!

Толпа сжимается, и под гул голосов и выкриков весьма обидного содержания арестованные проходят в комнату для заключенных.

К проходящим арестованным приставам быстро приближается человек в арестантском халате. Он вышел из залы, где временно размещены выпущенные из Бутырок.

Он пристально, напряженным взглядом следит за процессией. Лицо очень бледно. Губы трясутся от волнения, и он еще долго остается на месте, смотря вслед ушедшим.

Что пережил в эту минуту этот человек, только что освобожденный народом, увидя так ярко, так символически все значение совершившегося в жизни страны? Увидя тех, кто, быть может, несколько лет тому назад являлись к нему ночью и лишали свободы?

С разрешения дежурного офицера меня проводят в помещение одной из канцелярий, где находятся около двадцати полицейских чинов, и среди них шесть помощников приставов.

Очень странное ощущение испытываешь, когда видишь под стражей этих людей, еще вчера сажавших под стражу других. Многие из них сидели на столах с поникшими головами и, очевидно, предавались горестным думам о превратностях жизни. Некоторые тихо переговаривались друг с другом о новых и неожиданных впечатлениях...

В этой же маленькой комнате по углам, под столами примостились задержанные громилы и *censored* ганы. Некоторые из них оказались пьяными. Задержаны они были патрулями при разгроме лавок на окраине города.

В комнате для задержанных городских и жандармов очень шумно. Здесь их около 200 человек. Многие из них в штатском платье.

Одна группа городских задержана была в Сандуновских банях переодетой в... женское платье. Передавали, что при приближении отрядов революционеров городские «дружески» одолжили платья у женской прислуги бань.

– Да я его хотя бы голышом узнаю, – говорит часовой, приставленный к арестованным. – Ишь ведь морды-то какие, даже тошно делается, – и он плюнул с омерзением на пол.

Городовые, смущенные этой репликой, растерянно поглядывали друг на друга, жались в глубь комнаты, и оттуда раздавались отдельные голоса:

– Напрасно все это. Мы сами всей душой с народом. У всякого своя служба...

От толпы задержанных отделился один городской и, подойдя к нам, сказал:

– Вот относительно пищи и одежды... Шинели у нас отобрали...

Милиционер спокойно выслушал жалобу городского и сказал:

– Ну, относительно этого вы не беспокойтесь. И накормим, и оденем. Так на улицу не выпустим. Позаботимся о вас лучше, чем вы заботились о нас...

2 часа ночи. А в городской Думе все то же непрерывное движение. Каждый знает свое место. Чувствуется твердая, руководящая рука.

Гудят автомобильные гудки на площади. Около орудий костры...

М. З.

Указатель имен

Абиняков, околоточный надзиратель

Аксакова-Сиверс Т.А.

Анна Иоанновна, императрица

Адрианов А.А.

Адрианова А.А.

Азеф Е.Ф.

Аксаков И.С.

Аксаков К.С.

Александр I

Александр III

Алексеев Н.А.

Алмазов Б.Н.

Амфитеатров А.В.

Аносов, околоточный надзиратель

Антонов И.Е.

Аракчеев А.А.

Арапов Н.У.

Арефьев В.А.

Арнольд Ф.К.

Архаров Н.П.

Балашов А.Д.

Барабин, судебный следователь

Беклемишев А.П.

Белинский В.Г.

Бенкендорф А.Х.

Боборыкин П.Д.

Бобриков Н.И.

Бобринская В.Н.

Богословский М.М.

Богословский М.М.

Бодянский О.М.

Бояновский П.Ф.

Будберг А.Р.

Булгаков А.Я.

Булгаков К.Я.

Булгарин Ф.В.

Бульгин А.Г.

Бунин Ю.А.

Буренин В.П.

Бутиков И.П.

Вачнадзе, князь

Вильгельм Зюдерманландский Бернадот

Витте С.Ю.

Власовский А.А.
Вознесенский А.Н.
Волков, потомственный почетный гражданин
Волков Е.Н.
Волков И.В.
Воробьев, брендмайор
Воронец Ю.Д.
Воронин А.А.
Восторгов И.И.
Врубель, частный пристав
Вьюрков А.И.
Вяземская, княжна
Вяземский П.А.

Гадон В.С.
Ганце А.Х.
Гарин Н.П.
Гартье Н.Ф.
Гебль Полина
Геннерт А.И.
Герцен А.И.
Гершельман С.К.
Гессель, домовладелец
Гиляровский В.А.
Гоголь Н.В.
Голицын Д.В.
Голицынский А.П.
Гольм, частный пристав
Гончарова Н.Н.
Горелин Л.
Горсткин, чиновник
Готовцев В.
Гребенников Ф.В.
Греков М.Т.
Громека С.С.
Грузинов А.Е.

Давыдов, полицмейстер
Давыдов Н.В.
Девиер А.М.
Джерожинский А.А.
Джунковский В.Ф.
Диевский Н.Г.
Долгов Е.Ф.
Долгоруков В.А.
Долгоруков П.В.
Дорошевич В.М.
Дубельт Л.В.
Дурнин И.
Дурново П.Н.
Дурново П.П.
Дуроп И.К.

Евсеев, вымогатель
Ежов Н.М.
Екатерина II

Жавцын П.
Жихарев С.П.
Жичковский Р.Ф.

Заичневский П.Г.
Закревский А.А.
Замайский, квартальный надзиратель
Замойский, квартальный надзиратель
Замятин (Замятнин) П.Н.
Заневский Ч.С.
Затончковский Н.Ч.
Зезюлинский Н.Ф.
Зимин Н.П.
Зотов М.С.
Зубатов С.В.
Зубковский
Зубов В.А.

Иванов Е.П.
Ивашкин П.А.
Извеков, студент
Иохтесс, судебный следователь

Калинкин, городской
Караваев, городской
Каракозов Д.В.
Кейзер В.Ф.
Керстич В.Г.
Климович Е.К.
Козлинина Е.И.
Козлов, городской
Козлов А.А.
Колосова А.И.
Колошин С.П.
Корсаков, околоточный надзиратель
Кошко А.Ф.
Криницкий Марк (Самыгин М.В.)
Кронштейн, городской унтер-офицер
Кропоткин (Крапоткин) А.И.
Короткий В.А.
Крылов Н.И.
Крысанов Г.
Кулешов В.
Куликовский П.А.
Куренков А.
Курлов П.Г.

Лазовский А.П.
Ларепланд, частный пристав
Ларионов А.П.
Лебедев В.И.
Левитов А.И.
Ленин В.И.
Ленский Д.Т.
Лермонтов М.Ю.

Лесков Н.И.
Лесли П.Н.
Лохматкин, городской
Лужин И.Д.
Львович Г.А.

Мазурина М.А.
Маклаков Н.А.
Максимов М.М.
Мальшев Ф.
Мамонтов С.И.
Мамонтов С.С.
Манцуров В.Г.
Мартынов А.П.
Марченко, корнет
Маршалк К.П.
Маслов Н.Д.
Матерн
Медведев, шофер
Медведева Н.М.
Медем фон Г.П.
Медников Е.П.
Мекк фон Н.Ф.
Менгден фон Н.В.
Мерзляков, городской
Меркулов В.Н.
Миллер Ф.И.
Милюков А.П.
Милютин Н.А.
Минятов К.А.
Миртиманов К.Ф.
Михайлов, дворник
Мичинер И.Б.
Модль В.Ф.
Мочалов Г.И.
Мора К.
Морозов Н.А.
Морозов С.Т.
Муравьев А.Н.
Мусин-Пушкин А.И.
Муханов С.Н.
Мясницкий И.И.

Назанский В.И.
Найденов Н.А.
Натальин С. (Собольщиков В.И.)
Нащокин П.В.
Николай I
Николай II
Новиков А.
Новиков М.М.
Новицкий
Норов А.С.
Нос Е.А.
Носович В.П.

Огарев Н.И.
Одоевский, князь
Одоевский В.Ф.
Окунев Н.П.
Ольденбургский А.П.
Орлов А.Ф.
Орлова-Денисова Н.А.
Осоргин М.А.
Островитянов К.В.
Островский А.Н.

Павлов И.П.
Пазухин А.М.
Пеликан А.А.
Петр I
Петров Н.Г.
Петров-Водкин К.С.
Погодин М.П.
Покровский Д.А.
Полежаев А.И.
Ползиков Д.А.
Поликарпов К.М.
Поль, полицмейстер
Поль С.А.
Полянский А.М.
Постовский, частный пристав
Потапов А.Л.
Прокудин Я.Ф.
Протопопов А.Д.
Пушкин А.С.
Пуцин И.И.

Разумовская Н.Г.
Ребров, частный пристав
Рейнбот А.А.
Рейнбот З.Г.
Реутский, чиновник
Робашевский, околоточный надзиратель
Розанов Н.П.
Романов С.А., великий князь
Ростопчин (Растопчин) Ф.А.
Руднев И.Н.
Рудников Ф.И.
Рябушинский Ф.П.

Саврасов А.К.
Самарин П.А.
Санглен де Я И.
Санковская Е.А.
Севенард А.Н.
Соколова А.И.
Сологуб, чиновник полиции
Станкевич Н.В.
Стефанов В.М.
Столыпин П.А.
Страхова

Стрижевский И.В.
Строев В.П.
Соколов П.П.
Судоплатов Н.И.
Сухово-Кобылин А.В.

Тарасов И.Т.
Тарновский А.А.
Телешов Н.Д.
Тенцов, мещанин
Тимашев А.Е.
Тимашев-Беринг А.А.
Тищенко Ф.
Толстой Л.Н.
Трепов Д.Ф.
Трепов Ф.Ф.

Успенский Г.И.
Устимович П.А.
Ушаков Г.Г.

Фокеев М.С.
Фрумкина Ф.
Фукс В.Я.

Халатов А.Б.
Халютин Л.И.
Хворинов И.
Хлебников Н.В.
Ховрина М.Д.
Ходасевич М.Ф.
Хомяков А.С.

Цуриков Н.А.
Цынский (Цинский) Л.М.

Чеботаревский, студент
Чебышев Н.Н.
Черкашин С.Н.
Чмырев Н.А.

Шварц К.И.
Шебеко В.Н.
Шабельская Е.А.
Шевелкин, купец
Шелапутин Н.С.
Шершнев И.П.
Шестаков
Шидловский, пристав
Шиллер, надворный советник
Шмидт Н.П.
Шнейдер, чиновник
Шпан К.И.
Шпейер, субинспектор
Шубинский Н.П.
Шувалов П.П.

Шульгин А.С.
Шульгин Д.И.
Шульгин К.А.
Шульгин С.А.

Щапов Н.М.
Щапов П.П.
Щепкин Н.Н.
Щепкин Н.П.
Щербатов А.А.

Эрн Е.И.

Юрковский Е.К.
Юрьев А.А.
Юсупов, граф Сумароков-Эльстон Ф.Ф.

Языков М.Д.
Языков Д.
Яковлев, секретарь
Янковский Е.О.

Литература

- Аксакова-Сиверс Т.А. Семейная хроника. М., 2006.
Алмазов Б.Н. Стихотворения// Поэты 1860-х годов. Л., 1968.
Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 2. М., 2004.
Андреевский И.Е. Реформа исполнительной полиции в России. СПб, 1878.
Богословский М.М. Москва в 1870—1890-х годах. // Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989. С. 387–425.
Бодянский О.М. Дневник. 1852–1857. М., 2006.
Булгаков А.Я. Воспоминания А.Я. Булгакова о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федора Васильевича Ростопчина. СПб, 1904.
Булгарин Ф.В. Иван Выжигин и его приложение Петр Иванович Выжигин. М., 2002.
Бунин Ю.А. Студент и квартальный. // Заря. 1914. № 2. С. 13–14.
Быстрянский В.А. Не полиция, а всенародная милиция. Пг., 1917.
Вознесенский А.И. Москва в 1917 году. М., 1928.
Гремяченский Д.Г. Наша полиция. М., 1906.
Громека С.С. Два слова о полиции. // Русский вестник. 1857. Т. IX. № 11. Июнь. Кн. 1. С. 175–179.
Громека С.С. Еще о взятках. // Русский вестник. 1857. Т. X. № 14. Июль. Кн. 2. С. 65–70.
Громека С.С. Пределы полицейской власти. // Русский вестник. 1858. Т. XV. № 9. Май. Кн. 1. С. 170–179.
Громека С.С. Полицейское делопроизводство. // Русский вестник. 1858. Т. XVI. № 13. Июль. Кн. 1. С. 178–194.
Громека С.С. О полиции вне полиции. // Русский вестник. 1858. Т. XVII. № 20. Октябрь. Кн. 1. С. 679–692.
Громека С.С. Последнее слово о полиции. // Русский вестник. 1859. Т. XX. № 8. Апрель. Кн. 2. С. 635–659.
Грот Александровского сада.// Зритель общественной жизни, литературы и спорта. 1863. № 21. С. 673–676.
Дело б. московского градоначальника Рейнбота и его помощника Короткого. СПб, 1911.
Дело бывшего московского градоначальника генерал-майора А.А. Рейнбота: Обвинит. акт. М., [1911].
Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1–2. М., 1997.
Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998.
Долгоруков П.В. Петербургские очерки. – Памфлеты эмигранта. – 1860–1867. М., 1992.
Железнов Иосаф. По поводу упразднения казачьего полка в Москве. // Современная летопись. 1861. №

34. С. 1–3.

- Жихарев С.П. Записки современника. М., 2004.
- Зезюлинский Н.Ф. Записки военного корреспондента. // Знамя. 1940. № 4–5. С. 59–120.
- Зерцалов А.Н. Объезжие головы и полицейские дела в Москве в конце XVII в. М., 1894.
- Инвентарные описания московских городских имуществ и оброчных статей. Т. 1. Здания, принадлежащие городу. Вып. 1–2. М., 1862.
- Инструкция околоточным надзирателям Московской столичной полиции. М., 1906.
- Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб, 1913.
- Казус ежедневной жизни. // Современная летопись. 1864. № 28. С. 13–14.
- Керстич И.Г. Алфавитный сборник руководящих приказов и циркулярных распоряжений по московской полиции. Ч. 1–3. М., 1907–1911.
- Козлинина Е.И. За полвека. 1862–1912 (пятьдесят лет в стенах суда). М., 1913.
- Колдаев В.М. Из истории практической криминалистики в России. М., 2005.
- Коль, Игганн Георг. Москва, 1837–1841: записки путешественника. М., 2005.
- Кондратьев И.К. Драма на Лубянке; Божье знаменье [Повести]. М., 1992.
- Кошко А.Ф. Очерки уголовного мира царской России. М., 2001.
- Криницкий Марк. Молодые годы Долецкого. М., 1917.
- Левитов А.И. Московские норы и трущобы. Т. 1. СПб, 1866.
- Максимов М.М. Московские тайны: Рассказ сыщика. Ч. 1–10. М., 1861–1862.
- Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов. // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М., 2004. С. 29–408.
- Милюков А.П. Петербург и Москва. На улице и еще кое-где. Листки из памятной книжки. СПб, 1865.
- Мысли о петербургской полиции. СПб, 1881.
- Найденов Н.А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 2007.
- Наталин С. Полицейские будки в Москве. // Наше время. 29.11.1862.
- Несколько слов о полицейских курьерах. // Современная летопись. 1868. № 39. С. 8–9.
- Никифоров Д.Ф. Старая Москва. Ч. 1. М., 1902.
- Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. New York, 1952.
- О преобразовании полиции в Империи: [Законопроект]. [СПб, 1913].
- Одоевский В.Ф. Езда по московским улицам. М., 1866.
- Окунев Н.П. Дневник москвича. Кн. 1. М., 1997.
- Описание дел Московской управы благочиния. Вып. 1. М, 1909.
- Островитянов К.В. Думы о прошлом. М., 1967.
- Пазухин А.М. Купленная невеста. М., 1895.
- Пеликан А.А. Во второй половине XIX века. // Голос минувшего. 1914. № 2.
- Петров-Водкин К.С. Пространство Эвклида. СПб, 2000.
- Проект учреждения полиции. С постатейными объяснениями. СПб, 1913.
- Проташинский В.А. Двенадцать спящих бутушников: Поучительная баллада. / Соч. Елистрата Фитюлькина. М., 1832.
- Полицейское устройство Москвы. // Современная летопись. 1861. № 6. С. 26–27.
- Рейнбот А.А. Ответ А.А. Рейнбота на обвинения его в преступлениях должности. М., 1910.
- Розанов Н.П. Воспоминания старого москвича. М., 2004.
- Собрание приказов Московского обер-полицмейстера, относящихся к разъяснению прав и обязанностей чинов полиции по новым судебным установлениям. Б. м., 1868.
- Соколов П.П. Воспоминания о Москве 1840-х годов. // Исторический вестник. 1910. № 8–10.
- Справочная книга для чинов полиции на 1900 год. / сост. А. Букуновский, помощник делопроизводителя Канцелярии московского обер-полицмейстера. М., 1900.
- Тарасов И.Т. Полиция в эпоху реформ. М., 1885.
- Труды Комиссии о преобразовании городской полиции в С.-Петербурге. СПб, 1863.
- Устимович П.А. По поводу передовой статьи «Московских ведомостей», № 80, 1867 года, относительно достоинства Московского окружного суда в решениях по делам об оскорблении полицейских чиновников и неисполнении законных требований полиции. [М.], [1867].
- Фукс В.Я. Суд и полиция. М., 1889.
- Халютин Л.И. Московский сыщик Яковлев. Воспоминания. // Современник. 1859. Т. 75. № 5. Отд. 1. С. 79–94.

Хлебников Н.В. К делу А.А. Рейнбота. СПб, 1910.
Цуриков Н.А. Прошлое. М., 2006.